

Вера Русанова
Букет для будущей вдовы
М.: Центрполиграф, 2007

Вера Русанова

Букет для будущей вдовы

Глава первая, в которой я уясняю для себя разницу между штопором и «энергетической спиралью» и становлюсь свидетелем по делу об убийстве.

Глаза у него были серые - не то чтобы равнодушные, но какие-то клинически спокойные. И смаргивали редко, как у большой лягушки. Правда, кончик правой брови при этом подергивался в мелком постоянном тике. Он смотрел на меня так, как лягушка могла бы смотреть на синхрофазотронную установку - тупо, неотрывно, но безо всякого интереса - и монотонно повторял вот уже в четвертый раз:

- Теоретически я вас здесь не задерживаю. Это профилакторий, а не колония строгого режима. Вас, Евгения, по закону не могут насильно держать даже в реанимации: не хотите лечиться - пишите заявление и идите себе на все четыре стороны... Вот если бы я был врачом в профилактории, так сказать, лечебно-трудового плана, мы бы с вами разговаривали в ином ключе...

Тот факт, что я была бы пациентом подобного заведения как бы и не подвергался сомнению.

- Значит, я все-таки могу идти?

- Можете, - Анатолий Львович утвердительно кивнул. - С опорно-двигательным аппаратом у вас все в порядке. По крайней мере, пока. Вы можете идти, бежать трусцой, выполнять несложные гимнастические упражнения... Какие-нибудь ещё вопросы есть?

Я тяжело вздохнула. Разговор пошел по пятому кругу.

- Но ведь мне уже гораздо лучше! У меня нигде ничего не болит, и аппетит возвращается...

- Это-то и прискорбно! Приедете домой, съедите рождественского гуся с яблоками, пару каких-нибудь салатов с жирным майонезом, выпьете в честь праздника - и все!

- Что - «все»? - осведомилась я осторожно.

- Флегмонозно-язвенный аппендицит с местным циррозным перитонитом! - с мужественным спокойствием сообщил Анатолий Львович, поднимаясь из-за стола и начиная расстегивать слегка помятый медицинский халат. Пока мой мозг лихорадочно переваривал полученную информацию, доктор успел повесить халат на «плечики», поправить перед овальным зеркалом узел шикарного черно-желтого галстука и с явным удовольствием изучить собственное отражение. И только потом, обернувшись и встретив мой остекленевший взгляд, изволил пояснить все с тем же сдержанным трагизмом:

- Шутка.

Юмор у нашего Анатолия Львовича был особый, врачебный, и его периодические всплески, по-видимому, следовало просто пережить, как мелкие землетрясения в сейсмоопасной зоне.

- А, может быть, дадите мне с собой какие-нибудь таблетки? - с последней надеждой заканючила я, стараясь не обращать внимания ни на завывающую боль в желудке, ни на маленькую искусственную елочку, словно нарочно выставленную на подоконнике. - Мне бы только какие-нибудь лекарства и шубу с ботинками обратно получить...

- Таблеток не дам, - он, словно издеваясь, аккуратно передвинул маленькую красную рамочку настенного календаря с шестого января на седьмое. - Одежду - тем более. Во-первых, потому что не приветствую вашего горячего желания приехать завтра же по «Скорой» все с тем же «острым

животом», но уже не сюда, а в стационар. А во-вторых, потому что Валентина Викторовна ушла, а ключи от гардеробной только у нее.

Итак, праздник торжественно накрывался большим медным тазом! Кому-то предстояло сегодня жечь бенгальские огни, кушать салат «Оливье», пить сухое вино и смотреть «Рождественские встречи» Аллы Пугачевой. Мне же из всех вышеперечисленных удовольствий оставалось только последнее - телевизор в палате, слава Богу, работал.

Однако, особой радости по этому поводу я не ощущала. А крахмальная белая сорочка и праздничный галстук Анатолия Львовича так и вовсе вызывали у меня бессильное раздражение. Как, впрочем, и сам Анатолий Львович, в данный момент невозмутимо распределяющий жидковатые светло-русые волосы по намечающимся проплешинам. Кончик его брови все так же мелко и часто подергивался. И я с мстительным удовольствием вспомнила байку, рассказанную Викторией Павловной из четвертой палаты. Та утверждала, что нервный тик наш лечащий врач заработал ещё в бытность свою студентом выпускного курса. Якобы, он отрабатывал какую-то практику в гинекологии, и ему выпал тяжкий жребий подвергнуть необходимому осмотру узбечку, неизвестно каким ветром занесенную в Михайловск. «А узбечка та, - торжественно объявляла Виктория Павловна, - была какая-то дремучая, ну, очень мусульманская. И паранджу даже на ночь не снимала!»

Анатолий Львович тем временем подошел к окну, дернув за шнурок, закрыл фрамугу. Потом задернул шторы, спрятав от меня зеленую елочку, увитую веселым сверкающим «дождиком».

- Не расстраивайтесь, Женя, - утешительно сказал он мне на прощание. - Вы еще, в общем, нестарая женщина...

Эту гадость я тоже проглотила молча: учитывая то, что мне всего двадцать восемь, а не восемьдесят два, любезный доктор мог бы подобрать и какое-нибудь другое определение.

- ...Так что в вашей жизни, Бог даст, будет ещё не одно Рождество. Если, конечно, будете выполнять все предписания врачей.

- А если не буду? - мрачно поинтересовалась я, поднимаясь со стула и придерживая полы дурацкого шелкового халата.

- Ну, летального исхода в ближайшие полгода, конечно, не обещаю. Но проблемы с пищеварительной системой будут весьма серьезные. Как следствие, испортится цвет лица, волосы. Зубы терять начнете. Что тогда станете делать?

- Имплантанты вставлю.

- А вы думаете, чужие зубы - это хорошо? - отчего-то сурово и подозрительно спросил Анатолий Львович. Мне стало нехорошо. Дело в том, что как раз вчера Леха всучил мне повесть Кобэ Абэ «Чужое лицо». Речь там шла об ученом с обожженным лицом, который пытается сконструировать себе лицо искусственное и из-за этого постепенно превращается в моральное чудовище. В свете этого вопрос о «чужих» зубах прозвучал как-то очень уж зловеще. Я почла за лучшее промолчать и все так же молча, с глубоко несчастным видом направилась к выходу из кабинета. Серебряные рождественские колокольчики наигрывали в моем мозгу едва ли не траурные марши.

Все сегодня складывалось одно к одному, и дверь просто не могла не шарахнуть меня по плечу. Я едва успела отскочить, как она распахнулась, и на пороге возникла симпатичная дама в лиловом брючном костюме. Лет ей было, наверное, около сорока. Обесцвеченные волосы, подстриженные каре, свободно лежали на плечах, сдержанный, в общем-то, тон румян все равно проступал на скулах какими-то лихорадочными пятнами.

- Извините, - коротко и вежливо сказала она, смерив меня при этом взглядом быстрым, но отнюдь не ласковым, и тут же с ненатуральным оживлением обратилась к «господину доктору»:

- Толик, а я уже прошла по палатам и поздравила с Рождеством твоих пациентов. Что-то как-то мало их на этот раз?

- Ну, так! - Анатолий Львович пожал плечами. - Сезон то дохлый! Какой, скажи, нормальный человек купит путевку с четвертого января? Это надо или пенсионером быть, который уже водку пить не может, или полным кретином... Кстати, вот ещё Евгению Игоревну Мартынову можешь с праздником поздравить. Тоже наша пациентка...

- С Рождеством вас, - дама скучно улыбнулась. Я невнятно буркнула: «Вас так же» - и взялась за ручку двери, еле сдерживая злость.

- И убедительно прошу вас, никаких вылазок за спиртным по ночным киоскам! - воззвал на прощание «любимый» доктор. А супруга его (кто же это ещё мог быть, как не супруга?) нервно

щелкнула замочком лаковой сумочки и, не обращая на меня больше никакого внимания, поинтересовалась:

- Надеюсь, Толик, никаких вечерних обходов и бесед с пациентами на сегодня не предвидится?.. Не очень вежливо будет заявиться последними и сразу усесть за стол!..

Они тоже шли праздновать! Как все нормальные люди - праздновать Рождество! А мне предстояло провести эту ночь в обществе ещё пяти таких же несчастных, в отличие от меня, добровольно заселившихся в профилакторий. Запахнув ворот халата и поглубже всунув ноги в красные вельветовые тапочки, я уныло побрела по коридору. Лампы дневного света сияли холодно и как-то синюшно. От равнодушных стен, увешенных разномастными пейзажами, веяло невыразимой тоской. И даже в звуках «Вальса цветов», рвавшихся из-за двери нашей палаты (видимо, Алиса решила-таки посмотреть по телевизору «Щелкунчика») слышалось что-то донельзя печальное.

В холле на первом этаже было светлее, но едва ли радостнее. Широколиственным пальмам, торчавшим из деревянных кадок, явно не доставало обезьянок, поющих грустные песни об Африке. Какой-то умник (не удивлюсь, если Анатолий Львович) «догадался» увить толстые шершавые стволы блестящей мишурой и серпантином, и от этого в воздухе витал легкий душок шизофрении. Едва ли я по-настоящему удивилась бы, узрев где-нибудь в углу папуасского Санта-Клауса с ожерельем из акульих зубов и выражением безмятежного счастья на черной физиономии. Но вместо Санта-Клауса в бежевом кожаном кресле сидел Леха, и настроение у него было, похоже, такое же, как у меня.

- Привет, - проговорил он, увидев меня, спускающуюся с лестницы.

- Привет, - отозвалась я.

- Не отпускают?

- Теоретически «меня никто здесь не держит», но практически...

- Мамуля постаралась, - он вздохнул. - Хотя, знаешь, Жень, может она и права? Ну, разве лучше будет, если ты не долечишься толком и снова заболеешь?

Вопрос был явно риторическим, поэтому я не стала на него отвечать, а просто молча обогнула круглый журнальный столик и плюхнулась в кресло напротив. Леха преданно и грустно смотрел на меня своими круглыми карими глазами и машинально теребил в руках «пальцы» черных кожаных перчаток. Я же глядела, вроде бы, на него, а, на самом деле, сквозь него, в очередной раз задумавшись о своей пропащей жизни и своей странной судьбе. Хотя, в общем-то, что в ней было особенно странного? Ну, родилась. Ну, закончила сначала детский сад, потом школу, потом Новосибирское театральное училище. Ну, умудрилась до двадцати восьми лет ни разу не побывать замужем, не будучи при этом ни уродиной, ни какой-нибудь совсем уж патологической идиоткой. Ну, рванула от несчастной любви в Москву, не зная там никого и ничего, кроме Красной площади, Большого театра и Собора Василия Блаженного. Естественно, влипла в историю. Познакомилась с Лехой. И ни на минуту не прекращая теоретически страдать по оставшемуся в Новосибирске Сереженьке Пашкову, каким-то непостижимым образом однажды очутилась с Алексеем в одной постели. А дальше события начали развиваться сами собой, вроде бы даже помимо моей воли.

Митрошкин (он же Леха) как-то очень лихо и быстро уговорил меня не торопиться с возвращением в Сибирь. Проявив чудеса дипломатии и красноречия, убедил главного режиссера своего театра зачислить меня в труппу. Хотя бы на «полуобщественных» началах. Хотел даже перевезти мои вещи из квартиры, которую я снимала в Люберцах, в свою комнату в Марьиной Роще, но тут уже я уперлась, как ослица. Европейская система жизни «на два дома» с кормежкой на моей территории устраивала меня значительно больше. Тем более, что я все ещё часто вспоминала Пашкова и вовсе не была уверена, что поступаю правильно, так скоропалительно втрющиваясь в новый роман.

Два месяца тому назад я толком не знала, каким словом можно точно охарактеризовать мое отношение к Лехе. Не знала я этого и теперь. Но, тем не менее, зачем-то поддалась на уговоры и поехала на рождество в подмосковный Михайловск, густо населенный разнообразными Митрошкинскими родственниками. И, естественно, первым, что услышала от восьмидесятилетней Лехиной бабушки, вышедшей нас встречать аж на лестничную клетку, было:

- Ох, ну вот, наконец-то, и невестушка! Темненька!.. А бледненька-то! А худенька-то какая!

Я разозлилась на собственную глупость и немедленно густо покраснела, чем заслужила ещё один комплимент: «И стесняется! Ой, какая девочка хорошая!» Леха все это время тихо и довольно сопел за моей спиной, не предпринимая ни малейшей попытки внести хоть какую-то ясность в

ситуацию.

Мама, Елена Тимофеевна, в проявлении эмоций оказалась сдержаннее, но и она взирала на нас периодически увлажняющимися от слез глазами, на кухне хлопотала с каким-то ненормальным даже для идеальной хозяйки усердием, а после ужина (приехали мы поздно, около десяти вечера), «непринужденно» улыбаясь, спросила дрогнувшим голосом:

- Ребята, вам как - вместе постелить?

И тут я в порыве мстительной злобы, покосившись на Митрошкина, с видом падишаха расположившегося на диване, уверенно произнесла:

- Отдельно... Если это не сложно, конечно?

Мой поступок явно заслужил одобрение женской половины семейства Митрошкиных (Лехин папа развелся с Еленой Тимофеевной много лет назад), зато самого «женишка» вверх в тихое уныние.

- Ну, и зачем ты это сделала? - спросил он, церемонно зайдя перед сном пожелать мне спокойной ночи.

- Зачем-зачем... - я сняла с кровати оранжевое покрывало и сложила его сначала вдвое, а потом вчетверо. - А ты - зачем? «Ах, поехали-поехали! Ах, там такой лес! Ах, будем на лыжах кататься!»... Да мне и в голову придти не могло...

Тирада намечалась длинная. Мне хотелось с праведным гневом высказать все-все: и то, что про «женихов» и «невест» никакого разговора не было, и то, что я, наивная, искренне верила, что все родственники в курсе - мы просто приехали покататься на лыжах!.. Но неприятная мыслишка, вдруг промелькнувшая в мозгу, заставила меня несколько поумерить свой пыл: «Вообще-то, на лыжах можно было прекрасно покататься на любой лыжной базе, не удалясь от МКАД больше, чем на пару километров. И если в чью-то голову не могло придти то, что родственники станут относиться к такому визиту именно, как к знакомству с невестой, то, может быть, причина в неполадках в этой самой голове?»

В общем, я перестала гнусно лицемерить, покаянно вздохнула, получила нежный поцелуй в макушку и, вполне умиротворенная, легла спать. А на следующий день за обедом мой бедный многострадальный желудок вдруг скукожился от боли. А вместе с желудком скукожилась я, побледнев и закусив губу. Осторожные мамини предположения о моей беременности были нами тут же с горячностью отвергнуты. Меня уложили в постель и напичкали таблетками. Но легче почему-то не делалось. «Наверное, Боженьке был неугоден мой визит в Михайловск!» - тоскливо размышляла я, глядя в потолок и периодически поскрипывая зубами от боли. - «Вот теперь и буду здесь целые сутки лежать-валяться, как последняя идиотка!» Однако, оказалось, что мои предположения были ещё даже очень оптимистичными. Назавтра вызвали участкового врача. Она побоялась ставить диагноз и стала склонять семейство Митрошкиных к моей немедленной госпитализации. Елена Тимофеевна вздыхала и качала головой, бабушка сокрушенно пожевывала бледными старческими губами. Донельзя огорченный Леха курил одну сигарету за другой и каждые три минуты с надеждой спрашивал, не полегчало ли мне?

В больницу ужасно не хотелось. Тем более, врачиха «обнадеживающе» заметила, что стационар сейчас, конечно, переполнен, но койку в коридоре, наверное, все равно найдут. И тогда Елена Тимофеевна впервые заикнулась о профилактории. Бабушка тут же одобрительно закивала маленькой головой, по-черепашьи повязанной белым платочком. Леха заговорил о какой-то Марине... В общем, дальнейшие оргвопросы решились без моего участия. Лехина мама набрала пару телефонных номеров, с кем-то переговорила. Митрошкин, пересчитав деньги, вынутые из внутреннего кармана куртки, куда-то убежал часа на полтора. Потом к подъезду подогнали белые «Жигули», меня бережно одели в шубку и со всеми предосторожностями повезли по заснеженным улицам Михайловска.

- Маринка лично договорилась с Анатолием Львовичем, - успокаивал меня по дороге Леха. - Она говорит, что он, вообще, мужик классный! И юморной, и как врач хороший... Во-первых, за пару дней тебя на ноги поставит, а во-вторых, и отношение нормальное будет, не то что в терапии, где на одну медсестру миллион больных.

Я кивала и грустно взирала на проплывающие за окном «Булочные» и «Парикмахерские», думая о том, что до Рождества осталось два дня, и ещё почему-то о гадком Пашкове. Может быть потому, что всего год назад, январские праздники мы встречали вместе?..

Профилакторий не просто находился на территории Михайловского больничного городка - он располагался в двухэтажном сером крыле, нелепым аппендиксом торчавшем из терапевтического корпуса.

- Здесь раньше то ли администрация сидела, то ли ещё какая-то фигня, - весьма доступно объяснил Митрошкин, помогая мне выбраться из машины. - А потом, когда все кругом на хозрасчет стали переходить, профилакторий сделали... Он, кстати, крутым считается. Маринка говорит, тут у них даже какие-то... бальнеологические залы есть. В смысле, ванны больным делают: солевые там, азотные... Даже из других городов лечиться иногда приезжают. Ну, и палаты тоже хорошие: на одного человека и на два...

Я уже знала, что буду лежать в палате «на два человека», что меня немедленно осмотрит сам «замечательный доктор» Анатолий Львович, и что выйду я отсюда здоровая и счастливая, как малыш из рекламы памперсов. Последнее обещание особенно настораживало, ибо я знала: если задаться целью найти даже у практически здорового человека болезни, их можно отыскать великое множество - а значит, мне светит безрадостная перспектива проторчать здесь дней десять или даже больше.

Когда же мою серую крашенную «лису», высокие ботиночки на шнуровке, а так же шерстяной беретик приняли в гардероб и заперли на ключ, мне сделалось и вовсе тоскливо.

- Не оставляй меня здесь, Леша! Я умру! - жалостно захныкала я. - Я не хочу тут оставаться!

- Не волнуйтесь, девушка! После смерти вас выдадут родственникам на второй же день, - серьезно пообещал нарисовавшийся в холле Анатолий Львович. Я, ещё не адаптировавшаяся к его специфическому юмору, взглянула на него со страхом и тут же снова согнулась пополам от боли, стиснувшей желудок. Так состоялось мое заселение в лечебно-оздоровительный профилакторий славного города Михайловска...

- Жень, а ты чувствуешь-то себя, вообще, как? - прервал мои лирические воспоминания Леха. Он, наконец, отложил многострадальные перчатки на журнальный столик и теперь принялся похрустывать пальцами, отчего мои ноги и руки немедленно покрылись «гусиной кожей». - Тебе лечение помогает?

- Помогает, - я сдула со лба челку и обхватила руками плечи. - Только тоскливо очень...

- И мне без тебя.

Пришлось снова промолчать, так как меня совсем даже не переполняла уверенность в том, что мне тоскливо именно без Митрошкина, а не от окружающей действительности вообще.

- Мама сегодня пирог испечет, салатики сделает...

- Меня предупредили, - кивнула я.

- В смысле? - не понял Леха. Подробно излагать суть нашей с Анатолием Львовичем недавней беседы не хотелось, поэтому я ограничилась ответно вежливым оглашением меню:

- А нам - тем, кто с желудочными заболеваниями - дадут сегодня пресную котлетку, картофельное пюре без соли и слабый чай.

Митрошкин перегнулся через стол и погладил мою коленку так же невинно, как какого-нибудь котенка или щенка, потом покачал головой:

- Глупо как все получилось... Ты, наверное, сердись на меня за то, что я тебя сюда притащил?

- Да, почему? Ну, не притащил бы ты меня сюда, и валялась бы я сейчас точно так же в своих драгоценных Люберцах... И, вообще, ни на кого я не сержусь, мне просто скучно...

Сказала и вдруг с необыкновенной ясностью поняла: все дело в том, что мне, действительно, скучно! Наверное, поэтому я просто нудно, но не слишком рьяно отпрашивалась у Анатолия Львовича «домой». Что ожидало меня в Лехиной трехкомнатной квартире? Щедро накрытый стол, работающий весь вечер корейский телевизор, хлопотливо-заботливая Елена Тимофеевна и удобная кровать, заправленная оранжевым, в рельефных «подсолнухах», покрывалом? Мне нравился Митрошкин. Может быть, даже больше, чем просто нравился. Но я, всю жизнь считавшая себя скорее «домашней курицей», чем натурой, склонной к авантурным приключениям, почему-то не ощущала в себе готовности и, тем более, горячего желания погрузиться в сладостный мир устоявшегося и тихого семейного уюта... А в прошлом году на Рождество в театре был совершенно сумасшедший «капустник», какой-то пиротехникой чуть не подпалили занавес, потом мы с Пашковым... Опять «мы с Пашковым»!!! Я уже потихоньку начинала забывать его лицо и, наверное, не хотела бы, чтоб все у нас началось «по новой». Но, тем не менее, какой-то червячок сомнения все ещё копошился в моей

душе, а на благодатной почве рождественского затишья в Михайловске червячок этот и вовсе обнаглел, зажировал и начал высовываться со своим червячьим мнением, когда его вовсе и не спрашивали.

- Ладно, Леша, - я поднялась из кресла, опустила руки в карманы халата и поправила ногой загнувшийся край полового покрытия, - езжай, наверное, домой? Что тебе здесь сидеть? Тем более, что скоро уже двери закроют... Маме и бабушке привет от меня передавай и поздравления...

- Да, конечно... - он закивал. - А тебе вот яблоки от них - Марина сказала, что можно - и салат из морковки в банке... И вот еще... - его рука нырнула в карман и достала оттуда маленького плюшевого тигра. - Ну, это просто, чтобы не так скучно было!

«Тигрик» смешно скалился и тарачил бисерные глазки. Он был теплым и пах Лехиными сигаретами.

- Спасибо! - пробормотала я, отчего-то вдруг смутившись. Быстро обошла стол, сама, первая, привстав на цыпочки, поцеловала Митрошкина в губы и, не оборачиваясь больше, направилась к лестнице с широкими мраморными перилами...

Моя соседка по номеру полулежала на кровати, вытянув длинные худые ноги и скрестив их в щиколотках. «Щелкунчик», понятное дело, уже давно закончился, теперь шел какой-то фильм со Сьюзен Серендон. Алиса меланхолично грызла фисташки и сплевывала скорлупки в пепельницу из темного дымчатого стекла, стоящую у неё на животе.

- Гадать сегодня будем? - спросила она, запрокинув голову на спинку кровати и скосив на меня лисьи глазки.

- А зачем? - я поставила пакет с салатом и яблоками на тумбочку.

- Чтобы суженого-ряженого увидеть. Зачем еще? (Тот факт, что Алиса вот уже пять лет как была замужем, нисколько не лишал её интереса к жизни, вообще, и к мужчинам, в частности)... А что? Женщины мы с тобой молодые, сейчас как нагадаем себе парочку миллионеров!.. И, вообще, ваш пессимизм, Евгения, мне непонятен!

Мне же было непонятно, каким образом Алиса собирается определить принадлежность очередного суженого к классу миллионеров. Кошелек ей что ли на тени от сгорающей газеты привидится, или знак доллара из воска отольется? О чем я прямо и спросила. Однако, оказалось, что мои познания в области русских народных гаданий чрезвычайно убоги.

- Да ты что?! - соседка вдруг настолько переполнилась энтузиазмом, что даже села на кровати и, стряхнув с губ очередную скорлупку, отодвинула пепельницу в сторону. - Мне бабуля моя рассказывала, что раньше даже такое специальное гадание было: девки собирались толпой и шли ночью не то к погребу, не то к ещё какой-то яме. В общем, суть была в том, чтобы задрать юбку и присесть на эту яму голой задницей. А дальше - что уж померещится! Если покажется, что меховой лапой погладили, значит, жених богатый будет, если голой ладошкой - то так, ни то, ни се, а если голой ладошкой, да ещё и хлопнет, то тогда уж точно бедный.

- И ты предлагаешь именно этому виду народной ворожбы посвятить сегодняшнюю ночь? - поинтересовалась я с некоторым сомнением.

Алиса радостно захохотала и взъерошила пальцами свои коротко стриженные черные волосы:

- А что? Прикинь зато какой эффект будет! Погреба мы здесь, конечно, не найдем, но можно, например, дверь в зал заседаний приоткрыть, где наши врачи сегодня гуляют...

- А не боишься, что какая-нибудь медсестра чисто машинально шприц воткнет: подумает, что кто-то из больных на процедуры явился?

- Боюсь, - она мгновенно сделала «серьезное» лицо. - Уколов боюсь с детства. Поэтому предлагаю для начала немножко расслабиться, а потом погадать каким-нибудь менее опасным, в том числе и для нервных систем окружающих, способом.

Через минуту на её тумбочке уже стояла коробка конфет и высокая, затейливой формы, бутылка молдавского вина.

- Ой! Мне вино нельзя... И конфеты, наверное, тоже... - я поглубже запахнув халатик, горестно присела на краешек своей кровати.

- Да, брось ты! - Алиса небрежно махнула рукой. - Вино не паленое, я отвечаю - ничего тебе с него не будет. И конфеты свежие... Да и потом, ты же не всю коробку одна сожрешь?

Моя соседка работала в коммерческом киоске рядом с Михайловской железнодорожной станцией, поэтому, наверное, и в самом деле, могла отвечать за «непаленость» вина. Немного

выпить хотелось, да и поднять настроение тоже бы не помешало.

- Н-ну... Если только капельку?

- Капельку-капельку! - уверенно пообещала она, доставая все из той же тумбочки огромный, «ведерный» бокал для чая. - С капельки точно не отравишься, если на слово мне не веришь. Но, вообще-то, друзей поить чем попало - запахло. Я же тебе настоящую Молдавию предлагаю, не говно какое-нибудь. Вон у нас недавно, когда русская мафия хачье мочила, все хаческие товары с рынков пропали, а «Хванчкара» и «Киндзмараули» остались. Так они такие же хаческие были, как я - прима-балерина Большого театра. Самогон подкрашенный!

И в этот самый момент по коридору прокатился дикий, истерический смех. Пронзительным визгом ударившись о потолок, он на секунду утих, потом превратился в низкий утробный хохот. Алиса, прищурившись, взглянула на циферблат своих маленьких наручных часов и покачала головой:

- Точность прямо, как в палате мер и весов! Девять ноль-ноль! Ни секундой раньше, ни секундой позже... Это же надо так трепетно относиться к своему здоровью!

Я с уважением покачала головой. В кабинке с циркулярным массажным душем издевалась над собственным организмом та самая Виктория Павловна из четвертой палаты. То, что она панически боится щекотки наш дорогой доктор Анатолий Львович выяснил на первом же осмотре и, вероятно, именно поэтому прописал ей трижды в день, по расписанию, этот самый циркулярный душ, заставляющий несчастную, почтенную женщину в течение десяти минут верещать и хихикать на все лады. Виктория Павловна легла в профилакторий вместе с мужем - печальным стареющим корейцем в больших роговых очках. И каждый раз, когда её душераздирающий смех заполнял гулкое пространство коридора, страдающий супруг выходил на балкончик курить, сокрушенно качая лысеющей головой.

Ровно через десять минут крики и визг прекратились. Алиса удовлетворенно кивнула, сделала чуть погромче телевизор и подтянула к себе ещё один стакан с подоконника.

- Вот теперь можно и за Рождество! - она одернула темно-синюю куртку от спортивного костюма и закинула ногу на ногу. - Приступим!

Однако, «приступить» нам не дали. Сначала раздался тихий и деликатный стук, потом дверь нашего номера приоткрылась, и в щелочку просунулась мокрая после душа голова Виктории Павловны.

- Ой, девочки, празднуете? - проговорила голова донельзя смущенным и как будто виноватым голосом. - А я подумала, может быть, просто телевизор смотрите - хотела с вами посидеть... Мой-то уснул уже: грустно, скучно. А ведь Рождество все-таки... Ну, раз вы отмечаете, то я тогда, конечно, пойду... Извините!

- Нет, отчего же? Проходите! - скучно предложила Алиса, пытаясь гостеприимно улыбаться. При этом во взгляде её, пустом и тоскливом, читалась одна-единственная мысль: «Эх, закрываться надо было! Теперь уже поздно с хвоста сбрасывать».

Виктории Павловне повторного приглашения не потребовалось. Радостно закудахтав что-то про молодежь, которой, конечно, скучно в профилактории со стариками, но что поделаешь, раз теперь даже молодые болеют, она вплыла в комнату, на ходу подсушивая руками темно-русые волосы, и уселась на стул рядом с холодильником. На несколько секунд повисла тягостная пауза, которую гостья же и прервала, радостно поинтересовавшись:

- Девчонки, к вам супружница нашего Шайдюка сегодня заходила? («Шайдюк» - это фамилия нашего драгоценного Анатолия Львовича)... К нам заглянула: все честь по чести, с праздником поздравила!.. Только я вот все думаю: ну, зачем женщине старше сорока обесцвечиваться? Тем более, если волосенки и так жиденькие... А так, вроде, и костюм хорошенький, и сама стройненькая.

- Настоящий джигит всегда отличит горную лань от похудевшей коровы, - флегматично заметила Алиса, вытряхивая содержимое пепельницы в пустой пакет из-под фисташек.

- Да? - Виктория Павловна на некоторое время замолчала, словно потрясенная этим открытием, а потом задумчиво выдала: - Похоже, вам она тоже не понравилась... Нет, вроде все нормально, зашла: дескать, приятного Рождества. А все равно какое-то высокомерие в ней чувствуется, правда? Знаете, раньше так Раиса Максимовна по всяким заводам ходила, с работницами беседовала. Но то - Раиса Максимовна, а эта кто? Подумаешь, жена лечащего врача!

- Сколько ей лет интересно? - подключилась к разговору я. Дама в лиловом костюме отчего-то не

внушала мне добрых чувств, и поэтому хотелось чисто по-бабьи посплетничать. Кроме того, было жаль нашу гостью, которая все ещё чувствовала себя неловко, стремилась как-то завязать разговор, а её, бедную, никто не поддерживал.

- Да лет сорок пять - сорок шесть, наверное...

- А ему тогда сколько?

- Анатолию Львовичу-то? - Виктория Павловна наморщила лоб. - Да помладше её, наверное, будет? Сорок один... Или, может, даже сорок?.. Зато вот любовь! Он её, слышали, как зовет? Лизунок!

- Удавилась бы, если б меня так звали! - с чувством заметила Алиса. Я подумала, что вешаться бы, наверное, не стала, но тоже не особенно порадовалась бы такому «ласковому прозвищу».

Наша гостья, между тем, продолжала:

- А вы знаете, девчонки, мне ведь наш Шайдюк сегодня во сне приснился! Как будто стою я на улице одна, ночью, снег кругом валит. А тут он подходит, и свеча в руках горит. «Пойдемте, - говорит, - Виктория Павловна, со мной, я вам что-то покажу!»

- Ну, и как, показал? - Алиса встала с кровати и, скомкав пакетик с мусором, выкинула его прямо в приоткрытую форточку.

- Нет, - Виктория Павловна вздохнула. - Не успел. Я проснулась.... Мужу своему утром рассказываю, спрашиваю: «Не знаешь, к чему бы это?» А он говорит: «Анатолий Львович со свечой? Знаю! Он же тебе противогеморроидальные свечи прописал, ты их не выкупила. Вот теперь и будет сниться, пока до аптеки не дойдешь!»

Я тихонько хмыкнула. Почему-то ясно представилось, как пожилой кореец растолковывает жене сон, сохраняя при этом абсолютно серьезное, непроницаемое выражение лица. Алиса же улыбнулась одними уголками подкрашенных карминовой помадой губ. Похоже, общество Виктории Павловны понемногу переставало её тяготить. И выразилось это, прежде всего в том, что она снова взялась за бутылку со спелой гроздьё крупного винограда на этикетке:

- Ну, так что? Давайте за Рождество что ли?

Наша гостья с готовностью заерзала на своем стуле, и тут выяснилось, что ни у Алисы, ни у меня, ни в номере со спящим мужем-корейцем нет ничего даже отдаленно похожего, на штопор. Всего нас в полупустом профилактории было в этот вечер шестеро: Виктория Павловна с мужем в четвертой палате, мы с Алиской в палате номер семь, и ещё два пациента в одноместных дорожных номерах. В третьем - невротичной внешности мужчина с хилыми бакенбардами, бледным кончиком носа и трико с вытянутыми коленками, а в девятом неразговорчивая, достаточно респектабельная женщина лет пятидесяти пяти в шелковом стеганном халате и домашних туфлях на невысокой платформе.

Я предложила спросить штопор у «невротика», на что и Виктория Павловна, и Алиса чуть ли не синхронно замахали руками:

- Да ты что! Какой у него может быть штопор?! Он же из всего алкоголя признает, наверное, только одну водку и то, исключительно в виде согревающего компресса!

В самом деле, пациент из третьей палаты походил на гусара, лихо опрокидывающего в себя бокал за бокалом, ещё меньше, чем, скажем, Анатолий Львович на солиста Императорского балета. Скорее, он принадлежал к той немногочисленной, но противной категории мужчин, которые полжизни просиживают в поликлиниках, а, идя на прием к окулисту, записываются еще, на всякий случай, и к ЛОРу: вдруг уши заболят?

Проблему штопора, похоже, надо было решать подручными средствами. И тогда Виктория Павловна несмело заикнулась:

- А, вы знаете, мне кажется, я видела штопор у той женщины из девятой палаты?.. Да, точно видела! Он у неё на тумбочке стоял... Я мимо её номера проходила, а дверь как раз была открыта...

- Так может сходить и попросить? - Алиса взглянула на гостью намекаяще, призывно и просяще одновременно. Та смешалась:

- Ну, мне одной как-то неудобно...

- А нам с Женькой, тем более, неудобно. Не мы же у неё штопор видели!

- Может быть, тогда все вместе сходим?

- Ага! И ещё колядовать начнем! - моя соседка саркастически усмехнулась, продемонстрировав отсутствие зуба с правой стороны. - Детский сад какой-то!..

Но Виктория Павловна одна идти наотрез отказалась. И в результате, мы потащились с ней

вдвоем, оставив Алису караулить вино и настраивать телевизор на «Рождественские встречи».

На наш стук из комнаты послышалось удивленное: «Да, войдите!» Мы вошли и застали даму в голубом стеганном халате за чтением толстого любовного романа в яркой обложке. Она не особенно смутилась, но книгу, тем не менее, убрала в тумбочку.

- Добрый вечер. Вы что-то хотели?

- Да... - Виктория Павловна вдруг начала неудержимо краснеть, как-то неловко переминаясь с ноги на ногу. - Вы, ради Бога, извините, но мне кажется, что я вчера случайно увидела у вас на тумбочке штопор.

- Што-о-опор?! - глаза хозяйки номера округлились, а явно подкрашенные темно-коричневые брови поползли на лоб. - У меня?! Уверяю вас, вы ошибаетесь!

- Да, наверное... - моя спутница уже собралась позорно ретироваться, приобретя при этом цвет спелого помидора, как вдруг я заметила на подоконнике, за небрежно задернутым тюлем, знакомые очертания искомого предмета.

- А это - не он? - я довольно бесцеремонно ткнула пальцем в нечто, лежащее у окна.

Дама в халате недоуменно обернулась, пошарила взглядом по комнате, словно стремясь понять, что же могло привлечь мое внимание, потом отдернула штору, взяла «нечто» двумя пальцами и почти обиженно усмехнулась:

- Если вы имеете в виду это, то это - не штопор, а энергетическая спираль!

При ближайшем рассмотрении предмет, действительно, несколько отличался от традиционного приспособления для выкручивания пробок: во-первых, он был недостаточно «узко» закрученным, во-вторых, венчался на конце голубым, в цвет халата, пластмассовым шариком.

- Ох, извините, пожалуйста! - Виктория Павловна, изнемогая от смущения, попятилась к двери. - Мы просто хотели по бокалу вина выпить в честь праздника... Я даже подумать не могла, что это - энергетическая спираль!

- Да, ничего-ничего, - смягчилась хозяйка номера. - Вообще-то, издали, наверное, похоже... - она вытянула руку со «штопором» и взглянула на нее, прищурив глаза. - Кстати, вещь совершенно замечательная, я всем знакомым её рекомендую.

- Она что - для биополя помогает?

- И биополе выравнивает, и нервы очень хорошо успокаивает. При сосудистых заболеваниях - просто незаменимая вещь.

- Да, что вы говорите! - Виктория Павловна прекратила отступление, прислонилась к стенному шкафу, скрестив на полной груди руки, и заинтересованно покачала головой. Мне захотелось тихо завывать. Разговоры об экстрасенсах, корректировании ауры и чудодейственных чаях для похудения действуют на меня примерно так же, как скрип пенопласта по стеклу.

- Меня, кстати, Галина Александровна зовут. А вас?.. Да вы присаживайтесь, присаживайтесь.

Моя спутница, радостно представившись, присела. Мне тоже пришлось притулиться на краешке стула, потому как неудобно было демонстрировать манеры хронического алкоголика и сваливать сразу же после того, как обнаружилось, что штопора нет.

- А у вас какое-то сосудистое заболевание, да? - Виктория Павловна озадачено покрутила в руках «энергетическую спираль».

- Да, у кого в нашем возрасте сосуды в норме?.. Вообще-то, я сюда легла нервы подлечить. Мне здешние лечебные ванны очень рекомендовали. И оборудование, говорят, для диагностики очень хорошее.

- «Здешние»? А вы сами не из Михайловска, разве?

Показалось ли мне, или Галина Александровна, на самом деле, на секунду напряглась? Во всяком случае, рука её, небрежно лежавшая на подлокотнике кресла, вдруг сжалась в кулак и тут же снова разжалась, словно стряхивая капли воды.

- Нет. Вообще-то, я из Москвы... - морщины на её лбу и под глазами стали, вроде бы, заметнее, - но у меня очень многое в жизни связано с Михайловском... Да, и потом здесь, в профилактории, один мой близкий знакомый занимает важную должность, так что...

- Из Москвы! - Виктория Павловна всплеснула руками. - Надо же! Даже из столицы к нам едут! Значит, действительно, наши доктора чего-то да стоят!

- Ах, оставьте! Доктора везде одинаковые! - Галина Александровна перегнулась через подлокотник кресла, взяла с тумбочки пластмассовый флакон с какими-то желтыми таблетками и

проглотила пару, не запивая. - Нет, есть, конечно, таланты от Бога, но таких единицы... На самом деле, все зависит от общего уровня развития медицины, от денег, которые в эту самую медицину вкладываются, ну, и, естественно, от желания врачей что-то делать. Зарплаты у них, конечно, мизерные, на западе посудомойки больше получают, однако, надо же иметь совесть, какие-то человеческие понятия... Вот у меня умер двоюродный племянник. Совсем ещё молодой человек - сорока не было!..

Виктория Павловна, осторожно поставив «энергетическую спираль» на тумбочку, сокрушенно и сочувственно покачала головой.

- ...А за какой-то месяц человека не стало! Сначала - сердце, сердце - все так понемножку, помаленьку. Потом как-то вечером его скрутило. Жена привезла в больницу - он ещё в полном сознании был. А начали реанимировать и не спасли! Причем до этого был абсолютно здоровым молодым мужчиной... Ну, как это называется, а?

- Судьба... - Виктория Павловна тяжело вздохнула.

- Разгильдяйство российское это называется! Уж, наверное, в Штатах или в Германии все бы сделали для того, чтоб спасти человека, который мог ещё работать и работать, потому что там государству это надо, и врачам, соответственно, нормально платят. А у нас никому ничего не надо!

Скупно поджав губы, она замолчала и коснулась указательным пальцем голубого шарика на конце «энергетической спирали». Шарик едва заметно завибрировал. Я понаблюдала за ним пару секунд и перевела полный тоски взгляд на собственные, покрытые бесцветным лаком ногти. Светский визит за штопором, похоже, затягивался.

- Н-да... Молодые вон умирают, а мы, старичье, что-то все лечимся, лечимся... - карие, чуть навывкате глаза Виктории Павловны заметно увлажнились. - А что ещё делать? Только лечиться и осталось!

- Опять же, только у нас в стране так! - Галина Александровна легким щелчком отодвинула «спираль» в сторону и, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями, покачала головой. - На Западе пожилые люди в круизы ездят, путешествуют. И все потому, что там отношение к пенсионерам совершенно другое!.. У нас же можно загнуться от нищеты...

«Интересно, сколько может стоить одноместный номер с холодильником, телевизором и видеомagneтофоном в таком вот профилактории?» - отвлеченно подумала я. Виктория Павловна подумала о том же самом, только вслух:

- Но у вас-то, наверное, пенсия хорошая?

- С чего вы взяли? Самая обычная пенсия... Проезд, правда, в городском транспорте бесплатный, но с транспортом сейчас тоже, сами знаете, что творится. Автобусов нет, одни маршрутки, а там хоть десять удостоверений предъяви, все равно никто бесплатно не повезет... Бардак! Бардак в России творится! И, главное, всем все до лампочки...

В разговор о беспорядке в системе общественного транспорта моя спутница включиться просто не успела. Я воспользовалась секундной паузой для того, чтобы бодро вскочить и с торопливой церемонностью проговорить:

- Ну, ещё раз извините за беспокойство! С Рождеством вас! Заходите к нам в гости в седьмую палату, будем рады...

Виктории Павловне ничего не оставалось, как тоже подняться и закивать головой с доброжелательностью китайского болванчика..

- Ну, что ж, - Галина Александровна встала с кресла и развела руками. - Очень приятно было познакомиться. Надеюсь ещё не раз с вами побеседовать... Да, кстати... - развернувшись, она достала с полочки маникюрный набор в прозрачном пластиковом футляре. - Мне, честное слово, неловко это вам предлагать, но раз у вас такие проблемы со штопором... Тут есть ножнички, очень острые и очень крепкие, причем с загнутыми концами. Попробуйте, может, получится?

Мы немедленно рассыпались в благодарностях и, наконец, убрались восвояси. В родной седьмой палате уже бесилась от злости негодующая Алиса, без нас начавшая смотреть «Рождественские встречи» и попытавшаяся выковырять пробку с помощью пилочки для ногтей.

Вино оказалось, действительно, вкусным, «непаленым», но ощущения настоящего праздника почему-то все равно не было. Немного посмотрели телевизор, немного поболтали обо всякой ерунде, попытались даже погадать с помощью Алисиного обручального кольца, привязанного на нитке - получилась полная ерунда. Не дождавшись полуночи, Виктория Павловна засобиралась

«домой», к спящему мужу. Мы с Алисой ещё покурили в открытую форточку и тоже легли спать.

Спала я плохо, ворочалась с боку на бок и все никак не могла избавиться от противных видений: мне мерещился то Анатолий Львович, вопрошающий: «А вы думаете, чужие зубы - это хорошо?», то непосредственно сами зубы, которые я вынимаю из десен и щедрыми пригоршнями разбрасываю налево и направо, то «энергетическая спираль» с мерцающей синей серьгой на вершине. Сон был, к тому же, очень длинным: окончательно от тяжелой дремоты я очнулась уже под утро.

В конце коридора привычно и громко верещали.

- О, Господи! - взмолилась Алиса, разлепляя припухшие веки и садясь в кровати. - Долго ещё это будет продолжаться?! Себе она, конечно, может, нервную систему и укрепит, но нам окончательно порушит - это точно... Надо Шайдюку пожаловаться. Пусть он ей процедуры отменит.

Мужественная Виктория Павловна продолжала захлебываться отчаянным визгом, перемежающимся нечленораздельными воплями. Алиса помотала головой, пытаясь окончательно стряхнуть с себя сонную одурь, почесала острый голый локоть и взглянула на часы:

- Однако!

- Что - «однако»? - я потянулась за своим халатом, висящим на спинке стула.

- Что-то раненько мы сегодня вопим! Вне расписания. До её первого «омовения» по идее ещё больше сорока минут.

- Мама! Мамочка! - истошно орали в конце коридора. И сердце мое вдруг сжалось от нехорошего предчувствия:

- А, может, ей плохо там? Обычно-то она, в основном, хохочет... Пойдем, посмотрим?

- Неохота... - Алиса выгнулась, как кошка, собирающаяся точить когти, и хрустнула суставами. - Через семь минут все и так прекратится естественным образом.

- А я все-таки схожу...

- Ну, иди-иди!

Я вышла в коридор, аккуратно притворив за собой дверь, и тут же почувствовала противную слабость в коленях. По лестнице, поднимающейся из холла на второй этаж, перескакивая через две ступеньки, уже летела пожилая медсестра, тоже заподозрившая неладное. Белые кожаные сабо на её ногах гулко хлопали о пятки, дыхание со свистом вырывалось из груди. А из двери девятой палаты рвался полубезумный вопль Виктории Павловны.

- Господи! Да, что же это такое делается! - кричала она, правда, уже чуть тише и глуше, чем раньше. - Господи! Мамочки!

Из третьего номера выглянул разозленный невротик, с балкона вернулся встревоженный кореец. Даже спокойная, как удав, Алиса соизволила высунуть в коридор свою черноволосую, все ещё всклокоченную голову. Медсестра пронеслась мимо меня как вихрь и влетела в девятую палату. Виктория Павловна больше не кричала. В коридоре повисла странная, жутковатая тишина. Подтягивая пояс своего запахивающегося халата, я успела сделать ещё несколько шагов и чуть не вписалась носом в широкую спину медсестры, попятившейся назад со стремительностью перепуганного бегемота. Чуть вытянув шею и взглянув поверх её плеча, я смогла рассмотреть часть палаты: «энергетическую спираль» на столе, рядом с ней - распечатанную пачку «Юбилейного» печенья, очки в темной оправе, лежащие стеклами вверх... У стены на корточках сидела Виктория Павловна и часто вздрагивала всем своим крупным телом, судорожно сжимая в правой руке ножнички от маникюрного набора - те самые, которыми мы вчера вскрывали бутылку с вином.

- Ужас! - неожиданно тонко взвизгнула медсестра и кинулась ещё куда-то, чуть не сбив с ног меня, а затем, похоже, и маленького встревоженного корейца, подбежавшего к девятому номеру прямо с пачкой сигарет и дешевой пластмассовой зажигалкой в руке. И тогда я смогла увидеть все то, что ещё минуту назад заслоняла от меня тучная фигура в белом халате: сброшенное на пол одеяло, задравшуюся ночную сорочку из нежного, белого в синий цветочек, ситчика, странно белые с сизым отливом ноги, и абсолютно синее, страшное лицо мертвой Галины Александровны. Выпученные глаза с полопавшимися кровеносными сосудами, растрепанные рыжие волосы (их она явно подкрашивала хной). И красную прозрачную виноградину в сведенных посмертной судорогой губах. А ещё гроздь винограда. Крупную, спелую гроздь. Точно такую же, как была нарисована на нашей вчерашней бутылке вина. Гроздь лежала у Галины Александровны на груди, и в каждой ягодке отражались блики холодного зимнего солнца...

**Глава вторая,
в которой я с ужасом узнаю о том, что у этой истории есть предыстория,
поражающую избирательному «склерозу» Митрошкина и преступно
скрываю от следствия важные факты**

Милиция приехала уже через полчаса, но ещё раньше примчался Шайдюк, всклокоченный, слегка опухший после вчерашних рождественских «возлияний» и злой, как сто индейцев. Вместе с ним появился неизвестный мужчина в строгом сером костюме и черной, соответственно случаю, рубашке. Чуть длинноватые волосы незнакомца были зачесаны назад, мягкий подбородок мелко подрагивал. «Директор наш коммерческий», - пояснила повариха тетя Таня, принесшая в палату завтрак. - Ох, сейчас и переживает, наверное! И так народу - три калеки, а после такой «рекламы» никто, вообще, сюда лечиться не ляжет».

Это было бы весьма логично. Я так, например, испытывала неодолимое желание прямо сейчас, сию секунду, получить свои ботинки и полушубок и убраться отсюда как можно дальше. Но сразу после приезда милиции нас в темпе распахали по палатам и вежливо попросили не высовывать носа, а так же не звонить пока друзьям и родственникам и не пытаться скрыться, не побеседовав с сотрудниками органов.

Мы с Алисой сидели каждая в своем углу и подавленно молчали, не в силах произнести ни слова. Наши завтраки - два омлета, бутерброды с сыром и два кофе в фарфоровых чашечках - стили на столе. Те несколько фраз, что успел деловито уронить эксперт-криминалист, прежде чем нас разогнали по номерам, напрочь отбивали всяческий аппетит...

«Труп Барановой Галины Александровны 1937 года рождения с явными признаками асфиксии... предположительно задушена подушкой... обнаружен на кровати в номере 9. Ноги раскинуты в стороны, руки прижаты к груди. Простынь скомкана, одеяло лежит на полу рядом с кроватью, подушка - в ногах тела. На груди трупа - гроздь розового столового винограда весом приблизительно пятьсот граммов. Одна ягода - во рту трупа... Трупное окоченение хорошо развито во всех группах мышц...»

В коридоре раздавались шаги, слышались негромкие голоса. Пахло сердечными каплями. Как ни странно, Викторину Павловну привели в чувство довольно быстро, а вот с «невротиком» из третьей палаты медсестре пришлось возиться чуть ли не целый час. Периодически она проносилась мимо нашей двери в своих белых сабо и звучно сообщала: «У Лесникова опять истерика! Может быть, ему реланиума вколоть?»

В ответ что-то угрюмо бормотал Анатолий Львович, и хлопанье сабо снова гасло в конце коридора.

Мы молчали. Алиса мяла в пальцах незажженную сигарету и едва слышно цокала языком, словно пыталась припомнить какой-то ритм. Я тупо собирала в мелкие складки край покрывала. В комнате не пахло ничем, кроме терпкой туалетной воды моей соседки, но мне почему-то упорно мерещился сладковатый душок разлагающегося мертвого тела.

Первой заговорила Алиса.

- Страшно... - просто и тихо сказала она. - А тебе страшно, Жень?

- Не то чтобы страшно, просто на душе гадко как-то...

- Вот-вот! - она, наконец, отложила истерзанную сигарету в сторону. - Кажется, будто шальная пуля рядом с башкой пролетела: хоть и не задела, а все равно все поджилки трясутся...

Я была не в самом поэтическом настроении, поэтому образность Алисиного высказывания оценила, но ответить в том же духе не смогла. Слишком уж приземленно реальными были и синюшные ноги Галины Александровны с расширенными варикозными венами, и её задравшаяся ночная сорочка, и распечатанная пачка «Юбилейного» печенья, из которой она, вероятно, успела съесть перед сном всего лишь две-три печеньюшки...

Впрочем, Алиса тоже достаточно быстро вернулась к «прозе жизни».

- Про бутылку не скажем? - в голосе её слышалось что-то заискивающее и заговорщическое одновременно. - Да ведь?... Пусть пока постоит в шкафу, а потом выкинем!

Я догадывалась, что она заговорит об этом рано или поздно, но все равно как-то напряглась и

почувствовала гаденькую, холодную пустоту в животе.

- Ну, можно, наверное, и не говорить... - мне хотелось, чтобы фраза прозвучала раздумчиво и невозмутимо, однако, вместо этого из горла вырвалось какое-то жалкое блеяние. - Все равно ведь и ежу понятно, что это - простое совпадение!.. Это же надо быть совсем конченным психом, чтобы сначала демонстративно распить вино с двумя свидетелями, а потом подложить к трупу такую же гроздь, как на этикетке...

Ах, как позорно и явно маячил в конце последнего предложения знак вопроса!

Алиса обиженно усмехнулась:

- Если хочешь, кстати, можешь и сказать! Я тебя молчать не заставляю. Просто прошу... Как будто я не знаю, о чем ты сейчас думаешь! «А вдруг я ничего милиции не расскажу, а, на самом деле, это она и есть убийца? Или сообщница!»

- Ничего я такого не думаю!

- Думаешь-думаешь! - указательным пальцем она катнула сигаретку по столу. - Сидишь и трясешься вся, вместо того, чтобы логически мозгами раскинуть... Ну, что тебе кажется подозрительным, а? То, что я к Рождеству вино притащила, или то, что на этикетке виноград нарисован?.. Просто вино, как это ни странно, делают из винограда! Делали бы из морковки - морковку на бутылке бы нарисовали...

«И на грудь Галине Александровне тогда тоже положили бы морковку!» промелькнула у меня в голове истерическая мыслишка. Естественно, вслух я её произносить не стала и вместо этого с фальшивым возмущением фыркнула:

- Да ничего мне не кажется подозрительным! Что ты ко мне пристала?!

- Если бы ты только знала, как я сама жалею, что притащила это дурацкое вино! - Алиса вздохнула. - Ну, кто же мог предполагать, что такое случится? В принципе, даже если и узнают про бутылку, ничего страшного, наверное, не будет. Разберутся, конечно. Обидно только, что проформы ради по всяким допросам затаскают, слухи поползут...

- Да, слухи это, конечно, неприятно... Особенно, в маленьком городке.

- «Неприятно»?!! Ничего себе, «неприятно»!.. Да меня с работы вышвырнут и все! Вот и пойду потом полы в каком-нибудь детском садике мыть.

- Ну, это ты, по-моему, слишком краски сгущаешь!

- Если бы! - она снова горько усмехнулась. - Уволят и «до свидания» не скажут!

- А что, у вас в Михайловске такая конкуренция среди продавцов? Или в коммерческих киосках, как в английских клубах - репутация заведения превышает всего?

- Да при чем тут репутация?.. Просто хозяин, естественно, не захочет, чтобы вокруг «точки» менты крутились. Какая ему радость такое внимание к своему бизнесу привлекать?

- Понятно... - я глуповато покивала и торопливо отвернулась к окну, не зная, что ещё сказать.

Сухо чиркнула зажигалка. Запахло сигаретным дымком, в воздухе повисло сизое клубящееся облачко. Алиса таки решила нарушить строжайшее правило профилактория и закурить прямо в комнате. Я обернулась. Она сидела, слегка наклонившись вперед, поставив оба локтя на стол, и часто-часто смаргивала своими чуть раскосыми лисьими глазами.

Что я, в принципе, о ней знала? Да, собственно, почти ничего. Моя ровесница, но замужем вот уже, кажется, пять лет. Детей нет. Муж работает охранником в каком-то коммерческом банке. Вот и все!.. Да, чисто по-человечески Алиска мне нравилась. Да, я прекрасно понимала её нежелание связываться с милицией: сама когда-то вот так же дрожала: «Что угодно, только не это! Не разберутся, обрадуются, что есть на кого убийство повесить, посадят лет на пятнадцать!» Да, я чувствовала, что розовая кисть винограда на этикетке и виноград на груди Галины Александровны - всего лишь страшное, нелепое совпадение...

- Жень! - она в очередной раз глубоко затянулась и помахала ладонью перед лицом, чтобы разогнать дым. - Ну, что ты так напрягаешься? Вот прямо сейчас на тебя кинусь и тоже подушкой задушу!.. «Тоже» - не в смысле, что и тетку эту тоже я задушила, а в смысле, что «тоже подушкой»... Тьфу ты, черт! Вот видишь - уже оправдываюсь!

- Да, я понимаю, понимаю...

- В конце концов, что я - похожа на маньяка что ли?

- А что у маньяков обязательно какая-то «типическая» внешность? Вон, говорят, Чикатило очень даже мирной наружности был дядечка! - я всего лишь хотела пошутить для того, чтобы разрядить

атмосферу, но шутка получилась, мягко говоря неудачная. Алиса ещё больше нахмурилась и нервно передернула худыми плечами. Пришлось срочно увести разговор в другую плоскость. - Кстати, может это ещё и не маньяк сделал? Может, виноград этот так - для того, чтобы сильнее запутать положили... Да, вообще, пусть милиция разбирается, да?

По моим соображениям, последняя фраза должна была поставить молчаливую точку в выяснении наших с Алисой отношений: «я тебе верю, я понимаю, что ты тут ни при чем, давай не будем ничего говорить о бутылке... Ведь, на самом же деле, это простое совпадение?» Однако, моя соседка совершенно неожиданно оживилась. Совсем как вчера, когда рассказывала о флиртующих рождественских гаданиях наших прабабушек.

- В каком смысле, «не маньяк»? Ты что, ничего не знаешь что ли?

- Чего не знаю?

- Раз так говоришь, значит, не знаешь! - с каким-то радостным торжеством заключила она, с удовольствием изучая мое удивленное лицо. Настроение её улучшалось на глазах. - Конечно! Твой друг тебе, наверное, ничего не рассказал?.. Ну, правильно! Побоялся, что описался от страха и с родителями знакомиться не поедешь!

- А что он должен был мне рассказать? - я машинально потянулась за сигаретой и без спроса вытащила её из Алисиной пачки. Запоздало смутилась. Впрочем, Алиса лишь махнула рукой: «Да, ладно тебе! Кури!» и, перегнувшись через стол, поднесла ко мне зажигалку с дрожащим желтым язычком пламени.

- Так ты, правда что ли, ничего не знаешь?

Я отрицательно мотнула головой. Она прищурилась, откинулась на спинку стула и с нарочитой невозмутимостью выдала:

- В нашем тихом Михайловске, Женечка, вот уже два месяца серийный убийца маньячит! Так что у нас тут не жизнь, а просто голливудский триллер какой-то.

- Серьезно?!

- Нет, шучу!.. Это, между прочим, уже пятая жертва. Про нас даже в «Криминале» по НТВ рассказывали... Теперь понятно, почему ты так напрягалась! Хотя, если бы про маньяка знала, наверное, напрягалась бы ещё больше?

Только теперь до меня дошел смысл Алисиного высказывания про «шалуную пулю». Маньяк. Человек с больной психикой. Выбирающий жертву по одному ему понятному принципу... Маньяк был здесь сегодня ночью. Он зашел в девятую палату и задушил Галину Александровну. А ведь вполне мог бы зайти в седьмую и убить меня!.. Липкий холодный пот мгновенно проступил на лбу и под мышками. Ничего нет хуже противного запоздалого страха!

- А почему ты так уверена, что это - тоже его рук дело?

- Так почерк-то один и тот же! Мне не веришь - послушаешь, что менты скажут... Хотя, вообще-то, они могут и не сказать: у них же кругом «секреты»! Весь город знает, а они все таинственные морды делают!

Вряд ли Алиса нуждалась в поощрениях к рассказу. Наверное, она и сама выложила бы всю историю в подробностях, найдя в моем лице благодарного слушателя. Но мне не терпелось узнать, что же, в конце концов, происходит:

- Да почему я тебе не верю? Верю! Ты объясни толком, в чем дело. А то все намекаешь, намекаешь...

- Ничего я не намекаю... - она докурила сигарету до самого фильтра и с каким-то сожалением затушила окурком о дно пепельницы. - Тебе как, с самого начала рассказывать?.. В общем, все это началось месяца два назад. Одна баба, повариха из столовой, возвращалась домой. А идти надо было через парк...

...Идти надо было через парк. В принципе, существовал и другой маршрут - в обход, мимо детского садика, по хорошо освещенной улице. Но это лишние пятнадцать минут ходьбы... Лариса никогда не считала себя трусихой. Да, и кого было бояться в тихом и спокойном, как лесная заводь, Михайловске? Бандитов что ли? Так какой от неё бандитам прок? У них свои заморочки: «бабки», «Мерседесы», разборки... Ей даже нравилось брести по темному парку, вдыхая свежий запах сосновой хвои... Тусклый свет редких фонарей, справа, на аллее - черные силуэты скамеек, а вдали, за деревьями, уже виднеются огни Комсомольского проспекта. Жалко только, что асфальтированная аллея уходит вправо, а автобусная остановка - слева. Вот кто так, скажите, строит?! Приходится идти

по тропинке, и все бы ничего, если бы не толстые, узловатые корни деревьев, торчащие из земли...

Она шла по тропинке, привычно переставляя ноги с осторожностью слепого, передвигающегося на ощупь, и вдруг наступила на что-то круглое, разъехавшееся под ногой, как вареная картофелина. Кстати, картошкой и запахло. Ненавистой осклизлой картошкой, которую всегда приходится дочистить за старой, барахлящей картофелечисткой. Лариса поморщилась и сделала ещё шаг. И снова подошва сапога проскользнула по чему-то круглому и маленькому. «Да что тут, какой-то дурак пикник устраивал, что ли?» подумала она с внезапной злостью. - «Ноябрь месяц на дворе! И место романтичнее не придумаешь!.. Еще только поскользнуться не хватает и прямо в светлом пальто на землю грохнуться». Досадливо оглянулась вокруг, обречено рассчитывая увидеть поблескивающие в свете фонаря пустые консервные банки и белеющую яичную скорлупу. Но увидела совсем рядом, в двух шагах, что-то большое и темное, похожее, на мертвую собаку. Потом она так и сказала милиции: «Я подумала, что это - дохлая собака». «Такая большая?» - устало спросил милиционер. Глаза у него были красные, а волосы засаленные. «Ну, может быть, дог или сенбернар», - объяснила она почти виновато... Но это было потом, а сначала она сделала эти два шага вправо, толком не понимая зачем. Сердце почему-то колотилось бешено и больно. Точно так же оно застучало как-то раз, когда Лариса купалась в ванной и вдруг явственно услышала звук чьих-то шагов в прихожей! Тогда все оказалось нормально: она выскочила, закутавшись в полотенце, обежала всю квартиру и никого не обнаружила. Правда, в ванную забираться больше не стала - дождалась прихода мужа... Да, тогда обошлось. Но не теперь...

Теперь прямо перед ней лежал мертвый мужчина, и в свете фонарей блестели не консервные банки, а его распахнутые, остекленевшие глаза. Сначала Ларисе показалось, что у покойника во рту кляп, она почти машинально нагнулась, чтобы рассмотреть получше и увидела... Почему-то только в этот момент она по-настоящему испугалась. Глухо охнула, попятилась, ударилась спиной о ствол дерева. Закричала в голос, с каким-то болезненным стоном и, не разбирая дороги, кинулась к остановке, туда, где горели огни Комсомольского проспекта... Во рту у мертвеца была картофелина. Самая обычная, сваренная «в мундире» картофелина с растрескавшейся кожурой и белеющей на изломе мякотью...

Потом приехала оперативная бригада и нашла ещё две картофелины, не считая тех, что раздавила Лариса. А вот ножа, которым трижды ударили мужчине в живот, нигде не обнаружили. Во внутреннем кармане его серого кашемирового пальто оказался паспорт. Личность убитого установили очень быстро - Большаков Константин Иванович, 1957 года рождения, врач городской клинической больницы города Михайловска. Город говорил об убийстве две недели...

А через две недели, точнее, через тринадцать дней в подъезде собственного дома была убита Найденова Тамара Алексеевна, 1964 года рождения, вдова одного из местных бизнесменов, совладелица торговой фирмы, женщина независимая и привлекательная. Правда, когда её нашли, она уже не была привлекательной. Убийца проломил тяжелым предметом висок, поэтому половину лица залило кровью, а другую странно перекосило. Рядом с трупом лежал новенький, в упаковке, стерильный бинт и костяная курительная трубка с незатейливым узором. Пробовали искать маньяка по трубке, но это оказалось занятием малоперспективным: такие сувениры продавались едва ли не в каждом уважающем себя районном универсаме Москвы...

Еще через десять дней возле собственного гаража погиб Протопопов Борис Андреевич, 1952 года рождения, врач-гинеколог городской женской консультации. Его ударили ножом в бок и в шею, когда он открывал висячий замок на воротах. Он так и упал с ключом в руках. Потом пальцы, по видимому, разжались, и ключ остался лежать в неровной кровавой лужице. Вместе с семечками. Обыкновенными подсолнечными семечками. Мелкими и обжаренными. Этими же семечками было густо осыпано лицо убитого... Именно тогда репортаж о серийных убийствах в Михайловске прошел в программе «Криминал», и неясные слухи, будоражащие умы жителей города, обрели вполне реальные черты всеобщей паники. Правда, выдвигались успокаивающие версии, что «абы на кого» маньяк не бросится. Да, может, это и не маньяк вовсе? Большаков и Протопопов были хоть шапошно, но знакомы, а Найденова проживала как раз на территории того участка, который был закреплен в консультации за Борисом Андреевичем. Но, честно говоря, версии казались весьма хлипкими. Потому как в Михайловске всего один больничный городок, один родильный дом и одна женская консультация. Врачей не так много, и странно было бы, если б Большаков с Протопоповым не знали друг друга. Да и участков в консультации всего десять. Так что все это вполне могло оказаться

обычным совпадением. А что? По сути дела, «большая деревня», где все друг друга знают!.. Однако, гораздо спокойнее было верить в неслучайность этих трех смертей. И верили.

До тех самых пор, пока в середине декабря не убили молодую упаковщицу с хлебокомбината. Она не знала ни Большакова, ни Протопопова. За всю свою двадцатипятилетнюю жизнь ни разу не лежала в больнице, а в гинекологию заглядывала только для того, чтобы пройти очередной осмотр и поставить штамп в санитарной книжке. Ее участок вела врач Палютина... Катю Силантьеву утопили в местной речушке глубиной полтора метра. Это была даже и не речка в полном смысле этого слова, а просто грязный, мутный поток, в который вливалась отработанная и, якобы, отфильтрованная вода то ли с хлебозавода, то ли из канализации. Катю схватили сзади за шею и держали лицом вниз, пока она не захлебнулась. А потом вытащили на скользкий, покрытый снежной «кашей» берег и бросили рядом с телом маленькую малярную кисть...

- ... Какую-то «филенчатую» что ли? - Алиса наморщила лоб, вспоминая трудное слово. - И ещё два бильярдных шара. Вот так!.. Мать, говорят, на похоронах плакала! Ну, понятно - единственная дочь! Хотя, проститутка была ужасная!.. Но о покойниках плохо не говорят.

- И что, опять никаких следов? - я прикурила очередную сигарету. Пачка стремительно пустела.

- А какие ещё следы? Тебе что, «следов» мало?.. Шары, кисточка. Ни фиги непонятно!.. Это такой у нашего маньяка «фирменный стиль»: чего-то там сам с собой прикалывается, знаки какие-то оставляет. Для кого? Непонятно! Все равно никто разобраться не может... Понимаешь теперь, почему я так из-за этой бутылки с вином всполошилась? Ого себе символ! На бутылке виноград, и на трупе - виноград... Затаскали бы - точно тебе говорю!

Она вдруг взглянула на меня тревожно и испытующе, словно хотела ещё раз убедиться в том, что я её не выдам и о бутылке умолчу. Вместо ответа я спросила:

- Слушай, а тебе не кажется, что мы вляпаемся ещё больше, если про виноград с этикетки чудесным образом «забудем», а Виктория Павловна возьмет и вспомнит?

- Не вспомнит! - Алиса быстро помотала головой. - Во-первых, она к бутылке не приглядывалась - все скромненько у холодильника сидела, а во-вторых, ей сейчас не до того... Прикинь, что бы было, если б мы у себя эти маникюрные ножницы оставили, и ты бы или я их утром в девятую палату понесли?

Мне снова вспомнились синюшные ноги Галины Александровны с потрескавшимися пятками старой женщины. Ее ночная рубашка в веселенький синий цветочек. Глупый и кокетливый белый бантик на груди. И спелый розовый, почти красный, виноград, похожий на шмат гигантской лососевой икры...

- Ну, так что? Значит, молчим?

Ответить я не успела. После короткого, весьма символического стука дверь нашей палаты отворилась, и на пороге возник оперативник в шерстяной клетчатой рубашке и черных джинсах - кстати, тот, который понравился мне меньше всех. Нет, лицо у него было, в общем, нормальное: прямой нос, светлые брови, чуть выпуклые серые глаза. Но общее впечатление портил внушительный «пивной» животик и манеры прямо-таки техасского рейнджера.

Первое, что он сделал - это брезгливо помахал рукой перед лицом, разгоняя сизый дым, качнулся с носков на пятки и заметил:

- Да, девушки, накурили вы, конечно, так, что хоть топор вешай! Что? Нервишки шалят?.. Но дело, в общем-то, не в этом, а в том, что вас здесь две. Поэтому одна сейчас пойдет погуляет по коридору, желательно, в отдалении от девятой палаты, а с другой я в это время побеседую. Идет?

Смотрел он на нас при этом, как на каких-нибудь злостных угонщиц скота с цивилизованных ранчо.

Алиса после этих слов немедленно поднялась и направилась к выходу, словно получила совершенно конкретный приказ: «Гражданка Кубасова - на выход!», я же осталась сидеть, как приклеенная.

Когда дверь за ней закрылась, опер удовлетворенно кивнул, широкими шагами, в раскачку, подошел к столу. Брезгливо взял двумя пальцами нашу пепельницу, полную окурков, и переставил её на подоконник. Потом подпернул ремень джинсов и, широко расставив колени, опустился на стул, на котором только что сидела Алиса. Я наблюдала за ним, как приговоренный кролик за удавом.

- Итак, как вас зовут?

- Мартынова Евгения Игоревна.

- Очень хорошо! - он кивнул. - Значит так, Евгения Игоревна, сейчас мы с вами побеседуем об убитой гражданке Барановой, в частности, и о вчерашнем вечере и ночи, в общем.

- Конечно... Только я, наверное, ничего важного сказать не смогу, потому что заселилась только вчера... То есть, позавчера, и...

- Давайте, я буду решать, что важно, а что не важно!

Я сочла вежливым и разумным немедленно согласиться: «Давайте!», после чего мой собеседник подпер щеку кулаком и взглянул на меня странно, почти с сочувствием.

- Значится, так... Начнем с гражданки Барановой...

- Да, я, в общем-то, с ней почти не была знакома. Просто вчера вечером мы пошли за штопором...

- В каком составе?

- Что «в каком составе»?

- В каком составе, спрашиваю, вы пошли за штопором и по какому случаю собирались пить?

Теперь уже я взглянула на него с изумлением:

- По поводу Рождества... Просто у моей соседки была бутылка вина, а штопора у нас не было. Вот Виктория Павловна и вспомнила, что, вроде бы, видела его у женщины из девятой палаты... Мы пошли к ней, она в это время читала книгу. Но штопора у неё не оказалось, а была энергетическая спираль...

- И что это за «зверь» можете объяснить? - опер потер лоб так, словно у него сильно болела голова.

Мне показалось правильным объяснить подробно и доступно:

- Это такая спиралька, как развернутая пружинка... Похожа на штопор, но на подставочке, а сверху голубой шарик. Поэтому бутылку не откроешь.

- Не слепой. Видел... Назначение можете объяснить?

Похоже, мимо зловещего вопроса о бутылке удалось удачно проскользнуть!

- А-а... Ну, это, вроде бы, что-то для коррекции биополя. Нервную систему ещё восстанавливает, лечит. Короче, какая-то экстрасенсорная штучка.

- Понятно, - он сдержал усмешку. - И о чем же вы с гражданкой Барановой разговаривали?

- Да, я почти все время молчала. А они с Викторией Павловной разговаривали о здоровье, о том, какая у нас медицина плохая, транспорт. Еще о том, что к пенсионерам плохо относятся... Знаете, она мне показалась женщиной из того разряда, которые вечно ворчат и постоянно всем недовольны... Но к нашему приходу она, кстати, отнеслась нормально. Даже ножнички маникюрные дала, чтобы пробку попробовать отковырять!

- Видимо, те самые ножницы, которые намеревалась вернуть ей утром гражданка Ким?

А я до этого и не знала, как фамилия Виктории Павловны...

- Ясно, - опер откинулся на спинку стула. - А о чем-нибудь конкретном говорили? Ну, кроме того, как у нас все плохо?

- А! - вспомнила я. - Она говорила, что здесь, в профилактории у неё работает какой-то близкий знакомый. И еще, что приехала сюда из-за лечебных ванн.

Мой собеседник утвердительно кивнул, безо всякого, впрочем, интереса. Наверное, он с Викторией Павловной побеседовал до меня, и она сказала то же самое.

В коридоре снова послышался какой-то топот, и сквозь сигаретный дым пробился запах валериановых капель.

- Хорошо, Женя, - опер неожиданно перешел с иронически-официального тона на почти дружеский. - Теперь постарайся вспомнить, не слышала ли ты сегодня ночью чего-нибудь необычного? Может быть, выходила куда-нибудь и что-то подозрительное увидела?

- А куда мне было выходить?

- Ах, ну да... У вас же «удобства» в номере... Ну, ладно. Тогда, может, все-таки слышала?

- Вы, знаете, вообще, у меня очень хороший и крепкий сон, - с легким оттенком гордости сообщила я. - А вчера ещё к тому же снились кошмары...

- Кошмары при хорошем и крепком сне! - «позавидовал» он. - А что конкретно за кошмары? Вопли? Крики о помощи? Шаги? Стук?

- Нет, вы знаете... Зубы. И ещё наш врач. Анатолий Львович.

- Это этот что ли? У которого глаз дергается? - светлые брови опера в радостном порыве

поползли на лоб. - Что? Такой страшный, что даже в кошмарах снится? А на вид ничего - мирный!

А решила не опускать ситуацию до уровня скверного анекдота и поэтому не пустилась в подробное изложение своих снов, ограничившись неопределенным пожатием плеч.

- Ладно, - мой собеседник уперся обеими руками в столешницу и встал, разминая плечи. - Значит, ничего не видела - ничего не слышала?.. Ну, хорошо. С тобой пока закончили.

Я, не дожидаясь просьбы, встала и покорно потрусила к двери. Опер размашистым шагом последовал за мной. Дверь рванул на себя резко и сильно и, высунув голову в коридор, гаркнул:

- Следующая девушка, заходите!..

С Алисой он разговаривал даже меньше, чем со мной. Вероятно, потому, что она так и не успела пообщаться с покойной. Бледную и перепуганную, мою соседку «выпустили» минут через пятнадцать. Точнее, это меня «запустили» обратно. Чему я несказанно обрадовалась, так как за то время, что слонялась по коридору чуть не дошла до состояния близкого к истерике.

Народу в холле и коридоре было непривычно много. По «боевой тревоге» срочно вызвали весь персонал: и двух медсестер, которые сегодня должны были быть в отгулах, и вторую повариху, и докторшу из нашего «ванного» салона, которая по расписания появлялась после двенадцати. На работе осталась и та самая толстая медсестра, прибежавшая на крик Виктории Павловны и вызвавшая милицию. По идее, после ночного дежурства ей уже полагалось отсыпаться дома...

Лица у всех были нервные, издерганные и злые. И я, бесцельно слоняющаяся от стены к стене в своем дурацком цветастом халате и вельветовых тапочках, вызывала у всех исключительно сильное раздражение. По мощи воздействия я могла бы сравниться, наверное, только с непрерывным оханьем невротика Лесникова, рвавшимся из-за двери третьей палаты. И если бы не разумные эгоистические возгласы типа: «Это мог быть я!.. Он мог убить меня!.. Он убил человека из одноместного номера!», изредка прорывающиеся сквозь поток стенаний, можно было бы подумать, что Галина Александровна Баранова была его близкой и любимой родственницей...

- Н-да-а... - Алиса раскачивалась на стуле туда сюда и задумчиво пожевывала нижнюю губу. - Он мне сказал ещё минут сорок никуда не выходить. Потом всех соберут в холле и что-то скажут... Интересно, что они могут сказать?.. Может, профилакторий закроют? Людям-то тогда деньги отдадут или нет?

- Да люди, по-моему, отсюда безо всяких денег ломанутся, как только можно будет! - невесело отвечала я.

- Ну, не скажи!.. Я вот, например, ещё не уверена, что хочу отсюда смотаться. А о таких, как Виктория Павловна с мужем и говорить нечего. Они поди полгода с пенсии на путевки откладывали... Для них это, знаешь ли, серьезная потеря!

Я кивала и нервно прикусывала кончики ногтей. Неприятное, скользкое чувство вины лежало на моем сердце тяжелым камнем. В принципе, я намеренно скрыла от следствия факт, который мог оказаться важным. Оставалось успокаивать себя тем, что Алиса просто попала в трудную ситуацию - почти в такую же, как я сама несколько месяцев назад, и мой долг помочь ей выбраться из этой истории с минимальными потерями...

В холл нас позвали не через сорок минут, а больше чем через час. Пришли все оставшиеся пациенты и значительно более многочисленный персонал. Двое «ребят в штатском» слонялись возле пальм, увитых мишурой. Речь, похоже, опять собирался держать наш знакомый.

- Значит так, граждане, - сказал он голосом Глеба Жеглова, откашлявшись и поставив ноги на ширину плеч (Надо заметить, что плечи у него были довольно внушительные), - у нас есть для вас сообщение... Все вы знаете, что сегодня ночью в профилактории совершено убийство. Погибла одна из пациенток - Баранова Галина Александровна... Так же вам всем известно о пресловутом маньяке. О всяких там картошках, теперь вот виноград...

Я снова вспомнила спелую солнечную гроздь на этикетке, и мне сделалось нехорошо. Опер же, тем временем, продолжал:

- Главное, в этой ситуации не распространять панику... Чтобы не было всяких там домыслов, нарисую вам предположительную картину случившегося... Убийца, вероятно проник в корпус через железную дверь служебного входа, которая почему-то - совершенно непонятно почему - не запирается на ночь... Далее, он поднялся на лестничную клетку второго этажа, где есть, как вы знаете, две двери: одна - в терапевтическое отделение больницы, другая - в профилакторий... Маньяк-то он, конечно, маньяк, но не дурак! Поэтому сообразил, что в коридоре стационара на посту

сидит дежурная медсестра, а в профилактории, где нет серьезно больных, дежурная медсестра, по всей видимости, спит... Хотя, возможно, он руководствовался совсем другими мотивами!

Последняя фраза опера, вроде бы, частично реабилитировала толстую медсестру, дежурившую у нас сегодня ночью, но она все равно стояла красная, как рак, и дышала прерывисто и тяжело.

- ...Далее, убийца либо зашел в первую же незапертую комнату, либо, как резонно предположил гражданин... э-э-э... Лесников! Да, Лесников! В первый одноместный номер на его пути...

Несчастный невротик одновременно побледнел и позеленел, но не забился в истерику и не упал в обморок, что меня, честно говоря, несказанно удивило.

- ...Задушил гражданку Баранову, оставил свой знак - на этот раз в виде грозди винограда и вышел тем же путем, каким и вошел... Так вот, к чему я вам это все рассказывал? Ничего сверхъестественного или мистического не произошло. Милиция ищет убийцу и постарается найти его в самое ближайшее время. Поэтому я убедительно прошу вас не пугать знакомых и родственников кошмарными и душераздирающими рассказами и не поднимать панику! Успокаивайтесь, приходите в норму и продолжайте ваше лечение. На входе теперь, естественно, будет дежурить охрана. Служебный вход начнет запирается на ключ... Ну, и потом, молния два раза в одно дерево не ударяет? Ведь так?

Он попытался улыбнуться располагающе и ободряюще - вышло, в лучшем случае, на «троечку». При виде этой улыбки один из «ребят в штатском», флегматично ощипывающий пальму, скривился, как от зубной боли.

- Вот и все, что я хотел вам сказать! - уверенно поставил финальную точку опер. - Нашей гостье из Москвы, конечно, очень не повезло. Но милиция сделает все возможное, и уже делает все для того, чтобы в кратчайшие сроки задержать убийцу.

- А кто же тут её родственник-то? - сочувственно подала голос Виктория Павловна. Она сидела в кресле, и её полное, опухшее лицо ещё хранило следы недавних слез. Муж-кореец стоял рядом и ритмично, почти автоматически гладил округлое женино плечо. - Вот горе семье-то!

Мой любимый опер, уже направившийся размашистым рейнджерским шагом к пальме, круто остановился и развернулся на каблуках.

- Насколько я помню, а помню я хорошо - разговора о родственниках не было, - заправив большие пальцы за ремень джинсов, он качнулся с носков на пятки. - Был разговор о каком-то близком знакомом, который занимает важную должность... Тут возникают два варианта. Либо вы и вон та девушка что-то не так поняли. Либо убитая просто «ездила по ушам»... Знаете, как у вас, у женщин, принято? «Завотделением - давняя приятельница моей бабушки, доктор - сосед троюродного брата по лестничной клетке, а санитар - ещё чей-то там внучатый племянник». Чем больше таких знакомств, тем выше, якобы, авторитет!.. В общем, пока нет никаких оснований предполагать, что кто-то из персонала профилактория состоял с Барановой Галиной Александровной в родственных или каких-либо других отношениях. Путевку она приобрела у московской компании-распространителя, базирующейся в районе станции метро «Дмитровской», за наличный расчет... Еще вопросы есть? Если нет, тогда всем до свидания!

«До свидания!» прозвучало не так, чтобы очень оптимистично, я бы, конечно, предпочла слово «прощайте». Но меня никто не спрашивал. Представители правоохранительных органов удалились. Тело Галины Александровны увезли ещё до того. Да, и везти-то, собственно, было недолго: городской morg тоже находился на территории больничного городка. И народ тут же ринулся к телефонам, коих было три: в холле, в бальнеологическом зале, и в кабинете Шайдюка.

Я терпеливо попыталась дождаться очереди внизу, но, в конце концов, смирилась со своей горькой участью и потащила на второй этаж.

- Звоните! Можно, - буркнул Анатолий Львович, подвигая ко мне аппарат и обхватывая голову руками. Мои пальцы быстро набрали нужную последовательность кнопок, и после пары длинных гудков в трубке прорезался сонный голос Лехи:

- Алло! Да!

Это чудовище ещё спало! Оно смело дрыхнуть, счастливо сбавив меня в профилакторий, в тот момент, когда я сходила с ума от разнообразных переживаний.

- Это я! У нас убийство, - мрачно сообщила я безо всяких экивоков. - Зато самочувствие у меня отменное. Поэтому или приезжай сюда за мной, или объясняй, как добраться до вашего дома. Иначе я заблужусь.

- Как «убийство»? - вполне невинно поинтересовался Митрошкин, видимо, все ещё рассчитывая услышать остроумную шутку.

- Так убийство! Ночью задушили пациентку. Которая спала, между прочим, чуть ли не в соседней палате.

Анатолий Львович тихо и уныло заскулил, по-прежнему не отрывая рук от головы.

Леха, похоже, начал что-то соображать:

- Женька, ты что, серьезно что ли?.. Слушай, это уже ненормально! Ты опять умудрилась влезть в историю с убийством?!

- Влезть?! - возопила я. - Лично я никуда не лезла! Это ты притащил меня в гости в свой город, забыв упомянуть об одной «маленькой» и «несущественной» детальке - о вашем замечательном местном маньяке, который, между прочим, эту женщину и пристукнул... Есть тебе что на это ответить? Или молчать будем?

- Я сейчас приеду, - быстро проговорил он и повесил трубку.

Глава третья,

в которой я успеваю выдвинуть несколько версий, попасть под подозрение и узнать о себе много нового, удивительного и чрезвычайно неприятного

Лехино «сейчас», естественно, растянулось аж на пятьдесят четыре минуты! И все это время я просидела под пальмой в холле, уже накинув на плечи полушубок и поставив на колени пакет со своими непрочитанными книжками, неразгаданными кроссвордами и пустой банкой из-под морковного салата. Мне почему-то казалось, что панические настроения стаей перепуганного воронья до сих пор должны реять над профилакторием, но, как ни странно, все потихоньку успокаивалось. Никто не бился в истерике, не привинчивал к дверям палат стальные засовы, и даже нервный господин Лесников больше не ахал и не стenal в своем номере. Но, самое странное, никто, кроме меня, похоже, не собирался «эвакуироваться»! Тетя Таня готовила обед, по коридору цокала каблучками медсестра Наташа, сменившая ту самую толстуху, которая проворонила убийство. Когда Наташа спустилась на первый этаж, скользя маленькой ладошкой по мраморным перилам, я, как бы между делом, поинтересовалась:

- А что, профилакторий точно уже закрываться не будет?.. Ну, в связи со всем этим?..

- Не только не будет... - она сунула обе руки в карманы белого халатика, выудила из одного какую-то бумажку, взглянула на неё безо всякого интереса и опустила обратно, - но ещё и свободные места обещают по тридцатипроцентной стоимости распродать. В рекламных целях.

- По-моему, у вас сейчас така-а-я реклама!..

- Вот то-то и оно! Поэтому дирекция решила срочно предпринять чрезвычайные меры... Народу на халяву набегит целая туча, а зарплата у нас будет такая же!

- Вы думаете, набегит? - неподдельно изумилась я. - После такого?!!

- Ну, а что теперь? - Наташа пожала плечами. - Если одну в подъезде прибили, а второго в гараже, то что теперь - домой не заходить и на машинах не ездить?

Возразить на это было нечего. Оставалось только глубокомысленно кивнуть, достать из пакета «Чужое лицо» и, поудобнее завернувшись в полушубок, начать читать. Самое странное, что у меня, действительно, больше ничего не болело. «Стрессотерапия» действовала лучше всяких инъекций и лечебных ванн.

Вскоре на крыльце профилактория нарисовался Леха. Без шапки и в расстегнутой куртке. Он остановился у стеклянной стены, тревожно и подозрительно, как секьюрити какого-нибудь крупного босса, оглядел вестибюль, заметил меня - живую и здоровую, и, успокоенный, толкнул дверь.

- Ну, какой же ты все-таки гад, а?! - вместо приветствия начала я. - Ты же знал. Ты же все знал! И все равно приволок меня сюда!.. Да я бы на твоём месте в спешном порядке родственников из этого замечательного места эвакуировала, а не вояжи на лыжные базы организовывала!

- Жень, но я ведь даже подумать не мог, - жалостно забормотал он, пытаясь одновременно

страхнуть со своих волос снег и нежно стиснуть мою руку. (Половина снега, естественно, летела при этом мне в лицо, другая мне же за шиворот). - Я даже подумать не мог, что ты опять влезешь в уголовную историю! Михайловск не такой уж маленький город, вероятность была не то что нулевая - минусовая!!!

- Подумать, видите ли, он не мог!.. А надо было! Думать иногда полезно...

Фразу я не договорила и поспешно закашлялась, потому что испугалась, что Леха придерется к словам и ответит что-нибудь типа: «Прости, позабыл, что тебя на криминал тянет, как кошку на валерианку!». Но, видимо, он был слишком обескуражен и расстроен случившимся, и поэтому отвлекающий маневр удался - Митрошкин лишь виновато вздохнул и взял с моих колен пакет с банкой и книжками.

А солнце в белесом зимнем небе сияло так ярко, что ломило глаза. Заснеженные вершушки сосен едва заметно покачивались. Утоптаный снег под ногами хрустел и переливался тысячами крошечных искорок. Следов на тропинке было множество, и я вдруг подумала о том, что ночью быстрой серой тенью по этой самой тропке проскользнул убийца. Куда он отсюда пошел? К шоссе? Или, может быть, к лесу, темнеющему в каких-нибудь ста метрах за больничной оградой? Кстати, именно в этом леске располагалась лыжная база, при одном взгляде на которую (по словам Лехи, разумеется!) владельцам лучших альпийских курортов полагалось падать в обморок от зависти, а счастливым гостям Михайловска - от восторга. Понятное дело, теперь мое желание осматривать достопримечательности этого милого городка никак нельзя было назвать горячим.

Храня гробовое молчание, мы с Митрошкиным прошли мимо белого корпуса хирургии и пищеблока, обогнули желтое одноэтажное здание непонятного назначения и вышли к воротам, за которыми стояли знакомые обшарпанные «Жигули». Леха сел на водительское место, открыл вторую дверцу изнутри и кинул мой пакет на заднее сиденье.

- Ты, конечно, можешь мне не верить, - пробормотал он, как только машина, подозрительно чихнув, тронулась с места, - но я и сам толком ничего не знал. Сегодня утром уже мама рассказала, после того, как ты позвонила... Да-а-а! Дела у них тут творятся! Все боятся, все трясутся, детей в школу провожают и из школы встречают... Ну, тебя уже, наверное, ввели в курс дела?

- Ввели, - коротко ответила я, с содроганием вспомнив красный прозрачный виноград на груди Галины Александровны.

- Что у вас там произошло-то? Ты толком объясни!

- «Что-что»!.. Женщину пожилую убили. Говорят, что задушили подушкой. И виноград рядом с телом оставили... А мы с одной тетушкой как раз к ней вчера в гости ходили. Прямо перед тем как спать ложиться. Вот.

Митрошкин досадливо покачал головой, вытащил из кармана куртки пачку сигарет и прикурил, на секунду сняв правую руку с руля и чиркнув зажигалкой. Я подняла воротник полушубка, хотя в салоне было тепло, и снова уставилась на дорогу.

- А чего вас к ней в гости понесло?

- Да так... - про штопор и, особенно, про бутылку вина с виноградной гроздьёй на этикетке говорить почему-то не хотелось. - Просто зашли по-соседски. А утром та самая тетушка, которая со мной была, её и обнаружила. Ножницы маникюрные хотела отдать.

- И ты тоже видела? - слово «труп» Леха вслух произносить не стал, но и так все было понятно.

- И я, - я кивнула. - Самое странное, что эта Галина Александровна такая заурядная тетка была. Немолодая уже, крашенная. Вроде бы культурная, но, знаешь, из тех, которым вечно все вокруг не нравится: и медицина плохая, и пенсии не платят, и в правительстве - сволочи... Кому она мешала?

- Что значит, «кому мешала»? У маньяков своя логика. Пусть в ней психиатры разбираются. А мы с тобой, наверное, в Москву завтра махнем, да?.. Я вот думаю: может, правда, мать с бабкой пока отсюда забрать? Поселю их в своей комнате...

Дальше он заговорил про то, что нам можно будет это время пожить вдвоем, если я, конечно, не возражаю, про то, что в театре скоро начнут раскидывать по мизансценам «Антигону», про то, что меня, возможно, введут во второй состав... Я почти не слушала. Мысль, вертящаяся в голове, казалась абсурдной, но отогнать её, как ни странно, не получалось.

- А я вот думаю: что, если это был вовсе не маньяк?

- Чего? - Леха повернулся ко мне слишком поспешно, не заметил какого-то ухаба на дороге, и мы оба подпрыгнули на своих сиденьях, едва не вписавшись головами в потолок. - Что ты там сказала?

- Ты только не смейся сразу...

- Вообще-то, тема такая веселая, что я еле сдерживаю гомерический хохот!

- Леш, правда, перестань!.. Просто кое-что мне кажется странным.

- Что например?

- Например, - я закинула ногу на ногу и принялась сосредоточенно разглаживать на коленях мягкие полы своей «лисы», - то, что Галина Александровна вчера совершенно конкретно сказала, что какой-то её близкий знакомый занимает в профилактории важную должность. А сегодня никто из персонала не признался в том, что знал её до начала сезона.

- Ну, может, ты просто что-то неправильно поняла?

- О! И ты туда же! Милиция вот тоже предполагает, что мы обе с Викторией Павловной или тупые или глухие.

- Так это ещё кто-то кроме тебя слышал?

- А моим словам доверять, по-твоему, уже нельзя?

- Жень, я не то имел в виду, - Леха поморщился и выкинул в форточку окурок. - Просто когда двое свидетелей...

- Да вашей милиции хоть двое, хоть трое, хоть миллион! У них же готовый, удобный ответ: «Или вы её не поняли, или она просто болтала, чтобы повысить свой авторитет среди пациентов»!.. Тебе это чушью не кажется? Скажи честно!

- Если честно, то я не очень понял...

- А не надо ничего понимать, тут ничего хитрого нет! Просто по психологии не сходится - и все! Одно дело, когда бабушки восьмидесятилетние в больнице лежат, которым больше делать нечего, как таблетки пересчитывать и смотреть, кому сколько мяса в порцию положили, а другое дело профилакторий, где за свое лечение люди платят наличные денежки. Здесь же никаких привилегий ни для чьих знакомых не предусмотрено: заплатишь меньше - будешь жить в двухместном номере, заплатишь больше - в одноместном. Из-за того, что твой троюродный дядя учился в одном классе с медсестрой, тебе вне очереди укол не поставят!

- А что, бабушки в больницах рассказывают про знакомства с врачами, чтобы им уколы без очереди ставили?

- Да нет! - я отчего-то начала злиться. - При чем тут уколы? Не знаю, как тебе объяснить... Просто системы ценностей разные у бабушек и у людей, которые отдыхают в профилактории. Понятно, если бы она, например, сказала: «Мой близкий знакомый - муж какой-нибудь там Ирины Аллегровой». Тогда бы да - мы прониклись и запомнили. А тут что? Кто-то в профилактории занимает какую-то важную должность! Да, какое мне дело до местных докторов? И, главное, ещё сказано так неконкретно... Понимаешь, как-то это слишком мелко для того, чтобы пускаться во вранье!

- Жень, ты не забывай один момент! - Леха дождался, пока на светофоре загорелся знак поворота, и свернул направо, направляя машину к широкому проспекту.. - Есть люди, которые врут как дышат - легко и естественно. И, что интересно, без крайней необходимости. Просто так!

Я помотала головой:

- Нет, здесь не тот случай! Не могу объяснить - просто чувствую и все!

- Ладно, пусть даже так! Пусть кто-то её знал, но по каким-то своим причинам решил в этом не признаваться. Допустим... Это все, что тебястораживает?

За окном промелькнула «Булочная» с румяным калачом на вывеске, за ней - пятиэтажный дом с мозаичными дельфинами на бетонных панелях. Пейзаж становился узнаваемым. Я, как-то мимолетно подумав о том, что слово «настораживает» не совсем подходит для данного случая, в задумчивости закусила нижнюю губу. Мысли почему-то упорно не желали облекаться в слова, а если и облекались, то звучали так коряво, что даже мне самой начинали казаться абсурдными.

- Понимаешь, дело даже не в этом «близком знакомом», хотя и в нем тоже. Просто забираться ночью в больницу, где полно людей, для того, чтобы убить старую неинтересную тетку?.. Да, и потом маньяк у вас в Михайловске какой-то странный!

- Почему странный? - в Лехином голосе прозвучала едва ли не обида за родной город.

- Потому что!.. Потому что «стиль» мне его очень нравится. Гастрономически-сувенирный. То картошечка с семечками, то бильярдные шарики и курительные трубки. Все про эти знаки знают, но никто ничего понять не может... Тебе не кажется, что под этим «соусом» можно полгорода перекрошить и все на несчастного серийного убийцу свалить! Теща надоела? Топором её по башке и

яичницу на грудь! Начальник заколебал? Ножом в живот и шахматными фигурками посыпать!.. Понимаешь, к чему я клоню?

- В общем, да... Только как-то все это очень смахивает на бульварный детектив. Или триллер какой-то буржуйский напоминает? Не помню...

- Да, причем тут детективы и триллеры? Ты мне ответь: я пока хоть что-нибудь нелогичное сказала? Если бы мне, например, надо было убить конкретную Галину Александровну, лучшего способа, чем «закосить» под маньяка я бы просто не нашла. У него ведь система, с одной стороны, сложная, а с другой - простая до безобразия! - я потихоньку начинала ощущать что-то вроде азарта. - Знаки, конечно, все непонятные, но ты подумай о том, как они чередуются? Картошка - трубка с бинтом - семечки - кисть и бильярдные шары - виноград! «Съедобное - несъедобное - съедобное несъедобное - съедобное»!

- Игра такая в детском садике была, - Леха аккуратно объехал выбоину в асфальте и свернул во двор.

- Какая ещё игра?

- Ну, в «съедобное - несъедобное».

- Слушай, не путай меня, ради Бога! Я сама запутаюсь... Дело все в том, что надо быть просто дубиной стоеросовой, чтобы не понять, что после шаров и кисти, должно опять следовать что-то из еды. Из растительной еды! Была картошка - корнеплод, потом подсолнух - цветок, дальше может быть любой фрукт, овощ или ягода... Правильно ведь?

Митрошкин ничего не ответил. Просто спокойно нажал на тормоз и припарковал машину возле бетонного обледеленого бордюра. Обе руки сложил на руль, а подбородок на руки.

- Знаешь, что мне во всем этом не нравится? - проговорил он после нескольких минут молчания. - Энтузиазм, с которым ты полезла в это дело! Даже я, идиот, уже начал что-то с тобой обсуждать, выстраивать какие-то версии!.. Понимаешь, Жень, милиция ищет этого психа уже два месяца. Это их работа, и они её, как могут, делают. Тебя, скажи, это каким образом касается? Ты что - частный детектив или писатель? Или убили кого-то из твоих знакомых?.. Другая бы на твоём месте сидела и тихо радовалась, что милиции от неё больше ничего не надо, а ты тут Шерлока Холмса из себя изображаешь.

Теоретически сравнение с Шерлоком Холмом не было обидным, но я почему-то ужасно разозлилась. Молча толкнула дверцу, выскочила из машины и решительно зашагала вперед вдоль заснеженного газона - благо, знакомый дом с синими балкончиками виднелся в каких-нибудь тридцати метрах. Митрошкин тоже хлопнул дверцей, позвенел ключами и бросился меня догонять, шурша моим же пакетом.

- Терпеть не могу, когда со мной начинают разговаривать голосом мудрого педагога-наставника! - зло бросила я, когда он поравнялся со мной и попытался взять меня под локоть.

- Жень, дело не в педагогах-наставниках. Просто это тебе - не игрушки и не логические задачки!.. Ты хоть понимаешь, что в эту ночь вполне могли убить тебя?

- Отстань! Не надо только меня пугать!

- А тебя, если не пугать, ты черт те знает во что влезешь.

- Ага! Кретинка! Олигофренка! Просто так, интереса ради, устраиваю тут игрища с маньяками... Я, между прочим, поступила благоразумнее всех ваших Михайловских пенсионеров. Кроме меня, если хочешь знать, ни один человек из профилактория не смотался!

- Смоталась и правильно сделала. И успокойся уже! Чего тебе неймется?

- Ну, неймется и неймется! - выкрикнула я с неожиданной для себя самой яростью. Воспоминания о спелом винограде, лежащем на груди задушенной Галины Александровны, о бутылке с точно такой же гроздью на этикетке, припрятанной в стенном шкафу, и, главное, о том, что про бутылку я следствию так и не сказала, вдруг нахлынули все разом, и мне сделалось до того дурно, что даже голова закружилась. - Ты-то что ко мне привязался? Тебя там не было, ты ничего не знаешь! А странного во всей этой истории, между прочим, «выше крыши»! Во-первых, этот знакомый, который так и не объявился, во-вторых, то что Галина Александровна так неопределенно сказала, что у неё в жизни очень многое связано с Михайловском, в-третьих, то, что она явно напряглась, когда говорила про то, что живет в Москве, и в-четвертых, то что у одной дамы из профилактория вчера была бутылка вина с точно такой же гроздью винограда на этикетке!..

Сама не знаю, зачем я все-таки заговорила об Алисе, тем более, в таком контексте? Никаких

подозрений на её счет у меня, в общем-то, не было, мне даже почти удалось убедить себя в том, что злосчастная картинка на бутылке - всего лишь случайность... Наверное, просто хотела огоршить и озадачить Митрошкина. Но, вместо того, чтобы «огоршиться», он вдруг злобно поинтересовался:

- А дама эта что - из медперсонала?

- Нет, а что?

- Ничего-ничего! Просто думаю, до скольких «маньяков» мне подождать, прежде чем вызывать для тебя «психушку»? Сколько ты там уже насчитала? Доктор, который несчастную тетку по знакомству шлепнул - это раз, дама с бутылками и виноградом - это два... Ну, те полгорода, которые теоретически могли друг друга перекрестить и на маньяка свалить, пока оставим в покое...

- И меня вместе с этой половиной города, ладно? - буркнула я, распахивая дверь подъезда.

- Да, ради Бога! - обиженно заверил Митрошкин. - Делай, что тебе вздумается! Хоть маньяков вычисляй, хоть задержания проводи, хоть вместо собаки по следу бегай!

- Ты все сказал?

- Все!

- Ну, и прекрасно!

- Конечно, прекрасно!

Так, «мило» беседуя, мы поднялись до четвертого этажа. Леха нажал на кнопку звонка, демонстративно не глядя в мою сторону. Открыла бабушка и, увидев меня, немедленно запричитала привычным уже дребезжащим голосом:

- Ох, деточка! Ох, кровиночка! Вот уж встретили мы тебя, вот уж приветили, называется! Сначала в больницу угодила, а теперь вот и вовсе какой кошмар!

Я неопределенно качала головой, слабо улыбалась и потихоньку расстегивала крючки на полушубке. Митрошкин же, не успевший остыть после нашей перепалки, вдруг громогласно заявил:

- А чего ты, бабуль, тут плачешь, как на поминках? Вот она твоя «деточка» - живая и здоровая. И даже полная сил и энергии. Маньяка хочет ловить. Ждет - не дождется, пока её где-нибудь придушат!

На кухне тут же перестала греметь посуда. Елена Тимофеевна в ситцевом платье с короткими рукавами и кухонном фартуке в горошек быстро вышла в коридор.

- Типун тебе на язык! - произнесла она с чувством, уперев руки в бока. - Это что же, сына, у тебя язык такой поганый, как помело?! Она и так столько всего пережила, ещё ты тут всякую чушь болтаешь!.. Не слушайте его, Женя, проходите! Я пельмешек наделала. Мясо свежее, хорошее - вам можно покушать... Чувствуете-то себя, кстати, как? Ничего?

- Спасибо, все хорошо! - пробормотала я и пошла в ванную, чтобы вымыть руки. А Леха хлопнул дверью своей комнаты, сообщив, что идет переодеваться, и вышел только тогда, когда бабушка жалостно завздохала в коридоре, что пельмени совсем остыли.

Пельмешки, кстати, были абсолютно классные, но обед все равно прошел в тягостном молчании. Бабушка и мама, как женщины тактичные, за столом об убийстве не расспрашивали. Митрошкин тихо злился и сметану на тарелку клал резкими шлепками, будто шпаклевку на стену. Я же потихоньку приходила в себя. Наверное, в самом деле, моя ненормальная активность была вызвана нервным шоком. И вот теперь эта обычная семейная трапеза, эти тарелки с розовыми цветочками и золотой каемкой, эти бежевые обои с едва прорисованными березовыми веточками постепенно возвращали меня к нормальной жизни. Мне уже не хотелось вычислять маньяка, да и, вообще, иметь какое-либо отношение ко всей этой истории. Не хотелось выискивать нестыковки и странные совпадения. Не хотелось думать о бутылках из-под вина, необъявившихся знакомых и убийствах, которые так легко маскировать под серийные. Мне хотелось обратно в Люберцы. В Москву. В театр.

Сразу после обеда я, извинившись, ушла в свою комнатку с односпальной кроваткой возле стены, легла, уткнулась носом в подушку и как-то незаметно заснула. А когда проснулась, за окном было уже темно, с черного неба смотрели частые звезды, а ноги мои были заботливо укутаны клетчатым пледом.

Минут через пять в комнате появился Митрошкин, присел на край кровати и сосредоточенно засопел, как делал обычно, когда хотел сказать что-то важное. Я не стала дожидаться, пока он заговорит, приподнялась, обвила его теплую шею руками.

- Жень, - он поцеловал меня сначала в висок, потом в краешек брови, потом быстро и как-то осторожно - в губы, - ты не злилась... Просто мы все за тебя и так волновались, а тут ещё это убийство. И

ты, как ребенок, честное слово!..

- Да все я понимаю. И лезть никуда не собираюсь... На душе только нехорошо как-то. Вроде бы меня это дело никак не касается, и все равно...

Едва слышно вздохнув, Леха обнял меня за талию и, прижав к себе на несколько секунд, замер. Сердце мое тихонько екнуло и забилося часто-часто.

- Женька-Женька! Глупая, глупая, Женька! Это - не «нехорошо», это страшно. Так бывает, когда все уже кончилось... Все, правда, кончилось. Никаких кошмаров больше не будет. Я начну везде водить тебя за руку. Только, умоляю, не проявляй никакой оперативно-розыскной инициативы! Давай на этот раз обойдемся без неофициальных расследований?

Я кивнула и легонько прикусила мочку его уха. Однако, на душе все равно было как-то гадко: то ли, в самом деле, тяжело и болезненно, как десна после замораживающего укола, «отходил» запоздалый страх, то ли серой кошкой скреблось недоброе предчувствие...

- Женька! Женька моя! Женечка! - приговаривал Леха, опуская меня на кровать. - Давай ты больше не будешь делать и говорить всякие глупости и переберешься ко мне в комнату? Мама в курсе, она все понимает. Тем более, нам с тобой не по восемнадцать лет.

«Да, правда, не по восемнадцать», - с легкой грустью думала я и тут же сбивалась с мысли, вспоминая ту девушку, убитую возле хлебозавода, потом пожилую Галину Александровну, потом двух этих врачей и загадочного медика из профилактория, не сознавшего в своем знакомстве с гражданкой Барановой. А Леха целовал меня, и мне делалось стыдно. И хотелось обо всем забыть, а, особенно, о розовом спелом винограде и солнечных бликах, отраженных в мертвых ягодах. Но легко сказать, «забыть»! Даже когда все внутри меня уже сладко ныло и рвалось тихим стоном с искривленных губ, на языке все равно ощущался мистический, страшный привкус виноградного сока...

А следующее утро началось со звонка в дверь. Митрошкин вскочил с кровати, перемахнув через меня, как через неодушевленный спортивный снаряд, быстро влез в белые спортивные штаны с синими лампасами и, топая, как слон, понесся к двери. В замке повернулся ключ, лязгнула защелка, послышался чей-то негромкий голос. Я в это время, не вылезая из постели, тянулась за своими джинсами и черной футболкой, висящей на спинке стула.

- Жень, - выйди в коридор на минуточку, - вдруг прокричал Леха. - Тут к тебе пришли... То есть, не то чтобы к тебе... В общем, выйди!

Я спешно оделась, кое-как причесалась, выскочила в прихожую и увидела рядом с Митрошкиным незнакомого молодого человека в обливной дубленке и светлой норковой формовке. Он смотрел на меня без каких-либо эмоций и машинально похлопывал себя по бедру темной кожаной папкой на «молнии».

- Мартынова Евгения Игоревна?

- Да, - я почувствовала неладное.

- Вам повестка из милиции. Распишитесь, пожалуйста, в получении и внимательно ознакомьтесь с тем, что написано на оборотной стороне.

Из своей комнаты уже выглядывала Елена Тимофеевна, придерживающая на груди трикотажный «леопардовый» халат.

- Как «повестка»? Почему? - сердце мое заколотилось часто-часто и неприлично громко.

- «Зачем» и «почему» - это вам там расскажут, - молодой человек расстегнул папку и вытащил белый прямоугольный листок. - Волноваться не надо. Вы вызываетесь свидетелем по делу об убийстве. Ничего страшного.

- Но я уже рассказала все, что знала! - попробовала защищаться я, на что курьер спокойно поинтересовался:

- Расписываться за повестку собираетесь, или как?

Пришлось подчиниться.

Когда дверь за молодым человеком закрылась, и стих звук его шагов на лестнице, Лехина мама торопливо просеменила ко мне по коридору.

- А что там на оборотной стороне, Женя? - тревожно спросила она, заглядывая мне через плечо. - Почему он именно на этом так заострил внимание?

Я перевернула листочек и, окончательно впадая в уныние, пробежала глазами убогий текст.

- Там, говорится, что если я не явлюсь, мне вышлют повторную повестку. А если не явлюсь и во

второй раз, то приведут под конвоем...

Елена Тимофеевна глухо охнула и прикрыла ладонью рот...

Меня приглашали к следователю Карташову к трем часам. Но уже в два я была полностью собрана и сидела на диване в Лехиной комнате, нервно обкусывая краешки ногтей. Сам Митрошкин старался хранить вид веселый и невозмутимый. Пытался шутить - правда, в основном неудачно, и всячески «подбадривал» меня интересными историями «из жизни» о том, как убийцы настигали свидетелей преступления, и о том, как люди, сначала вызванные, как свидетели, в результате, искомыми убийцами и оказывались. Какой-то бывший Лехин одноклассник работал в местной милиции, поэтому подобных «страшилок» в Митрошкинском арсенале было предостаточно.

В половине третьего я не выдержала и истерически заявила, что лучше буду дожидаться своей участи непосредственно перед кабинетом. Леха надел куртку, помог мне влезть в рукава крашеной «лисы», и мы вышли из квартиры, провожаемые тревожным взглядом Елены Тимофеевны и почти беззвучным шепотом бабули, проговаривающей какую-то молитву.

Михайловское отделение милиции находилось примерно в трех кварталах от Лехино дома, поэтому до него мы дошли, естественно, пешком. Двухэтажное здание с покрытыми серой краской стенами и зарешеченными окнами не внушало никаких оптимистических чувств.

- Сиди тут и жди меня, - скомандовала я дрожащим голосом, оставила Митрошкина на лавочке возле входа, а сама толкнула плечом тяжелую деревянную дверь с заржавевшей железной ручкой. Если бы кто-нибудь в этот момент спросил, что, собственно, меня так пугает, я бы не нашлась, что ответить. Вроде бы ни в чем, кроме того, что умолчала про бутылку, я не виновата. Более того: на самом деле, никого не видела, ничего подозрительного не слышала и следствию ничем полезна быть не могу! А коленки все-таки противно дрожат, и в животе так холодно и пусто, как будто в больной зуб собирается залезть своими острыми инструментами неопытный стоматолог, только вчера закончивший мединститут...

Однако, следователь Карташов вовсе не был похож на стоматолога - ни на юного, ни на умудренного жизнью. Стильно подстриженный, с легкой темной щетиной на щеках, да, к тому же, одетый в черную шерстяную водолазку и серый костюм с некогда модным двубортным пиджаком, он напоминал, скорее, действующего премьера какого-нибудь драматического театра. Поздоровался он спокойным и ровным голосом, на стул у стены указал легким кивком головы. Я присела и отчего-то почувствовала себя спокойнее. Этот человек внушал мне гораздо больше симпатии, чем не в меру крутой «техасский рейнджер».

Карташов, тем временем, внимательно изучил мой паспорт, пролистал его сначала туда, а потом обратно, словно надеялся обнаружить между страницами папиросную бумагу с какой-нибудь шифровкой. Что-то записал на большом зеленоватом листе и задал первый вопрос:

- Если я правильно понял, Евгения Игоревна, вы прописаны в Новосибирске, а временно зарегистрированы в городе Люберцы Московской области?

- Да, все верно, - я с готовностью кивнула.

- А что вы делаете в Московской области, если не секрет?

- Не секрет, конечно. Играю в театре. Я - актриса по образованию, приехала в Москву попытать счастья...

- Все понятно, - Карташов едва заметно усмехнулся. - И счастье, видимо, улыбнулось?.. Ну, а у нас в Михайловске вы какими судьбами?

- А сюда я приехала вместе со своим... приятелем. Мы хотели встретить Рождество с его семьей, на лыжах покататься, отдохнуть...

- И как же зовут вашего приятеля?

- Митрошкин Алексей. Мы с ним вместе работаем... Скажите, а зачем меня, вообще, сюда вызвали? Я же ещё в профилактории рассказала все, что знала!

Следователь, однако, мой вопрос проигнорировал, быстро и как-то по-мышиному поскреб шею и уточнил:

- Значит, это он проживает по улице Плеханова 32, и в его квартире вы, на данный момент, остановились?

Непонятная тревога, отступившая было на задний план, снова стиснула мое горло.

- Да, я сейчас живу с ним, с его мамой и его бабушкой.

- Хорошо, Евгения Игоревна. Теперь вот на такой вопрос, пожалуйста, ответьте. Во время вашего

пребывания в Москве пересекались ли вы каким-нибудь образом с погибшей Барановой Галиной Александровной? И, если пересекались, то когда и при каких обстоятельствах?.. Я понятно формулирую?

Теперь он смотрел на меня своими темными глазами очень внимательно и почти насмешливо. Мне же резко, просто в мгновение ока, разонравились и его импозантный вид, и трехдневная щетина, и дурацкий двубортный пиджак с дешевыми пластмассовыми пуговицами.

- Нет! Никогда я с ней не пересекалась, и увидела её здесь, в профилактории, первый раз в жизни.

- Вы уверены? - взгляд его ясно говорил: «Только не пытайся врать, поймаю - хуже будет, а я тебя обязательно поймаю!»

- Абсолютно уверена... Послушайте, я всего-то в Москве меньше полугода, никого там и не знаю толком - ну, кроме, конечно, ребят из труппы. Наверное, на самом деле, кажется подозрительным, что мы обе оказались из Москвы, и ещё я с ней, к тому же, разговаривала накануне убийства, но ведь это чистой воды случайность!

- А то что вы - единственная, покинули профилакторий в первые же часы после произошедшего - тоже случайность? Вы молоды, у вас, наверняка, здоровая нервная система, чего, судя по медицинской карте, не скажешь о желудке. В карте, кстати, указано, что поступили вы едва ли не в тяжелом состоянии. Что, наступило такое внезапное улучшение, что вы решили не продолжать курс лечения?

- Но мне, действительно, стало лучше.

- За два дня?

- Да... И потом, я ни за что не осталась бы там после убийства! Мне, вообще-то, только вчера утром про вашего маньяка рассказали, иначе я бы и в Михайловск ни за что не приехала!

- И, возможно, поступили бы разумно, - глухо, себе под нос, пробормотал Карташов. - Так значит, вы утверждаете, что до вашего заезда в профилакторий с Галиной Александровной Барановой не встречались, общих знакомых не имели и, вообще, познакомились только здесь, в Михайловске?

- Я вам уже говорила.

- Тогда будьте добры, скажите ещё кое-что: полное название вашего театра, его адрес и фамилию главного режиссера... В Люберцах, кстати, проживаете по улице Юбилейной?

Я побелевшими от страха губами пролепетала, что в Люберцах именно по улице Юбилейной и проживаю, что театр находится в пяти минутах ходьбы от станции метро «Новокузнецкая», и что фамилия режиссера - Мжельский. Мне уже представлялось, как милиция допрашивает престарелого Ивана Ильича на предмет моей благонадежности и склонности к серийным убийствам, а он, краснея и бледнея, клянет последними словами бедного Митрошкина и тот день, когда согласился принять меня в труппу.

- Ну, что же, - Карташов перевернул листок и подвинул его ко мне вместе с синей шариковой ручкой, - если вам больше нечего сообщить следствию, не смею задерживать...

«Рассказать или не рассказать про бутылку?» - промелькнуло у меня в голове. - «Рассказать или не рассказать? Алиске молчать обещала, она на меня рассчитывает... Фу ты, детский сад какой-то!»

- ... Ознакомьтесь, пожалуйста, и, если все верно, подпишите... А также постарайтесь в ближайшие несколько дней никуда не выезжать из Михайловска. Возможно, мы вас ещё вызовем.

- Зачем?

- Как свидетеля по делу об убийстве, конечно, - он невозмутимо поправил ворот своей шерстяной водолазки, кое-где посыпанный мелкими чешуйками перхоти. - И убедительная просьба: если вспомните и захотите рассказать что-нибудь важное, немедленно свяжитесь со мной вот по этому телефону.

Желтый бумажный квадратик с написанным черной пастой телефонным номером я взяла деревянными, негнушимися пальцами, на ватных ногах дошла до двери кабинета. Никто пока не хватал меня и не собирался сажать в тюрьму. Да и обвинений, собственно, никто не выдвигал даже в виде версий. Ну, подумаешь, тоже приехала из Москвы! Подумаешь, сбежала из профилактория сразу после убийства (Черт бы побрал это мое трусливое благоразумие!) Однако, мне уже явственно мерещился запах тюрьмы, скрип нар и злые лица моих будущих сокамерниц - насмешливых, жестоких теток, посаженных сюда за самые настоящие убийства и грабежи...

Леха ждал, как и было приказано, возле лавочки, докуривая уже, наверное, десятую сигарету (во

всяком случае, бычков у него под ногами валялось немерено). Заметив меня, он бросил окурочек на снег и, сунув руки в карманы куртки, поспешил навстречу.

- Ну что? - его круглые карие глаза смотрели на меня с интересом и сочувствием.

- Ничего, - я дрожащими пальцами поправила берет. - Оказывается ваш Михайловский маньяк - это я! Или, на худой конец, я - тот самый коварный убийца, решивший закосить под маньяка. Во всяком случае, Галина Александровна - сто процентов моих рук дело. Я была знакома с ней ещё в Москве, а вот настигла только здесь. Ночью сделала свое черное дело, а утром по быстрому свалила из профилактория, потому что, в самом деле, зачем мне там было дольше оставаться?

- Подожди - подожди - подожди! Ничего не понял!

- И я тоже. Но следователь разговаривал со мной, как со злостным рецидивистом.

- Он что, тебя в чем-то обвинял? Так конкретно и сказал, что подозревает в убийстве?.. Это же бред какой-то!

- Ну, вообще-то, конкретно он ничего не говорил, но из Михайловска попросил пока не уезжать. Причем попросил убедительно и весьма настойчиво.

- Н-да... - Митрошкин скривился и почесал затылок. - У тебя действительно талант попадать в истории... Знаешь, что мы с тобой сейчас сделаем? Я позвоню Олежке Селиверстову - ну, этому своему однокласснику, и попрошу узнать, что к чему, и что этот твой следователь из себя представляет.

- Микки Рурка потрепанного он из себя представляет, - я невесело усмехнулась. - А узнавать... В общем, я даже не знаю, надо ли узнавать... Помнишь, я тебе говорила про девушку с бутылкой? Ну про даму, у которой было вино с виноградом на этикетке? Так вот, мы с ней вместе это вино вечером распили, а утром я про бутылку никому ничего не сказала. Алиска попросила не говорить.

Леха, полезший было в пачку за новой сигаретой, замер и озадаченно склонил голову на бок. Постоял так с полминуты, глядя на меня с веселым ужасом человека, твердо уверенного в том, что инопланетян не бывает, и вдруг узревшего прямо перед собой «маленьких зеленых человечков». Потом челюсть его вернулась в нормальное положение, глаза пару раз сморгнули, а из горла вырвалось нечленораздельное сипение.

- Ну-у-у... Ты-ы-ы... - за сипением последовал коклюшный кашель, а потом уже более осмысленное. - У тебя совсем, подруга, крыша уехала что ли? Какая ещё Алиска? Что значит, «попросила не говорить»?.. Я то, идиот, думал, что ты из любви к искусству в Шерлоки Холмсы подалась, а ты, значит, уже опять успела вляпаться?

- Да, никуда я не вляпывалась! Алиска - нормальная девчонка, и бутылка эта - чистая случайность... Просто если выяснится, что я что-то намеренно скрыла от следствия, будет ещё хуже... В конце концов, в чем они меня могут обвинить? В том, что я приехала к своему другу в гости? В том, что заболела?.. Улик-то против меня никаких нет.

- Во! Уже об уликах заговорили!.. Ну что ты за человек, а? Приехали, называется, мамино борща покушать и на лыжах покататься!

- Слушай, если тебе что-то не нравится, - мои плечи нервно передернулись, - я могу съехать от вас через час. Сниму здесь где-нибудь угол на неделю. Или в милицию переселюсь жить, раз уж я им так нужна, что мне даже из Михайловска выезжать нельзя.

- О! О! Давай теперь злиться и обижаться, - Леха обнял меня за талию и примирительно потерся холодным носом о мою разгоряченную щеку. - Уже и сказать ничего нельзя... Ладно, пошли домой - дома спокойно все обсудим. А Олежке я все равно позвоню: просто спрошу, что там и как.

И мы побрели мимо заснеженных деревьев и алюминиевых «ракушек» с амбарными замками, мимо крышек погребов, торчащих из-под снега, люками марсианских бомбоубежищ. В ближайшем же маленьком кафе Митрошкин в утешение купил мне стакан персикового сока и пирожное, и я с удовольствием поела, несмотря на, в целом, тоскливое настроение. Потом зашли в парк и покурили, сидя на спинке покосившейся лавочки (Елена Тимофеевна не знала, что я курю. Мне было как-то неловко в этом признаваться). В общем, постепенно, благодаря Лехиным стараниям, я успокоилась и, подходя к дому, уже не чувствовала себя такой несчастной.

- Все обязательно выяснится! - уже в сотый или сто пятидесятый раз уверенно повторял Митрошкин. - Они же просто обязаны всех допросить. Всех, кто мог хоть что-то видеть или слышать! Вот увидишь, и Алису твою, и Викторину Павловну, наверняка, вызывали. Викторины Павловне вашей, вообще, не позавидуешь: и труп обнаружила, и ножницы пообещала занести... Да нет, Женька, все

будет нормально. Ну посидим здесь ещё несколько дней, ну побеседуешь пару раз со своим Карташовым. Надо только что-то решить с этой бутылкой... Вот дуры вы, девки! Сразу бы сказали - проблем бы никаких не было!

Я смиренно кивала, изображая воплощенную женственность и кротость, а про себя думала, что проблемы бы обязательно были - да ещё какие! Если моей временной регистрации даже не в Москве, а в Люберцах хватило для того, чтобы сделать меня чуть ли не подозреваемой номер один, то что уж тогда говорить о винограде на бутылке?! Нет, я очень хорошо - просто отлично понимала Алискино нежелание привлекать к собственной персоне повышенное внимание милиции.

- В кино сегодня пойдём! - продолжал, между тем, психотерапевтический сеанс Леха. - Ты давно в последний раз в кино ходила?.. У нас, между прочим, не хухры-мухры - три кинотеатра в городе! В каком-нибудь что-нибудь приличное да идет... Вот ответь мне, печальная, перепуганная женщина, сколько кинотеатров в твоих богом забытых Люберцах?

- Люберцы - не мои, мой - Новосибирск.

- Не-ет! Так мы не договаривались. Ты скажи, сколько в Люберцах!

- Не знаю. Сдаюсь... Признаю свое поражение, - я уже почти не слушала его и отвечала невпопад - со скамейки возле митрошкинского подъезда поднялась женщина, показавшаяся мне смутно знакомой. Она быстрым, легким движением отряхнула серую нутриевую шубу и явно направилась к нам.

- При чем тут поражение?..

- Подожди, Леша, - мои пальцы выскользнули из его руки. - Подожди, я, кажется...

Женщина, тем временем, приблизилась ещё на несколько шагов. И теперь я её узнала. Узнала близорукий прищур серых глаз и лихорадочный румянец, неровными пятнами проступающий на щеках. Узнала обесцвеченные тонкие волосы - правда, теперь не распущенные по плечам, а собранные на затылке в аккуратный узел. По Лехе она лишь скользнула быстрым взглядом, а вот на меня уставилась холодно и неожиданно зло.

- Евгения Игоревна, - губы жены нашего доктора Анатолия Львовича (а это была именно она) кривились так брезгливо, будто выговаривали «Жаба Змеюковна», - я бы хотела побеседовать с вами наедине. Думаю, что это так же и в ваших интересах.

- А в чем, собственно... - начал было Митрошкин, но я прикрыла глаза в знак того, что все нормально, и нам, действительно, нужно поговорить. О чем будет беседа, я ещё не знала, но интуитивно чувствовала, что ничего особенно приятного не услышу. События начинали разворачиваться прямо таки стремительно, и дело принимало все более интересный оборот.

Изгнанный Леха пожал плечами и направился к заснеженной детской карусельке. Супруга Шайдюка, проводив его отсутствующим взглядом, снова повернулась ко мне:

- Так вот, Евгения Игоревна, если вы считали меня идиоткой, то, наверное, уже поняли что ошиблись?

В моей голове немедленно сформировались сразу два вопроса: первый почему я должна была считать её идиоткой, и второй - что, по её мнению, позволило мне убедиться в обратном. Хотя, на самом деле, вопросов было гораздо больше. Что все это значит? Чего она от меня хочет? И как, в конце концов, её зовут? Не обращаться же к ней, в самом деле, «Лизунок»?

- ... А если вы поняли, что ошиблись, то, надеюсь, немедленно вернете мне эту запонку.

- Подождите секундочку! - я решительно помотала головой. - Меня действительно зовут Евгения Игоревна, и поэтому вы вряд ли меня с кем-то перепутали. Но, честное слово, я ничего не понимаю... Что за запонка? Объясните пожалуйста все по порядку.

- Под дуру косишь? - моя собеседница неприятно улыбнулась. - Ну что ж - твое дело! А мое дело тебя предупредить, что если ты вовремя не остановишься, я тебя просто убью. Ты ничего не сделаешь ни ему, ни мне, и денег, естественно, не получишь. Во-первых, твоя запонка - ничего не доказывает, это никакая не улика, а во-вторых, можно запросто определить, что письмо написано тобой и доказать факт попытки вымогательства... Не на ту ты нарвалась: я с такими как ты, слава богу, уже знаю, как общаться.

- Но я, действительно, ничего не понимаю!

- Значит, продолжаешь? - она машинально поправила золотое кольцо на среднем пальце и, перехватив мой взгляд, усмехнулась. - Ну-ну, давай!.. Пару дней тебе на раздумья о том, что чужие вещи лучше бы вовремя возвращать хозяевам, а потом я начинаю действовать. Я такие улики,

дорогуша, в ответ состряпаю, что тебя не только за убийство - за терроризм с бандитизмом посадят! Надо же, какая шустрая выискалась! Только не на тех напала... А к Толе на три километра подходить не смей - глотку перегрызу!

Я не сомневалась в том, что госпожа Шайдюк сдержит обещание, только вот не понимала, что же мне теперь делать. Жалкие попытки прояснить ситуацию только усиливали её раздражение. Не подходить к «Толе»? Так ради ж Бога! С превеликим удовольствием! А вот вернуть запонку, которую я не брала? С этим уже посложнее.

Супруга Анатолия Львовича, тем временем, поправила на плече ремень сумочки, обогнула меня осторожно, но торопливо, как большую зловонную лужу, и быстро направилась к автобусной остановке. Леха же отлепился от карусельки и, наоборот, поспешил ко мне.

- Ну, а это что бы такое значило? - в его нарочито веселом голосе явственно слышалась тревога. - Такое ощущение, что ты уже с половиной Михайловска перезнакомилась. Что за баба? О чем вы с ней говорили?

- О том, что я, оказывается, не только маньяк, но ещё и автор анонимных вымогательских писем, о том, что я ворую чужие запонки, и скоро меня посадят за бандитизм и терроризм.

- А кто из вас двоих чокнутый? - совершенно серьезно осведомился Митрошкин. И я честно ответила:

- Не знаю...

Глава четвертая, в которой Леха иронизирует над психологией маньяков, а Виктория Павловна личным примером доказывает, что любопытство - не порок, а очень даже полезная вещь

Мы сидели на разложенном диване в Лехиной комнате и пили чай с вишневым вареньем. Точнее Леха время от времени прикладывался к чашке, а я только нервно обгрызала ногти, периодически с ужасом смотрела на то, что от них осталось, и тяжело, прерывисто вздыхала.

- Ну что ты, как старая умирающая обезьяна? - со всей нежностью, на которую был способен, спросил, наконец, Митрошкин. - И вздыхаешь, и вздыхаешь. И стонешь, и стонешь! Гагара, тоже мне... Что случилось? Ничего не случилось! Даже наоборот: теперь у нас есть версия.

- Целая куча версий, - я хотела просто прислониться к стене, но не рассчитала и больно стукнулась затылком.

- Да! Целая куча. Зря ты, кстати, иронизируешь... Эта баба явилась к нам просто как какой-то подарок судьбы.

- Ага! Сувенир этакий - бронзовая лошадь с крыльями. Посмотреть можно, а в хозяйстве не используешь... Не приду же я в милицию и не скажу: «А вот как раз после нашего с вами разговора, ко мне на улице подошла жена врача из профилактория и сообщила множество интересных вещей! Представляете, какое приятное совпадение? Так что я теперь не подозреваемая, меня отпустите с миром, а её поймайте?»

- Нет, ну так конечно не придешь и не скажешь, - Леха снова отхлебнул чай и со стуком поставил чашку на стол, - но, вообще-то, ситуация вырисовывается более чем интересная. Что мы имеем? Пропавшую запонку предмет мужского гардероба, причем гардероба парадно-выходного. Запонку, вероятно, принадлежащую вашему Анатолию Львовичу.

- Мне кажется, я эти запонки даже помню, - я отползла от стены и опустила ноги с дивана. - У него пиджак на вешалке за дверью висел. Пиджак был такой черный с мелкими «искорками», а запонки с янтарем. Только мы их, к сожалению, не имеем, и за это против меня через пару дней обещали развернуть целую военную кампанию.

- Да ничего она не развернет, она больше тебя боится, вот и огрызается... Давай рассуждать

дальше. Кто-то находит эту запонку и отправляет Шайдюкам анонимное письмо с предложением этот самый предмет гардероба выкупить. Почему им это предложение может быть интересно? Потому что запонка найдена в подозрительном месте. В рождественскую ночь Анатолий Львович надевает парадный пиджак с запонками и отправляется вместе с супругой и коллегами встречать праздник, и в эту же ночь убивают Галину Александровну Баранову. По идее, господин Шайдюк должен весь вечер сидеть в актовом зале и пить водку, но, возможно, он зачем-то возвращается в профилакторий и там одну запонку теряет. Косвенное подтверждение этому мы находим в словах его жены о том, что она состряпает улики «в ответ», и тогда тебе будет грозить обвинение не то что в убийстве - в терроризме с бандитизмом!

- Весело, просто обхотаться!

- Причем тут «весело»? Ты лучше ищи, что нелогично! Спорь со мной, давай!

- Ну, хорошо, - я уныло потеряла край клетчатого пледа, - давай спорить... Что доказывает потерянная запонка? Только то, что её потеряли. Да он мог обронить её ещё до того, как ушел на этот банкет! Какое-то слишком шаткое основание для шантажа: ну упала, закатилась куда-нибудь под плинтус, ну сразу не нашли... «Ах, вы нашли, драгоценный шантажист? Ну, спасибо вам. Верните вещичку и до свидания!»

- Ничего не шаткое! - Митрошкин шмыгнул носом и ногой отодвинул от себя сервировочный столик с двумя чашками и пустой вазочкой из-под варенья. - Нормальное основание. В самый раз. Тут главное дело - реакция «клиента». Это мы предполагаем, что кто-то просто нашел запонку, а может этот «кто-то» видел или слышал «что-то» более конкретное? «Клиент» знает, что рыльце у него в пушку и, естественно, боится, что его алиби или, наоборот, отсутствие оно, заинтересует милицию. «Клиент» умный, он не хочет лишний раз привлекать к себе внимание...

Бедное мое сердечко тревожно заныло. Алиса, Алиса, Алиса... Причем здесь Алиса? Да ни при чем!.. И все-таки она ведь тоже не хотела привлекать к себе внимание, она просила не говорить об этой бутылке...

- ...Если жена Шайдюка задержалась, значит, есть из-за чего дергаться. Значит, они чего-то боятся, значит, им есть что скрывать.

- То есть, ты предполагаешь, что наш Анатолий Львович вернулся ночью в профилакторий, грохнул Галину Александровну и потерял запонку? А кто-то эту запонку нашел и стал его шантажировать?

- Я ничего не утверждаю, но, вообще-то, получилось бы красиво! Вот вам, пожалуйста, и близкий знакомый, занимающий важную должность в профилактории, вот вам и объяснение того, что этот знакомый так и не нашелся.

- Значит, в «маньячестве» ты ему все-таки отказываешь?

- Почему отказываю? Пусть будет маньяком. На здоровье! Что, у маньяка не может быть знакомой пожилой женщины?.. Кстати, обоих убитых врачей ваш Шайдюк, наверняка, знал. С бабами с этими, правда, сложнее. Ну, с той, которую в подъезде грохнули, и с той, которая на хлебозаводе работала.

- Слушай... - я провела ладонью по лбу и на секунду прикрыла глаза, - мне сейчас одна идея в голову пришла. Она, правда, тоже из разряда чистых теорий, но все равно... Это по поводу знаков, которые убийца оставляет. Помнишь «съедобное-несъедобное»?

Леха кивнул.

- Хорошо, что помнишь! А теперь подумай: первое, третье и пятое убийство - картошка, семечки, виноград! Первое, третье - врачи, пятое совершено в больнице! Анатолий Львович - врач. Закономерность улавливаешь?

- Пока с трудом. Но, в общем, понимаю, о чем ты говоришь.

- Классно тебе! Я сама толком не понимаю. Просто чувствую: что-то в этом такое есть, что-то подозрительное и странное. Но вот знаки... Может быть есть какие-то медицинские символы с растениями связанные? Ничего в голову не приходит? А, Леш?

- Кроме змеи, которая в фужер плюется - ничего!

- Растения, растения... Может быть, что-то лекарственное? Но тогда бы какая-нибудь ромашка или шалфей логичнее смотрелись. А то - виноград! Что с виноградом ассоциируется? Бахус? Дионис?

Леха встал с дивана, прошелся туда-сюда по комнате, поправил штору на окне, лениво пнул футбольный мяч, валяющийся под письменным столом.

- Мне кажется, ты в какие-то дебри лезешь, Жень, - он присел на корточки, выкатил мяч на середину комнаты и похлопал по нему рукой. Бессмысленно это. Все равно не разберемся.

- А вдруг разберемся? Ты какой-то неазартный человек.

- Я азартный, но умный. Точнее, здравомыслящий. И именно поэтому маньяческую логику мне никогда не понять. Зачем оставлять какие-то знаки? Чтобы тебя поймали?.. Я понимаю, когда в «Казаках-разбойниках» стрелочки на асфальте рисуют: так по правилам игры положено, это информация для «казаков». Информация, в которой кто-то нуждается! А загадывать милиции загадки просто для того, чтобы показать какой ты непростой и загадочный?.. Разве не моветон - скажи?

Я пожала плечами:

- Ну, не знаю! Любой голливудский триллер возьми или ту же Агату Кристи. То «Десять негритят» у нее, то «три слепые мышки», то «пять поросят».

- А убивать в соответствии со считалочками, песенками и книжками - тем более, признак дурного вкуса! Раз ты маньяк, то маньячь себе и не выпендривайся. Или уж навороти такого, чтобы сам черт не разобрался. Безо всякой логики! А потом сиди и радуйся, какой ты умный.

- Не, Леш, ты не прав. Смысл ведь в интеллектуальном поединке преступника и следователя. У следователя должна быть возможность эту шараду разгадать. Вот если ему это не удастся, тогда да - убийца чувствует себе победителем... А потом ещё ведь говорят, что есть какой-то комплекс, желание быть пойманным? На подсознательном уровне.

- Да брось ты, Жень! - Митрошкин поморщился. - Какой ещё комплекс? Какой интеллектуальный поединок? Фигня это все! «Молчание ягнят» в колхозе Нижний Задрющинск!.. Вообще, ненавижу шизиков!

Финал был несколько неожиданным и чрезвычайно эмоциональным. Я же подползла поближе к вазочке из-под варенья, бескультурно провела по её липким стенкам пальцем и облизнула его, не выходя из состояния чрезвычайной задумчивости. Увлечшись дискуссией о психологической подоплеке серийных убийств, мы удалились от основной темы разговора, теперь же волей-неволей приходилось к ней возвращаться.

Был ли Анатолий Львович Шайдюк похож на «шизика»? Мог ли он оказаться тем самым михайловским маньяком? Имелись ли у него причины для того, чтобы убить конкретно Галину Александровну Баранову?

- О чем задумалась, красавица? - Леха снова загнал мяч под стол и, присев рядом со мной на диван, обнял меня за талию. Ладонь у него была широкая и теплая, как домашняя электрогрелка. - Не журись, девица! Все образуется. По крайней мере, в одном мадам Шайдюк сглупила: она предоставила тебе информацию, которой ты от неё же можешь защищаться. На любые меры, ты можешь ответить элементарными контрмерами - пойти в милицию и все рассказать.

- Ты же знаешь, что я не могу пойти в милицию, имея на руках одни домыслы. Меня просто никто слушать не станет!

- Да, но она-то об этом не знает!

- Может и не знает... И все-таки знаешь, Леша, что мне не дает покоя? Почему она говорила со мной открытым текстом? Не стала отпираться, притворяться, что к запонке никакого отношения не имеет, а сразу начала пугать!

- Ну, а что тут нелогичного? Представь, что ты - тот самый шантажист. У тебя на руках запонка, ты надеешься получить за неё большие деньги. Если тебе не заплатят, ты обещаешь, что отдашь запонку в милицию и заставишь правоохранительные органы заинтересоваться алиби Анатолия Львовича, а заодно и тем, был ли он знаком с убитой. Не забывай и такой момент: мы этого письма не читали и поэтому не знаем, что в нем ещё написано. Может быть, там излагаются такие факты, от которых просто не отопрешься? И что с тобой делать в этом случае? Или пугать, или платить! Ничего нового в своем «открытом тексте» мадам Шайдюк тебе не сказала, потому что ты и так все знала, иначе бы не взялась их шантажировать... Или?.. - Он вдруг наморщил лоб, обхватил подбородок рукой и в задумчивости принялся раскачиваться туда-сюда. Рука его постепенно сползла с моей талии. - Или может быть ещё такой расклад. Никакого письма не было... А правда, Жень! Вдруг никакого письма не было?!

Флегматичный Митрошкин вскочил с дивана резво, как кукла, которую вдруг дернули за веревочки. Круглые его глаза засветились просто бешеным огнем, и мне почему-то подумалось о

том, что начинать ходить в казино ему не стоит.

- ... Что если не было никакого письма, а она действительно просто предоставила тебе информацию. Намеренно предоставила!.. Допустим, что мадам Шайдюк хочет по какой-то причине избавиться от мужа, допустим, она знает, что на момент убийства у него нет алиби. В таком случае, смерть Галины Александровны для неё просто подарок! Вот в этом уже есть нормальная человеческая логика. Это мне уже начинает нравиться!.. Все правильно, все получается. Она сама пишет это анонимное письмо, или даже не пишет? Зачем оно ей? Вылавливает тебя и начинает запугивать, рассчитывая на то, что ты перетрусишь, но рациональное зерно из её слов, тем не менее, вычленишь и кинешься в милицию...

- А не проще просто с кем-то, кто гарантировано побежит в милицию, как бы поделиться своими тревогами и сомнениями?

- Ну ты даешь, подруга! - Леха довольно ухнул. - Для этого, действительно, надо выбрать какую-то хроническую сплетницу, которая гарантировано помчится в ментовку. А вкладывать какой-то болтливой тетушке своего собственного драгоценного мужа? Да кому хочешь, это покажется подозрительным!

- Но почему именно я?! - я тоже потихоньку начала заражаться его азартом. - Не Виктория Павловна, не Алиса, не повариха какая-нибудь, а я?!

- Да потому! С поварихой связываться просто глупо. Она с Анатолием Львовичем работает и неизвестно как к нему относится – может, любит без памяти? Виктория Павловна и Алиса - они все-таки местные. А ты - приезжая, причем особа нервная и истеричная. Ведь никто кроме тебя из профилактория не сбежал? Да ты сразу после разговора с ней должна была в кому впасть, а не сидеть здесь и не есть руками варенье!

- Вообще, пока логично... Но это, если письма действительно не было. А если оно все-таки было? Тогда почему я? Письмо анонимное, подписи нет... Почему я? Ты можешь мне объяснить?

- Ну вот, опять начала! - Митрошкин вмиг сделался скучным. - Не знаю, почему ты, я же тебе уже говорил. Надо было у мадам Щайдюк настойчивее спрашивать... И это, кстати, ещё одно очко в пользу того, что с письмом все сплошное вранье!

- А может просто у меня на лбу написано, что я - существо подлое и способное на всякие гнусности?

- Может и написано, - он вполне равнодушно пожал плечами. - Только мелко. А у меня зрение - минус три, поэтому я без линз не вижу.

Провоцировать Леху на комплименты всегда было занятием абсолютно бессмысленным, и я не особенно расстроилась. Снова отползла по дивану к стене и сцепила руки на затылке:

- И что же мне в свете всего этого делать? Опять молчать, как про бутылку, или идти в милицию, как круглой дуре? «Здрас-сьте! Слушайте мои версии, и не подумайте, пожалуйста, что я оправдываюсь»?

- Олечке, наверное, надо все-таки позвонить, - Митрошкин поскреб переносицу. - Может он что посоветует?.. А вообще...

Я посмотрела в его круглые карие глаза, опущенные светлыми ресничками, и вдруг поняла, что он думает о том же, о чем и я.

- А вообще, убедиться по крайней мере в том, что у Анатолия Львовича, на самом деле, нет алиби? Правильно?

- Не знаю как тебе, а мне кажется, что это было бы неплохо, - он утвердительно кивнул. - Тогда в милиции ты уже не будешь выглядеть обычной врушкой и сочинительницей, а что касается твоей детективной самодеятельности?.. Ну так это нормальный биологический инстинкт самосохранения. Станешь тут, пожалуй, и Эркюлем Пуаро и Шерлоком Холмсом сразу, когда в таком тоне допрашивают!

Я кивнула. Однако на душе отчего-то вновь стало нехорошо. Как-то грязно и холодно.

- И, значит, если окажется, что алиби у Шайдюка нет, то я просто как последний стукач пойду и заложу его милиции? В точности как хотелось его жене?

- Во-первых, что значит «как хотелось его жене»?! Мы не можем быть уверены в том, что письма нет! А во-вторых, что это ещё за слово «заложу»?

- Ну понимаешь, он ко мне так хорошо относился. Издевался, конечно, прикалывался, но это у него просто стиль такой. А, вообще, он, на самом деле, мужик нормальный, веселый... И тут я, как

последняя свинья!

- А если он - убийца?!

- А если у него были причины?

- О! Докатались! Здорово! - Митрошкин упер обе руки в широко расставленные колени и близко придвинул ко мне свое лицо с крупными, напроочь лишенными утонченного изящества чертами. - Не ты ли не так давно говорила, что для убийства не может быть достаточно веских причин? Что ни одному человеку не дано право решать, кому жить, а кому умереть? Говорила или нет?

- Ну, говорила...

В принципе, не хочешь, можешь никому ничего не рассказывать: копи себе секреты, как фарфоровая хрушка пяточки! И про бутылку молчи, и про Шайдюка... Накопишься до того, что тебя из-за этих секретов и грохнут. Ты, Женя, одного никак не можешь понять: к этой ситуации пословица «Попал в дерьмо - сиди и не чирикай!» не подходит!

- Да с чего ты взял, что я собираюсь сидеть, сложа ручки?

Он посмотрел на меня сначала просто странно, потом подозрительно, а потом в отчаянии схватился обеими руками за голову.

- Я понял! - Простонал Леха. - Я давно должен был понять. Какой же я дурак! И, главное, ещё сижу, как последний идиот, и предлагаю тебе убедиться в том, что у Шайдюка нет алиби! А ты, оказывается, уже давным-давно решила ввязаться в это дело? Ты просто не собираешься пока ничего говорить милиции, так? Ты опять начинаешь свое дурацкое независимое расследование?

- Почему «дурацкое»? - обиделась я. - И, во-первых, никакого не расследование. Просто хочу кое-что для себя прояснить. В конце концов, мне же тоже может быть обидно! Следовательно чуть ли не подписку о невыезде берет, эта стервоза в шантаже обвиняет, а я должна улыбаться, как идиотка, и всем все прощать... Надо просто узнать, была ли у Анатолия Львовича возможность убить Галину Александровну и была ли причина.

- Мотив, - Митрошкин тяжело вздохнул.

- Чего «мотив»?

- Мотив убийства... Если уж ты лезешь в следователи, то, по крайней мере, выражайся грамотно.

- Да куда я не лезу, - я встала с дивана, подошла к зеркалу и пластмассовой расческой начесала свою прямую челку на самый нос. - Просто ты же знаешь, что в нашей милиции творится? Нераскрытых дел в каждом городе - выше крыши, сажают кого попало, того, кто отвертеться не сумел. Маньяка вон вашего третий месяц поймать не могут. Так что спасение утопающих - дело рук самих утопающих.

- Суждения тупые и обывательские! - нравоучительно заметил Леха, играя заколкой, упавшей с моих волос. - Знаешь, что я сейчас вспомнил? Анекдот про чукчу, который в тундре за сугробом сидит и к европейцам заблудившимся на помощь не выходит. «Как в городе, так чукча-чукча, а как в тундре, так люди-люди». Помнишь?

- Помню, ну и что?

- А то. Ах, менты - дураки, ах ничего-то они раскрыть не могут. А небось, если бы тебя ограбили или в темном переулке по башке стукнули, как миленькая бы в милицию прибежала, и ещё вопила бы по дороге: «Спасите! Помогите, родненькие!»

- Ну и зачем ты со мной связался, раз я такая сволочь? - я убрала челку с носа и с неудовольствием взглянула на свое отражение в зеркале: лицо бледное, нос заострился, глаза какие-то запавшие и перепуганные. Хоть накраситься что ли?

- Да не сволочь ты, - он зевнул и рухнул спиной на диван. - Не сволочь, просто немножко придурочная. Но с этим уже, похоже, ничего не поделаешь...

Потом мы сидели в гостиной перед работающим телевизором и в два голоса пытались объяснить Елене Тимофеевне, зачем нам так необходимо связаться с Мариной.

- Так я не понимаю, зачем вы сами-то лезете выяснять? - искренне недоумевала митрошкинская мама. - Есть милиция, у них работа такая - людей допрашивать. Пусть приходят в больницу и узнают то, что им нужно. Вы то кто такие? Кто вам что скажет?

- Вот потому, мам, и нужна Маринка, - терпеливо повторял Леха, изредка косясь в мою сторону с явной досадой. - Она же тоже в больничном городке работает. Всех там знает, начиная с санитаров, заканчивая заведомыми.

- Но она ведь не ходит ни на какие праздники! - Елена Тимофеевна всплескивала полными

руками. - До праздников ли ей? Да и вообще...

- Я понимаю, что не ходит. Но спросить-то может? С какой-нибудь подружкой «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха»: «А был ли Шайдюк на банкете? А уходил куда или нет?» Ну, это же так просто!

- «Хи-хи»! «Ха-ха»! Какой ты все-таки черствый!

- Не черствый я, мам, не черствый! Просто, на самом деле, надо... Ну, позвони ей, а? А я сам поговорю и объясню, в чем дело.

Я сидела в мягком кресле и хлопала глазами, как полярная сова. Почему черствый? Почему нельзя «хи-хи» и «ха-ха»? И почему неизвестная мне Марина не ходит ни на какие праздники? Что, вообще, происходит, и почему меня не считают нужным в это посвятить?

Митрошкин прояснил ситуацию только тогда, когда Елена Тимофеевна, неодобрительно покачивая головой и, видимо, частично разочаровавшись в моих добродетелях, все-таки отправилась звонить. Бабушка в белом платочке и синей вязаной кофте, достававшей ей до колен, сидела в углу дивана и сосредоточенно смотрела «Угадай мелодию!». Леха обернулся было на нее, но махнул рукой:

- Все равно слышит плохо... Ладно, включайся, объясняю. Марина - это моя троюродная сестра, мамина двоюродная племянница. Короче, дочь её двоюродной сестры тети Оли. Она работает в кардиологии медсестрой уже лет восемь что ли? Конечно, все про всех знает, но с «хи-хи» - «ха-ха», вообще, неудобняк получился. Тетя Оля умерла недавно, а у Маринки больше никого нет, только дочка маленькая. С мужем они развелись, так что она теперь совсем одна осталась. Хорошая девчонка, правда, несчастная очень. Мать жалеет её сильно, вот и не хочет, чтобы трогали.

- Так может и не надо тогда? - я почти испуганно прикусила костяшку указательного пальца.

- Ладно уж. Начали. Что теперь?!.. Да я думаю, Маринка нормально все воспримет...

Марина действительно восприняла все нормально. Минуты через три Елена Тимофеевна позвала к телефону Леху. Он легко вскочил и бросился в коридор, а она вернулась в комнату. Мне было ужасно неловко и хотелось спрятаться куда-нибудь в стенной шкаф, но, к счастью, ситуацию спасла бабушка, вдруг спросившая:

- А тебя, деточка, что - в милиции обидели?

- Да не то чтобы обидели, - я виновато улыбнулась. - Просто я оказалась не в то время, и не в том месте. Поэтому и неприятности. У меня, вообще, свойство такое - все неприятности на себя собирать.

- А это тебя сглазили. Точно сглазили! - бабуля горестно покачала головой. - Потому и худенька така! Воск надо бы на тебя отлить. Раньше была у нас в Михайловске женщина одна - Гаянэ. Ох, хорошо отливала! Да я уж и не знаю, занимается ли она этим теперь?.. Позвонить что ли Поликарповне, спросить?

Елена Тимофеевна не выдержала и звонко хлопнула себя обеими руками по коленке, выглядывающей из разреза халата:

- Ну что ты, мама, такое говоришь? Какой сглаз? Какой воск? Женщину убили, ты это понимаешь? Вот поэтому её и таскают по милициям? У Алтуховых, не помнишь, как было, когда сосед тестя своего топором рубанул? Всех по сто раз допрашивали: и Зою саму, и сыновей, и слесаря даже, который в тот день подъезде трубы чинил... Просто надо спокойно и честно отвечать на вопросы, тогда все будет нормально.

Неодобрительный подтекст читался совершенно ясно: «Что вы ерундой маетесь? Расследования какие-то устраиваете! Без вас некому этим заняться?»

Я молчала, глядя на журнальный столик (в его полированной крышке отражался телевизор и виднелся перевернутый Пельш в ярко-красном костюме), бабушка по-стариковски сердито пожевывала дряблыми губами, а Леха громко и почти весело говорил в телефонную трубку:

- Ну, спасибо!.. Ну, пока!.. Ага, буду ждать звонка... Заранее тебе спасибо.

Марина позвонила на следующее утро в одиннадцать и разговаривала с Митрошкиным почти полчаса. В комнату он вернулся загадочный, как царица Нефертити.

- Ну, что? - нетерпеливо спросила я, чувствуя как сердце часто и сильно колотится где-то под самой ключицей. - Как там дела?

- Там? В смысле, в окружающем мире?.. Там все нормально, - он пожал плечами. - Погода, природа, температура воздуха минус пять. Вроде бы, все хорошо.

После этого мне немедленно захотелось треснуть ему по голове чем-нибудь тяжелым и железным, Лехой же вдруг овладела неодолимая страсть к чистоте. Пока я тихо зеленела от злости, сидя на диване, он навел порядок на книжной полке, выудил из-под стола мяч и засунул его на

антресоли и даже любовно расправил на окне шторку. И все это - радостно намурлыкивая себе под нос Бетховенскую «К Элизе» и демонстрируя чудовищное отсутствие слуха. В конце концов, не дождавшись повторного вопроса, он таки проговорил с некоторой неохотой и ленцой.

- А если вас интересует, что делал в ночь перед Рождеством Шайдюк Анатолий Львович, так я вам скажу. В половине первого ночи он покинул актовый зал, где народ предавался пьянству и порокам, и вернулся только в половине третьего - злой, как тысяча чертей!

Хотя я и ожидала услышать что-то примерно в этом духе, ощущение было такое, словно из теплой ванны меня мгновенно перекинули в ледяную прорубь.

- Ты уверен?!

- Маринка уверена, а это главное... Правда, перед тем как сообщить мне эту потрясающую новость, она минут десять нудила на тему того, что Шайдюк - «прекраснейший, интеллигентнейший человек», и подозревать его даже в безбилетном проезде в автобусе - свинство ужасное. А уж если мы имеем в виду это самое убийство, то нам просто немедленно полагается обуглиться от стыда... Пришлось сказать, что убийство тут абсолютно ни при чем.

- А где он был все это время, она, конечно, не знает?

- Почему же? Знает! - Митрошкин продолжал сиять самодовольством. Анатолия Львовича, якобы, вызвали на третий этаж терапевтического отделения, где у одной старушонки наступило резкое ухудшение состояния. Дежурил какой-то его друг, он и попросил подойти посмотреть. Старушонка под Рождество надумала отправиться на небеса, бедному Анатолию Львовичу пришлось с ней изрядно повозиться.

- Ничего себе! - я попыталась присвистнуть, но вместо этого зашипела, как змея (с искусством художественного свиста у меня всегда были большие проблемы). - Так это же значит?..

- Да. Я тоже так думаю, - он кивнул. - Алиби его, понятное дело, никто не проверял. Да никто им и не интересовался. Ну, маньяк и маньяк, раз почерк тот же! А у Анатолия Львовича, выходит, была прекрасная возможность заскочить в профилакторий и по-быстренькому грохнуть вашу Галину Александровну.

На улице взвыла и тут же заткнулась сигнализация чьей-то машины, с воинственным воплем пронесся ребенок, и снова все стихло. Сквозь прозрачный тюль было видно, что там, за окном, крупными хлопьями валится мягкий-мягкий снег. Я в задумчивости поправила под джемпером перекрутившуюся бретельку бюстгалтера.

Митрошкин немедленно встревожился:

- Куда-то собираешься?

Не понимаю, каким образом это движение сказало ему о моих намерениях, но, тем не менее, он оказался прав.

- Да хочу пойти прогуляться. Одна. Ненадолго... Ты не будешь возражать?

Леха, естественно, возразил, упирая на тот факт, что я ничего, дескать, здесь не знаю. Я в качестве контрдровода назвала овощной магазин, «Булочную», милицию и лесок, где находится лыжная база. На что Митрошкин радостно заухал и голосом опытного турагента принялся рекламировать чудесные утренние прогулки по милициям и лесам, где, возможно, прячутся маньяки.

Если бы этот доморощенный юморист знал, куда я, на самом деле, собираюсь!

В конце концов, мне удалось наплести ему что-то о необходимости подумать и сосредоточиться и невозможности сделать это в условиях густо населенной трехкомнатной квартиры. Леха, скрепя сердце, согласился. Я надела вместо джинсовой юбки теплые серые брючки, привела в порядок волосы, накинула свою «лису» и ровно в двенадцать по полудни вышла из подъезда дома с синими балкончиками.

«Я, конечно, понимаю, что твоим масштабным мыслям нужен простор», иронизировал Митрошкин, провожая меня до двери. - «Уединение где-нибудь в ванной или в стенном шкафу тебя ни в коем случае не устраивает». И он был прав. Меня вполне устроило бы только уединение в рабочем кабинете Анатолия Львовича Шайдюка, но для этого требовалась помощь Алисы...

Бело-зеленый «львовский» автобус остановился прямо перед воротами больничного городка. Кроме меня из него вышло ещё человек восемь пассажиров. Все они несли пакеты с передатками, какая-то тетушка прикрывала рукавом от снега роскошный букет бордовых роз. Сворачивая на тропинку, ведущую к профилакторию, я почувствовала что-то вроде укола совести. Нормальные

люди шли к своим нормальным друзьям и родственникам и собирались выражать нормальную человеческую благодарность докторам, которые этих самых родственников вылечили. И только я, как гнусная ехидна, в ответ на добро тщилась обвинить в убийстве врача, за два дня поставившего меня на ноги. Нет, права была отчасти Лехина сестрица Марина: свинство, конечно, ужасное! Но, если он все-таки убийца? Если...

Алиска только что вернулась с водных процедур и возлежала на кровати, поигрывая краем мокрого махрового полотенца, висящего на спинке стула. Моему появлению она, казалось, несказанно обрадовалась: тут же вскочила, приветственно завопила: «О! Какие люди!» и, сверкнув острыми коленками и шелковой комбинашкой, запахнула теплый розовый халат.

- Ну, присаживайся, присаживайся! - Алиска рассматривала меня, как Тарас Бульба вернувшегося наследника, и едва ли не приговаривала: «Поворотись-ка, сынку!». - Ничего, отъелась вроде. И не такая бледная. А то была - спирохета в натуральном виде!

- Спасибо, - с церемонным достоинством кивнула я, принимая комплимент как должное. - Ты тоже нормально выглядишь... Ну как тут у вас дела?

- А как дела? - она присела на корточки перед тумбочкой и достала коробку зефира в шоколаде и упаковку польского печенья. - Чай, кстати, будешь?.. Дела нормальные. ОМОН вон дежурит, ну, да ты сама видела. Дверь в тамбур закрыли. Теперь если курить, то только на балконе. А Шайдюк говорит, что вообще курить нечего, так как капля никотина убивает лошадь.

- Оригинально и потрясает воображение.

- Как и все, что он изрекает. Я так подумала, может, у него табун личный неподалеку на выгоне, и он тревожится, чтобы пары вредные до туда не донеслись?.. Что еще? Милиция была два раза, девятую палату всю вдоль и поперек излазали. Вроде предположили, что маньяк не с улицы пришел, а с вечера в больнице прятался, а наша уборщица давай кричать, что он, наверное, весь день в её шкафчике для ведер и щеток просидел. Ее, дескать, шестого на работе не было, вот маньяк и воспользовался. С чего она так решила - непонятно, но мы все хохотали до упаду.

- А с чего хохотали то? - изумилась я.

- Да ты представь себе чудика, который целые сутки прячется за швабрами в коридоре! Тогда бы каждый, кому нужна половая тряпка там или ведро, открывая дверцу, с этим мужиком нос к носу сталкивался. Одни мы с тобой за день раза по три что-нибудь разливали: то компот, то чай, то микстуру. А на всех здешних обитателей сколько раз получается? Да у него бы язык отсох здороваться: «Здравствуйте! Очень приятно. Маньяк... Здравствуйте. Очень приятно. Маньяк».

- Веселитесь, значит?

- Ну а что теперь, до скончания дней плакать что ли? Вон народ новый заселился по сниженной стоимости, так те, вообще, чуть ли не на экскурсию в девятый номер рвутся.

- Алис, а с чего взяли то, что он с вечера в больнице сидел? Какие-то факты новые обнаружили? - мысль о том, что версия с Шайдюком, похоже, подтверждается, не давала мне покоя. - Или это так, на уровне сплетен?

- А я почему знаю? - она пожала худыми плечами и воткнула, наконец, вилку электрочайника в розетку. - Наверное, на уровне сплетен... Во всяком случае, нам никто официально не докладывался... Ну а ты-то как? Как там Леша твой поживает?

- Леша? Леша нормально...

Я смотрела на легкий дымок, начинающий виться над крышкой чайника, слушала бульканье закипающей воды и думала о том, что нужно все-таки переходить непосредственно к цели визита. Однако, следовало решить, раскрывать ли перед Алисой карты или же прояснить для неё ситуацию лишь частично. В любом случае начинать прямо «с начала» и заявлять о том, что убийцей вполне мог оказаться Шайдюк, казалось мне кощунственным.

- А с бутылкой-то твоей что? - начала я издалека.

- С бутылкой? - моя бывшая соседка даже замерла с чашками в руке. Напоминание и винограде на этикетке её явно не обрадовало. - Нету больше бутылки. На помойке она - там, где ей и положено быть. Муж мой приехал после работы, завернул её в газету и увез подальше... А с чего ты вдруг спросила?

- Да так... Просто, понимаешь, мне кажется, есть человек, на которого падает куда больше подозрений, чем на тебя, вот я и подумала...

- Женька, ну-ка колись! Ты что ли знаешь, кто Галину Александровну «того»?..

- Ничего точно я не знаю. Просто произошло кое-что странное, да и потом, если милиция подозревает, что убийца уже с вечера был в больнице...

Алиса торопливо швырнула в обе чашки по одноразовому пакетику заварки, плеснула кипятком так, что он чуть ли не гейзером взвился к потолку, и села, подперев обеими ладонями подбородок:

- Колись-колись! И без длинных вступлений, ладно? Еще со школы всякие предисловия терпеть не могла... Ну что, ты боишься, что я кому-нибудь разболтаю, да?

- Не в этом дело. Если все подтвердится, то так и так придется сообщить милиции... Просто мне нужна твоя помощь. Ты только не подумай, что я это требую в качестве взаимной любезности за бутылку. Не хочешь, можешь не помогать. Я абсолютно не обижусь...

- Да что тебе, в конце концов, нужно то? - не выдержала Алиса. И тогда я, опустив глаза в пол, пробормотала:

- В кабинете Шайдюка под стеклом на столе лежит листочек. Там записаны телефоны и адреса медперсонала. Я не знаю, конечно, для кого этот листочек предназначается: если для общего пользования - одно дело, а если только для Анатолия Львовича - совсем другое... В общем, мне нужен домашний адрес самого Шайдюка. Я думаю, что Галину Александровну мог убить он.

Минуты три, не меньше, бывшая соседка смотрела на меня отупевшими от удивления глазами. Вроде бы из раскосых и слегка подтянутых к вискам они даже сделались круглыми. Потом Алиса звонко (на зависть мне!) присвистнула и, переместив указательный палец к виску, сделала несколько недвусмысленных вращательных движений.

- Ты чего, совсем рехнулась? - поинтересовалась она. - Ты, на самом деле, Шайдюка подозреваешь?

Моим психическим здоровьем регулярно и заботливо интересовался Митрошкин, поэтому я не обиделась:

- Алиса, поверь мне на слово: для подозрений есть достаточно веские основания. Анатолий Львович мне и самой нравится, но это не повод для того, чтобы при жизни причислять его к лику святых. Я бы не лезла в эту историю, если б меня в неё усиленно не втягивали, так что не надо меня ни в чем убеждать. Хочешь помочь - помоги, нет - разойдемся тихо и мирно.

- Да разойтись то мы, конечно, разойдемся. Только вот что ты после этого наколбасишь? У тебя мозги, вообще, есть? Ты бы ещё тетю Таню-повариху заподозрила! Тебе же ясно сказали, что это - маньяк! Что, по-твоему, Шайдюк и всех остальных убил? Тоже мне, нашла Джека-Потрошителя!

- Или маньяк, или кто-то работающий под маньяка, - я упрямо гнула свою линию. - Я же тебе говорю, у меня есть причины подозревать Анатолия Львовича.

- Чокнулись просто все! - Алиса всплеснула руками. - Не профилакторий, а сумасшедший дом. Уборщица теперь у каждого нового ОМОНовца документы проверяет - боится, что маньяк переодетый. Лесников, ну этот, псих наш местный, мыться перестал и носки свои стирать. Сосед его говорит, он их в мешок складывает, целую вонючую кучу уже накопил, а все потому, что боится в душе один оставаться. Как только ещё в туалет в индивидуальном порядке ходит?

- Сосед? Он же вроде один жил?

- Попросил, чтобы его к новенькому дядьке подселили. А то за ним обязательно маньяк в одноместный номер пришел бы! Ага! Унюхал бы его носки и сразу в обморок хлопнулся.

Я осторожно улыбнулась. Алиса взглянула на меня исподлобья и отхлебнула остывший чай из чашки. Буря праведного негодования, похоже, немного улеглась.

- А чего ты так взбесилась то?

- Да ничего я не взбесилась, - она раскрыла коробку и достала шоколадную зефиринку, похожую на шляпку гриба-подберезовика. - И это не из-за тебя даже... Просто из-за такого количества версий, на самом деле, с ума сойти можно. И, главное, каждый горюдит кошмарную чушь, и у каждого такие серьезные поводы для подозрений - просто умереть - не встать!

- Какие ещё версии? - я насторожилась.

- Ну, первая - то что маньяк - это я! В связи с этой бутылкой, с виноградом нарисованным... Твоя, заметь, версия - правда, вслух не оглашенная!

- Я, кстати, тоже - маньяк.

- Да? Как приятно!.. А тебе это кто сказал?

- Добрый дядя из милиции. Правда, тоже не сказал, а только намекнул.

- Ну, значит, за нас - маньяков! - Алиса легонько чокнулась краем своей чашки о мою. - А с чего

вдруг тебя в маньяки записали?

- Сейчас это не так важно. Ты не волнуйся: про бутылку я ничего не сказала... Лучше дальше давай: какие ещё версии есть?

Она отставила чашку в сторону, надкушенную зефиринку положила рядом, задумчиво поводила указательным пальцем по полированной поверхности стола.

- Ты знаешь, я не уверена, что имею право тебе это рассказывать, - её глаза снова были спокойными, но далеко не простыми. - Все это, конечно, чушь собачья, но, тем не менее, странная чушь...

- Алиска, ну уж сказала «а», говори и «б»!

- Да ничего я тебе ещё не сказала! Ты же мне не говоришь, все тайны какие-то, тайны...

- Но это касается Анатолия Львовича?

- В том-то и дело, что не касается! И тоже подозрительно и, якобы, убедительно.

- Знаешь, что, - теперь уже разнервничалась я, - не хочешь говорить, не говори! Пусть милиция твои «убедительные» версии выслушивает. Я так понимаю, что помощи мне от тебя не дожидаться...

- Да погоди ты! - Алиса досадливо наморщила нос. - Сядь. Куда ты ломишься? Просто, может быть, твоя версия и то, что мне рассказали - это как-то пересекается... В общем, сначала я хочу знать, почему ты подозреваешь Шайдюка?

По коридору процокали чьи-то каблучки. Она встала и плотнее прикрыла дверь. В комнате словно вдруг стало темнее.

- Короче, так, - я перекинула свой куцый «хвостик» через плечо и затеребила кончики волос, - я тебе расскажу, что к чему, но если после этого ты откажешься мне помочь, то будешь просто свиньей!

- Чтоб мне на мясокомбинате сгинуть! - поклялась Алиса, и я начала рассказывать...

Когда мое недолгое и какое-то путанное повествование подошло к финалу, она уже обдирала алый лак на четвертом ногте. Лицо у моей бывшей соседки было странно сосредоточенным, глаза пустыми.

- Ну вот что! - несколькими резкими движениями она стряхнула крошки сухого лака с пальцев и поднялась, запахнув халат. - Я хочу, чтобы все это ты услышала от нее. А то ещё скажешь, что я что-то придумываю.

- Да от кого, от «нее»-то? - начала было я. - Кого ты ещё хочешь сюда привести?

Но Алиса уже вышла из комнаты, аккуратно притворив за собою дверь.

Вернулась она минут через пять в компании Виктории Павловны. Та казалась испуганной и ужасно взволнованной и от этого ещё сильнее, чем обычно, шаркала ногами в коричневых кожаных шлепках.

- Здравствуйте, Женечка! Ой, девочки, да что же это? - запричитала она, грузно опускаясь на стул.

- Вот вы ей расскажите «что же это»! - бывшая соседка ткнула в меня своим тонким указательным пальцем. - Не бойтесь, она тоже с места в карьер в милицию не побежит. Ей невыгодно.

Виктория Павловна неловко замялась, разглядывая свои полные колени, обтянутые синими трикотажными спортивными брюками. Алиса же соизволила объяснить:

- Она ко мне вчера пришла. Мучилась-мучилась, потом решила кому-нибудь душу излить... На невинного человека милицию натравить, конечно, страшно, но то, что этот самый человек ночью придет и молотком по голове огреет, ещё страшнее. Правда, Виктория Павловна?

Бедняжка кивнула.

- Так вы Женьке-то расскажите. Она у нас чемпион мира по логическому мышлению. Сейчас мне такие версии излагала! Одна, кстати, к вашей истории очень даже подходит.

Я вздрогнула и вопросительно взглянула на Алису. Но та, вывернув ладонь под прямым углом, как какая-нибудь жрица с египетской фрески, переадресовала меня к нашей гостье.

- Ох... - Виктория Павловна тяжело вздохнула. - Вы не представляете, девочки, как мне страшно все это вспоминать. И ножницы эти злосчастные я отнесла, и Галину Александровну, пусть земля ей будет пухом, обнаружила. Да ещё и...

- Рассказывайте-рассказывайте! - Алиса снова включила чайник в розетку и подвинула к гостье распечатанную упаковку печенья. - Чего так волнуетесь? Вы же не в прокуратуре.

- Вам не понять еще! - она помотала головой. Заколка, придерживающая её густые волосы над левым ухом, с легким щелчком расстегнулась и оттопырилась, как забавный рог. - Вы молодые еще, мало чего в этой жизни видели... А сколько людей по тюрьмам сидит просто из-за того, что следователь плохой попался? Знать бы, что как положено разберутся, тогда другое дело.

- Виктория Павловна, вы что - что-то знаете про убийство? - раскрыла, наконец, рот я. - Вы кого-то подозреваете?.. Клянусь, что в тайне от вас я ни в какую милицию не побегу! Мы все втроем обсудим, и если решим, что стоит говорить - тогда скажем, а если нет...

- Да не может это иметь отношение к убийству! Не может! Ведь маньяк же, маньяк Галину Александровну убил!

Виктория Павловна заговорила вдруг с такой горячностью, словно из последних сил пыталась убедить сама себя. Яростно рванула расстегнувшуюся заколку, выдернув несколько волосков, прижала ладонь к левой стороне груди, помолчала, считая частоту сердечного ритма.

- Ладно, расскажу, - проговорила она, наконец. - Только не дай бог вам и мне вместе с вами взять такой грех на душу и засадить невинного человека!.. Слушайте, Женечка. Алиса уже все знает... Помните, мы с вами вечером шестого выпили вино, и я пошла спать? Расправила я постель, легла, уснула даже. А потом просыпаюсь среди ночи и чувствую, что мне как-то нехорошо: сердце колотится, виски ломит, душно...

Она проснулась среди ночи и почувствовала себя как-то нехорошо: сердце гулко колотилось о ребра, виски разламывались от боли, дышалось с трудом.

«Опять давление подскочило», - с горечью подумала она, садясь в постели. - «Ну что за жизнь такая под старость лет! Бокал вина выпить нельзя! И вино-то было хорошее».

Муж тихо сопел и посвистывал носом, отвернувшись к стене. Луна ровным бликом отражалась в его круглой лысине. Виктория Павловна наклонилась к тумбочке, выдвинула ящик, достала коробочку с «Панангином», высыпала на ладонь пару таблеток. Не запивая, проглотила.

Голова по-прежнему гудела. Она, скрипя пружинами матраца, отодвинулась к стенке и прислонилась затылком к бетону, приятно холодящему даже сквозь слой штукатурки и обоев. Почему-то вспомнилась энергетическая спираль с маленьким синим шариком на вершине.

«Надо будет поподробнее поговорить с этой женщиной. Может, и в самом деле, помогает? Привезла же она её зачем-то с собой в профилакторий?.. Где-то ведь находят люди всякие народные средства, а тут ешь таблетки горстями, а толку никакого».

Муж заворочался в постели, глухо застонал, во сне взмахнул рукой и как-то неудобно подвернул её под голову.

«Тоже ведь больной человек», - подумала Виктория Павловна. - «И почки, и желудок... Сколько нам ещё осталось? Лет десять может быть. А там никакие лечебные ванны не помогут... Кстати, ванну бы сейчас принять неплохо. Или хотя бы душ. Прохладный душ».

Мысль о прохладном душе показалась неожиданно приятной. Струи воды, льющиеся на затылок, смывающие горячую боль, прогоняющие тошноту... «Интересно, а душ на ночь закрывается?.. Да нет, вряд ли. Там и замка снаружи никакого нет».

Придерживаясь рукой за спинку кровати, она встала, нащарила ногами шлепанцы. Аккуратно сложенный спортивный костюм лежал на стуле... Нет. Натягивать трико и узкую кофту на длинной «молнии» - слишком муторно, слишком тяжело. Не хочется. А вот на полочке в стенном шкафу хранится зеленый фланелевый халат. Виктория Павловна взяла его так, на всякий случай: она и дома-то предпочитала не носить халатов - или длинные юбки или полуспортивные брюки. Но сейчас халат был как нельзя кстати.

Стараясь не шуметь, она прошла через комнату, открыла шкаф, нащупала пальцами мягкую, нежную фланель. Накинула халат прямо поверх батистовой ночной сорочки. Взяла полотенце. Муж не проснулся даже тогда, когда довольно громко скрипнула дверь. Виктория Павловна вышла из номера и...

В коридоре разговаривали мужчина и женщина. Точнее, она слышала только женский голос, но, судя по смыслу произносимых слов, мужчина занимался более важным, чем пустые разговоры, делом.

- Господи, как мне хорошо! - женский голос срывался на счастливый стон. - Как я люблю тебя! Какие у тебя губы...

Парочку не было видно. Вероятно, они стояли в стенной нише, напротив одной из палат. В этой

самой нише ещё висел отвратительный пейзаж с болотными камышами и убогим подобием уток. В бытность свою охотником муж Виктории Павловны уток добывал, и она прекрасно знала, что те ни в коем случае не выглядят, как бройлерные цыплята.

- Еще, хороший мой! - продолжала женщина. - Господи, в пустую бы квартиру с тобой и запереться дня на три... Никогда ещё со мной такого не было. Никогда!

«Боже, неудобно-то как!» - подумала она, прижимаясь к стене. - «Сейчас ведь пойду обратно в комнату, опять дверью скрипну - точно услышат. И поймут, что их подслушали. Вот влипла дура старая... Как-то надо на цыпочках, что ли?».

В том конце коридора, где стояла Виктория Павловна, лампочка не горела. Увидеть её могли бы вряд ли, а вот услышать!

- А, знаешь, я даже хочу, чтобы он знал! - как-то яростно и неистово выдыхала женщина. Голос её болезненно прорывался сквозь шелест одежд. - Я хочу, чтобы он знал, что есть настоящие мужчины, что нашелся человек, который смог сделать меня счастливой...

«Или лучше переждать?» - промелькнуло в голове у Виктории Павловны. «Действительно ж, не отдельная квартира! Ну, сколько они могут там стоять? Минут пять еще, а потом уйдут... В мою сторону не пойдут явно. Куда здесь идти? К мужику этому нервному в номер что ли?.. А может это он и есть? Охальник!»

От мысли о том, что щедушный мужичонка с жидкими бакенбардами может заставлять так стонать страстную и молодую, судя по голосу, женщину, ей вдруг сделалось смешно. Она даже, не сдержавшись, хихикнула, торопливо прикрыв ладонью рот. Но её опять не услышали.

«Нет, в самом деле, лучше переждать! Так хоть никому неудобно не будет... Да скоро они закончат, в конце концов?!»

И, словно услышав её мысли, женщина в последний раз тихо простонала, а потом благодарно прошептала:

- Спасибо, хороший мой!

Снова шелест одежды. «Наверное, юбку поправляет?» Прерывистый вздох. Легкий сухой стук. «Пейзаж с камышами» ударился стенку? Как ещё не своротили его к чертовой матери, любовнички?»

Виктория Павловна не хотела смотреть. Самой себе клялась, что не хотела. Ну, может быть, только одним глазком? Что там за мужчина? Наверное, черненький и смуглый, как в сериалах показывают?

Но никакого мужчины не было. Из стенной ниши выглянула женщина в брючном костюме и, держа в руке туфли на каблуках, быстро проскользнула к выходу в тамбур.

Теперь ей стало ещё интереснее. Она подождала. Мужчина не появлялся. Лампа дневного света тускло сияла под потолком. Освещение, конечно, было не очень, но не настолько плохое, чтобы не заметить человека, идущего по коридору. Можно пропустить таракана или мышку, но не человека же!

Виктория Павловна почувствовала что-то отдаленно похожее на тревогу. Она уже не думала о головной боли и пульсирующем в висках давлении. Может «Панангин» подействовал, а может просто впечатления оказались слишком сильными? Сделав пару осторожных шагов, потянулась к дверной ручке и нарочито скрипнула дверью, чтобы как-то объяснить свое присутствие в коридоре. И снова ничего - ни шороха, ни звука!

Тогда она, мелко шаркая ногами, прошла мимо лестницы, спускающейся в холл, и остановилась прямо перед нишей. Там никого не было. Ни мужчины, ни женщины, ни таракана, ни мышки. Только пейзаж все ещё покачивался на гвозде, как бы напоминая о том, что здесь все же что-то происходило. Виктория Павловна недоуменно огляделась: прямо напротив - дверь десятого, нежилого номера, чуть ближе к холлу - девятый, к тамбуру - одиннадцатый.

«Странно!» - подумала она и пошла в душ. - «Воображение у неё что ли такое богатое? Всякие ведь женщины бывают... Или он все-таки в какой-то номер успел прошмыгнуть? Но как? Как?!»

В коридоре было пусто и тихо. И только шорох её собственных шагов вкрадчивым эхом отражался от стен...

- Только я шла, больше ничего! Ни звука! - Виктория Павловна сцепила руки на животе и откинулась на спинку стула. - Я все до сих пор думаю, если мужчина там, действительно, был, как же они меня не услышали? Ну, когда я в первый раз дверью скрипнула?.. Хотя им, конечно, не до того было. И все-таки странно...

- Но вы-то для себя это как-то объясняете? - я почти машинально залезла рукой в коробку с зефиром и достала залитый шоколадом «грибок». - Вы то что по этому поводу думаете?

- Да я не знаю, - она страдальчески сморщилась. - Правда, девочки, не знаю... Ну, может быть, она там с самого начала одна была?

Алиска довольно кивнула, словно отмечая, что мы, наконец-то, добрались до самой интересной части повествования.

- ...Может быть, она как раз услышала, что дверь скрипнула, и специально начала за двоих говорить, чтобы человек засмущался и обратно в палату ушел? Ну, не хотела, чтобы её здесь видели?

- Интересно, - я оставила зефирку в покое и подалась вперед. - В принципе, логично... Только что же она тогда, в конце концов, вышла, второго скрипа двери не дождавшись? Или, вы думаете, она была уверена, что вы тут же обратно в номер нырнули?

- О, Господи! - Алиска с выражением крайней досады на лице обхватила голову руками и высунула из волос длинные шевелящиеся пальцы. - Лишаю тебя, Жень, звания чемпиона мира по логическому мышлению. Услышала - не услышала? Подумала - не подумала? Какая разница?! Ты лучше спроси, кто это был!

- И кто это был? - горло мое перехватило внезапным спазмом.

- Жена нашего Анатолия Львовича, - горестно и просто выдала Виктория Павловна. - Я её очень хорошо разглядела.

А мне вдруг подумалось, что в театральном спектакле в этом месте звукорежиссер непременно дал бы мощный, тревожный и медленно тающий в воздухе аккорд...

Глава пятая,

в которой я демонстрирую глубокое знание уголовного жаргона на фоне постыдного невежества в области собаководства и балета

После того как отзвуки воображаемого аккорда растаяли в воздухе, в комнате ещё минуты три висела вязкая, напряженная тишина. И Виктория Павловна, и Алиса ждали моей реакции. Я же тупо смотрела прямо перед собой и пыталась каким-либо образом связать в единое целое потерянную записку, письмо шантажиста, тот факт, что жена Шайдюка обратилась с претензиями именно ко мне, и то, в конце концов, что она сама, а не Анатолий Львович, оказалась ночью на месте преступления. Логическая цепочка, однако, выстраиваться упорно не желала, а Алисе надоело ждать.

- Эй! - она несколько раз щелкнула перед моим лицом пальцами. - У тебя такой видок, будто в девятой палате застали твою личную, горячо любимую бабушку... Чего ты по этому поводу думаешь то? А, Жень?

- Я думаю, где тогда был Шайдюк с половины первого до трех часов ночи?

- Ну тебе же русским языком сказали, что он реанимировал бабуся!

- Лично мне никто этого не говорил, - я отхлебнула противный холодный чай, за веревочку вытащила пакетик из чашки и бросила его на крышку картонной коробки из-под зефира. - Точнее, мне это сказал Леша, ему троюродная сестра Марина, ей - ещё кто-то, а этому «кому-то» - может быть, сам Анатолий Львович.

- Ой да, девочки! В таких историях правды, как у змеи ног - не найдешь! - Виктория Павловна стеснительно потянулась за печенюшкой, посыпанной корицей и сахаром. - А может и не надо искать? Все равно ведь Лиза эта... как ее? Васильевна? Ну да, Елизавета Васильевна... Все равно ведь она не могла Галину Александровну задушить. Это сколько же силищи надо?! Покойница-то не миниатюрной женщиной была.

Алиса, усмехнувшись, поправила манжет короткого плюшевого халатика:

- А зачем какая-то особенная силища? Она же ей не голову оторвала и не позвоночник пополам переломила. Подушку на лицо, сверху самой плюхнуться и все! Привет семье! Если б её там вешать надо было или проволоку на шее затягивать, или расчленять...

Половинка печенюшки с сухим стуком упала на пол, корица бурой пылью рассыпалась по ковру. Виктория Павловна сидела, низко опустив голову, и разминала в пальцах остаток печенья. Руки её, голые почти до локтя, были покрыты мелкой «гусиной кожей».

- Ну, до чего все нервные, а?!

- Ладно, Алис, - я прокашлялась. - Все это интересно, но мы как-то забываем о запонке, которую потерял Шайдюк. Елизавета Васильевна, конечно, Елизаветой Васильевной...

- Слушай, ну ты же сама говорила, что может, и не было никакого письма! И запонки тоже никакой не было, соответственно. Может она его подставить хочет? Тем более, похоже, ей есть резон это делать, - в Алисином голосе послышалось что-то вроде упрямой детской обиды. Похоже, ей весьма импонировала классически-детективная версия про злую жену, задумавшую погубить доброго, ни в чем не повинного мужа.

- А если все-таки есть и письмо и запонка? Тогда что?

- Ничего тогда... Может это, вообще, её запонка? Костюм-то у неё брючный был.

- Ага. И с запонками. И с галстуком. А под брюками - трусы семейные. В горошек!

Виктория Павловна придушено и нервно хихикнула, и я вдруг ясно представила, как она прикрывала рот ладошкой, прижимаясь той ночью к холодной темной стене.

- Зря, кстати, иронизируешь, - моя бывшая соседка разобиделась ещё больше. - Бывают, между прочим, специальные женские запонки! Вон у меня приятельница в бутике работает, они по всякой кожгалантерее и бижутерии специализируются - так там каких только прикамбасов нет: и зажимы специальные для дамских галстуков, и жилетные цепочки, и ремни с пряжками здоровенными.

- Хорошо. Пусть, - в затылке у меня запульсировала дергающая, нудная боль - первый признак того, что я начинаю злиться и уставать. - Оставим пока эту тему... Алис, ты сделаешь то, о чем я тебя просила?

Вместо ответа она молча поднялась, как-то очень независимо повела плечами и свободной, раскованной походкой манекенщицы направилась к входной двери. Шея у неё была длинная и красивая, а узкий мысик черных волос, спускающийся почти до воротника халата, казался по-детски трогательным и беззащитным.

На некоторое время мы с Викторией Павловной остались вдвоем. Она молчала, едва заметно покачивая головой в такт каким-то своим мыслям и разглядывая коротко остриженные ногти, я молчала тоже. Ее, вероятно, тревожили возможные последствия сегодняшнего разговора, меня - то что цепочки, как ни верти, не получалось. Если письма, на самом деле, не было, то цель у Елизаветы Васильевны могла быть только одна - привлечь внимание к отсутствию алиби у Анатолия Львовича. Но как связать это с тем, что она сама находилась ночью неподалеку от места преступления? Был ли мужчина смуглый красавец-любовник - которого, в принципе, могла проворонить Виктория Павловна? Все-таки в коридоре ночью довольно темно, да и потом у неё зашкаливало давление и болела голова... Была ли запонка? Женская запонка... Но почему тогда мадам Шайдюк яростно шипела мне в лицо: «Вы ничего не сможете сделать ни ему, ни мне... Не смейте подходить к Толику ближе, чем на три километра»? При чем тут, вообще, Толик?.. Или срабатывает «вариант первый», при котором Елизавета Васильевна ставила перед собой совершенно конкретную цель - заложить мужа, или же запонка все-таки была мужской... И опять замкнутый круг: когда эту несчастную запонку успел потерять Анатолий Львович, и что делала мадам Шайдюк в коридоре профилактория той страшной ночью?.. Мертвый, синюшный свет люминесцентной лампы, на стенах - пейзажи в легких рамках. Круглые деревянные ручки на темных дверях палат. Женщина, вжимающаяся спиной в стенную нишу и начинающая разыгрывать нелепый спектакль. Зачем? Для чего?.. Для того, чтобы человек, скрипнувший дверью, засмутился и ушел? Чтобы не заметил её и на утро, когда будет обнаружен труп, не сделал опасных выводов? Но этот человек вполне мог узнать голос, особенно, учитывая то, что мадам Шайдюк прошла вечером по палатам и неосторожно поздравила всех с наступающим Рождеством. Она сильно рисковала. А был ли у неё другой выход?.. Как бы я поступила в такой ситуации? Затаилась? Шмыгнула в первую попавшуюся палату? Рванула в тамбур?.. Ну, я, конечно, не пример для подражания, потому что в критические моменты способность мыслить здраво и хладнокровно у меня атрофируется напрочь. Но она. Она - это далеко не я!.. Приходится признать, что идея с парочкой, занимающейся любовью - очень даже ничего! Единственный выход? Похоже на то... Хотя, нет! Не единственный. Почему бы, например, не сделать светское лицо и не пойти прямо навстречу злосчастному лунатику, которому приспичило разгуливать по ночам? Не

спросить вежливо и улыбочиво, не вызывали ли к кому-нибудь из пациентов профилактория её мужа - Анатолия Львовича? Она, дескать, его ищет и никак не может найти?.. Вариант почти беспроектный. В тот момент Елизавета Васильевна точно знала, что Шайдюк в актовом зале нет. И ничего подозрительного не было бы в её вопросе... А может быть, она просто не хотела привлекать внимание к тому, что Анатолия Львовича нет среди врачей, празднующих Рождество? Может быть она, на самом деле, защищала мужа? И в истории с запонкой, и... тогда?!

Я больно сжала ладонями виски, пытаюсь поймать ускользающую мысль. «Она защищала мужа... Защищала мужа... Защищала... Она ушла из актового зала после того, как на срочный вызов умчался Шайдюк. Мужа рядом не было, и никто, естественно, не спросил, куда она идет. Да никто, наверное, и не заметил её отсутствия... Она надеялась, что он не вернется в ближайшие полчаса. А, может быть, знала, что не вернется? Может быть, знала, что он пошел вовсе не к умирающей старухе?.. Вызов... Что, если не было никакого вызова?.. Она знала, куда он идет, и пошла за ним. Она пошла вместе с ним!!! «Вы ничего не сможете сделать ни ему, ни мне»...

Словечко «шухер» - полууголовное - полудетсадовское, нелепой каракатицей всплыло в памяти. Я больно прикусила нижнюю губу и, похоже, ахнула вслух, потому что Виктория Павловна как-то тревожно заерзала на стуле. «Шухер», «атас»... Как же ещё это называлось? «Постой на шухере!» сурово говорили мы часовому, когда лезли в детский сад обрывать с деревьев крупные ранетки... Ну, конечно же! Один человек идет убивать, а второй в это время стоит под дверью. Просто так, на всякий случай, чтобы обеспечить безопасность. Вдруг кого-нибудь нелегкая вынесет среди ночи в коридор, и убийца, выходящий из номера будет замечен?.. Все правильно и все до безобразия логично! Она слышит скрип открывающейся двери и убивает двух зайцев сразу: мужу подает сигнал: «Не выходи! Опасность!», а лунатика предупреждает: «Сцена не для посторонних глаз! Вернись обратно!» В эту схему укладывается и желание во что бы то ни стало защитить мужа, и потерянная запонка - все! Все, кроме одного: почему все-таки за шантажиста и вымогателя приняли именно меня?..

- Что с вами, Женя? - Виктория Павловна склонила голову к плечу и посмотрела на меня с трогательной заботой. В её выпуклых карих глазах читалось беспокойство.

- Ничего, - я провела пальцем по прокушенной нижней губе. - Ничего, все нормально. Просто думаю.

- Вот и я думаю: рассказать следователю? Не рассказать? Расскажу - он спросит: «Чего ж ты, дура старая, до сих пор молчала?» А если ещё наговорю на человека, да зря? И ей жизни испорчу, и себе. Все ж таки она женщина замужняя, а тут такое дело!

- Ну, ей-то, допустим, понятно. А себе каким образом?

- О-о! - она обречено махнула полной смуглой рукой. - Разговоры пойдут, слухи... Полгорода узнает, что старая сплетница натворила. А Елизавета Васильевна - все-таки жена доктора... Ко мне-то после этого какое у врачей отношение будет?.. Ох, дела-дела!

Мои радужные предположения, похоже, подтверждались: в Михайловске, как в большой деревне, все обо всех все знали. Это несказанно радовало. Но зато огорчало другое: послезавтра утром истекали два дня, отпущенные мне «на размышления» женой Шайдюка.

- Знаете что? - я с отвращением вытерла кровь, оставшуюся на пальце, о край бумажной салфетки. - Давайте подождем хотя бы сутки. Может милиция за это время что-то выяснит, может мне что-нибудь удастся разузнать. А уж если ничего не получится, тогда будем решать. Хорошо?

Виктория Павловна покорно кивнула, и в этот момент отворилась дверь.

- Привет честному собранию! - весело провозгласила Алиса, заходя в номер и эффектно, по-испански изгибая руку над головой. - Анатолий Львович Шайдюк вместе со своей раскрепасной половиной проживает по адресу Танковая пять, квартира двадцать два. Телефон 2-17-34... Ну так как? Можно мне присваивать звание чемпиона мира среди шпионов и тайных агентов?..

Улица Танковая находилась в другом конце города, на самой окраине Михайловска. Название свое она оправдывала полностью. После получаса бесплодных шатаний между одинаковыми серо-розовыми домами у меня возникло стойкое ощущение, что территорию для будущего микрорайона расчищал какой-то пьяный танкист, и он же присваивал порядковые номера местным зданиям и сооружениям. Бугры, канавы и холмы встречались здесь на каждом шагу, за третьим домом следовал шестнадцатый. На «Пельменной» висел жестяной квадратик с цифрами «12/4», но ни дома под номером «12/3», ни даже «двенадцать дробь первого» поблизости не наблюдалось.

В конце концов, мне удалось-таки совершенно случайно набрести на пятиэтажку с табличкой «ул. Танковая, 5», но к этому времени я уже была злая, как собака. Кстати, собака же и выскочила мне навстречу из подъезда, в котором находилась квартира 22.

- Гав! - сурово сказала коричневая чау-чау, злобно уставившись на мою крашенную лису. Я ничего не сказала, но на животное взглянула не менее злобно. Вообще, у меня с собаками отчего-то чрезвычайно редко возникает взаимопонимание. Так же как, впрочем, и с их хозяевами. Те, вероятно, сходу распознают во мне потенциальную скандалистку, истерично вопящую: «Уберите пса! Наденьте на него намордник! Сдайте его на живодерню!», и своих любимцев предусмотрительно отводят подальше.

На этот раз следом за чау-чау из подъезда вышла седовласая дама в кокетливом беличем полушубке, посмотрела на меня с оттенком холодного интереса и неожиданно ласково проворковала:

- Тиночка, девочка, беги пописай!

Тиночка вывалила фиолетовый язык и на своих коротких медвежьих лапах затрусила к ближайшему столбу.

«За неимением лучшего подойдет и этот вариант», - подумала я, покосившись, естественно, на даму, а не на собаку, и зашла в подъезд.

К счастью, ни Анатолия Львовича, ни его супруги дома не оказалось. Я раза три без особой настойчивости нажала на кнопку звонка, немного постояла у двери и спустилась вниз. Гадкая Тина облаивала голубей, пристроившихся погреться на крышку канализационного люка.

- Какая прелесть! - лицемерно проговорила я, подходя к даме и кивая на чау-чау, жизнерадостно обнюхивающую смятую банку из-под пива.

- Да, - согласилась дама. - Очень перспективная девочка. Родители медалисты, чемпионы породы... А у вас что - тоже собака?

- Японский хин, - память почему-то не выдала ничего более подходящего.

- Надо же! Хины ведь такие неженки! И прививки, говорят, плохо переносят. Даже мы с прививками намучились в свое время...

«Очень хорошо, что она - собачница!» - промелькнуло у меня в голове. «По крайней мере, разговор завязался легко. Досадно только, что я о дурацких японских хинах ничегошеньки не знаю!»

- ...Нам доктор - такой коновал попался! - продолжала, между тем, хозяйка Тины. - Едва не угробил девочку. А потом ещё выяснилось, что у него лицензия недействительная.

- Кошмар! - довольно убедительно ужаснулась я и плавно перешла к интересующему меня вопросу. - Кстати, о докторах... Вы случайно не знаете доктора по фамилии Шайдюк? Он в вашем подъезде, в двадцать второй квартире живет.

- Почему же не знаю? Знаю, - дама подняла воротник своего беличьего полушубка и потерлась о него щекой. - А вы к нему приходили?.. Так он сейчас, наверное, на работе. После семи будет.

- В общем-то, не совсем к нему... Не знаю даже, как сказать. Тут вот какое дело. У моей мамы была приятельница, и мама с ней несколько лет как потеряла связь. Приятельница сама из Москвы, а мы, вообще, в Коломне живем. Ни телефона не осталось, ни адреса - ничего. И, вроде бы, она помнит, что приятельница эта тесно общалась здесь, в Михайловске, с семьей одного врача. Фамилия у врача хохлятская - то ли Байчук, то ли Березюк... Мама уже старенькая, все позабыла, конечно. А я в горбольнице поспрашивала и нашла вот: Шайдюк, Ильиных, Кривец и Карпенко... Не знаете, не бывает у них такая немолодая женщина с крашенными волосами? Роста - чуть выше среднего, приятная, ухоженная...

Это был всего лишь пробный шар, но от ответа зависело очень многое. Дама, однако, лишь равнодушно пожала плечами. Почудился ли мне холодок, льдинкой блеснувший в её взгляде, или же это было на самом деле?

- Ничем не могу вам помочь, - её тонкие губы, слегка тронутые бледно-розовой помадой, искривились. - Я с Шайдюками почти не общаюсь. Тем более, не знаю, кто к ним ходит, и с кем они дружат. Да и вряд ли у них друзей много: Анатолий-то он - ничего мужик, а вот она...

«Ага!» - отметила я про себя. - «Почти не общаемся, а как зовут, тем не менее, знаем! И Елизавету Васильевну, похоже, не жалуем... Теперь главное действовать осторожно и ничего не напороть».

Мохнатая неуклюжая Тина, пропахав в снежной целине внушительную борозду, подбежала к

хозяйке и принялась игриво подскуливать. Присев на корточки, дама потрепала её за ухом.

- Чудесная девочка! - дежурно восхитилась я. - А скажите, как жена выглядит? Она такая крашенная блондинка, да? Мама, по-моему, тоже упоминала, что она - не очень приятная женщина.

- Не очень приятная?! - моя собеседница фыркнула. - Крайне неприятная! Вас как зовут?.. Женя?.. Меня Валентина Иосифовна... Понимаете, Женя, я ведь эту семью уже лет пятнадцать знаю. Да больше! У них уже девочке четырнадцать, а в дом они заехали, как только поженились. И ничего, ничегошеньки доброго про Елизавету сказать не могу! Хотя я, в принципе, не злой человек, и ученикам своим объясняю, что в людях надо видеть прежде всего хорошее...

- Так вы учительница?

- Да, - она с достоинством кивнула. - Тридцать лет на одном месте отработала. Ученики мои бывшие уже чуть ли не внуков в школу приводят. У меня и значок заслуженного учителя есть. Только зарплата вот до сих пор «три копейки».

Что-то мне это напоминало?.. Ну, конечно! Покойную Галину Александровну. Ту тоже не устраивало очень многое в окружающей действительности: и пенсии, и общественный транспорт, и медицина... Валентина Иосифовна казалась, правда, менее агрессивной, но что-то общее в них все равно было.

- Да, трудно сейчас учителям, конечно, - согласилась я.

- Трудно. Но из школы, я считаю, все равно только те бегут, которые случайно в педагогику попали... Елизавета, кстати, тоже раньше в школе работала.

- В вашей? - в такую удачу даже как-то не верилось.

- Нет, не в моей. Но одна моя знакомая после неё класс взяла. Ужас! Дети распушенные, знаний никаких. Кажется уж, естественные науки - не гуманитарные дисциплины, никаких указаний как то или иное произведение трактовать сверху не поступает. Шпарь и шпарь себе по старым планам уроков...

И снова что-то смутное и тревожное серым комком зашевелилось в душе... Виноград... Семечки... Картофель... Естественные дисциплины...

- Простите, а она не ботанику преподавала?

- Нет, - Валентина Иосифовна взглянула на меня с некоторым удивлением. - Географию. Но дело даже не в том, что и как она преподавала. Это, в конце концов, вопрос её образованности и ответственности перед учениками. Я об её характере... Вот представляете, Женя: девочка у них родилась четырнадцать лет назад. Тогда ещё со КЗоТом, со всеми трудовыми книжками очень строго было. И отпуск декретный с точностью до одного дня, и дородовый, и послеродовый... Так вот Елизавета, когда беременная ходила, разругалась с одной пожилой преподавательницей. Нехорошо разругалась, грубо. Причем виновата была сама - все подтверждают. Та, конечно, как женщина мудрая, её простила: все-таки беременная, нервная, скидку сделать надо. И все бы само собой забылось, но Елизавета теми же ногами пошла к директору школы и подала заявление «по собственному желанию». Ее давай удерживать: до декретного чуть больше месяца, как можно женщину в положении уволить! А она уперлась: нет, и все! Не буду, дескать, с этой хамкой в одном коллективе работать!.. И в гороно вызывали, и там беседовали: стаж, говорили, прервется. Преподавательницу эту пожилую вынудили прилюдно перед ней извиниться... Нет! Уволилась. А «обидчицу», естественно, давай по инстанциям таскать. Так до инфаркта и довели.

Она замолчала, подобрала с земли тополиную веточку, отряхнула её от снега и швырнула через голову толстой Тины, наблюдающей за мной недружелюбными маленькими глазками.

- Да-а... Неприятная история, - я постучала ботинком о ботинок: ноги потихоньку начинали подмерзать. - Так она с тех пор в школе больше и не работала?

- Нет. Просидела год в декретном, устроилась в какую-то бухгалтерию... Вот тоже, вроде бы, женский коллектив, а сроду никакие подруги к ней не заходят. Так и живут с мужем, как бирюки, в своей берлоге. А девочка у них неплохая, не в мать пошла... Помню, она ещё крошка совсем была, я забежала как-то к Шайдюкам соды попросить, что ли? Елизавета открыла, девочка у неё на руках. Орет, вся красная! А меня увидела и вдруг замолчала. Главное, что бы понимала?! Недели две ей всего было от силы. Ан-нет - молчит и глазенками своими голубыми смотрит. Только мать с ней на кухню отошла - она опять орать. Ко мне поднесут - замолкает!.. И вот что значит, у Елизаветы натура стержневая! Другая бы мать наоборот обрадовалась, попросила бы, чтобы помогли ребенка успокоить: все-таки я постарше и поопытнее. А эта заревновала. Сует девочке бутылку, я говорю:

«Лиза, что же вы грудью не кормите? Если с молоком плохо, так вы бы петрушки свежей поели, или вот ещё рецепт есть с хорошими сортами какао...» Так она как рывкнет: «Не ваше дело! Не лезьте!», - соду мне швырнула, и дверь перед носом захлопнула.

Если верить Валентине Иосифовне, жена Шайдюка была весьма неприятной особой. Однако, это ни на миллиметр не приближало меня к ответу на интересующий вопрос.

- Так значит, про теперешних её знакомых вы ничего не знаете? И женщины с крашенными рыжими волосами тоже не видели?

- К сожалению, не видела, - Валентина Иосифовна сочувственно вздохнула. - Да вам, наверное, все же лучше самой спросить. Детей вам с ней не крестить. А ещё лучше, если на Анатолия попадете. Он доброжелательный мужчина, хороший...

Я мгновенно представила, как изумился бы «доброжелательный мужчина», увидев меня на пороге своей квартиры, но в ещё более феерических красках мне нарисовался мой великолепный полет с лестницы в том случае, если бы дверь открыла Елизавета Васильевна собственной персоной.

- ...Какие у неё сейчас знакомые? Бухгалтерши да торгашки! То она косметику целыми коробками домой таскает, то золотом в подъезде торгует. Постельное белье недавно армянке какой-то продавала... А как, кстати, приятельницу вашей мамы зовут?

- Галина Александровна. Баранова Галина Александровна.

- Нет. Не она, - седовласая хозяйка Тины снова покачала головой. Просто вспомнила, что армянка эта тоже рыжеватая была, но такого тона, какой обычно у кавказских женщин получается, когда они обесцвечиваться пробуют?.. Или не армянка? Грузинка, наверное... Грузины же православные? Елизавета с ней ещё так нервно разговаривала, простыни эти отдала и давай про деньги кричать. Вот прямо здесь у подъезда стояли. Я из дома выходила, мне даже неловко за неё стало. Как какая-то базарная торговка, честное слово!.. А вы, Женя, простите, кто по специальности?

- Актриса, - ответила я честно и не без гордости.

- Актриса? Ох, какая прелесть! А я в детстве балериной мечтала стать. Но у меня связки слабые оказались, да и это ведь в Москву надо было ехать поступать... Что же - что же я по поводу балета вам сказать хотела? Вот только сейчас в голове вертелось! Ну, неважно, наверное... А! Да! Имя у этой армянки или грузинки интересное было - Мехменэ. Она ещё потом рядом с Тиночкой остановилась и спрашивает у меня, как собачку зовут. Я ей назвала полное имя по родословной «Аверс Альба Тиннтерне», а она смеется: «Почти как меня: Тиннтерне - Мехменэ!» И, что интересно, к ней Тина сразу ласкаться полезла, а Елизавету на дух не переносит. Собаки, они ведь, плохих людей чувствуют!

Понятно, что вся эта длинная история про армянку-грузинку была рассказана с единственной целью - поразить меня громким именем злобной Тиночки. Я вежливо поразилась, а гнусная собачка немедленно оскалилась на меня, видимо, желая напомнить хозяйке тезис про плохих людей. К счастью, за домом в этот момент громко затарахтел трактор, и Тиннтерне Аверс Альба с радостным и несолидным для такой породистой особы тьявканьем метнулась на звук.

- На место! - властно прикрикнула Валентина Иосифовна. Печальная чау-чау нехотя вернулась на газон. Собака вряд ли успела нагуляться, но вот щеки хозяйки уже заметно покраснелись от мороза. Я поняла, что злоупотребляю её вниманием.

- Ну что ж, - мне ничего не оставалось, как попрощаться. - Очень приятно было с вами поговорить. Я, наверное, в самом деле, заеду к ним после семи.

- Конечно. Сразу все и узнаете. А то что толку так гадать?.. Вообще-то, могли быть у них знакомые из Москвы. Даже, наверняка, есть. Елизавета ведь и рожала в Москве, и как-то недавно на несколько дней туда уезжала. Леночка, дочка её, говорила, что мамы целую неделю не будет, папа борщ сварил, а его даже кошка не ест!

Теперь прояснялась и косвенная причина неприязни. «Собачники» обычно не очень жалуют «кошатников».

- Еще раз спасибо за компанию, - мои замерзшие губы с трудом разъехались в подобии улыбки. И тут Валентина Иосифовна радостно возопила:

- Женя, смотрите, какой прелестный хин! Чудный япончик!

Я в ужасе обернулась. К одному из подъездов сворачивал мужчина с черным чудовищем на поводке. По сравнению с этой псиной Тина была просто суперпрелестной и милой собачкой!

- Действительно, чудный! - фальшиво восхитилась я, лихорадочно припоминая какие-нибудь умные собаководческие термины. - Экстерьер прекрасный, и окрас...

Моя собеседница взглянула на меня как-то странно, похлопав себя по колену, подозвала чау-чау и как бы вскользь заметила:

- Это мастиф. Женщина с хином возле дома напротив.

Заливаясь мучительной краской стыда, я повернула голову в ту сторону, куда кивнула Валентина Иосифовна, и увидела существо с длинными черными ушами и приплюснутой мордочкой. Существо было заботливо упаковано в теплую попону и размерами напоминало крупную мышь.

«Опозорилась! Ой, как стыдно! Надо было не выпендриваться и какую-нибудь болонку назвать», - жарким пульсом застучало в висках. К счастью, заслуженная учительница, наверняка, объясняющая своим ученикам, что врать - нехорошо, уже заходила в подъезд, и поэтому не могла видеть моих ушей, пламенеющих, как алые маки...

Домой я вернулась уже в сумерках, робко нажала на кнопку звонка и заранее попыталась улыбнуться виновато, но не настолько, чтобы меня можно было заподозрить в чем-нибудь серьезном. Однако, дверь открыл Митрошкин и ему все мои ужимки оказались «до Фени», «до лампочки» и «по барабану» одновременно.

- Где была? - рявкнул он, хватая меня за шкуру и вытряхивая из полушубка. - Утренний моцион совершала? По булочным прогуливалась?

- Я же тебе говорила, что мне нужно собраться с мыслями, идеи кое-какие спокойно обдумать...

- Только вот этого не надо! - в гнев Леа зашвырнул мой берет на антресоль с которой торчали рулоны старых обоев. - Да за всю жизнь в твоей голове не накопится столько мыслей, чтобы обдумывать их с двенадцати дня до семи вечера!.. Я уже Олегу собирался звонить: думал, тебя или убили где-нибудь или в КПЗ посадили? Полгорода обегал, в профилактории твоим был...

- Да? - я на секунду прервала увлекательный процесс расшнуровывания ботинка и подняла голову. - И что там, в профилактории?

- Филиал КГБ, ЦРУ и ФБР. Обстановка строгой секретности. Эти твои подружки - старая и молодая - в два голоса поют, что ничего про тебя знать не знают, и куда ты из профилактория поехала - само собой, не ведают.

- У Шайдюка я была. У Анатолия Львовича. Возле подъезда слонялась и сплетни разные собирала.

- Занятие – безусловно, интеллектуальное, - как бы вскользь отметил Митрошкин. - Как раз для тебя! - Еще немного постоял, скрестив руки на груди и пытаясь напустить на себя вид ироничный и скучающий, не вытерпел и поинтересовался. - Ну и как? Насобирала что-нибудь?..

К обстоятельному рассказу я приступила уже за столом, перемежая реплики с поеданием паровых котлет и картофельного пюре. Леа за моим аппетитом, странным для больного гастритом, наблюдал с суеверным ужасом, однако, слушал внимательно. Самое сильное впечатление на него произвела повесть о том, как уважаемая Елизавета Васильевна в пустынном коридоре изображала африканскую страсть.

- Что-то в этом не так, - задумчиво покачав головой, он уворовал с моей тарелки ломтик соленого огурца. - Глупо и слишком рискованно.

- А что ей оставалось делать? - я невозмутимо вернула огурец обратно. - И мужа надо было предупредить, и самой не засветиться.

- Ну, хорошо. А если бы человек не стал возвращаться в номер, а просто деликатно прокашлялся и сказал что-нибудь типа: я, конечно, очень сильно извиняюсь, но мне срочно надо пройти по коридору?

- Куда ночью так срочно ходить? Туалеты, слава богу, у всех в номерах!

- О! Туалеты... Какая проза, Евгения! По-твоему, ночью нужно выбираться из своей постели только по физиологическим надобностям? А посмотреть на звезды?!

Последней фразой, а, главное, невозмутимостью, которой при этом светилась его физиономия, Леа отчего-то напомнил мне Анатолия Львовича.

- Звезды!.. За звездами из окна палаты со всеми удобствами можно понаблюдать. Из тамбура их не видно.

- Романтики в тебе - ноль, - грустно констатировал Митрошкин и уже серьезно продолжил. - А если бы кому-нибудь, действительно, стало плохо? Если человек хотел добраться до любой медсестры из терапевтического отделения?

- Слушай, что тебе не нравится? - окрысилась я. - Ну вот идиотка она! Вот так она решила

поступить! К Елизавете Васильевне все претензии.

- Ладно, предъявлю при случае... А что там насчет сплетен у подъезда?

- Конкретного - ничего. Выяснилось, что мадам Шайдюк - особа неприятная и склочная, что в доме этом она живет уже много лет, раньше преподавала в школе, сейчас работает в какой-то бухгалтерии... Вот, кстати, с её работой в школе связана одна интересная история: она, когда была беременная, сильно повздорила с одной пожилой учительницей, со злости пошла и написала заявление об увольнении. Ее, конечно, давай уговаривать - как же можно беременную уволить, нарушение трудового законодательства! Но она уперлась, и учительницу эту, в результате, всякими разборками довели до инфаркта.

- Ну? - Леха протянул руку, достал с подоконника банку и выудил себе целый огурец, окончательно разуверившись в том, что я соглашусь поделиться по-братски.

- Что «ну»?.. Конфликт? Еще какой конфликт. Учительница пожилая? Пожилая!

- Так ты намекаешь, что это была ваша Галина Александровна?.. Тогда логичнее, если б она Елизавету Васильевну грохнула, а не наоборот.

- Но мы же не знаем в подробностях, что там произошло!

- Судя по твоим словам - обычная бабская склока. И вдруг кровавая вендетта через много лет? Что-то это как-то...

- «Что-то это как-то»! - передразнила я. - А больше у нас, вообще, ничего нет, кроме того, что мадам Шайдюк подторговывает в подъезде золотом и постельным бельем, держит дома кошку и не имеет подруг.

- И вот это ты выясняла в течение семи часов? - Митрошкин подпер щеку кулаком и взглянул на меня почти с состраданием.

- Начнем с того, что возле подъезда я стояла от силы - час, и при этом у меня была совершенно уникальная собеседница. Во-первых, её отношение к людям определяется через призму их отношения к собакам, а, во-вторых, логические цепочки, вообще, не поддаются объяснению. Вот, например: я рассказываю ей, что работаю в театре, она сообщает, что в детстве мечтала стать балериной, потом вспоминает, что хотела мне поведать что-то связанное с балетом и в результате выдает кличку своей собаки - «Тинтерне» там как-то ее... И ещё имя одной бабы - Мехменэ. Здорово, да?

- Здорово, - согласился Леха, с хрустом надкусывая огурец. - Твоя дремучесть меня просто умиляет. Ладно, я могу допустить, что у тебя просто очень низкий уровень интеллектуального развития, что и понятно: по ночам ты исключительно по туалетам ходишь, книжки умные при тусклом свете ночника не читаешь. Но историю театра-то вам в училище должны были давать?! Или вы как - смежные виды искусства принципиально игнорируете? Не знаете, что есть такой известный балет «Легенда о любви», а в нем один из главных персонажей - царица Мехменэ?

- Ну, простите! Не достойны мы гордого звания балетоманов: не знаем, как зовут десятого «лебеда» в четвертом ряду! - озлилась я. - Мы как-то все больше к практике склонность ощущали. Пока вы своими косолапыми ногами в Большой театр на «Жизель» топали, мы в танцклассе семь потов сгоняли. Зато теперь и по сцене передвигаться умеем, в отличие от некоторых.

- Ох, уж запередвигались! Помнится мне, кое-кто совсем недавно чуть половину досок из сцены каблуками не выломал...

Такой случай, действительно, имел место. На репетиции шпилька моей правой туфли попала в щель, и пришлось сначала долго дергать ногой, словно норовистый конь, а потом и вовсе опуститься на четвереньки, чтобы вытащить каблук из пола. Однако, Митрошкин, как джентльмен, мог бы над этим не ехидничать. Как, кстати, и над тем, что я забыла про чертову Мехменэ. Да, действительно, нам давали историю балета. Кроме того, эту самую «Легенду о любви» я смотрела в новосибирском Оперном. Но, во-первых, училище я окончила не вчера и не позавчера, а во-вторых, в данный момент как-то не до эстетских воспоминаний о «Лебединых озерах», «Щелкунчиках» и «Спартаках». Тут бы в картошке с виноградом разобраться, и в том, кем приходилась Галина Александровна Баранова Елизавете Васильевне Шайдюк, а не во всяких там Мехменэ-Гаянэ...

Гаянэ... Имя всплыло в памяти совершенно случайно. И не имя даже, а название балета. Как сейчас помню нацарапанное синей пастой в крошечной шпаргалке - А. Хачатурян. «Спартак», «Гаянэ»... Гаянэ-Мехменэ... Как же она сказала? Вспомнить бы точно... «Что-то связанное с балетом... Неважно... Ах, да! Имя у неё было интересное»... Простыни! О, Господи! Конечно!

Ножки табуретки с визгом проехали по полу - с такой скоростью я вскочила и рванула из кухни.

- Ты чего? - испугался Леха, откладывая в сторону огрызок огурца. Удоставать его ответом не хотелось, и попросту было некогда. Все на той же хорошей скорости я влетела в комнату, где сидела бабушка, перематывающая в клубки магазинные упаковки розового мохера.

- Баба Катя, - голос мой от волнения сорвался на визг, - скажите, пожалуйста: когда воск отливают, ведь новые белые простыни нужны, да?

- Да, - она кивнула, ни на секунду не прекращая мотать нитки.

- И их отдают тому человеку, который будет снимать порчу?

- Конечно, доча. Так положено.

- А женщину, которая у вас в Михайловске этим занимается, зовут Гаянэ?

Бабуля, наконец, закрепила недомотанную нить булавкой и взглянула на меня с заметным одобрением:

- Решила, значит, послушать меня, старую? И правильно. Теперь мало кто по-настоящему сглаз лечить умеет, а она - может... Узнать тебе что ли, где она живет?

Я просительно улыбнулась, машинально прикусывая ноготь безымянного пальца и думая о том, что завтра обязательно пойду на «прием» к народной целительнице. Пусть даже голова у Валентины Иосифовны работает совсем не так, как у меня, пусть только в моем воспаленном мозгу теоретически могло заклинить и перепутаться «Мехменэ-Гаянэ». Пусть это две разных женщины, но бизнесом они, похоже, занимаются одним и тем же и, наверняка, знают друг друга: Михайловск - город маленький, а Мехменэ-Гаянэ - это уже пахнет диаспорой... И если все так, как я предполагаю, то завтра к вечеру мне, возможно, удастся узнать, что же случилось в жизни Елизаветы Васильевны Шайдюк, что заставило её распродавать золото и бегать по бабкам, и, главное, считать эту самую жизнь «порченной» и отмеченной злым, коварным «сглазом»...

Глава шестая,

в которой я узнаю о чудодейственной силе чая с фломастерами и понимаю, что почти поймала убийцу

Леха к новой идее отнесся, как всегда, весьма скептически, однако, заявил, что по всем «Мехменэ-Гаянэ» пойдет вместе со мной.

- Ты же вчера говорил, что все это - фигня на постном масле? - уточняла я утром, ощипывая белесый пух со своей коричневой шерстяной водолазки и наблюдая за тем, как Митрошкин застегивает джинсы.

- А я и сегодня так говорю, - невозмутимо парировал он. - Фигня и есть. Пусть даже ты права, пусть твоя Елизавета хотела, чтобы с неё порчу сняли - нам то это что дает? Может, у неё просто зубы выпадать начали или какой-нибудь энурез развился?

- И жена дипломированного врача идет с этими проблемами по бабкам?

- А что тут такого? Это же он - дипломированный врач, а не она! Я вот тоже, например - глубоко образованный, интеллигентный актер столичного театра. Однако общение со мной почему-то ни коим образом на твоём культурном уровне не сказывается...

Я заранее скорчила скучную физиономию, приготовившись к тому, что Леха опять начнет припоминать мне незнание классического балетного репертуара, иногда на него нападала просто редкостная нудотность. Но вместо этого он вполне невинно поинтересовался:

- Ты-то, кстати, откуда про все эти правила с простынями знаешь?

- Одноклассница у меня была, Ленка Журавлева. У неё тоже одно время в жизни все наперекосяк шло: то из института чуть не вылетела, то парень к подруге переметнулся. Вот она и ходила к одной тетушке лечиться.

- Ну, а теперь представь, что у жены Шайдюка то же самое. На работе скандалы, что при её характере вполне вероятно, с дочерью - конфликт «отцов и детей», муж - на сторону бежит...

- А золото?

- Какое золото?

- Которое она по соседкам распродала, - я натянула водолазку и застегнула «молнию» на замшевой юбке. - Про золото не забывай! Конечно, всякие ворожеи и потомственные колдуньи дорого дерут, но не настолько, чтобы последние сережки пришлось продавать. Мне почему-то кажется, что кроме скандалов на работе, у неё были проблемы посерьезнее.

- Да нет, - Митрошкин серьезно покачал головой, - наверное все-таки тарифы у Мехменэ-Гаянэ высокие. Избавить от склонности к серийным убийствам - это же тебе не сантехника дядю Васю приворожить!

Я, мысленно просчитав до десяти, сдержалась и не треснула его в лоб. После чего мы обулись в прихожей, мило распрощались с домашними и вышли из дома. Солнце проглядывало сквозь серые облака тусклым ночным фонарем, колючая снежная крупа летела прямо в лицо. В общем, день начинался просто превосходно!

Однако, буквально через час удача повернулась к нам лицом, на котором читалось некоторое подобие улыбки. Мы как раз подходили к дому номер пять по улице Танковой, оптимистично предполагая, что будет, если нас все-таки встретит здесь кто-нибудь из четы Шайдюков.

- Если Анатолий Львович, сделаешь вид, что просто любишь прогуливаться по окраинам, - успокаивал меня Митрошкин. - А если Елизавета... то какая тебе уже разница? Все равно она завтра за своей запонкой заявится, два дня-то истекают.

Но по газону выписывала круги жизнерадостная Альба Тиннтернэ, а у подъезда стояла степенная Валентина Иосифовна. Завидев меня, она изменилась в лице, как-то сразу помрачнела и скупой поджала губы.

- Валентина Иосифовна, - торопливо залепетала я, отцепляясь от Лехино локтя и припуская к подъезду. - Валентина Иосифовна, подождите, не уходите, пожалуйста! Я должна перед вами извиниться, я вчера обманула вас с японским хином. Просто очень нужно было поговорить, а я не знала с чего начать.

- Не стоит извиняться, все нормально, - она стояла без перчаток и поэтому спрятала руки в рукава, как в муфту. - Я совершенно не нуждаюсь в ваших объяснениях!

Тон яснее ясного свидетельствовал о том, что даже тысячей извинений мне не удастся искупить свою вину. Примерно так же гадко я ощущала себя «на ковре» у директора школы, когда однажды, в глубоком детстве, попала мячиком-попрыгунчиком в портрет кого-то из членов политбюро.

- Но Валентина Иосифовна!..

- Чего вы ещё хотите, Женя? Разыгрывайте спектакли у себя в театре, если вы, конечно, на самом деле, актриса.

Леха тоскливо закатил глаза к небу и, засунув руки в карманы, отправился бродить по газону, Тина немедленно затрусила следом с веселым сопением - видимо, его она сочла достойным своей благосклонности. Я же виновато опустила голову и подковырнула носком ботинка вмерзший в снег камешек:

- Я понимаю, что все это выглядело ужасно некрасиво, и вы, наверное, чувствуете себя обманутой. Но я соврала только в том, что касалось собаки. Про Галину Александровну - почти все правда.

- Почти? - она едва заметно усмехнулась. - Вы сегодня демонстрируете просто чудеса честности. Осталось только узнать, что вам от меня нужно. Или вы сегодня - прямиком к Шайдюкам?

- Нет. Понимаете... В общем, я хотела спросить: вы вчера рассказывали про эту женщину нерусскую и сказали, что у неё имя интересное, с балетом связанное - Мехменэ... Точно Мехменэ? Не Гаянэ?

Тонкие брови Валентины Иосифовны на секунду сошлись на переносице, на лбу проявились две глубокие вертикальные морщинки:

- Гаянэ?... Да, вполне возможно, Гаянэ. А почему вы спрашиваете?

- Сейчас, секундочку. Еще один вопрос... Вы говорили, что она, наверное, все-таки грузинка, потому что грузины - православные. У неё крестик был или что-то еще?

- Нет, - хозяйка Тины, казалось, озадачилась. - Какой крестик? Осень уже была поздняя, она в кожаной куртке стояла. В такой коричневой, на «кулиске»... А почему православная?.. Вроде бы она Елизавете что-то про церковные свечи говорила. Или нет?..

«Или да»! - мысленно ответила я, испытывая сильнейшее желание заверещать от восторга. Это было именно то, что я надеялась услышать: свечи, белые простыни, Гаянэ... По крайней мере, не зря старенькая баба Катя названивала вчера своей подружке Поликарповне, игнорируя (а, может быть, в самом деле, не слыша?) тихое ворчание Лехиной мамы.

- Спасибо, Валентина Иосифовна! - сердце мое мгновенно переполнилось любовью ко всем чау-чау в мире, а также к их наблюдательным хозяйкам. - Вы мне очень, очень помогли! И не думайте, пожалуйста, что я замыслила что-то плохое. Не знаю, как объяснить...

- Ах, оставьте, пожалуйста! Ничего я не думаю. Просто лишний раз убеждаюсь, что Елизавета Васильевна неспособна выстраивать нормальные человеческие отношения, - сухо заметила моя собеседница, снова превращаясь в заслуженную учительницу весьма строгих правил. - Ваши дела - это ваши дела, меня они не касаются.

На газоне обиженно залаяла Тина, не поделившая с Лехой какую-то палку, с дерева с громким карканьем сорвалась ворона.

- Еще раз спасибо. И прощайте, - сказала я, отряхивая с воротника снежную крупу. И, похоже, слово «прощайте» порадовало Валентину Иосифовну больше всего...

Гаянэ Сабировна, популярная в Михайловске народная целительница и ворожея, проживала по адресу Электронный переулок 10. Так как номер квартиры в записной книжке Поликарповны отсутствовал, само собой подразумевалось, что это - район частных домов. Однако, увидеть такую убогую картину, я, честно говоря, не ожидала.

Вросшие в землю домишки - темные, страшные, покосившиеся - тянулись по обе стороны изрытой колдобинами улицы. От забора к забору странными зигзагами бегала ободранная рыжая собака. Возле ближайшей деревянной скамеечки играли малыши, мгновенно вызывающие ассоциации с хрестоматийными «Детями подземелья», а ветер выл, как в аэродинамической трубе.

- О, Господи! - только и успела выдохнуть я, когда Леха, взяв меня под локоть, кивком головы указал на дом, стоящий несколько поодаль.

- Электронный переулок десять, - произнес он спокойно и чуть насмешливо, и моим вытаращенным от удивления глазам предстали стены из бело-розового мрамора, окна в готическом стиле и застекленная терраса над карнизом второго этажа. Рядом с коттеджем стояли два темных джипа. Неподалеку курили трое мужчин полуцыганского-полубандитского вида.

- Ну как? Не отпала охота задавать вопросы? - вежливо поинтересовался Митрошкин. Признаться в том, что «охота» сильно потеряла в своей остроте, было стыдно, и я, криво усмехнувшись, спросила в ответ:

- А с чего бы ей пропасть?

Тогда Леха сдвинул мой головной убор на бок - на манер берета десантника, оценивающе оглядел меня, взяв за плечи, и удовлетворенно констатировал:

- Тогда дерзай. По крайней мере, за порог тебя пустят: вид у тебя достаточно несчастный... А я здесь, с ребятами покурю.

И он отправился курить такой небрежной, в развалочку, походкой, как будто был знаком с аборигенами Электронного переулка уже лет сто. Я же заковыляла к калитке. К моему удивлению, с крыльца дома сбежал русский мужчина в серой толстовке, слаксах и тапочках на босу ногу.

- Вы к Гаянэ? - несмотря на демократичность наряда, выражение лица у него было не менее ответственное, чем у пресс-секретаря президента. - Подождите минуточку, она занята... И будьте так любезны сказать, кто вас рекомендовал?

«Ого!» - подумала я, испытывая сильное желание натянуть берет на уши и убраться отсюда по добру по здорову. - «Тут ещё и рекомендации требуются? Ну просто английский клуб какой-то».

- Так кто? Фамилию назовите, пожалуйста.

- Елизавета Васильевна Шайдюк, - поражаясь собственной наглости, бодро выдала я, и мужчина в тапочках снова скрылся в доме. Вернулся он через пару минут, широким жестом указал на дверь. На окне первого этажа в этот момент колыхнулась занавеска. Мы прошли в холл, я повесила полущубок на вешалку и, обернувшись, оказалась лицом к лицу с миловидной невысокой женщиной лет сорока пяти.

Волосы у нее, в самом деле, были слегка рыжеватые, зато глаза - очень черные и бархатные. Юбка самая обычная, трикотажная, какие сотнями продаются на каждой барахолке, да и сиреневый джемпер - без особых претензий. Единственной колоритной деталью в костюме оказался тканый

пояс, небрежно перехватывающий полную талию и длинными золотистыми кистями спускающийся почти до колен.

Женщина улыбалась так искренне и располагающе, что я почувствовала себя не в своей тарелке. Примерно так же улыбались контрабандисты из «Бриллиантовой руки» Никулину, случайно поскользнувшись на банановой кожуре.

«Может она ждала кого-то еще, кто должен был прийти по рекомендации Елизаветы Васильевны?» - промелькнуло у меня в голове. Но хозяйка тут же развеяла сомнения, протянув мягкую, ухоженную руку и звучно пропев:

- Здравствуйте. Я - Гаянэ. А вы, значит, от Лизы?.. Не ожидала, не ожидала, что она кому-то меня порекомендует!

Повернувшись бесшумно и как-то очень изящно, она посеменила в комнату. Я последовала за ней.

«Меня порекомендует?.. Мне порекомендует?» - тут сам черт ногу сломит с их странными условностями. Еще бандиты эти у ворот. И мужик в тапочках...

Комната оказалась «рабочим кабинетом», выдержанном в соответствующем духе: православные иконы на стенах, белая расшитая скатерть на огромном столе, пучки каких-то засушенных трав, восковые свечи. А посреди стола, в центре всей этой бутафории - деревянный ящик, обернутый рушником, с многозначительной прорезью в крышке. Так обычно выглядят урны для голосования или щели в суконных столах казино, предназначенные для чаевых. Как ни странно, в своих догадках я ничуть не погрешила против истины.

- С чем пришла, не спрашиваю - сама скажешь, - пропела Гаянэ усаживаясь на стул так осторожно, словно у неё болела поясница. - Денег тоже не прошу: сколько душа подскажет - столько и положишь.

Короткий кивок в сторону ящика, ощерившего в узкогубой улыбке свою деревянную пасть. Мое смущенное:

- А сколько, в среднем, должна подсказать душа?

Спросила и тут же осеклась. Ненавижу эту свою манеру пытаться острить в неловкой ситуации - манеру, которой я, кстати, заразилась от Митрошкина. Но если ему обычно такие штучки сходят с рук, то на меня смотрят, как на умалишенную.

Однако, Гаянэ неожиданно рассмеялась:

- Сколько?.. Ну, полтинник дашь - и хорошо. Нормально для твоей души? Не дорого?

Для моей души оказалось в самый раз, и я церемонно присела на пустой табуретку, выпрямив спину, как выпускница Смольного, и сложив руки на коленях.

Хозяйка смотрела на меня выжидающе: черные глаза лучились какой-то неправдоподобной лаской.

- Извините, - решила я, наконец, - а что это за рекомендации такие? Мне просто ваш адрес сказали, вот я и пришла...

- А! - она легко махнула рукой, и крупные серьги в её ушах звякнули. - Сережка чудит - муж мой... Все ему кажется, что меня убивать сейчас придут или грабить. Что тут грабить? Ну, скажи, что тут грабить?

Руками она развела широко и эмоционально, как бы призывая поразиться убогости жилища. Изнутри комната, действительно, выглядела довольно скромно, но вот воспоминания о белом-розовом мраморе и кожаных креслах в холле как-то не давали мне до конца проникнуться бедственным положением народной целительницы. Правда, сама она, как ни странно, ни малейшей антипатии не вызывала. И даже деревянная касса, соседствующая с иконками, потихоньку переставала злить и раздражать: с конце концов у каждого свой бизнес, каждый зарабатывает как может.

- А ты мне нравишься, - выдала Гаянэ ни с того, ни с сего. - Только скромная сильно. Чего боишься? Рассказывай, что у тебя стряслось?.. Ты, гляжу, с мужем пришла? Или друг твой?

Я и не подозревала, что из окошка с беленькими занавесочками такой прекрасный обзор!

- Друг... Только...

- А-а! Не бойся меня, - она почти с досадой хлопнула ладонью по столу и снова посмотрела на меня с обворожительной улыбкой. - Никто меня не боится: муж не боится, сын не боится, ты одна боишься! Что - Гаянэ такая страшная? Или Лиза тебе всяких ужасов наговорила?

- Ничего она мне не говорила.

- Говорила-говорила! - Гаянэ улыбнулась ещё шире. Я заметила, что на двух коренных зубах у неё сверкают золотые коронки. - Что много денег беру, говорила? Что не помогла ей, как она хотела, говорила?

Сейчас полагалось либо согласиться, либо начать с пафосом отрицать подобные нелепости. Что выгоднее в моем положении, я пока не знала, поэтому ограничилась неопределенным пожатием плеч.

- Остеохондроз у тебя?

- В каком смысле?

- В смысле шейных позвонков, - она протянула руку и провела неожиданно холодными пальцами по моему лбу. - Кривишься что-то вся?

Тянуть дальше было глупо. Старый остеохондроз у меня, действительно, имелся. Но, кроме этого, имелись ещё гастрит и вегето-сосудистая дистония. Перспектива подвергнуться сначала диагностике, а потом и лечению многочисленных болячек меня совершенно не устраивала.

- Гаянэ, скажите, а вы с Елизаветой Васильевной поссорились?

- С чего ты взяла? - она снова провела подушечками пальцев теперь уже по моей шее. - Я ни с кем не ссорюсь, мне Бог не велит. А Лиза такой жизнью живет, какую сама себе выбрала. Жадная она и нервная. Я ни к кому домой не хожу - к ней пошла: обереги повесить, квартиру очистить. А зла я не делаю, у нас никто в роду этим не занимался. Так что пусть кого-нибудь другого об этом просит... Вот последний раз девочка ко мне придет, и все - больше её принимать не стану.

- Девочка? - я поежилась: ужасно боюсь щекотки. - А я думала, она сама у вас лечилась?

Хозяйка ничего не ответила - только загадочно усмехнулась и подперла обеими руками мягкий округлый подбородок:

- Ну, говори уже: что тебя привело?

- А какое зло просила вас сделать Елизавета Васильевна?

- Ох, какая ты любопытная! - Гаянэ с усмешкой покачала головой. - Женщину одну наказать просила. Та её, конечно, сильно обидела, но злом на зло отвечать нельзя. Ой, нельзя! Девочку я защитила, а болезни насылать...

- От чего защитили девочку?

- Слушай, ты - милиционер, да?

- ...От той женщины, которую она хотела наказать?

Она наклонилась вперед так, что её лицо оказалось в каких-нибудь нескольких сантиметрах от моего, и спросила совсем тихо:

- Рассердить меня хочешь?

Сердить её, а, тем более, тех парней возле джипа, совершенно не входило в мои планы, поэтому я поспешно прижала пальцы к губам и пролепетала:

- Извините!

Однако, на лицо Гаянэ уже набежала тень, странно сочетающаяся со все той же радушной улыбкой:

- Зачем, на самом деле, пришла? Говори или уходи! Не люблю, когда меня обманывают.

В этот момент из-за двери негромко позвали: «Гаянэ!». Она бросила на меня странный, многозначительный взгляд и быстро вышла, на ходу поправляя тканый пояс. Через минуту в холле послышались тихие, но достаточно эмоциональные голоса. Гаянэ с мужем о чем-то спорили. Не по русски. Он явно тревожился, она успокаивала. А я сидела, глядя прямо перед собой и машинально выдирая короткие шерстяные нитки из манжет водолазки.

«Говори или уходи!»! А что говорить-то? И, главное, о чем спрашивать?.. Девочка, абсолютно не вписывающаяся ни в какую схему. Женщина, которую Елизавета хотела наказать. Женщина, которая её сильно обидела... Та самая школьная учительница? Но при чем тут тогда девочка? Когда они поссорились, дочери Шайдюков ещё и на свете не было... Интересно, можно ли спросить, как звали ту женщину, или Гаянэ меня сразу превратит в таракана? Имеет ли все это хоть какое-то отношение у Галине Александровне Барановой, или я зря страдаю?.. Интересно, что там с Лехой? Может быть, она уже подала какой-нибудь тайный знак, и его, как потенциально неблагонадежного посетителя заперли в сарае с крысами?.. Женщина и девочка... Девочка и женщина... Может это, вообще, две отдельных истории? Девочку, например, защитили от сглаза, а женщину хотели наказать за какую-то

обиду... Елизавета распродала золото - значит, нуждалась в деньгах. Может быть, какая-то бухгалтерская растрата? Подсудное дело? История, в которую её втравила эта самая обидчица? Но тогда разумно ли было тратить последние гроши на то, чтобы «полечить» у Гаянэ дочь? Муж - врач, наверняка, куча знакомых в медицинском мире... Если только положение настолько серьезное, что официальная медицина уже не помогает?.. Она рожала её в Москве: возможно, были какие-то осложнения во время беременности. И потом, не только не кормила грудью, но даже не интересовалась тем, как можно увеличить количество молока. Знала наверняка, что бесполезно?.. Тепло-тепло, но ещё не горячо!»..

Голоса в холле сделались громче. Муж, видимо, ходил из угла в угол, по полу шоркали его тапки.

... «Та ссора. Давняя ссора с учительницей... Елизавета Васильевна была беременна. Возможно, она перенервничала, и это сказалось на ребенке. Но и обидчица в результате получила инфаркт. Пришла требовать материальной компенсации?.. «Она её обидела. Сильно обидела». В принципе, складывается. Это только по словам Валентины Иосифовны Елизавета первая начала ссору, а кто его знает, как там было на самом деле?.. Ссора вылилась во что-то невообразимое. Она уволилась за пару месяцев до декретного. Добровольно отказалась от права получать пособие на ребенка, от отпускных, от всего. Прервала трудовой стаж. По тем временам это было более чем серьезно. Тем более, сколько уж там получал Анатолий Львович? В любом случае, был далеко не миллионером. Но она бросила здесь все и уехала рожать в Москву. Так обиделась... Стоп-стоп-стоп. Что-то не складывается... Если её отправили рожать в столицу по медицинским показаниям, то почему она так наплевательски относилась к своему здоровью и здоровью своего ребенка так, что даже по уши влезла в эту дурацкую бабью распрю? Если же нет, почему было не родить здесь - здесь, в Михайловске, где половина медиков знает и её саму, и её мужа?»..

Дверь снова распахнулась, и в комнату вошла Гаянэ. Быстро выглянула в окно, полуобернувшись, спросила:

- Ну что? Так и будешь тут всю жизнь сидеть и молчать?

... «Обида. Ссора. Ссора, которую она не пожелала закончить примирением... Деньги... «Я защитила девочку»... Или?!»

Мне показалось, что невидимый тумблер в моей голове щелкнул на самом деле. С таким звуком обычно обламываются сухие тонкие ветки - коротко, громко, ясно. Даже Гаянэ, вроде бы, вздрогнула. Или мне это только померещилось?

- А та женщина требовала у Елизаветы Васильевны денег? - краснея от волнения, ответила я вопросом на вопрос. - Ведь она была из Москвы, так? Немолодая ворчливая женщина с крашенными волосами? Она требовала денег, и Елизавета Васильевна продавала свое золото? Та женщина грозилась рассказать девочке о том, что она - приемная дочь?

Хозяйка сверкнула глазами и резко выбросила в сторону руку. Теперь её смуглый палец с ногтем, покрытым алым лаком, указывал на дверь.

- Уходи, - в её спокойном голосе явственно послышалась угроза. На меня же вдруг напали отчаянная наглость вкупе с полушизофреническим весельем. Впрочем, любой на моем месте, наверняка, пришел бы в восторг от собственной проницательности. Еще бы! Догадалась! Опять до всего дошла своими личными заурядными мозгами!

- Не уйду, - я закинула ногу на ногу и аккуратно расправила юбку, собрав с неё обрывки ниток, - потому что мой друг - на самом деле, не только друг, а оперуполномоченный отдела по расследованию убийств. Правда, здесь он, как частное лицо, но это только пока. А женщину эту, если вы ещё не знаете, задушили. И поэтому в ваших же интересах рассказать все, как было...

Хотелось бы мне иметь такую же здоровую нервную систему! Ни один мускул на лице Гаянэ не дрогнул, разве что улыбка едва заметно поблекла.

- Я ничего не знаю ни про какое убийство, - сказала она негромко. - Ты зря не сказала мне все с самого начала.

- А что было бы, если б сказала?

- Ай, не нужны мне неприятности с милицией! - осторожные шаги в холле стихли, как будто человек, споткнувшись, остановился. - Я не делаю ничего дурного, и не помогаю дурным людям... Скажи, чего ты хочешь?

- Хочу, чтобы вы мне помогли... Елизавета Васильевна инсценировала беременность, чтобы никто в Михайловске не догадался о том, что ребенок приемный, так?

Гаянэ кивнула, достала из подставки фиолетовый фломастер и как-то отрешенно начертила на маленьком листке бумаги несколько неровных линий.

- Она и с работы уволилась заранее для того, чтобы не предоставлять больничный лист или справку... в общем, то, что нужно для оформления декретного отпуска? Просто так её никто бы не уволил - пришлось разыграть ссору?

- Все знаешь - зачем ко мне пришла? - хозяйка отложила исчерченный листочек в сторону и взялась за другой.

- ... Отказного ребенка взяли из Московского дома малютки, привезли в Михайловск. Все шло нормально, никто ничего не подозревал, пока не появилась эта женщина? Ей нужны были деньги, и Елизавета сначала заплатила?

- Сначала! Она платила ей четыре раза! Шубу продала, кольца продала, серьги - все!

- Эта женщина раньше жила в Михайловске, или просто давно знала семью Шайдюков. Ее звали Галина Александровна Баранова...

- Э, подожди! - Гаянэ вскинула правую руку в протестующем жесте, одновременно послунила палец левой и достала новый листок из пачки. - Имени я не знаю, в моем доме имен врагов не называют. Знаешь имя - знаешь зло, а все зло потом на меня перейдет. Я и так ночами мучаюсь, голова раскалывается. Думаешь, это легко - людей лечить?

- Но она, по крайней мере, была такой, какой я её вам описала? - я быстрым движением смахнула челку со лба и почувствовала, что лоб вспотел от волнения. - Немолодая? Короткие рыжеватые волосы? «Химия» выкрашенная хной? Лицо в морщинах, но, в общем, ухоженное?

- Да. Лиза приносила мне фотографию.

- И у вас эта фотография есть?!!

- Нет, - она улыбнулась самой светлой, самой обворожительной улыбкой, и золотые коронки на её зубах холодно сверкнули. - Я отдала карточку обратно. Сразу отдала. И сказала, что делать ничего не буду, потому что Лиза была сильно злая. Она хотела её не просто наказать, она убить её хотела...

Она хотела её убить. Так хотела, что боялась брать в руки обычный кухонный нож. Резала на разделочной доске говяжью печень и ясно представляла, как холодное лезвие с хрустом входит в дряблую кожу, легко рассекает желтый жир и замирает там, внутри, дожидаясь, пока погаснет крик. Она слышала этот крик, этот хрип умирающей женщины так явственно, что начинало звенеть в ушах. Тогда Лиза доставала из холодильника настойку валерианы, капала в рюмку «дежурные» сорок капель, садилась на табуретку, запрокидывала голову и залпом выпивала. За окном шел снег, едва заметно покачивались облетевшие клены, а в окнах соседних домов горел свет. Она прижималась лбом к холодному стеклу, чувствовала, как на месте соприкосновения набухает капля влаги, стремительно стекает вниз. Как слеза? Странно, но она совсем не могла плакать. Только смеяться - коротко, сухо, страшно. Сама слушала свой смех и почти испуганно думала: «А вдруг это уже не шутки? Вдруг я, на самом деле, начинаю сходить с ума? И этот кухонный нож. И распластанная говяжья печень на столе»... Вряд ли она, на самом деле, смогла бы воспользоваться ножом, если бы такая необходимость возникла. Только не нож. Слишком страшно, грязно, гадко... «Снотворное? Что-нибудь из пресловутых препаратов группы «А», которые, как говорит Анатолий, хранятся в специальных сейфах?.. Но не звать же, в самом деле, эту стерву на ужин? Или позвать?.. Господи! Да что же это?! Разве это может быть всерьез?!»

Лиза поднималась и начинала ходить по кухне из угла в угол. Туда-сюда, туда-сюда. «Как загнанный зверь? Если бы! Как тупой, бессмысленный и беспомощный маятник!.. Еще эта печень! Кому приспичило есть на ужин печень? Есть картошка, есть копченая скумбрия. Квашеная капуста, в конце концов!.. Выбросить печенку кошке? Лучше сразу в мусорное ведро. «Мы же персидской породы! Мы же сырое не едим!» Так и будет валяться скользким окровавленным куском между мисками и кошачьим туалетом».

Откуда взялась эта женщина? Почему она возникла именно теперь - через четырнадцать лет? Все понятно: тяжелая жизнь, экономическая ситуация в стране, зарплаты маленькие, пенсии задерживают. И ещё бесплатные рецепты грозятся отменить... Да, именно про эти чертовы бесплатные рецепты она сказала в первый раз, когда они сидели в кафе. Лиза тогда даже не успела испугаться. Да что там - почти обрадовалась, вспомнив вдруг её лицо. У неё всегда было такое простое, располагающее лицо... Глупо! Господи, как глупо!

Лиза возвращалась тогда из универмага, там открыли ювелирный отдел, и она хотела

посмотреть колечко для Анечки - какое-нибудь совсем простое, но изящное. Подарок на четырнадцатилетие. У девочки красивые пальцы: надо привыкать носить украшения.

- Лиза! - окликнули из толпы. Именно «Лиза», а не «Елизавета Васильевна». - Лиза!

Она обернулась. На автобусной остановке стояло человек десять-двенадцать. Все изнывали от жары, потому что октябрьское солнце палило неприлично по-летнему. Но жарче всех было, конечно, этой женщине. Она едва не дымилась в своем бирюзовом пальто на синтепоне - глупом, кургузом пальто, отделанном по краю воротника и манжет полосками темно-зеленой ткани.

- Лиза! - повторила женщина, неуверенно улыбаясь. И она узнала её. Узнала это простое лицо, эти короткие жесткие волосы - теперь подкрашенные хной, и особенно, эту улыбку.

- Вы? Здесь? В Михайловске? - она подошла, толком не представляя, как себя вести. Та рассмеялась:

- А что такого? В Михайловске ведь - не в Париже. Это по Парижам с нашими доходами не больно разъездишься... Ну, как ты? Как девочка?

Тогда Лиза почувствовала первый укол страха - легкий, едва различимый:

- Девочка? Девочка нормально. Большая уже... А вы? У вас здесь родственники?

- Слушай, пойдём в кафе посидим? - неожиданно предложила женщина. - Покушаем, поговорим. Когда ещё увидимся? Может, и не встретимся больше. А мне так интересно про Анечку послушать, я почему-то её из всех детишек запомнила.

- Откуда вы знаете, что её зовут Анна?

- Так ты же говорила! - она мелко рассмеялась и, взяв Лизу под локоть, повела её от остановки. - Сразу ведь говорила, что Анечкой назовешь? Забыла уже все? Эх, мать-мать! Клееночки то хоть не растеряла, которые я для тебя самолично подписывала?

Маленькие кусочки оранжевой медицинской клеенки с марлевыми завязочками. И размашистой надписью: «Шайдюк Е.В, девочка, вес 3600, рост 52 см»... Дальше дата, и ещё какие-то цифры... Они лежали в коричневой кожаной сумке вместе с документами, и Лиза прекрасно помнила, как их отдали ей вместо других - тех, что, на самом деле, были привязаны к запястьям и ножкам крошечной девочки.

Кафе оказалось паршивым. Бывшая «Блинная», в которую Лиза заходила за всю жизнь раз или два, и то лишь потому, что надо было срочно перекусить, а «Блинная» находилась совсем рядом с автобусной остановкой.

Они сели за столик возле окна, заказали по овощному салату, по жульену из грибов и по чашке кофе. Платить полагалось сразу. Лиза полезла было за кошельком, прикидывая следует ли рассчитаться за старую знакомую, или пусть лучше каждый платит сам за себя. Но та неожиданно попросила официантку:

- Меня за двоих рассчитайте, пожалуйста.

- Пожалуйста, - официантка равнодушно пожала плечами, хотя её, наверное, несколько удивило это желание. Все-таки Лиза, как-никак, была одета в дорогой итальянский плащ и полуботинки, и в ушах у неё поблескивали бриллианты, тогда как её приятельница в своем синтепоновом пальто и растоптанных сапогах выглядела типичной немолодой и небогатой тетушкой, отправившейся на мелкооптовый рынок за продуктами.

Салат съели в молчании, в молчании приступили к жульену. Лиза все острее ощущала тревогу, почти страх.

- Так как же Анечка? - спросила, наконец, женщина, аккуратно промокая губы салфеткой, - так и не знает, что ты ей - не родная мама? Пора уже, наверное, сказать, как ты думаешь? А то девица-то уже большая, глядишь замуж засобирается, забеременеет. В консультации спрашивать начнут, какая наследственность, не болел ли кто диабетом... Ну да, ты ведь этого всего не знаешь!

- Ане четырнадцать лет, - Лиза отодвинула металлическую чашку с жульеном в сторону. - Ей ещё рано думать о замужестве. И, мне кажется, совершенно ни к чему знать о том, что не мы - её родители. Насколько я помню, и мать, и отец были совершенно здоровы?.. Не понимаю, к чему вы завели этот разговор...

- Да ни к чему! Так просто. Не хочешь - конечно, не говори. Ты мать - тебе и решать.

«Почему я не расплатилась? Почему позволила заплатить ей?» - думала она, разглядывая эти жесткие рыжеватые волосы, эти губы, до отвращения аккуратно подкрашенные кофейной помадой, эти светлые узкие брови. - «Сейчас было бы так просто встать и уйти, и бросить ей в лицо:

«Прощайте. У меня нет времени на пустые разговоры!».. Уйти, конечно, можно и теперь, но этот проклятый салат, этот жульен... Оставить на столе деньги? Ну, конечно!»

Она торопливо достала из сумочки кошелек, раскрыла среднее отделение для больших купюр, выложила на стол сотню.

- Обижаешь, - запротестовала женщина. - Ну, зачем ты меня обижаешь? Я же от чистого сердца хотела тебя угостить, хотя для меня это, конечно, деньги не малые, а ты мне подачку через стол швыряешь... Конечно, что тебе какая-то сотня? И сама в золоте, и Анечка, наверное, ни в чем не нуждается. А я деньгам счет знаю, зарплата у меня копеечная, рецепты вот бесплатные грозятся отменить...

- Сколько вы хотите? - побелевшими губами спросила Лиза. Та ответила. Совершенно спокойно, потому что обдумала все заранее. И Лиза кивнула, и не упала в обморок от страха, и заставила себя изобразить легкую брезгливость. И небрежно бросила:

- Я вам заплачу...

Она чувствовала. Она всегда чувствовала, что именно этим кончится. Плохие сны снились ей ещё тогда, когда ничего не было ясно. Лиза с тревогой ждала очередных месячных, страстно надеясь, что, на этот раз, они, наконец, не придут, и видела по ночам человека в темной одежде, который уносит от неё окровавленного младенца. Сильно болело в низу живота. Во сне она понимала, отчего это. Она только что родила, так и должно болеть. Но почему человек уносит необмытого ребенка? Почему он не заворачивает его в пеленки? Почему?

Днем боль не уходила. Только притуплялась. «Патологии не вижу!» пожимала плечами врач-гинеколог. «Я не могу сам тебя осматривать», говорил Анатолий. Она терпела, пока однажды не упала в обморок. И тогда гинекологиня, наконец, «прозрела», в ужасе ахнув: «Боже мой! Такая миома! В вашем возрасте!»

Лиза сдала все необходимые анализы, в том числе, и образец тканей на цитологию, и стала ждать. В толпе она теперь почему-то все чаще слышала разговоры о раке, видела людей с круглыми, лоснящимися опухольями на шее или возле мочек ушей. Она не могла не думать об опухоли, растущей внутри нее. Растущей вместо ребенка, которого она так хотела. А потом книга по онкологии появилась на столе у Анатолия. И тогда она забилась в истерику и закричала, что умрет. Он успокаивал, гладил по голове и, словно бы нечаянно, ощупывал лимфатические узлы. Лиза чувствовала, понимала и от этого боялась ещё больше.

Результаты анализов пришли через две недели. День в день. Выписку ей не показали, зато показали мужу. А ей просто сказали, что необходима операция. Ничего страшного. Обычная операция, тысячи женщин через это проходят. Но ей было двадцать девять лет, и она отчаянно не желала причислять себя ни к тысячам, ни к миллионам. Анатолий тогда снова начал курить, недокуренные «бычки» валялись по всей квартире. Лиза говорила: «Если все обойдется, мы обязательно разведемся. Ты не должен жить с калекой. Я буду - не женщина и никогда не смогу родить. Ты это знаешь». «Я женился на тебе не из-за того, что польстился на твою потенциальную плодовитость», - отвечал он и снова тянулся за зажигалкой. Шутки у него получались все менее и менее смешными...

А потом все, и в самом деле, обошлось. Она наблюдалась в онкологии еще, наверное, полгода. Потом с ней торжественно простились и пожелали никогда больше не возвращаться. Впрочем, это было только пожеланием, а наверняка она знала только одно большое «никогда», рассыпающееся на тысячу маленьких: её никогда не привезут по «Скорой» в роддом, никогда не прокричат в самое ухо: «Тужьтесь, женщина! Тужьтесь!», и никогда не поздравят: «С дочкой вас, мамаша! Смотрите! Любуйтесь! Какая красавица вся в мать!»

Лиза почти не плакала. Она просто жила с этим «никогда». До того самого дня, когда Анатолий однажды спросил: «А может, усыновим кого-нибудь? Или удочерим?» Она сразу поняла, что это будет только девочка. И никто никогда не посмеет усомниться в том, что эта девочка - её родная дочь. Именно тогда Лиза испугалась во второй раз: «А если все-таки узнают? Если расскажут ей, девочке? Что тогда?» «Ну и что?» - спросил муж. - «Все равно она когда-нибудь должна будет узнать, поэтому мы все расскажем сами». «Нет!» - закричала она и неожиданно для самой себя потеряла сознание. Ничего страшного, обычный обморок, но Анатолий с тех пор о том, что дочь должна быть в курсе всего, ни разу вслух не вспоминал.

Вопрос о том, чтобы усыновить младенца из Михайловска даже не поднимался. Все заявления и

справки подавались в многочисленные комиссии из Москвы. Им обещали, их обнадеживали, а Лиза чувствовала себя так, словно уже носила под сердцем ребенка. Ее даже немного тошнило по утрам. Когда «добро», наконец, было получено, они купили бутылку шампанского, торт, фрукты и сели вдвоем отмечать это торжественное событие. Однако, бутылка «Советского полусладкого» не соответствовала масштабам счастья. Анатолий сходил за водкой. Лиза морщилась, но пила, потом плакала. Потом они лежали поперек дивана и хохотали, глядя в потолок. «Видели бы нас сейчас эти женщины из комитета», - смеялась она, размазывая по щекам слезы, - «ни за что бы не подписали разрешение на удочерение. Приемные родители - алкоголики! Боже мой!»

Кроватку, коляску и даже погремушки купили заранее. А Лиза начала пристегивать специальную накладочку к изнанке хлопчатобумажной сорочки. Сначала в накладку помещался всего один слой поролона, потом два, потом три... И в один прекрасный день приятельница, учительница русского и литературы, кивнув на её живот, напрямик спросила: «Лиз, а ты часом не «того»?» Она счастливо рассмеялась: «Того-того! Пятый месяц уже!» А вскоре и детки начали перешептываться: «Классуха» - то у нас беременная!» Все было просто отлично до тех пор, пока Анатолий однажды не упомянул в разговоре семьдесят дней декретного отпуска, которые ей по закону обязаны предоставить, как женщине, усыновившей ребенка. Семьдесят дней после рождения, разумеется. «А «до»?» - она похолодела. - «Как быть с декретным после семи месяцев и до родов?» «Директрисе вашей придется все объяснить», - он поскреб подбородок. - «Иначе - никак. Здесь, в Михайловске, я бы достал тебе больничный, а в Москве, сама понимаешь, не могу... Ну, она же женщина, в конце концов, поймет!» «А бухгалтерия?» - спросила Лиза. - «А секретарша, которая приказы подшивает? Да ты что, с ума сошел?» Анатолий не нашелся что ответить, но зато, не глядя, оперся рукой о перильца кровати из светлого дерева - новенькой кровати с травяным матрасом.

И тогда она все решила сама. В накладку к тому времени уже помещалась довольно объемистая поролоновая подушечка, Лиза носила просторный шерстяной сарафан и на вопросы о сроке блаженно отвечала: «Шесть месяцев». Была среда. Она наметила для себя этот день, потому что дальше просто нельзя было тянуть. Это была среда...

Преподавательница химии Раиса Михайловна шла по школьному коридору, привычно печатая шаг, как солдат на плацу. Бог знает, в какие тяжелые времена она умудрилась так изуродовать собственную походку? Злые «детки», в общем, не отказывающие ей в уважении, называли химичку «конь Рокоссовского». Она шла, печатая шаг. Лиза наблюдала за ней из-за угла. Когда Раиса Михайловна поравнялась с кабинетом, Лиза вышла из своего укрытия и громко произнесла:

- Раиса Михайловна, у меня есть основания считать, что вы намерено занижаете оценки Лене Ягуповой. (Ягупова училась в 7 «Б». Лиза была у них классным руководителем) Девочка успевает по всем предметам, кроме вашего. Я знаю о долгом разговоре, который вы имели с её мамой. Вероятно, вам отказались заплатить?

Химичка, побагровев, отчеканила:

- Елизавета Васильевна, не забывайтесь! Я понимаю, что в вашем положении в голову могут приходить самые разнообразные фантазии, но, тем не менее, постарайтесь следить за языком. Иначе я вынуждена буду обратиться к руководству.

- Так вы мне угрожаете? - спокойно уточнила Лиза. - И тыкаете мне в нос моим положением? Между прочим, я жду ребенка от собственного мужа, ничего зазорного в этом нет. А вам, вероятно, завидно, потому что вас никто так и не пожелал взять замуж.

- Хамка. Молодая распоясавшаяся стерва! - выдала Раиса Михайловна, заходя в кабинет и хлопая дверью. А Лиза, придерживая живот, отправилась плакать в учительскую. Разборки начались в этот же день. К делу подключилась директриса. Химичка, сама не осознавая того, как глубоко себя топит, ещё несколько раз прилюдно назвала молодую коллегу «халдой» и «хамкой». Родители бедной Лены Ягуповой, из-за которой, формально, все началось, на неделю забрали девочку из школы. Все складывалось как нельзя лучше. И к исходу месяца Лиза подала заявление об увольнении по собственному желанию.

А ещё через полтора месяца ей снова приснился человек в черном, уносящий из комнаты окровавленного младенца. В ту ночь у девятнадцатилетней незамужней студентки автодорожного института родилась дочь весом три килограмма шестьсот граммов и ростом пятьдесят два сантиметра.

Теоретически Лизе полагалось «дохаживать» ещё около четырех недель, но они с Анатолием тут

же решили, что девочка окажется немного «недоношенной». Она лежала в детской, вместе с другими младенцами. Темные волосики на её голове ершились смешным хохолком. «Это будет моя дочь», - пыталась понять Лиза. - «Она уже моя дочь!»

«Ну что, с дочкой вас, мамаша! Поздравляю!» - сказала тогда детская медсестра, распеленавшая на столе девчушку. - «Смотрите. Любуйтесь. Ох, какая красавица!» И не добавила лишь только: «Вся в мать». Тогда этой женщине было уже, наверное, за сорок, но волосы её ещё сохраняли натуральный каштановый цвет. Хной они начали отливать уже потом. Через четырнадцать лет. А тогда она написала на чистых клееночках «Шайдюк Е.В, девочка», ещё раз объяснила, как кормить и пеленать малышку и пожелала всего самого доброго.

Лиза боялась не её. Кого угодно, но только не её. Доктора в детской поликлинике, соседку, глядящую ехидно и многозначительно и советующую, как повысить количество молока. Эту самую молодую студентку, в которой мог проснуться запоздалый материнский инстинкт. Кого угодно, но только не её. А пришла она...

Лиза ничего не сказала Анатолию (благо, он никогда не считал, сколько она тратит), отказалась от идеи купить Анечке колечко, собрала все, что было в доме, и заплатила. Это ненавистное бирюзовое пальто снова замаячило под окном её рабочего кабинета через месяц, и снова потребовались деньги. Тогда она продала золото. Муж опять не заметил: ему к тому времени было уже глубоко плевать на то, как она выглядит, и в чем ходит.

«Все. На этот раз - все!» - пообещала доброжелательная женщина с выкрашенными хной волосами и пришла в третий раз. Кто-то на работе упомянул Гаянэ. Лиза кинулась к ней тем же вечером. Рассказала все, давась слезами. Та посоветовала, прежде всего, привести девочку. («Ее надо защищать - не тебя, ей будет горе - не тебе!») Над головой Анечки в железной плошке отливали воск и прятали в темный шкаф новые хрустящие простыни. А Лиза требовала: «Гаянэ, останови эту женщину! Накажи эту женщину! Я ей плачу, тебе плачу. Ты, вспомни, сколько я уже отдала тебе денег!» «Она сама к себе зло зовет», - невнятно объясняла Гаянэ. - «Сама себя накажет!» «Она обещает рассказать Аньке!» - плакала Лиза и снова собирала деньги по приятельницам и дальним знакомым. Набрала. Договорилась о встрече, пришла с маленьким простеньким «Кодаком» и незаметно сфотографировала свою мучительницу, когда та читала объявления на кирпичной стене дома. Но шантажистка как будто что-то почувствовала: между своими обычными задушевными фразами вставила: «Лиза, ты, надеюсь, не хочешь, чтобы Анечка, кроме того, что было на самом деле, узнала что-нибудь еще?.. Например то, что настоящая мать не хотела её отдавать, плакала, а вы припугнули, потребовали, заплатили?» «К чему вы это говорите?» - спросила Лиза. Та пожала плечами: «Да ни к чему. Просто так». Тогда она пришла к Гаянэ, положила фотографию на стол и сказала в лоб: «Накажи её. Я знаю, ты можешь... Не поможешь мне, я в милицию пойду и про все твои доходы-расходы распишу в подробностях». «Я - не ведьма. Чего ты хочешь?» - спросила Гаянэ. И она удивительно спокойно ответила: «Я хочу, чтобы ты её убила. Иначе я убью её сама»...

- Да. Она хотела её убить, - Гаянэ закрыла фломастер колпачком и убрала его обратно в подставку. - Но мне не верилось, что она это сделает.

- Почему не верилось? - я посмотрела на настенный календарь в углу. Это была репродукция с фрески - рыцарь в доспехах, поражающий копьем мерзкого дракона.

- Потому что такие женщины как Лиза сначала много кричат, а потом падают в обморок. Когда я ещё жила на Кавказе, у нас в селе была одна девушка. У неё парня зарезали бандиты. Как она рвалась, как кричала, что убьет их всех: её даже к кровати привязывали! А потом прошло время, и она вышла замуж за одного из этих бандитов...

Смысл притчи доходил до меня с трудом. Точнее, никак не желали выстраиваться параллели:

- Так вы считаете, что Елизавета Васильевна до конца своих дней платила бы шантажистке или, в конце концов, сама рассказала бы Ане всю правду?

- Ничего я не считаю, - она быстрым легким движением поправила свои пышные волосы, сколотые на затылке шпильками. - Убила - значит, такая была её судьба. Значит, я в ней ошибалась. Девочку жалко. Разве так лучше для неё будет? А Лиза - дура. Лучше бы в суд пошла и заявление написала. Теперь вот в тюрьму сядет, и правильно.

На улице надсадно взвизгнули петли калитки. В холле снова послышались мягкие шаги - наверное, русский муж Сергей в своих домашних тапках шел анкетировать очередного посетителя.

- Спасибо вам, - я поднялась, одернув юбку. - Вы очень помогли.

- А-а! - Гаянэ махнула рукой. - Как чувствовала, что влезу с Лизой в какую-нибудь историю. Она тоже встала, быстрыми ловкими пальцами собрала со стола исчерканные фломастером бумажки, сложила их в аккуратную стопочку, перевязала суровой ниткой и протянула мне:

- На, возьми. Чай сядешь пить, один листочек в чашку окунешь, подумаешь о чем-нибудь хорошем, бумажку выкинешь, а чай дальше пей. Так десять дней. Тебе поможет: ты нервная.

- А что это такое?

- Зачем спрашиваешь? Все равно не поймешь. Бери, не бойся. Гаянэ ещё никого не отравила.

Перспектива пить чай с жидким фломастером меня прельщала очень мало, но отказываться было как-то неудобно. Неуклюже помявшись с листочками в руке, я полезла в задний карман юбки за деньгами.

- Эй! - Гаянэ погрозила мне пальцем, снова улыбнувшись на все тридцать два зуба. - Деньги убери. Милиции бесплатно.

- Так я же сама не из милиции!

- Тем более, бесплатно. Милиционерам хоть по службе положено в такие дела лезть, а тебе, видно, делать больше нечего. Молодая, красивая, а? - она взглянула на меня почти с укоризной. - Знаю таких как ты. Вам всю жизнь чай с такими листочками пить надо. Тогда, может, на старости лет в ум придете... Иди уже, иди! Не видишь, люди ко мне?

Я быстро оделась в холле и выбежала из калитки, провожаемая внимательным взглядом Сергея, удосужившегося надеть под домашние шлепанцы носки. Огляделась вокруг, увидела на месте оба джипа, а рядом, на широкой лавке, Митрошкина, самозабвенно режущегося с аборигенами в карты.

- Ну все, можно ехать домой, - сказала я, подходя и трогая его за локоть. Он с явным огорчением вздохнул, положил карты, взял у одного из партнеров какие-то деньги и радушно попрощался с новыми знакомыми. В Электронном переулке по-прежнему завывал дикий первобытный ветер.

- И что мы имеем? - спросил Леха, когда мы вышли на более-менее цивилизованную улицу и перестали спотыкаться на каждой колдобине.

- Мотив убийства... Надеюсь, я правильно выражаюсь? Елизавета Васильевна убила Галину Александровну за то, что та её шантажировала. Галина Александровна работала детской медсестрой в одном московском роддоме и грозилась рассказать дочери Шайдюков о том, что она приемная.

Митрошкин опустил руки в карманы куртки и тихо присвистнул.

- ... С осени она умудрилась вытащить у Елизаветы Васильевны целую уйму денег, та решила прекратить мучения таким вот незатейливым и надежным способом и, видимо, подключила к операции своего мужа... Я ещё понимаю, она - дура. Но он-то! Он-то! Вроде, нормальный мужик...

- Что еще?

- Ничего. То есть, вроде бы, много всего, но это - самое главное. Дома расскажу все по порядку... Еще мне надо регулярно пить чай с фломастерами, чтобы к старости лет «прийти в ум».

- Сегодня же куплю набор из тридцати шести цветов, - серьезно пообещал Леха и, обняв меня за плечи, бережно прижал к себе...

***Глава седьмая,
в которой я с горечью убеждаюсь в собственной умственной
неполноценности и вызываю тихое раздражение Олега Селиверстова.***

Такого поганого утра у меня не было уже очень давно. Саднило горло, нос дышал еле-еле, с мерзким присвистом и прихлупываньем. И, плюс к тому, я ощущала себя сволочью. Не то чтобы последней, но уж точно занимающей почетное, середняковское, положение в колонне всемирных сволочей. Напрасно Леха добросовестно утешал меня, начиная с шести утра (я растолкала его именно за тем, чтобы выслушать утешения): собственное поведение все равно казалось мне гнусным и достойным осуждения.

Приехала в город, случайно оказалась неподалеку от места преступления, движимая дурацким

энтузиазмом бросилась искать убийцу. Нашла, убедилась, что гадину-шантажистку убили супруги, спасающие душевный покой ребенка. Подумала-подумала и решила стукануть в милицию...

- Ну, а что ещё должен сделать нормальный человек на твоём месте? - бубнил несчастный Митрошкин. Глаза у него были все ещё заспанные и от этого узкие, как у натурального китайца. - Тебя вызвали, как свидетеля по делу об убийстве, с тебя чуть ли не подписку о невыезде взяли. Сокроешь от следствия важные сведения, в следующий раз тебя прямиком в КПЗ посадят...

- Ну уж, я надеюсь, что следующего раза не будет!

- А я уже не надеюсь, - он обреченно вздыхал. - Если только тебе вместо фломастеров в чай снотворного подсыпать? Чтобы ты, в принципе, из дома не выходила? А, Жень?

- Слушай, а в этот раз мне что будет, если я все-таки не скажу?

- Какая ты дурища, право слово! - Леха отчаянно зевал, рискуя вывихнуть челюсть. - Что значит «не скажу»? Они - убийцы. Знаешь такое слово - «убийцы»? Они хладнокровно, продуманно убили живого человека... Если ты, конечно, все правильно поняла.

Последняя оговорка мне не нравилась и, несмотря на все свои угрызения совести, я начинала бурно возмущаться:

- Ну, объясни те факты, которыми мы располагаем, как-нибудь по-другому, если ты у нас такой скептический и умный! Или, вообще, забудь про них и свали все на многострадального маньяка... Как, кстати, делает наша доблестная милиция!

- Вот видишь, - Митрошкин тоскливо косился на подушку и мужественно продолжал сеанс общения, - ты сама требуешь торжества справедливости, маньяку вон безвинному сочувствуешь. Так какого ж рожна тебе ещё надо?

- Не знаю, - я мотала головой, натягивая на колени пуховое одеяло. - Все-таки это как-то не хорошо... Они же из-за ребеночка!

- Из-за ребеночка, правильно говорит твоя Гаянэ, надо было в суд идти! И писать заявление о защите чести и достоинства. Наверняка, тайна усыновления какими-то законами охраняется.

- О, Господи! Ну что там за законы? В лучшем случае её приговорили бы условно. Или даже просто к большому штрафу. А девочка бы все узнала.

- Ладно, узнала бы. И что дальше? Тысячи усыновленных людей рано или поздно узнают, что они - не родные. Нервный стресс, депрессия, все понятно. Поплакала бы и стала любить родителей ещё больше. А так - никто ничего не знает, и человека нет. Просто отлично придумано!

- Леша, ну подожди, - мой опухший нос начинал присвистывать, как маленький чайничек, - она же грозилась ещё что-то там наврать: что Шайдюки чуть ли не силой девочку у родной матери отняли, что запугали её и вообще...

- «И, вообще», каждым лишним словом она бы наматывала себе срок или сумму штрафа. Одно дело - просто разглашение сведений, а другое - клевета. Дошло б дело до суда, девчонке объяснили бы, где правда, а где болтовня... Все? Твои нравственные мучения закончились? - Леха подгрёб к себе подушку и попытался свернуться на ней, как гигантский кот.

- И все равно это как-то нехорошо: как последняя стукачка бежать в милицию! Закладывать кого-то, доносы строчить...

- Да успокойшься ты сегодня со своей блатной романтикой?! Книжек что ли начиталась, которые такие же дуры, как ты, пишут? «Бандитов любить надо, потому что они ребята - честные и смелые, а ментов - нет, потому что они все - коррумпированные трусливые сволочи!.. Где ещё в нашей жизни место подвигу, как не на какой-нибудь «разборке» с автоматами и «Мерседесами»?»

- При чем тут книжки?! - визжала я, прекрасно понимая, на что намекает Митрошкин. Перед поездкой в Михайловск я купила два женских детектива в мягкой обложке: в каждом из них в доступной форме объяснялось, почему именно всевозможные «быки», «боевики» и «авторитеты» - это цвет нации и её генофонд, а так же предел мечтаний современных женщин. У Лехи прочтение нескольких избранных абзацев сих произведений вызвало приступ гомерического хохота, перемежающегося брезгливым сплевыванием. - При чем тут книжки-то?

- Ни при чем, - он отшвырнул подушку и, похоже, окончательно проснулся. - Просто никто и никогда не убедит меня в том, что мой одноклассник Олег Селиверстов - плохой уже только потому, что он «мент», а какая-нибудь толстая рожа с золотой цепью на шее - хорошая, потому что этих самых «ментов» презирает и ни на кого не стучит.

- О! Идеология пошла! Плакатный стиль.

- А чего ты хотела? Чем мой «плакатный» хуже твоего «вольного»? Я так, например, и не понял, что тебя все-таки волнует: моральное право родителей любыми средствами защищать свое дитя или то, что стучать позорно?

Ответить было нечего: за время нашего общения Митрошкин отлично научился загонять меня в угол. На этом «сеанс утешения» закончился. Разозленный Леха соскочил с кровати, натянул трико и пошел умываться. А я с головой залезла под одеяло. Он собирался к тому самому Олегу Селиверстову «для консультации», а мне, согласно нашей договоренности, полагалось сидеть дома, прогуливаться только от гостиной до туалета и ждать его возвращения...

И вот я сидела и ждала. Взяла от нечего делать детектив с книжной полки, попробовала читать, но не смогла сосредоточиться. В первой главе книжки говорилось об истерзанном трупе мужчины, найденном на чердаке, а мне представлялся другой труп - труп пожилой женщины в ситцевой ночной сорочке с гроздью крупного розового винограда на груди. Почему, зачем она заселилась в профилакторий? Потеряла всякую осторожность и решила дожидаться очередной партии денег с комфортом? Жена платит, а муж лечит? Переоценила свою власть над этими людьми или что-то еще? Что-то еще... Наверняка, она не сама оплатила свой номер, денежки выложили все те же Шайдюки. Но почему тогда не Карловы Вары? Не Крым, в конце концов, а провинциальный Михайловск? Или во всем этом был какой-то особый смысл?

Плюс к насморку и покрасневшему горлу начала болеть голова. Я потрогала тыльной стороной ладони лоб, поводила туда-суда глазами (когда у меня поднимается температура, глаза ломит до невозможности). Но температуры, похоже, не было. Зато было гадкое ощущение, что что-то все равно не так...

Шантажист. Еще один шантажист с запонкой. В памяти очень четко запечатлелось, как Елизавета Васильевна бросила мне в лицо: «Я с такими как ты уже, слава Богу, знаю, как общаться!» Кто же все-таки он, и куда делась эта чертова запонка?..

Додумать мне не дали. Мелодичными минорными трелями запереливался дверной звонок. Видимо, Митрошкин разыскал Селиверстова весьма оперативно, и теперь мне предстояло подробно излагать свою версию случившегося уже не перед флегматичным Лехой, а перед настоящим, «действующим» милиционером. Торопливо поставив детектив на полку, я поправила перед зеркалом прическу и приготовилась улыбнуться чуть грустной, но все понимающей улыбкой бывшей подозреваемой.

Однако голос Елены Тимофеевны, доносящийся из прихожей, звучал озадаченно, веселого слонопотамьего топанья и уханья, которые обычно сопровождали приход Митрошкина, что-то не слышалось, а в довершение всего по полу процокали женские шпильки. Терзаемая любопытством, я прильнула ухом к двери и услышала, как Лехина мама поясняет:

- Да, она в той комнате. Женя немного подпростыла, поэтому сегодня из дома не выходит. Но если вы родственница... Я и не знала, что у неё здесь родственники!

Отпрыгнуть от двери было делом двух секунд. Правда, только такая каракатица как я могла при этом вписаться плечом в угол книжного шкафа и чуть не своротить его вместе со всеми книгами. Однако, сделать озадаченное лицо мне все-таки удалось. Когда Елизавета Васильевна Шайдюк (а это была именно она) зашла в комнату, вид у меня был до крайности удивленный: правая бровь - вверх, рот слегка приоткрыт, в глазах - немой вопрос.

Она, надо сказать, на мои ужимки никак не отреагировала: осторожно, словно боясь запачкаться, ступила босыми ногами в тонких матовых колготках на красный ковер и плотно прикрыла за собой дверь.

- А вы знаете, что это неприлично - запирается в чужой квартире, под носом у хозяев? - поинтересовалась я.

- Где запонка?

«Вот и поговорили!» - промелькнуло у меня в голове.

Сегодня на Елизавете Васильевне была бордовая трикотажная юбка и такой же жакет, на шее тускло мерцала жемчужная нитка, а в глазах - холодная, с трудом сдерживаемая ярость.

- Так где же запонка? Мне казалось, что вы умеете считать и знаете, что сегодня утром истекли те двое суток, что я дала вам на размышления.

«Так где же Митрошкин вместе со своим оперативником?» - тоскливо подумала я. Вслух же bravо ответила:

- Я вам и в прошлый раз говорила, что не знаю ни о какой запонке, и сегодня повторяю то же самое. Не знаю, почему вы избрали меня своей жертвой, но уверяю вас...

- Не надо меня уверять, я всего лишь хочу получить свою запонку обратно. Сейчас. Немедленно! И тут меня осенило:

- Скажите, а срок, назначенный вам шантажистом в письме, тоже истекает сегодня?

- Вы издеваетесь? - довольно недружелюбно поинтересовалась она.

Мы продолжали стоять друг против друга, как Онегин и Ленский в оперной дуэли. Ходики на стене сухо тикали, и было ясно, что добром отсюда Елизавета Васильевна не уйдет.

- Послушайте, - я первая опустила на стул, нарушив мизансцену, - у меня, действительно, нет вашей запонки, и никогда не было. Вы абсолютно зря сюда пришли, и единственное, чем я вам могу помочь - это советом: пойдите в милицию и все им расскажите сами. Им и так уже многое известно, а сегодня к вечеру будет известно ещё больше...

- Я не нуждаюсь в ваших советах, - холодно отозвалась она, протянув сухую, бледную ладонь. - Запонку!

«Вот так и будем тут сидеть до самого прихода Митрошкина!» - тоскливо подумалось мне. - «А он найдет своего Селиверстова, неспешно выпьет с ним пивка, покурит, поболтает. Потом они так же неспешно двинутся сюда, вспоминая всякие школьные приколы... Нет, ну что за ослиное упрямство?! Заладила: «запонку», «запонку». Если бы я была шантажистом, то уже досадовала бы на такую тупую жертву. Нет, чтобы попытаться сговориться со мной о меньшей сумме, умаслить, надавить на жалость, запугать, в конце концов. А то только говорить здорова: «Знаю, как с такими как вы общаться!»

Знаю, как с такими как вы общаться... Неприятный холодок родился где-то в позвоночнике и одинокой каплей холодного пота стек по спине. Взгляд невольно уткнулся в диванную подушку - атласную, вышитую «крестиком».

- Так долго мне ещё ждать? - нервно повторила мадам Шайдюк, и я, отчаянно заверещала:

- Отстаньте от меня со своей запонкой, с милицией будете на эту тему разговаривать. Я не знаю, где вы и ваш муж теряете предметы своего гардероба, зато знаю кое-что про ещё один шантаж, и про то, что в ночь с шестого на седьмое января вы стояли в коридоре профилактория одна. Рядом с вами не было никакого страстного любовника, но мне абсолютно ясно, зачем вы устроили этот спектакль!

Тирада была так себе - на троечку с плюсом, но эффект она произвела совершенно неожиданный. Елизавета Васильевна как-то сразу поблекла, ссутулилась и постарела лет на десять.

- Так вы знаете? - устало проговорила она. - Что ж, тем лучше... Может быть и, действительно, ни к чему весь этот балаган?.. Одевайтесь, поедemте со мной. Пора, наконец, расставить все точки над «і».

Путешествие в компании мадам Шайдюк совершенно не входило в мои планы. Тем более, меня не предупредили заранее о предполагаемом маршруте.

- Никуда я не поеду, - я плотнее вжалась в спинку стула и решительно скрестила руки на груди. - Все точки, которые вам нравятся, вы можете расставить прямо здесь. Но учтите, что в случае чего я вызову милицию.

Она покачала головой, на секунду закрыла лицо ладонями, потом медленно-медленно её руки поскользили вниз. Сначала показались темно-русые брови, потом пустые, отрешенные глаза, потом нос и скулы со все тем же лихорадочным румянцем.

- Вы молоды и глупы, - горько сказала она с каким-то печальным интересом изучая мою физиономию. - Так глупы, что мне даже стыдно. А, кроме того, непомерно корыстны. Мне жаль, что в прошлый раз я разговаривала с вами на «ты». Вас невозможно унижить больше, чем вы уже унизили сами себя, а становиться с вами на один уровень?.. Но мне приятно, что вы боитесь меня. На самом деле, приятно.

И тут произошло странное. Вообще-то, вопреки тому, что говорят, я считаю себя человеком разумным и на подначивания типа «слабо» на поддаюсь. Тем более, не только осторожнее, но и полезнее для дела было сейчас сидеть на месте и ждать Митрошкина с Селиверстовым. Однако я подскочила и с ужасно глупым, босяцким видом, спросила:

- С чего это вы взяли, что я вас боюсь? Вам надо меня бояться!.. Едемте, пожалуйста, куда угодно.

Уже потом, когда глаза Елизаветы Васильевны как-то странно и зло сверкнули, до меня дошло, что я сделала. Но давать «задний ход» было поздно.

- Но вы все-таки, надеюсь, уточните, куда мы с вами отправляемся? - мои жалко дрожащие губы попытались искривиться в подобии ироничной усмешки.

- В профилакторий, естественно, - сухо ответила она. И мне с необыкновенной ясностью представилось мое бедное мертвое тело, засунутое в какую-нибудь коробку из-под оптовой партии лекарств.

За те несколько секунд, что мы шли от двери комнаты до вешалки в прихожей, мне успели вспомниться все одноклассники из училища, девчонки из труппы, мама, мой бывший возлюбленный Пашков и нынешний «непонятно кто» Митрошкин. Вспомнился мамин капустный пирог и мои резиновые игрушки на шифоньере, детские книжки, которые хранились в нашем доме впрок, «для внуков», и почти твердо обещанная мне роль Клеопатры в «Игре теней». А так же сырные рулетики Елены Тимофеевны, которые я так и не попробовала. Ах, какой восхитительный аромат тянулся из кухни! Как многообещающе сияло приготовленное под рулетики хрустальное блюдо, уже стоящее на столе!..

Когда я в очередной раз с грохотом стукнулась коленом о тумбочку, в прихожую, наконец, выглянула Лехина мама.

- Женечка, вы уходите?! - лицо её выражало безграничное изумление, изрядная часть которого относилась к тому, что уходить я собиралась в домашних клетчатых лосинах.

- Да! - я нервно развела руками, пытаюсь одновременно подать ей какой-нибудь мимический сигнал. - Так получилось, что мне срочно надо уехать. Елизавета Васильевна - моя родственница - пригласила меня в профилакторий. Там сегодня лекция по истории театра. Жаль, что Леша не сможет её послушать, ему бы, наверное, было интересно. Да и его другу Олегу Селиверстову тоже.

Мадам Шайдюк даже прекратила застегивать крючки на своей шубе, изумленная странностью моего монолога. Елена Тимофеевна же, как женщина попроще, прямо переспросила:

- Так Алеше что-нибудь передать или нет?

Мне показалось, что мой досадливый зубовой скрежет слышен даже на автостоянке за овощным магазином.

- Спасибо. Ничего не нужно. Передайте только привет Олегу.

Лехина мама кивнула, вытирая руки кухонным полотенцем, вежливо простилась с моей новоявленной родственницей, и мы ушли.

На свежем воздухе мой нос стал дышать легче, а в голову закралась здравая, но, главное, приятная мысль: «Но ведь, на самом деле, убивать она меня не станет? После того как её видели и мама, и бабушка, да ещё и я передала прощальное словесное послание Митрошкину, это было бы, по меньшей мере, глупо. Тогда зачем мы едем в профилакторий? Ну, кто мне объяснит, зачем?»

Елизавета Васильевна, однако, объяснять ничего не собиралась. Она просто быстро и целеустремленно шагала по белому, похрустывающему снегу чуть впереди меня, и в каждом её жесте, в каждом взмахе головы, когда она откидывала с лица длинные светлые волосы, читалась плохо скрытая нервозность.

Мелочиться мадам Шайдюк не стала: дойдя до шоссе, подняла руку, поймала потрепанную «Тойоту» и попросила отвезти нас в больничный городок. Водитель попался угрюмый и неразговорчивый, заигрывать с нами не стал, хотя мы обе были дамами привлекательными (если не обращать, конечно, внимания на мои клоунские клетчатые лосины, нелепо выглядывающие из-под полушубка). Даже радио в его машине молчало. Молчали и мы.

Так же молча Елизавета Васильевна сунула ему деньги, в молчании мы дошли до профилактория, поднялись на второй этаж. И только перед самым кабинетом Шайдюка она бросила холодно: «Я вас ненавижу!», - а потом быстро и решительно, словно кидаясь в омут, толкнула дверь.

Анатолий Львович сидел за своим столом и увлеченно нажимал на кнопки электронной игрушки, в которой волк с корзиной гоняется за куриными яйцами. Явление нашего дуэта, видимо, произвело на него определенное впечатление. Во всяком случае, игрушку он отложил, подпер кулаком щеку и задумчиво произнес:

- Я и не предполагал, что вы подружитесь.

- Мы не подружились, - Елизавета Васильевна, вероятно, не чувствовала в себе сегодня склонности к шуткам. Она просто прошла через кабинет, села на свободный стул и швырнула

перчатки на стол. Одна я, как дура, осталась стоять у двери. - Мы не подружались и никогда не подружиться. И дело даже не в том, что ты спишь с этой дрянью, а в том, что она, действительно, дрянь. Как, впрочем, и ты... Ты знаешь, что она пыталась нас шантажировать? Ты не знаешь. Дерьмо в нашей семейной жизни вечно разгребаю я.

- Почему же я - дрянь? - немедленно обиделся Шайдюк. Всю остальную информацию он как-то проигнорировал. - Нападаешь - аргументируй!

- Потому что дрянь. Я знала о существовании этой девки давно...

- Этой? - уточнил Анатолий Львович, ткнув в меня пальцем. После чего Елизавета Васильевна немедленно взвилась:

- Не ерничай!

- Я и не ерничаю... Ты давно знала о существовании Евгении, если не ошибаюсь, Игоревны, а я поэтому дрянь?!

- Ты - дрянь, потому что спишь с ней, потому что растоптал мою жизнь, потому что сидишь сейчас с невозмутимой физиономией, потому что...

К этому моменту моя отвисшая челюсть, наконец, вернулась на прежнее место, однако, голоса я пока решила не подавать.

- Давай с самого начала: чего я там растоптал, что с моей физиономией, и с кем я сплю... Только, может быть, все-таки наедине побеседуем?

- Нет, при ней! Только при ней. Выясним все сейчас и здесь... Ты знаешь, что она подобрала твою запонку, вырезала буквы из газеты...

Анатолий Львович почти виновато вставил:

- Извини, Лиз, перебыю. Но я даже не знал, что, оказывается, сплю с уважаемой Евгенией Игоревной!

Мне отчего-то стало ужасно смешно, и я едва сдержала нервное хихиканье, заставив себя вспомнить о том, что передо мной - убийцы.

- ...Она вырезала буквы из газеты, составила из них письмо и прислала на наш адрес. Она надеялась, что прочитаешь ты, что ты, естественно, на неё не подумаешь, что ты побоишься огласки своей связи с ней же. А это обязательно всплыло бы, если б начали проверять твоё алиби... А, впрочем, даже в случае, если письмо попадет ко мне, она выигрывала. Потому что получилось именно так, как эта дрянь и рассчитывала. Я тоже не хотела, чтобы об этом узнали все. Я не хотела, чтобы надо мной смеялись, чтобы на меня показывали пальцами, чтобы меня жалели...

- Так. Теперь про запонку.

- А что про запонку? - она ещё больше покраснела и бросила с каким-то даже вызовом. - Да, это та самая запонка! Ты прекрасно понял, о чем речь. Та твоя запонка со сломанной застёжкой. Она выпала из моего кармана в тот момент, когда вы с этой девушкой, наверное, во всю потешались надо мной.

Вот это было ново! И, главное, очень просто. Действительно, у мужа ломается запонка, жена кладет её в карман своего костюма, потому что все мужики - растяпы, к тому же, норовят напиться на праздниках - мудрая «половина», естественно, опасается, что супруг дорогую вещь потеряет. Но, как это ни смешно, теряет её сама и невольно подкидывает потенциальному шантажисту прекрасную возможность обогатиться... Вот только что это за разговорчики про огласку, боязнь того, что будут показывать пальцами, нежелание выглядеть смешной? Насколько мне казалось, речь шла об убийстве Галины Александровны?..

- Понятно. Хотя и не очень, - Анатолий Львович с олимпийским спокойствием взял со стола игрушку, нажал на кнопку, и противные курицы вместе с их яйцами снова мерзко запищали. - Теперь объясни мне, пожалуйста, ещё один момент: когда и по какому поводу мы с Евгенией Игоревной над тобой потешались?.. Черт, в первом же десятке разбился!.. И почему в связи с этим должны были начать проверять моё алиби?

Лицо Елизаветы Васильевны сделалось растерянным. Правда, всего лишь на секунду. Словно она под взглядами тысяч зрителей вошла в реку и вдруг почувствовала, что здесь гораздо глубже, чем она ожидала.

- Потому что ты развлекался с ней в ночь убийства.

Он потер правой рукой подбородок, продолжая левой отрывисто жать на кнопки (судя по писку игрушки яйца теперь разбивались одно за другим), задумчиво оттопырил нижнюю губу и как-то

очень просто сообщил:

- Но я не только никогда не развлекался с уважаемой Евгенией Игоревной, но и не был в профилактории в ночь убийства. Мне казалось, ты знаешь...

- Не лги мне! - взвизгнула она. И в этот момент распахнулась дверь, и на пороге нарисовался взволнованный Митрошкин. А за ним... За ним стоял «техасский рейнджер», и мне немедленно захотелось спрятаться в какой-нибудь шкаф вместе со своими клетчатыми клоунскими лосинами, версиями и подозрениями. Тем более, что я уже сильно подозревала, что что-то во всем этом не так.

- Женька! - с несвойственной ему эмоциональностью возопил Леха. - Женька, с тобой все в порядке?

«Рейнджер», поводя могучими плечами, вошел в комнату и тоже уставился на меня своими светлыми выпуклыми глазами. Во взгляде его, кстати, ясно читалось глубочайшее презрение, и никакое априори доброе отношение к школьному другу и всем одушевленным предметам, с ним связанным, не могло его перебороть.

- Женька, что здесь происходит?

- Все нормально, Леш, - я вцепилась в его руку. - Елизавета Васильевна просто захотела со мной поговорить.

- Но мне казалось...

Все бы, наверное, завершилось относительно мирно, если бы мадам Шайдюк не крикнула на весь второй этаж:

- Ты, шлюха, не устраивай здесь концертов! И мальчиков своих убери. Мы ещё не договорили.

- Что-о-а?! - подался вперед Митрошкин.

- Что-о-а?! - спросил «рейнджер» Селиверстов куда как более угрожающе и с силой саданул кулаком по шкафу. - Кто это тут языком поганым метет?!

Наверное, следующим должен был сказать «что-о-а» Шайдюк. И он уже начал с грацией Кинг-Конга подниматься со стула, но тут я затараторила, упираясь руками в стол и, глядя прямо в лицо Елизавете Васильевне (обида за «шлюху» и за «глупую девицу» кипела во мне горячим ключом):

- Это, между, прочим, не «мальчики», а та самая милиция, которую я вам обещала. И им вы расскажете и про запонку, и про письмо, и про то, что делали ночью с шестого на седьмое в коридоре профилактория. А так же про то, за что убили Галину Александровну Баранову... И ещё про липовое алиби вашего мужа.

- Женя, Женя, - Митрошкин как-то несмело тронул меня за рукав, - подожди! Алиби не липовое. Милиция его, оказывается, уже проверяла. Есть свидетели. Он, действительно, все это время был в реанимационной палате и никуда не выходил.

- Плевать! - я в запале обернулась. - Зато она была в профилактории. И у неё была причина убить эту женщину... Олег, скажите, Леша уже сообщил вам про то, что Галина Александровна шантажировала её и грозила рассказать девочке о том, что она приемная?

- А это-то тут при чем? И... при чем здесь Галина Александровна? - как-то жалко пролепетала мадам Шайдюк. Но «рейнджер» уже взялся за дело:

- Да, я, в общем, в курсе, и очень хочу задать вам, Елизавета Васильевна, несколько интересных вопросов. Во-первых, почему вы решили имитировать почерк серийного убийцы? Во-вторых, почему вовремя не обратились в милицию с заявлением о шантаже? В-третьих, на какую же такую гигантскую сумму раскрутила вас гражданка Баранова, что вы решили её убить?

В этот момент я опустила глаза к столу и увидела нечто настолько интересное, что чуть не презрела ещё более интересный ответ.

- Я никого не убивала! - заплакала Елизавета Васильевна (на самом деле, заплакала, хотя мне казалось, что её глаза, в принципе, не могут источать слезы!). - Я не понимаю, что здесь происходит?.. Откуда вы?.. Впрочем, не важно... Но вы ошибаетесь! Чудовищно ошибаетесь. Эту женщину звали... То есть, до сих пор зовут - я ничего ей не сделала! Ее зовут совсем не Галина Александровна. Клавдия Максимовна Галата! Она до сих пор работает в том же самом родильном доме. Вы можете проверить!

Сказать, что мне захотелось провалиться сквозь землю - значило ничего не сказать. Селиверстов как-то невнятно зарычал, крутанул мощной шеей и облокотился о хрупкую подзеркальную полочку. Митрошкин зашипел, как шарик, из которого медленно выпускают воздух. Даже невозмутимый Анатолий Львович, наконец, встревожился и вполне логично спросил:

- Кто-нибудь, в конце концов, внятно объяснит, что все это значит?

- Я не знаю! - продолжала всхлипывать Елизавета Васильевна. - Я не хотела тебе говорить... Она нашла меня. Еще осенью... Тебе же никогда до меня не было дела. У тебя были свои девки... А она нашла меня и пообещала, что все расскажет Анечке, если я не заплачу. Я заплатила... Потом ещё раз... Она все требовала и требовала...

- Это та самая детская сестра, что ли? - светлые кустистые брови Шайдюка поползли на лоб.

- Да... И тогда я... Я поняла, что дальше так продолжаться не может. Я хотела, чтобы она умерла, но никогда бы ничего ей не сделала. Я поехала в Москву, дала взятку, пролезла в архив и нашла по историям родов всех женщин, у которых были осложнения или проблемы с детьми... Я их нашла. За неделю - четырех человек...

«Техасский рейнджер» чем-то звучно щелкнул, и я заметила, что во рту у него - розовая жевательная резинка.

- ...Вот... А ты же знаешь, - мадам Шайдюк обращалась, в основном, к своему мужу - больше ни к кому, - ты же знаешь пациентов: во всем всегда виноваты медсестры и врачи... Эти четверо были недовольны детской сестрой. И они все подписали, что она намеками вымогала у них деньги... Ну, это традиционное - тридцатка за девочку при выписке, полтинник - за мальчика... И не только это. Еще, что она намекала, будто станет осторожно обращаться с новорожденным, только если ей сделают хороший подарок... Это уже было серьезное подсудное дело. А если ещё вместе с шантажом?! Да она бы не только вылетела с работы, она бы села! Я просто показала ей заявления - и все! На этом все кончилось!

«Класс!» - с горечью и едва ли не завистью подумала я. - «На самом деле, класс!» «Я уже знаю, как надо общаться с такими как вы...» Так вот что, оказывается, она имела ввиду!

- Н-ну? - Селиверстов, мастерски сохраняя невозмутимый вид, снова привлек всеобщее внимание к собственной персоне. - И что дальше? Не с этой вашей Галатой. К ней потом вернемся... Что вы делали ночью с шестого на седьмое января на втором этаже профилактория? Что означало ваше эротическое шоу и для чего оно вам понадобилось?

Анатолий Львович снова попытался выразить свое возмущение, но «рейнджер» остановил все его телодвижения одним тяжелым выразительным взглядом.

Елизавета Васильевна снова всхлипнула и торопливо достала из сумочки отчего-то мужской, клетчатый носовой платок:

- Мне сказали... Одна знакомая сказала. Она точно знала, что Анатолий Львович положил в профилакторий свою любовницу. А когда в разгар праздника позвонил этот его Девяткин. Этот друг... Я точно была уверена, что он лжет, что никакой пациентке помощь не нужна, что они просто заранее договорились... И потом, я же видела...

- Что вы видели? - Селиверстов снова щелкнул жвачкой и, взяв с подзеркальной полочки расческу, принялся рассматривать её с искренним интересом.

- Я видела эту женщину, - она кивнула на меня. - Я как раз заходила к Анатолию Львовичу, и она была у него в кабинете. А до этого я прошла по всем палатам, как будто поздравить с рождением. Кругом были одни пенсионеры. Еще в одном номере была молодая женщина, но это был номер на двоих - она жила с соседкой... А одноместная палата была пустая - открытая, но пустая... И эта женщина - у Анатолия Львовича в кабинете...

Я, повернувшись к Митрошкину, сделала «круглые глаза», но он то ли был слишком зол, то ли глаза показались ему слишком уж наиграно «круглыми» - в общем, Леха зыркнул на меня так, что я предпочла поспешно отвернуться к окну.

- ... И когда Анатолий Львович вышел из зала, я сразу поняла, что он пошел к ней. Я немного подождала и тоже пошла. А когда забежала в коридор профилактория, то увидела как закрывается дверь её палаты и ещё - белый халат.

- А что, ваш супруг встречал Рождество в белом халате?

- Нет, - Елизавета Васильевна снова замялась, - но он, наверняка, должен был зайти к Девяткину хотя бы ради конспирации. И вполне мог там одеться... Дальше рассказывать?

- Нет! Оборвать на самом интересном месте. Как в сериале! - «рейнджер» швырнул расческу на место. - Хватит уже мелодрамы. Ближе к делу можно?

- Да. Конечно... В общем, я подошла к двери, поняла, что он там с ней, и я не хотела... То есть, я хотела, чтобы он понял, что я - тоже не одна. Как будто я воспользовалась тем, что он ушел, и тоже

побежала к любовнику... Я хотела, чтобы он слышал, я знала, что он слышит... И я знала, что он не выйдет, потому что не сможет объяснить, что делает ночью в палате этой женщины.

- Я жила как раз в двухместном седьмом номере, - угрюмо встала я. - И супруг мне ваш нужен, как собаке - пятая нога!

Теперь уже на меня зыркнул Селиверстов, невнятно пробормотав что-то вроде: «Да закроет кто-нибудь рот этой ненормальной?» Отлепился от стены, требовательно, но не грубо взял Елизавету Васильевну под локоть и повел из кабинета:

- Сейчас вы мне покажете, под дверью какой палаты стояли. Если помните, конечно... А если не помните, то постараетесь вспомнить!

Она покорно кивала, и светловолосая её голова моталась безвольно и жалко, как у старушонки. Но, оказавшись за порогом, Елизавета Васильевна оживилась.

- Да. Я очень хорошо помню. Стенная ниша, а напротив - палата. Чуть левее. Вон та дверь!

Я тоже отбежала от стола и высунулась из-за косяка, и увидела то же, что видела в данный момент она: четкую девятку, отливающую тусклой бронзой на деревянной панели.

- Так это что ли?.. Это ведь девятый номер!.. Это ведь в девятом номере убили женщину?! - краснота окончательно сошла с лица жены Шайдюка, уступив место смертельной бледности.

- Ага, - невозмутимо ответил «рейнджер». - И вы, похоже, изображали под дверью Эммануэль как раз в тот момент, когда к гражданке Барановой вошел убийца.

Дальше все было как во сне или в дурдоме: Митрошкин что-то яростно и зло шепчущий мне на ухо, Анатолий Львович, машущий руками, как растерянная, сумасшедшая ворона крыльями. Селиверстов, нависающий над Елизаветой Васильевной с вопросами:

«Чья была спина? Мужская? Женская? Не может быть, чтобы вы увидели только халат!.. Вспоминайте! Рост, походка... Не может быть, чтобы только подол и хлястик. Вы даже сами не представляете сколько можете вспомнить, если хорошенько постараетесь!» В разгар всеобщей суматохи я интимно сообщила злущему Лехе, что хочу в туалет и рысью помчалась по коридору прочь от кабинета, уже привлекающего повышенное внимание персонала и пациентов.

Алиска, к счастью, оказалась в номере. Она сидела у стола и красила ногти. В воздухе витал запах жидкости для снятия лака и почему-то творожных сырков.

- Так как там насчет мясокомбината, на котором ты должна была сгинуть? - вежливо осведомилась я, останавливаясь в дверях.

- Ты о чем? - она изобразила удивление.

- О том, что если ты будешь свиньей, то сгинеешь на мясокомбинате. И ещё о том, что в списке на столе у Шайдюка, само собой, нет его собственного домашнего адреса и телефона.

- А, понятно, - Алиска кивнула. - Значит ты все знаешь? - и тут же торопливо уточнила. - Но я ведь никому ничего плохого не делала. Просто... В общем, ты, наверное, уже поняла, что у нас с ним - роман?..

Потом мы сидели на кровати, курили прямо в комнате, в очередной раз безобразно нарушая правила профилактория, и разговаривали так, как обычно разговаривают два близких человека после едва остывшей ссоры.

- Понимаешь, ну не могла я ничего тебе сказать, - Алиса смотрела на стол прямо перед собой, на длинный столбик пепла, вырастающий на сигарете, на свои свеженакрашенные ногти. - Не то, чтобы я тебе не доверяю... Просто у меня в жизни уже один раз был такой случай. Не с мужем. Я тогда ещё не замужем была - с одним парнем встречалась... В общем, брякнула я своей подружке про то, что флиртанула с каким-то там мужиком на дискотеке. Эта подруга просто так рассказала своему другу. А он, в свою очередь, моему другу - они, оказывается с ним в школе в параллельных классах учились.

Я обиженно усмехалась и старалась глубоко не затягиваться: на голодный желудок сигарета казалась ужасно горькой.

- ...Вот и Леха твой. Ну, запросто же он мог оказаться если не одноклассником моего благоверного, то каким-нибудь приятелем приятеля или, вообще, партнером по футбольной команде. Они же со Славкой - примерно ровесники, а город у нас, прости господи, за полдня пешком обойти можно!

- Очень мудро и весьма предусмотрительно, - щурясь от дыма, я стряхивала пепел в фарфоровое блюдце, - но вот только одного мне никак не понять: чего ты, вообще, хочешь - в глобальном, так сказать, вселенском смысле? То ты, значит, боишься, что твой муж обо всем узнает, то на жену

Шайдюка охоту открываешь. Ты ведь с самого начала упирала на то, что на неё тысяча и одна ночь подозрений, и Викторину Павловну ты заставила все мне рассказать.

- А может быть, я как раз о тебе заботилась? Елизавета бы затерроризировала тебя с этой запонкой...

- Да, брось ты! Заботилась она! Скажи лучше, использовала меня, как собачку на веревочке: «Ату! Куси! Фас!» (Тут мне почему-то представился японский хин, бешено рвущийся с поводка и раззевающий в беззвучном лае крохотный рот. Стало смешно и немного стыдно)... Или уж надо было все рассказывать по-честному, или самой на неё компромат собирать.

- У меня энергии не столько, сколько у тебя. И следственных способностей нет.

- А у меня прямо есть!.. Ну, в милицию бы тогда пошла или, на худой конец, своему любимому Анатолию Львовичу о фортелях супруги рассказала?

- Ты не понимаешь, - она мотала головой. - Не понимаешь... Ну, как выглядит любовница, которая начинает плести мужу гнусности про его жену? Или, тем более, идет и капает на эту жену в милицию? Конченной стервой она выглядит, которая любыми средствами хочет любимого развести и самой замуж за него выскочить... Сразу видно, что у тебя женатых мужиков ни разу не было. Это ж такие тонкости, такие сложности - просто умереть - не встать. «Ах, дорогой, мне ничего от тебя не надо - только чтобы ты иногда приходил!.. Ах, милый, я ни на что не претендую - я прекрасно понимаю, что у тебя семья... Ах, твой брак - это святое, а я уж так уж как-нибудь!»

- Ну, опять - двадцать пять! - разговор шел по замкнутому кругу, и я понемногу начинала злиться.

- Если ты, правда, замуж за Шайдюка хочешь, то что ж тогда так боишься, что твой муж обо всем узнает?

- Жень, ты что, первый день, как на свет родилась, что ли? - Алиса легко, но невесело смеялась. - Всякие «замуж» с Шайдюком - это дело, конечно, интересное, но малоперспективное. Ну, перестану я шифроваться - и что тогда?. И мой благоверный меня бросит, и этот товарищ не женится. Вот и останусь, как дура, «при пиковом интересе».

Предусмотрительность бывшей соседки по палате восхищала. Равно как и невозмутимость Анатолия Львовича. Какими круглыми, какими искренними и невинными глазами смотрел он на свою супругу! Я, например, готова была голову на отсечение дать, что Елизавете Васильевне он не изменял даже в мыслях!

- Слушай, а почему, на самом деле, он тебя в двухместный номер поселил? - я несколько озадаченно смотрела на свою кровать - такую лишнюю в этом «любовном гнездышке».

- Так, во-первых, двухместный дешевле: за койко-место ему все равно пришлось платить из своего кармана, во-вторых, никаких подозрений, ну, и в-третьих, всегда есть его кабинет, а по ночам ещё и ключи от пустых номеров...

- Особенно, про «никаких подозрений» за душу берет! То-то мадам Шайдюк на меня так накинута!

- Ну, кто же знал, что так получится? Просто глупое, нелепое совпадение: и ты у него в кабинете, и Галина Александровна как раз из своей палаты вышла...

Мы помолчали. Сигаретный дым потихоньку вытягивало в форточку, да и французским лаком в палате больше не пахло.

- Обижаешься? - Алиса задумчиво прочертила пальцем на столе контур диковинного цветка. - Вижу, что обижаешься.

- Да нет... Просто думаю, странно как все вышло.

- Ага, странно... Я когда той ночью в два часа встала и сорок минут его в ординаторской прождала, злая была, как крыса. А оказывается, старушенция, которой, на самом деле, плохо стало, и из-за которой он не успел прийти, его спасла. Он, правда, все равно так оправдывался потом, так извинялся... Кто мог подумать, а? И с Девяткиным заранее договорился, что тот его вызовет, и просчитал все чуть ли до минуты... Он всегда все со мной просчитывает, чтобы супруга, не дай бог, чего не заподозрила... А старушенция возьми и, на самом деле, начни помирать. Вот и все! Вот и клятва Гиппократ! Как он Девяткина материл, если б ты только слышала!

- Вообще-то, за алиби должен был в ножки поклониться. - Я сняла со спинки кровати полушубок и снова наинула его на плечи: из-за того, что форточка была открыта, в комнате становилось холодно. Мне было тоскливо, смешно и стыдно одновременно. Возникло ощущение, что той Рождественской ночью во всем больничном городке спало всего три человека: корейский муж

Виктории Павловны, психованный Лесников и я. У всех остальных имелись какие-то свои дела и свои тайны. Гипертоническая Виктория Павловна, изнывающая от ревности Елизавета Васильевна, скрытная Алиска. Несчастный Шайдюк, жаждавший провести с любовницей хотя бы полчаса и вынужденный вместо этого откачивать древнюю старушку... Именно я, добросовестно продрыхшая до самого утра, с грацией слона в посудной лавке кинулась разбираться в этом деле!

- Слушай, так что же получается, - Алиска подтянула к себе блюдце с окурками и, брезгливо поморщившись, одним мизинцем согнала в него пепел, налетевший на стол, - шантажист этот теперь пролетел, как фанера над Парижем? Все про всех все знают, в запонке нет никакого смысла... Интересно, кто же это все-таки был?

- Не знаю. Уже ничего не знаю. Когда я сюда шла, думала, что ты.

- Ну, говорю же, что не я! Не веришь?

- Да, верю-верю, просто... Просто не знаешь, на кого и думать. Или кто-то из медперсонала, или пациент. А пациентов, вроде, мы всех знаем. Ну, кто это мог сделать? Ты? Я? Виктория Павловна? Супруг её корейской национальности? Лесников психический? Кажется, никто на такое не способен: одни - по характеру, другие - по уму.

- Кажется то кажется, - Алиса встала и с блюдцем в руках пошла к мусорному ведру, - но кто-то все-таки написал это письмо. И запоночку кто-то припрятал... Кстати, шикарные были абсолютно запонки. С янтарем. Мне ужасно нравились. - Она распахнула дверь туалета и встала, упершись рукой в косяк. - Такие с позолоченной окантовочкой, в середине большой камушек, а по краям - будто напыление...

- Лесников, - проговорила я, потрясенно глядя на голубой унитаз и на голубую же раковину-тюльпан. - Помнишь, ты говорила, что он теперь не стирает свои носки, а складывает их в мешок? Вроде как боится один в душ ходить? А почему он не стирает свои вонючие носки в раковине? Зачем он их копит, если к нему все равно никто не приходит и грязное белье не забирает?.. Не обязательно, ты понимаешь, не обязательно ходить со своими постирушками в душ, если в палате есть нормальная раковина! И ещё он попросил, чтобы его переселили в двухместный номер!

- Пошли! - решительно рявкнула моя умная соседка, поставив импровизированную пепельницу прямо на пол. Она, конечно же, все поняла с полуслова. - Пошли, пошли!

И мы вышли из родной седьмой палаты, и помчались по коридору, как неотвратимые и ужасные всадники Апокалипсиса. Честно говоря, я была всадник - так себе. Зато Алисины глаза горели праведным негодованием и желанием жестоко отомстить за поруганный душевный покой любимого человека. Именно она пинком распахнула дверь номера, где теперь проживал Лесников, она же дернула на себя дверцу его тумбочки и на все его неуверенные «что здесь происходит?», «что вы себе позволяете?» ответила емким и суровым:

- Молчать! Санэпидемстанция. Тараканов травим.

Полиэтиленовый пакет с носками лежал на нижней полке, заботливо отгороженный от мира стопкой потрепанных книжек. Зажав двумя пальцами нос, Алиса встряхнула его прямо над полом. Лесников беззвучно раскрыл рот. Я, грешным делом, подумала о том, что будет, если моя версия опять окажется ошибочной. Но в этот раз мне повезло: один носок упал на пол с подозрительным стуком, и, естественно, Алиса догадалась, что это только в анекдотах носки грязнятся до такой степени, что их ставят за печку, или рубят ими дрова. Взять сей предмет гардероба в руки она не решилась, схватила с тумбочки шариковую ручку, подцепила ею носок, как крюком, и... И на пол выкатилась запонка. Небольшая, круглая, с тонкой золотой окантовочкой и крупным янтарем посередине.

- Гнида! - с чувством выдали Алиса. - И как только у тебя храбрости хватило? То чуть ли не до обморока истерики закатывает, а то маньяка шантажировать взялся... Ну, на что ты рассчитывал? Скажи, на что ты рассчитывал? На то, что Анатолий Львович, в самом деле, убийцей окажется? Так в таком случае, он бы тебя вычислил, подкараулил и шлепнул.

Лесников молчал угрюмо, как каменный сфинкс. На глазах таяла его прекрасная мечта о стремительном обогащении. Я молчала тоже. А Алиска, держа на ладони запонку, оглаживала её указательным пальцем любовно, как доченьку-дюймовочку...

Мы с Митрошкиным вышли из профилактория примерно через час. Олег Селиверстов закончил на сегодня общение с Елизаветой Васильевной и умчался на работу в одиночестве, не попрощавшись и, видимо, не в силах больше переносить мое общество.

- Да ты на него не обижайся, - вздыхал Леха, поддерживая меня под локоть. - Ему сейчас ни до кого: ни до тебя, ни до меня. И душой он тебя не считает. С чего ты, вообще, это взяла? Знаешь, он мне что по поводу тебя сказал? Что ты очень симпатичная, и, вообще, нормальная девчонка.

- Да? А можно уточнить, когда он это сказал? До того как вы в профилакторий приехали, или после?

- Какая разница «когда»? Ну, «до того»! - Митрошкин пинал ногами слежавшиеся комки снега. - Он же сразу на тебя внимание обратил, когда в то утро адрес записывал. Подумал что ты или родственница моя или подруга... Но ты тоже его пойми! Он, как дурак, ворвался в профилакторий, давай бабу эту допрашивать, а все, оказывается, совсем не так, как я ему рассказал.

- Во-во! Рассказал ты, а дура опять - я.

- А я тебе, между прочим, с самого начала говорил не лезть в это дело!

- Конечно! Говорил! - в хлопчатобумажных лосинах ноги мои начинали понемногу замерзать. - А кто о маньяческой психологии рассуждал? А кто по поводу письма всякие выводы делал? А кто Марине звонил, в конце концов?

- Но с теткой-то этой из роддома ты профанулась? Нашла тоже особые приметы - волосы хной покрашенные и морщины!

- Да, нашла! - я отчетливо понимала, какую сделала глупость, и от этого злилась ещё больше. - А ты бы на моем месте не ошибся? Нет?.. Вон женщина молодая идет с «мальборовским» пакетом. Опиши ее!

- Вон та что ли? - Леха чуть замедлили шаг, прищурился и пожал плечами. - Пожалуйста! Блондинка, прямые волосы до середины спины, рост выше среднего, прямой нос, светлая кожа, длинные ноги...

- Ладно-ладно, увлекся! А теперь вон ту старушку опиши!

Старушка с прямоугольной тряпочной сумкой медленно брела по соседней тропинке, вьющейся между деревьями, и то и дело останавливалась, чтобы передохнуть.

- Ну что про неё сказать? Лет шестьдесят пять - семьдесят. Морщинистое лицо. Маленький рост. Седые волосы. Шапка, отделанная норкой.

- Ага! «Шапка, отделанная норкой!» - я презрительно скривилась. - Ну, и что ты наописывал? Седая. В морщинах... Мы с тобой сядем в автобус, я тебе с ходу десять человек покажу, которые под это описание подходят! А, тем более, учти, что процентов шестьдесят немолодых женщин подкрашивают волосы хной.

- Ну и что ж ты, раз такая умная, сразу об этом не подумала? До того, как шум поднимать?

- Не подумала и все!.. Между прочим, если бы я не начала шум поднимать, так бы и не узнали, что убийца в белом халате был.

- Кстати да, - Митрошкин, оставив язвительный тон, уважительно кивнул. - Значит, не такой уж он и псих, раз логически мыслить умеет. В самом деле, кто на человека в белом халате в больнице внимание обратит? Даже если бы его и заметили той ночью в коридоре? Врач из соседнего корпуса, медбрат, санитар! Новенький, вчера только устроился.

Я споткнулась и чуть не упала, пытаясь угнаться за Лехой. Когда он увлекся рассуждениями вслух, ноги его начинали отмерять какие-то совершенно невообразимые по длине шаги.

- ...Вообще, интересно, конечно, кто он такой? Знаки эти дурацкие... Сам черт в них ногу сломит. Чо к чему? Картошка, семечки, виноград... Может он молдаванин? Или по Окуджаве фанатеет: «Виноградную косточку в теплую землю зарюю»? Или на бильярде повернутый? Или курильщик? Или у него были какие-то медицинские проблемы в детстве, поэтому бинт рядом с одним из тел оставил? Или начальные буквы всех этих картошек-подсолнухов должны в какую-то анаграмму складываться? Или вон - подсолнухи! Может он, вообще, от Ван Гога тащится? Или сам художник, раз в одном случае кисточка была?..

Я вырвала свою руку так резко, что Леха чуть не рухнул в снег от неожиданности. Остановился, посмотрел на меня тревожно и подозрительно, осторожно взял за плечо:

- Чего опять? Может тебе фломастеров заварить?

- Отстань. Подожди секундочку... - я сцепила пальцы в замок и поднесла их к лицу. - И не юмори пока, пожалуйста... Скажи, где у вас центральная городская библиотека?

- А зачем тебе? - осведомился он осторожно.

- Можешь пока не спрашивать?

- Не могу. Твои умозаключения надо контролировать на каждом этапе, иначе они в такие дебри заводят, что ой-ой-ой!

- Во! Вот поэтому я тебя и прошу: не надо пока лезть. Я, конечно, идиотка, но не в такой стадии, чтобы мне об этом нужно было напоминать на каждом шагу!

- Же-ня! - Леха покачал перед моим носом указательным пальцем. - Я тебя прошу...

- Не надо меня просить! - я перехватила его палец и стиснула изо всех сил. - Не надо меня ни о чем просить, и не надо обращаться со мной, как с душевнобольной! Надо просто сказать мне, где библиотека. А не скажешь - я все равно узнаю у первого же прохожего на улице.

Он тяжело вздохнул, посмотрел сначала в мои глаза, потом на заснеженные сосны, потом на небо и простонал:

- О, Господи! Да что же это такое?!

Но небо не хотело отвечать на его вопрос. Оно было тихим, белесым и равнодушным, как экран кинотеатра в перерыве между сеансами, когда одно кино уже закончилось, а другое ещё не началось...

Глава восьмая,

в которой я второй раз позорюсь по полной программе, а тихое раздражение Олега Селиверстова становится громким

Как же называлась эта песенка? А, вроде бы, так и называлась «Художник, что рисует дождь». И пела её Анжелика Варум году, наверное, в девяносто четвертом? Рядом с Новосибирским областным драмтеатром стоял тогда киоск звукозаписи, и жалобное предчувствие: «Меня ты скоро позабудешь, художник, что рисует дождь...» несло из колонок чуть ли не двадцать четыре часа в сутки. Помню, сей шлягер в свое время поразил воображение нашей инженеру Ленки Шишкиной по прозвищу «Мышь». На мышь она жизнерадостная, высокая, худая и блондинистая - честно говоря, походила очень мало, но душой отличалась чувствительной, очень уважала мелодрамы и грустные песни «про любовь». Как-то ей принесли почитать «Гойю» Фейхтвангера. Мышь добросовестно книжку изучила, и однажды, когда мы возвращались с вечерней репетиции, вдруг замерла перед киоском.

«Художник, что рисует дождь», - два раза подряд спела в припеве грустная Варум.

«Это Гойя, что ли?» - спросила потрясенная Мышь. И мы с девчонками, переглянувшись, расхохотались. Она минут на десять обиделась, и, по сути, была права. Потому что не только у нее, а почти у всех нас не складывались отношения с живописью. Нет, фамилии Репина, Васнецова и Левитана нам, конечно, о чем-то говорили. Но так, чтобы назвать хотя бы по пять их картин? С этим уже начинались серьезные проблемы.

Кстати, ещё в училище мастер нашего курса Семен Семенович Кузнецов ужасно бесился по этому поводу.

«Какой ужас! Какой ужас!» - приговаривал он своим низким, звучным голосом. - «Будущие артисты! Творческая интеллигенция! Люди, которые должны нести в народ культуру! Да вы же ничего не читали, ничего не знаете! Такое ощущение, что вас по американскому методу в школе обучали: там, говорят, «Войну и мир» в комиксах проходят! (Бедный, бедный Семен Семенович! Тогда он ещё не знал, что вскорости на наших российских прилавках появятся книжки для абитуриентов, на трехстах страницах бодренько излагающие содержание всех лучших произведений классической литературы!)... Вы творческая интеллигенция! Понимаете, твор-чес-кая! И к работе над ролью, естественно, должны подходить творчески. Вызубрить текст - это ещё не все! Если вы учите монолог Лауренсии, то должны не только всего Лопе де Вега прочитать, но ещё и Гарсиа Лорку, и гитару испанскую послушать, и в картинную галерею сходить - посмотреть, какие костюмы испанские крестьянки носили, как они голову держали и как ходили».

«Как ходили?» - однажды с деланным недоумением переспросил кто-то из наших доморощенных остряков.

«Да! Как ходили!» - прогромыхал в ответ Семен Семенович. - «Потому что в картинах хорошего художника движения заложено больше, чем в самом быстром кино. И мне странно и стыдно, что вы этого не понимаете!»

После этой лекции все отделение драмы покорно и добровольно потрусило в галерею вживаться в образы учебных Подхалюзина и Липочки из Островского. А потом был дипломный спектакль по мотивам произведения Мопассана, в котором я играла дочь крестьянина, увезенную легкомысленным любовником в Париж и там, естественно, пропавшую. Начинала моя героиня с нелегкого труда натурщицы, заканчивала почти проституцией. Местные остряки советовали мне для лучшего вхождения в образ пару-тройку вечеров посидеть в ресторане гостиницы «Объ», но Кузнецов, естественно, упирал на то, что до Парижа моя Мари много и трудно работала и даже в городе оставалась неуклюжим, но чистым и близким к земле существом. «Неуклюжее, но чистое существо» должно было присутствовать на сцене всего двадцать минут из тех двух часов, что шел спектакль. Однако, к работе над ролью я отнеслась весьма серьезно. И Мопассана перечитала, и Бальзака, и даже Достоевского. В картинную галерею, правда, не пошла, ограничившись просмотром цветных каталогов в зале искусств городской библиотеки. Листала альбомы Репина, Ярошенко, Делакруа. Прикрыв глаза, запоминала позы крестьянок и работниц, а также выражения их лиц и пластику рук. И, естественно, я смотрела Ван Гога толстую-претолстую книжку с автопортретом в шляпе на обложке...

Толкая стеклянные двери Михайловской городской библиотеки, я думала только о том, чтобы не опозориться и не начать искать в каталоге не на ту букву: на «Г» вместо «В» или наоборот. Я не была точно уверена в том, что первая часть фамилии «Ван» - это, действительно, часть фамилии, а не какая-нибудь голландская национальная приставка. Но зато была уверена в другом...

- Вот, пожалуйста! - сказала доброжелательная молодая библиотекарьша, протягивая мне стопку из трех книг и с некоторым удивлением косясь на мои развеселые лосины. - Все, что у нас есть. Можно, конечно, ещё посмотреть в подвале...

- Нет-нет, спасибо! - я поспешно плюхнулась за первый же стол, спрятав ноги как можно дальше. - Я пока эти альбомы посмотрю.

И посмотрела. И почти сразу же нашла то, что искала. Естественно, «Подсолнухи», свешивающиеся из высокой вазы, но, кроме этого - ещё «Автопортрет с перевязанным ухом» - картину, которую так же, как и подсолнухи, наверное, знают все. Зеленые, настороженные глаза, рыжая борода, шапка, надвинутая на глаза, белый бинт, обхватывающий голову, и трубка!.. Этот автопортрет так поразил меня в свое время, что я даже не поленилась залезть в сопроводительный текст и к моим «попсовым» познаниям о том, что был такой художник Ван Гог, который сошел с ума и бритвой отрезал себе ухо, прибавила ещё сведения о том, как он дружил с Гогеном и как работал во время лечения в психиатрической больнице. «Автопортрет с перевязанным ухом», иначе именуемый «Автопортрет с трубкой»... Бинт и трубка рядом с телом убитой в подъезде женщины... «Подсолнухи»... Семечки, которыми был посыпан зарезанный врач-гинеколог...

Страницы альбома были толстыми, скользкими и разлеплялись плохо, однако, слюнявить палец было стыдно. Сначала я злилась и кусала губы, но, поймав на себе удивленный взгляд библиотекарьши, снова принялась изображать интеллигентную и воспитанную ценительницу живописи.

«Скорбь»... «Портрет папаши Танги»... Еще одни «Подсолнухи»... Самое ужасное, что я до конца не знала, что же ищу. Но все равно продолжала искать с упорством таксы, разрывающей лисью нору... «Пейзаж в Овере после дождя»... «Натюрморт с сосновой веткой и перчатками»... Еще одна страница с особенным, каким-то клейким звуком перевернулась и... В горле у меня вдруг стало тесно и жарко, кровь мгновенно прихлынула к лицу. Картина занимала весь разворот и называлась «Ночное кафе». Красные стены, желтые лампы под потолком, несколько темных человеческих фигурок по углам, всюду бутылки, бармен в белом... Кисточки, ни филенчатой, ни какой другой, я, правда, не увидела, но зато не могла не заметить огромного бильярдного стола с тусклыми и отчего-то жуткими шарами... Потом в самом начале альбома, который я - «светлая голова» - начала просматривать с конца, обнаружили «Едоки картофеля» - крестьянская семья, ужинающая за накрытым столом (и что обидно, я ведь рассматривала эту картину, когда готовила роль!), потом краткий комментарий объяснил мне, дремучей, что это - одно из самых известных, программных произведений Ван Гога. Потом... А потом я встала, сложила книжки аккуратной стопочкой и

побежала к телефону-автомату, висящему на стене возле двери читального зала. От волнения и нетерпения пальцы мои едва попадали в дырочки диска. Трубку, к счастью, сразу взял Митрошкин.

- Ну? - спросил он, вкладывая в этот вопрос все свое презрительно-язвительное отношение к моему новому библиотечному «задвигу».

- Баранки гну! - мой голос был торжествующ и бодр. - Скажи-ка мне, глубоко образованный, интеллигентный актер столичного театра, кичащийся своим умом и эрудицией, говорит ли тебе о чем-нибудь название «Красные виноградники в Арле»?.. Если не говорит, то даю подсказку: вспомни о «Подсолнухах»!

В трубке послышалось сопение, потом короткий стон и досадливое:

- Чуть ли не единственная картина Ван Гога, проданная при его жизни, да?.. Мать моя, какой же я осел!

- Точно! - ответила я, соглашаясь, прежде всего, с последним замечанием. - Теперь тебе предоставляется возможность подумать о своем поведении, а я ещё немного здесь почитаю и, наверное, через часик приеду домой...

Домой я приехала не через часик, а почти через три, досидев до того времени, когда библиотекари начали расхаживать по залу, задергивать шторы и выключать лишние лампы, с неудовольствием косясь на не желающих понимать никаких намеков читателей. Морозец на улице все крепчал, и в квартиру я влетела с красными щеками и побелевшим кончиком носа. Невоспитанный Митрошкин встречать меня не вышел. Он сидел в своей комнате и в глубокой печали смотрел по виду «Семь» - триллер об интеллектуальном поединке полицейского и очередного кровавого серийного убийцы.

- Ненавижу маньяков, - грустно сказал он, когда я, стянув, наконец, хэбэшные лосины, прижалась красными от холода коленками к батарее. - Особенно тех, которые оставляют какие-то знаки... Что к чему? Зачем? Разгадаешь, и такое ощущение, будто решил кроссворд из «Московского комсомольца».

- Ну вот! Ты получаешь чувство глубокого удовлетворения и гордости за себя - такого умного.

- Это я получаю чувство глубокого удовлетворения, а маньяк - что?

- А составители кроссвордов - что? Зачем-то же они кроссворды составляют? - мои бедные коленки отмерзли с трудом, а все тело отчего-то начала колотить мелкая противная дрожь.

- Они, глупая ты Евгения, с каждого кроссворда гонорар имеют... И, вообще, дело даже не в этом. Вот, например, наш михайловский урод. Если даже все правильно с Ван Гогом...

- Что значит «если»? - немедленно оскорбилась я. - Ты что - ещё в чем-то сомневаешься?.. Ах, ну да! Я же у нас - умственно отсталая? Мне же верить нельзя, правда?

- Ну не так категорично, - Леха вытянул руку с пультом и несколько раз нажал на кнопку, убавляя громкость телевизора, - но, вообще-то, хотелось бы убедиться самому.

Мне вспомнились блеклые, навывкате, глаза Селиверстова, его словно окаменевшее лицо, медленно багровеющие уши Митрошкина, Шайдюк, переводящий изумленный взгляд с меня на Елизавету Васильевну...

- Ладно, - я отлепилась от батареи, подцепила двумя пальцами пластиковый пакет и достала из него два альбома и одну монографию по Ван Гогу, - читай, убеждайся! Специально для некоторых под честное слово из библиотеки на ночь взяла.

Леха книжки сцапал стремительно, телевизор выключил вовсе и по дивану рядом с собой похлопал с таким видом, будто ждал, что я немедленно, с радостным тявканьем, брошусь выполнять команду «рядом».

А книжки были, в самом деле, интересные: Рене Юиг «Ван Гог», Анри Перрюшо «Жизнь Ван Гога» и толстая монография с неизменными подсолнухами на первой странице мягкой глянцевой обложки. Я, как существо дремучее и малообразованное, тут же отобрала у Митрошкина Юига (там иллюстрации были самые большие и красивые), Леха же углубился в монографию.

- Слушай! - сказал он через минуту, многозначительно подняв вверх указательный палец. - Ван Гог писал в своих дневниках: «Я ощущаю огонь в себе, который не могу потушить и который я вынужден поддерживать, хотя и не знаю, к какой цели он приведет меня»... Сильно, да? А, главное, зловеще. Или ещё вот Камиль Писсаро о Ван Гоге: «Я заранее знал, что Ван Гог либо сойдет с ума, либо оставит нас всех далеко позади. Но я никак не предполагал, что он сделает и то и другое».

- Ты, теоретик, - предвкушая упоительное торжество и изо всех сил стараясь выглядеть

безразличной, я сунула ему под нос «Едоков картофеля», лучше на это посмотри. Или ты как, картины художника по словесным описаниям предпочитаешь изучать?

«Едоки картофеля» занимали в альбоме целый разворот и при одном взгляде на них по спине почему-то пробегали мурашки. Темная, крохотная комната, низкий потолок, тусклая лампа, вареный картофель на столе. Крестьянская семья за столом. Мужчина пьет кофе из маленькой чашки, у пожилой женщины в руках кофейник. Станные, грубые лица, темные жилистые руки. Мрак, неотвратимость, безысходность...

- Сильно, - снова проговорил Митрошкин и осторожно провел подушечками пальцев по холодному гляncy страниц. - Впечатление производит, да?

- Да уж, - с видом знатока согласилась я, изнемогая под тяжестью собственной эрудиции, приобретенной два часа тому назад. - Ты, надеюсь, знаешь, что это - первое значительное произведение Ван Гога. И именно в первом убийстве был использован вареный картофель. Но главное, естественно, не это.

- А что? - спросил он настолько в соответствии с мысленно построенным мной разговором, что мне захотелось заверещать от восторга.

- Ну, я не знаю, сколько попыток тебе дать? Две? Три? Пятнадцать?

- Картофель, картошка, картошечка... - забормотал Леха.

- Одна попытка! - зловеще прокаркала я.

- Я еще, между прочим, ничего и не сказал. Я просто вслух думал.

- Думай-думаи! Мыслитель ты наш!

- Крестьяне, комната, год... Когда, бишь, там эти едоки написаны? В 1885?

- Холодно-холодно, Лешенька! Получше глазки разуй!

И тут Митрошкин все испортил, потому что я ожидала, что он наговорит всякой ереси, и мне представится блестящая, победная возможность ткнуть его носом в очевидное. Ткнуть и посмотреть, как он захлопает круглыми карими глазками и в растерянности откроет рот. Но гнусный Леха вдруг прищурился, словно у него была близорукость, беззвучно похлопал губами и, склонив голову на бок, выдал:

- А ведь точно, Женька! Пять человек! Пять человек на картине... Класс!

Обидно было до ужаса. Моя догадка! Моя личная чудесная догадка, из-за которой я в библиотеке покрылась сначала холодным, а потом едва ли не горячим потом. В этот момент мне страшно хотелось по-детсадовски скривить губы «сковородником» и зануть: «Ну чо-о-о-!!!» Однако я сдержалась, с деланным равнодушием пожала плечами и сухо заметила:

- Отрадно, что до тебя, наконец, дошло... Да, действительно, пять человек: два мужчины и три женщины, одна из которых пожилая, а одна сидит спиной. Два мужчины - это два доктора - кардиолог и гинеколог, две молодые женщины - та, что убита возле хлебозавода, и та, что у себя в подъезде. И пожилая Галина Александровна Баранова, задушенная в собственной палате, в профилактории.

- Так это как следует понимать? Как то, что он свою программу-минимум выполнил и больше убийств не будет?

- Не знаю. Я у вашего маньяка пресс-атташе не работаю. Так что официальных заявлений от его имени делать не могу.

- А что там с остальными картинами? - Митрошкин отобрал у меня Юига и принялся торопливо перелистывать толстые страницы.

- Все нормально с остальными картинами. Только с «Ночным кафе» небольшие проблемы.

- И что за проблемы? - поинтересовался он, долистав как раз до «Ночного кафе». Привстал и нащупал на стене позади себя выключатель. - Вот шары бильярдные. Да, я помню...

- Шары, - я поудобнее устроилась на кровати и поджала под себя голые ноги. - Шары есть, а кисточки нет. Там же рядом с телом была ещё и кисточка!

- Точно. Кисточки нет... Но, может быть, кисточка - это, вообще, символический образ, намек, так сказать, на художника?

- Тогда надо было кисточки рядом с каждым трупом оставлять. Что же это он только к четвертому убийству спохватился?

- Ну, вот спохватился! Испугался, что иначе его никогда не разгадают, и никто не оценит его тонченности и гениальности.

- Не мели ерунду! - я сердито поморщилась и, переложив к себе на колени монографию, полезла в оглавление. - Прочитай лучше, что про эту картину здесь пишут.

Леха, вытянув шею, послушно взгляделся в текст. Губы его снова беззвучно зашевелились. А мне явственно представилось, как в первом классе он штудировал букварь.

- Пьяницы по углам... Бармен в белом... Сутенер, ссорящийся с проституткой... Бутылки... Ночь... Вот это что ли?

Я кивнула.

- ... Сам Винсент писал: «В моей картине «Ночное кафе», я пытался показать, что кафе - это место, где можно погибнуть, сойти с ума или совершить преступление»... Во! А чего наш маньячок тогда в кафешке никого не грохнул? Вот бы стильно получилось!

- Дурак ты и не лечишься!

- Да, ладно тебе! - Митрошкин потянулся, хрустнув суставами. - Оценил я цитату, оценил! Веселым и жизнерадостным человеком был художник Винсент Ван Гог. Можно сказать, смотрящим на мир сквозь розовые очки. Пожалуй, только Гойя веселее.

А мне отчего-то второй раз за сегодняшний день вспомнилась Ленка Шишкина, застывшая перед киоском звукозаписи, и голос Анжелики Варум, тоскующий по художнику, который «рисует дождь» и служит неведомому «другому ангелу»...

Потом мы ещё немного посмотрели картины. Поговорили по поводу «Автопортрета с трубкой» и «Подсолнухов», свешивающихся из голубой вазы. Рассмотрели зловещие «Красные виноградники» с огромным лимонно-желтым солнцем и расходящимися от него концентрическими кругами.

- Солнце у него жуткое, - заметил Митрошкин, закрывая альбом. - Лучше уж, честное слово, когда он ночь рисует.

«Ван Гога следует объяснять с помощью огня», - тусклым и скучным голосом справочного автоответчика процитировала я. - «Если символ Рембрандта - огонь, вытесняющий тьму, жертвенник, на котором можно разжечь теплый огонь добра, то огонь Ван Гога - ужасный, беспокойный, изнурительный. Он разрушает и сжигает. Он есть знак и жизни, и смерти одновременно».

- Вызубрила, - констатировал он без особого удивления. - Лучше бы роли с таким рвением учила... Ну, в общем, ладно. Главное, что теперь? Что мы, в связи со всем этим имеем? Какого-то психа, завернутого на Ван Гоге, который крошил людей согласно картине «Едоки картофеля» и зачем-то оставлял рядом с каждым трупом намеки на другие картины. Почему именно на эти? Что он хотел сказать просвещенному человечеству? Почему «Подсолнухи»? Почему, например, не «Вороны над хлебным полем»? А что? По-моему, здорово! Какую-нибудь булочку положить и ворону дохлую.

Прежде чем привести в пример название неиспользованного маньяком полотна, эрудированный Леха, естественно, подсмотрел в альбом и про дохлую ворону симпровизировал уже на ходу.

- Остряк, - скорбно заметила я. - Очень смешно. И, главное, для пользы дела.

- Для пользы дела то, что он не по Глазунову фанатеет! А то задал бы в качестве точки отсчета, например, какую-нибудь «Вечную Россию», где народу - восемьсот миллионов человек - и все! Михайловск можно было бы спокойно эвакуировать.

Мы помолчали. Часы на кухне пробили девять. В электросети скакнуло напряжение, и обложка Юига с автопортретом зеленоглазого Винсента на обложке озарилась мертвенным, жутким светом.

- Ну что? Пошли? - я встала и вместо клетчатых лосин принялась натягивать черные шерстяные колготки. - В тонкостях будем разбираться потом, а сейчас...

- Куда пошли? - Митрошкин воззрился на меня с подозрением.

- На кудыкину гору!.. К Селиверстову твоему пошли, если не хочешь тащиться к дежурному в отделение милиции. Расскажем ему обо всем и...

- Женя! Девять часов вечера! И ещё учти, что Олег...

- Вот именно потому что Олег после того, что было утром, ясно дал понять, что считает меня шизофреничкой ненормальной... - поверх колготок я надела ещё и теплые гетры. - Именно поэтому мы и пойдем сейчас к нему! Я не хочу никакой там мести или защиты чести и достоинства. Просто мной овладело неодолимое желание срочно помочь следствию.

- Ага! Кому-нибудь другому рассказывай! - Леха схватил со спинки стула мою замшевую юбку и спрятал её под подушку. - А то я тебя не знаю... Да ты просто изнываешь от желания ткнуть Олежку мордой! Как же, её обидели! Усомнились в её умственных способностях! Нового врага себе нашла...

Ты, Жень, мозгом, пожалуйста, подумай. Причем головным, а не спинным! Что у нас пока есть? Одни сплошные догадки и допуски. Кисточку же мы в «Ночном кафе» так и не нашли? Не нашли! К тому же, все это может быть простым совпадением. В общем, давай спокойно посидим и во всем разберемся. А завтра с утра в нормальное, рабочее время, если тебе так приспичило, позвонишь этому своему Карташову.

- Нет не завтра, и не Карташову, а сегодня и Селиверстову.

- О, Господи! - для верности он оперся о подушку локтем. - Да почему ты такая чокнутая-то?! Может, люди уже спать легли? Может, ужинают? Может, кино смотрят?

- Такие как твой Селиверстов смотрят только про Чака Норриса. А Чак Норрис, слава Богу, до программы время закончился!

В общем, так мы препирались минут пятнадцать, и Митрошкин сдался только после того, как я клятвенно пообещала уйти немедленно, в одиночестве, без юбки и до ближайшего милицейского поста.

- Чокнутая! - ещё раз скорбно, но теперь уже убежденно сказал он, швырнул мне юбку и стал с усталым, горестным видом надевать поверх черной футболки серый, крупной вязки джемпер...

Олег Селиверстов жил в мрачной девятиэтажке со скрипучей дверью подъезда, вывернутыми на лестничных клетках лампочками и, к тому же, с неработающим лифтом. Так что до седьмого этажа мы тащились пешком.

- Жень, я прошу тебя: подумай! - бубнил мне в спину Митрошкин. - Куда ты рвешься, как ненормальная? Чего ты лично от него ждешь?.. Ну, хочешь, я выйду на балкон и на весь микрорайон прокричу, какая ты умная и сообразительная?

- Не хочу! - отвечала я, переводя дыхание и снова перепрыгивая через ступеньку. - У меня нет мании величия, зато есть желание внести в эту историю ясность.

- С Шайдюком и его женой ты уже однажды такую ясность внесла!

- А ты, благородный рыцарь, теперь всю жизнь напоминать будешь?

Он угрюмо сопел и с досады попинывал на ходу железные перила, гудящие при этом на весь подъезд. Перед самой дверью, обитой черным кожаным материалом, Леха устало спросил:

- Ну, в общем, ты хорошенько подумала? Все решила, да? Ты находишься в здравом уме и твердой памяти и понимаешь, что в случае чего я тебя выгораживать не собираюсь?

- Да, - почти с вызовом ответила я и нажала на кнопку звонка. В прихожей разлился свистом и шелканьем электрический соловей, потом послышались громкие шаги.

«Рейнджер! Точно. Только он может так топтать!» - промелькнуло у меня в голове, и я, естественно, оказалась права.

«Сейчас», - рывкнули за дверью, в замке повернулся ключ, на лестничную площадку упал золотой прямоугольник света и на пороге возник Олег Селиверстов собственной персоной. Даже дома он ходил в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке. Правда, теперь рубашка была расстегнута и под ней виднелась черная майка, похожая на те, в которых обычно занимаются «качки» в спортзалах. Костюм «рейнджера» довершали резиновые пляжные шлепанцы и серебряный крестик, висящий на шелковом шнурке. В левой руке Селиверстов держал огромный бутерброд с сыром, кетчупом и колбасой. Из комнаты доносился звук работающего телевизора.

Нельзя сказать, чтобы наше появление хозяина обрадовало. Во всяком случае, проанализировав мою физиономию с десятков секунд, на Леху он взглянул, как умирающий солдат на друга, предательски выстрелившего ему в спину.

- Что, опять? - в голосе его послышались едва ли не истерические нотки.

- Олег, ты извини, - Митрошкин смущенно опустил голову и пнул ногой косяк, - но у нас тут опять появились... новости. Так, наверное, правильнее будет сказать?

- Ну, проходите! - «рейнджер» неопределенно мотнул головой в сторону комнаты. А я со спокойной гордостью сообщила:

- Вообще-то, Леша просто пытается меня выгородить. Инициатива прихода сюда принадлежит мне: он упирался до последнего и не хотел никого беспокоить. Однако, я, на свой страх и риск, решила отвлечь вас от домашних забот и сообщить некоторые интересные детали. А там уж поступайте, как считаете нужным.

Речь была продумана мной заранее, по дороге сюда, и прочувствовать всю глубину сказанных слов Селиверстову полагалось не сразу. Потом, когда мы выложим ему все факты, касающиеся Ван

Гога, когда я скажу и про «Ночное кафе», и про «Красные виноградники в Арле», когда... Интересно, что с ним произойдет? Подавится ли он своим многоэтажным бутербродом? Или разозлится, потребовав не лезть не в свое дело и прекрасно осознавая при этом мою правоту? А, может быть, у него хватит мужества признаться в том, что он недооценил мои дедуктивные способности и склонность к логическому мышлению?..

«Рейнджер» шел впереди нас по коридору, держа надкусанный бутерброд уже без прежней деликатности, и кетчуп стекал по его запястью густой красной струйкой, пахнувшей помидорами и перцем.

В комнате мы плюхнулись на мягкий, обитый пестрой тканью диван. Селиверстов присел на край тумбочки из-под музыкального центра. Бутерброд он предварительно положил на «Спорт-экспресс», свернутый вчетверо. На свой невыпитый кофе, остывающий в огромном толстостенном бокале, взглянул с сожалением. Однако, нам ни кофе, ни чаю не предложил.

- Ну и? - глаза у него были выпуклыми и несчастными, как у умирающей рыбы.

- Ну и начнем с самого начала, наверное? - светски осведомилась я, сцепляя пальцы в замок и уже представляя, как вытянется через каких-нибудь пять минут «рейнджерская» физиономия. - Скажите, пожалуйста, Олег: говорит ли вам о чем-нибудь фамилия Ван Гог, и, в частности, такая его небезызвестная картина как «Подсолнухи»?

Во взгляде Селиверстова промелькнуло что-то похожее на интерес. Я же иронически продолжала:

- В принципе, про «Подсолнухи», конечно, можно не знать, но о том, что Ван Гог отрезал себе ухо и после этого должен был ходить в повязке - в марлевой повязке! - вы, по идее, должны были слышать?

- Женя! - зловеще прошипел раздосадованный Леха. «Рейнджер» же достал из нагрудного кармана рубашки зажигалку, взял со стола пачку сигарет и невозмутимо закурил, глядя прямо мне в лицо. Меня это, однако, не смутило:

- И про то, что он курил трубку вы, конечно же, не знаете? И о том, что написал несколько автопортретов?

- Леха, убери её от меня! - тихо и проникновенно попросил Селиверстов, все так же не сводя с меня глаз. «Чудище обло,огромно и лаяет» - отчего-то выдала моя память. Наверное оттого, что опер взирал на меня именно так, как богатырь Илья Муромец мог бы смотреть на какое-нибудь Лихо Одноглазое, прикидывая, с какой стороны его сподручнее шарахнуть дубинкой.

- И о том, что есть такой «Автопортрет с перевязанным ухом», который иначе называется «Автопортрет с трубкой» вы не слыхали?

- Женя, это не честно. Ты сама до сегодняшнего дня ничего не знала! - снова вполголоса заметил Митрошкин.

- Леха, чего она от меня хочет? - грустно спросил «рейнджер».

- А почему, собственно, о присутствующих в третьем лице? - я удивленно расширила глаза (мне, вообще, идет расширять глаза: говорят, что тогда в моем облике появляется нечто «экспрессивное»). - Спросите меня - я сама вам отвечу. А хочу я всего лишь объяснить вам, что ваш неуловимый маньяк руководствуется вангоговскими мотивами. Он убивает по картинам. Если не верите, сходите в вашу городскую библиотеку и прочитайте. Там есть прекрасная литература с шикарными иллюстрациями, и очень доступно все изложено.

И тогда Селиверстов поднялся, положил дымящуюся сигарету прямо на бутерброд и поклонился мне в пояс. Широко отмахнув рукой и замерев в согбенном состоянии на несколько секунд. Я просто почувствовала неладное, а Митрошкин так и вовсе откинулся на спинку дивана, страдальчески зажмурив глаза. Похоже, он раньше меня понял, что же именно произошло.

- Спасибо вам огромное, Евгения Игоревна! - сказал «рейнджер» выпрямляясь и пожимая мою вялую от волнения руку. - И что бы мы без вас делали? Завтра же всем управлением внутренних дел кинемся в библиотеку и закажем «прекрасную литературу с шикарными иллюстрациями». Да-а! Главное, чтобы с иллюстрациями, потому что без картинок милиционерам не интересно. Они же все тупые - страсть! И где уж кому догадаться, что был такой художник Ван Гог, который рисовал подсолнухи, автопортреты, а так же «Едоков картофеля» и «Красные виноградники в Арле»!

Я почувствовала, что краснею стремительно, жарко и позорно. В горле вдруг пересохло, и кровь заколотилась в ушах частыми, назойливыми молоточками.

- Вы, Евгения Игоревна, очень правильно сделали, что пришли ко мне, - продолжал между тем рейнджер, - потому что без помощи частных детективов нашей милиции ну, никак не справиться! Вы и книжку любую почитайте: менты продажные, корыстные и недоразвитые, а вот девушки, которые на досуге расследованием преступлений занимаются - те все сплошь гении сыска!..

Леха тихо простонал, закрыв лицо руками, а мне почему-то подумалось, что последнюю фразу он, со свойственной ему гнусностью, непременно запомнит и будет звать меня «гений сыска» или тоже самое, но через дефис... И опять эти книжки! Эти чертовы книжки! Чего все к ним прицепились? Сначала Митрошкин, теперь вот Селиверстов...

- ...Только этим самым девушкам неплохо бы знать, что всеми убийствами, а особенно серийными, занимается прокуратура, и что у них есть и эксперты, и консультанты, и психологи - неглупые, кстати, люди, как ни странно...

- Все, Олег, извини, - Митрошкин поднялся с дивана и как-то неловко и виновато похлопал «рейнджера» по плечу. - Это я виноват... Мы уходим. Все, больше тебя не трогаем... Извини ещё раз!

- Да ладно тебе! - Селиверстов вдруг улыбнулся почти по-человечески. - Куда собрался? Кофе сейчас будем пить... Я ведь к чему все это говорю? К тому, чтобы твоя девушка не кинулась проводить несанкционированные допросы художников и всяких там пациентов психушки, которые Ван Гогами себя воображают.

- Почему обязательно Ван Гогами? - пробурчала я себе под нос, досадуя на то, что уши мои все ещё постыдно пылают. - Винсент Ван Гог страдал душевной болезнью, поэтому вполне резонно искать среди любых пациентов психушки.

- Искали, Евгения Игоревна, - «рейнджер» снова подался вперед, уперев руки в широко расставленные колени. - Уж поверьте мне, пожалуйста, искали! И среди психов, и среди художников, и среди коллекционеров, и даже среди рыжих! Только, наверное, продавцов открыток пока не тронули, и то потому что среди них, большинство - бабушки - божьи одуванчики...

Надо же, он знал даже о том, что Ван Гог в юности торговал открытками и картинами! Наверное, на какой-нибудь оперативке весь личный состав в принудительном порядке заставили проштудировать биографию и основные этапы творчества.

- А что, бабушка - божий одуванчик не может задушить другую бабушку подушкой? - обида, замешанная на природной вредности, сделала меня упрямой, как ослица.

Селиверстов тяжело вздохнул, помотав крупной головой, и с мольбой в голосе попросил:

- Может, хоть бабушек в покое оставите, а? Ну, пожалуйста, Женя!

Потом мы пили кофе с коньяком и бутербродами, досматривали по телевизору «Фантомаса» с Жаном Маре и Луи де Фюнесом. Я грустила. А Леха с Олегом пытались меня утешать. Убедившись в том, что я пристыжена, обезврежена и более не опасна, «рейнджер» неожиданно сделался милейшим парнем.

- Да не расстраивайся, Жень, - говорил он, накладывая на ломоть хлеба толстый кусок колбасы и протягивая бутерброд мне, - все нормально... В принципе, ты ведь сама, собственными мозгами, дошла до того, до чего все наши эксперты и аналитики доходили чуть ли не целый месяц.

- Ага, - грустно кивала я, со стыдом и ужасом вспоминая заготовленную победную тираду.

- Она у меня, вообще, умница, - Леха собственнически хлопал меня по спине. - Бешеная, правда, немножко, но это не страшно... Кстати, Олег, а почему, если уже все ясно с Ван Гогом, Женьку на предмет знакомства с убитой допрашивали? И про Шайдюка ты ведь тоже, когда узнал, напрягся?

- Следствие обязано отрабатывать все версии. Под нашего маньяка, как метко заметила твоя девушка, очень легко закосить. Так что...

- А почему тогда никто в городе ничего про Ван Гога не болтает? Про маньяка почему-то все знают, а про Ван Гога ни слова? - встряла я, отпив немного кофе и осторожно поставив чашку все на тот же «Спорт-экспресс».

- Потому что «потому» - окончание на «у», - глубокомысленно отозвался «рейнджер». - Потому что бабулькам на улицах и тетенькам в магазинах вовсе не обязательно все знать. Потому что есть тайна следствия, - он покосился на меня и печально уточнил. - Была... Потому что... Ай, ладно, ребята! Давайте что ли дернем одного коньячку, без кофе? Ну его на хрен этого маньяка! Покрошил он пятерых, но ему, когда мы его поймаем, тоже мало не покажется. А поймаем мы его обязательно. И даже без помощи очаровательных девушек.

- Про то, что пять человек в «Едоках картофеля», и про то, что он, в точном соответствии с

картиной, убил двух мужчин и трех женщин, вы тоже знаете? - тоскливо уточняла я.

Олег кивал. Добродушно и почти виновато. И мы пили терпкий, обжигающий небо коньяк, ели «Чайную» колбасу, и желтая луна, заглядывающая в окно, была похожа на бильярдный шар из ваноговского «Ночного кафе»...

Дома, на кухонном столе, ждали рулетки с сыром, выложенные на плетеную тарелку и заботливо накрытые полиэтиленовым пакетом. Бабушка уже спала. Елена Тимофеевна, вяло пожелав нам спокойной ночи, показала где стоит раскрытая банка с вареньем и тоже отправилась спать. Есть мы, понятное дело, не хотели, но чаю выпили - просто для того чтобы согреться после пробежки по ночной улице. Потом Леха отправился чистить зубы, а я, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками, осталась сидеть на табуретке. Еще ни разу в жизни у меня не было такого суматошного и вредного для нервной системы дня. За каких-то двенадцать часов я успела один раз насмерть перепугаться, два раза ощутить радость грядущего торжества моего могучего интеллекта и те же два раза опозориться по полной программе.

Но волновало меня сейчас не это. И даже не то, что в относительно деликатной форме мне дали понять: не суй свой нос в чужой вопрос, дурочка самонадеянная... Ван Гог... Это желтое, мертвое солнце... Эти вороны над хлебным полем... Эти подсолнухи - как букет ненастоящих, но все же опасных солнц... «Я ощущаю огонь в себе, который не могу потушить...» «...Кафе это место, где можно погибнуть, сойти с ума или совершить преступление»... Лампы под потолком «Ночного кафе»... Лампа в крестьянской хижине... «Едоки картофеля»... Серые, грубые лица с темными, выпуклыми глазами. И девушка, которая сидит спиной, и не думая обернуться к зрителю. Девушка, лица которой не видно...

- Ну, ты идешь спать? - поинтересовался Митрошкин, выглядывая в коридор и вытирая шею махровым полотенцем. - Или собираешься всю ночь здесь сидеть?

- Не всю ночь, но немножко ещё посижу. Монографию дочитать хотела, - ответила я. - Завтра утром до двенадцати отнести надо, а у меня ещё больше, чем полкнижки осталось.

С Лехиными планами на сегодняшнюю ночь мои библиофильские намерения, похоже, никак не согласовывались, потому что он досадливо крикнул:

- А может тебе не обязательно так серьезно творчество Ван Гога изучать? Вообще-то, Олег меня совершенно официально заверил, что без тебя с этим делом как-нибудь разберутся. Трудно, конечно, будет, но разберутся.

- Я хочу дочитать книжку исключительно в целях повышения собственного культурного уровня, - я посмотрела на Митрошкина совершенно круглыми, немигающими глазами. - Чтобы соответствовать гордому званию подруги молодого интеллигентного актера столичного театра.

«Интеллигентного актера» он справедливо пропустил мимо ушей, но вот на мой взгляд отреагировал абсолютно правильно. Умный Леха уже знал, что, когда я начинаю вот так пучить глаза, спорить со мной не только бесполезно, но и опасно.

- Добро, - он зловеще кивнул, - читай! Только учти, что скоро тараканы выползут. Потом не визжи и не проси, чтобы тебя спасали.

Я резонно возразила, что тараканы выползают в темноте, а читать я буду при свете, сходила в комнату за книжкой, пожелала Митрошкину спокойной ночи и, оставив чай остывать до температуры детского компотика, принялась за вторую главу.

Спать не хотелось вовсе. Написано, несмотря на пугающее название «монография», было интересно. Ван Гог... Девушка, лица которой не видно... Урсула Луайе? Эта первая, несчастная любовь Ван Гога?... «Анри Перрюшо и Ирвинг Стоун в своей «жажде жизни» создали целую трагическую историю, тогда как есть факты, свидетельствующие в пользу того, что Винсент сам отказался от брака с девушкой...». «Винсент писал в письме к другу: «Нет старых женщин... Женщина не старая, пока она любит и любима»... Он писал это в тот период, когда ходил в дом Луайе. Ходил, но к кому? Возможно, предметом страсти была вовсе не Урсула, а мать девушки?..

Нет, нет, не то! Почему же меня так волнует девушка, лица которой не видно? Да потому, наверное, что всех остальных «персонажей» можно относительно легко идентифицировать. Пожилая крестьянка с кофейником - явно Галина Александровна Баранова. Немолодой мужчина рядом с ней - тот самый гинеколог Протопопов. Какого он там был года рождения? Пятьдесят второго? В общем, действительно, возраст уже солидный. Алиска говорила, что первый врач - моложе. Модный такой был, хорошо одевался, пальто кашемировое носил, перстень-печатку... Он - тот крестьянин, который

рядом с молодой женщиной ест вареную картошку... Молодая женщина и та, что сидит спиной... Сколько лет той, что сидит спиной? А какая разница? Почему меня так тревожит эта женщина? Потому что я не вижу её лица, не вижу его выражения. И начинает мерещиться, что угодно: от многозначительной улыбки, до злой безумной усмешки...

Ван Гог... Безумие... «Ночное кафе», в котором можно сойти с ума... Пять человек по углам - плюс бармен... Пять человек! Пять!.. От всего этого, правда, можно сойти с ума... Какой-то ужас! Почему он не закончил «Ночным кафе», не оставил свои чертовы бильярдные шары рядом с пятым трупом в знак того, что все закончилось? С пятерых в «Едоках картофеля» начал, пятерыми и закончил? Пятеро посетителей - плюс бармен... Почему сначала «Ночное кафе», а потом «Красные виноградники»? Почему не наоборот? Почему, вообще, именно эти картины, а не какие-нибудь другие? Почему он выбрал эти картины? Почему, в конце концов, он, а не она?..

«Может быть, хотя бы бабушек в покое оставим?».. При чем тут бабушки? Неужели все-таки засыпаю?.. Девушка... Девушка, сидящая спиной...

Я отхлебнула чая, совсем уже холодного, по-обезьяньи поскребла в голове и прислонилась спиной к холодильнику, держа книжку на весу... Так, с Урсулой Луайе он, слава богу, окончательно расстался... Кто там дальше? Кее? Кузина Кее? Очередная любовь? «Дайте видеть её ровно столько, сколько я продержу руку на огне»... И снова несчастный, рыжий Ван Гог жестоко отвергнут: «кто угодно, но только не он»... Оба-на! А это что? «Ван Гог никогда не писал портретов женщин, которых любил. Исключение составляет лишь Син - Христина»... «Скорбь», Син с ребенком и маленькой сестрой, наброски... Но Син совершенно не похожа на девушку из «Едоков картофеля»: у неё не такой затылок, не такие волосы... Все! Можно дальше не умничать. Ван Гог никогда не писал портретов женщин, которых любил - и точка! Пусть себе девушка в «Едоках картофеля» спокойно сидит спиной. Либо она - это та самая «новая русская леди» Найденова, убитая в собственном подъезде, либо Катя Силантьева, которую утопили возле хлебозавода...

От яркого света лампочки в уютном голубеньком плафоне у меня потихоньку начали болеть глаза - первый признак того, что пора ложиться спать. Митрошкин уже, наверное, вовсю дрыхнет. Интересно, спит ли Елена Тимофеевна или ворочается в своей кровати, размышляя о том, почему Леша у себя в комнате, а его странная невеста - на кухне? Дочитаю до конца главы, и хватит... А вот, кстати, и о «Едоках картофеля»... Первое значительное произведение Ван Гога. Ну, это мы уже знаем... Критический отзыв о набросках... Это тоже, кажется, было. Наверное, у Юига... А вот это уже интереснее: «Для «Едоков картофеля» позировали члены семьи - Де Гроот друзья Винсента»... Гордина Де Гроот - девушка, сидящая на картине спиной, забеременела. Молва приписала отцовство Ван Гогу!

Шарики и ролики в моем полусонном мозгу завертелись с повышенной скоростью. Гордина Де Гроот... Девушка, беременная от Ван Гога... Две молодые женщины, убитые с интервалом в месяц... Врачи... Два доктора, один из которых - гинеколог... Галина Александровна, говорившая о том, что кто-то из её знакомых занимает важный пост в профилактории... Еще один медик! Версия с Шайдюком блестяще провалилась, но ведь сказанное от этого не стало несказанным?!. Беременность. Необходимость медицинского вмешательства... Может быть, все это - полная ерунда, а, может быть, и нет? Но тогда кто из них: Тамара Найденова или Катя Силантьева? Первая кажется, вдова какого-то Михайловского бизнесмена (кстати, неплохо бы выяснить, а с бизнесменом-то что случилось?), вторая - просто девушка, упаковщица с хлебозавода... Что там говорила Алиска? «Проститутка была ужасная»? Вдовы тоже разные бывают... В общем, надо проверить обеих. Только ни в коем случае ни слова, ни полслова Лехе! А то опять утонченная ирония забьет ключом: и Шайдюка мне припомнят, и «новость» про Ван Гога.

Вылив остатки чая в раковину и помыв чашку, я выключила свет на кухне и впотьмах, скользя ладонью по стене, направилась в комнату. Толкнула дверь, и снова в глаза мне посмотрела Луна, холодная и от этого страшная. Вокруг неё в морозном воздухе серебрился туманный нимб.

«Совсем как круги вокруг солнца в «Красных виноградниках», - подумала я, скидывая одежду и торопливо забираясь в постель. - «Однако, это уже становится манией - видеть во всем вангоговские символы. Так, пожалуй, и сам маньяком станешь!»

И тут зашевелился Митрошкин. Повернулся в кровати, скрипнув всеми пружинами матраса сразу, обнял меня за талию, просунув руку между моим голым боком и простыней и чуть не сломав мне при этом пару ребер.

- Ты что, так и не спал? - поинтересовалась я, чувствуя его губы на своей шее.
- Вот еще! - он потерся о мое плечо небритой щекой. - Просто у тебя ноги холодные, как у лягушки, и когда ты их на мою половину кровати просовываешь, просто невозможно не проснуться...
Как ни странно, этой ночью «Едоки картофеля» мне не снились, а снились холодные лягушки с голыми человеческими ногами, и ещё положительный Леха, предусмотрительно сбрывающий вечером царапучую щетину...

Глава девятая, в которой я почти нахожу «Гордину де Гроот» и узнаю о женщине, исчезнувшей из больницы

На следующее утро мы, наконец, «дозрели» до рулетиков с сыром. И ещё до вишневого варенья. И ещё до сгущенки. И до гренок на молоке. Завтрак в семействе Митрошкиных, надо сказать, сильно напоминал обед. Одна только бабушка кушала мало, сосредоточенно и неспешно макая свой гренек в крошечную лужицу варенья. Мы же с Лехой работали челюстями активно - на радость маме, стоящей у плиты, а Леха при этом ещё и благодушно разглагольствовал.

- В общем, сходили мы вчера, конечно, не зря, - он положил в свой чай и сахар, и варенье, и теперь пытался все это размешать. - Олег объяснил ситуацию с этими убийствами. Думаю, за Женьку он словечко замолвит, и её в милицию таскать перестанут. Вот... Так что теперь мы - люди абсолютно свободные: ещё денька четыре здесь поразлагаемся и поедем обратно в Москву.

- А куда так торопитесь то? - Елена Тимофеевна добавила в бульон, кипящий на плите, ещё немного тертой моркови. - Сам же говорил, что у вас там ремонт в театре: ни спектаклей пока, ни репетиций.

- Ремонт уже закончиться на днях должен, да и, вообще, пора... Ты все свои отгулы истратишь, если и дальше в качестве штатного повара дома сидеть будешь.

- Вот именно, в качестве штатного повара! - мама неодобрительно покосилась на Леху и сердито отвернулась к окну. - Приготовить, посуду помыть - это да! А сколько я часов тебя за это время дома видела - по пальцам сосчитать можно.

Камушек был и в мой огород, поскольку драгоценный сынуля отсутствовал, в основном, или из-за моих гастритов, или из-за моих же завиральных идей. Я испуганно притихла, но Митрошкин лишь примирительно махнул рукой:

- Да, ладно тебе, мам! Все! Все три дня просидим дома. Выходить будем только до магазина, но зато вдвоем. Потому что Женька, когда одна по булочным прогуливается, имеет свойство возвращаться ближе к ночи... Договорились, да? Не обижаешься?

Мама пожала плечами, не оборачиваясь - видимо, все-таки обижалась, бабуля одобрительно покачала маленькой головой, а я робко пролепетала:

- Только мне сегодня в библиотеку книжки сдать нужно.

- Вот вместе сходим и сдадим, а заодно продуктов купим, - Леха твердо решил не отпускать меня дальше, чем на полметра.

Во время завтрака мне, естественно, пришлось промолчать, зато, когда мы с Митрошкиным остались вдвоем в комнате, я выдала заранее заготовленный текст:

- Ты не ходи сегодня со мной в библиотеку, хорошо? Потому что мне не только в библиотеку надо.

- А куда еще? - он подозрительно прищурился. - Женя, я по-хорошему тебя предупреждаю: если...

- Да подожди ты предупреждать! Мне надо заскочить в женскую консультацию.

- Зачем это? - его глаза из суровых сделались глупыми и вытаращенными, как у плюшевого кролика.

- Ну что, мне тебе в подробностях начать рассказывать зачем?

Мой нехитрый расчет оказался верным: Леха немедленно стушевался, отвернулся куда-то в сторону, забормотал насчет того, что это «ваши, женские дела». Однако, подумав, уточнил:

- А ты случайно не...

Многоотчие в конце вопроса было весьма красноречивым.

- Не-а, - ответила я жизнерадостно. - Можешь не трястись. Это совсем-совсем другая проблема. Да, в общем, и не проблема вовсе. Так ерунда! Но сходить надо...

В общем, бедный Митрошкин окончательно запутался, согласился на то, чтобы я посетила консультацию без конвоя, и даже пообещал ничего не говорить маме.

Адрес гинекологии я узнала у первой же встречной женщины и бодренько пошла вниз по улице, радуясь собственной сообразительности и тому, что мне почти не пришлось врать.

Вообще-то, надо было, конечно, сесть на автобус: Михайловский родильный дом, а также городская женская консультация находились минутах в сорока ходьбы от Лехино дома. Два белых двухэтажных особняка прятались среди заснеженных деревьев за металлической оградой, а возле калитки даже дежурил рослый парень в высоких милицейских ботинках и зеленом бушлате. Вероятно, после пятого нападения маньяка вооруженную охрану выставили возле всех медицинских учреждений города. Меня же это навело на невеселые мысли о том, что мой план, возможно, и не сработает.

Но, слава Богу, на территорию меня пропустили абсолютно свободно, в гардеробе без всяких разговоров приняли полушубок, и я присоединилась к небольшой кучке женщин, разглядывающих расписание приема врачей. Фамилию «Протопопов» я помнила очень хорошо, а к какому участку относилась Катя Силантьева? По-моему, Алиса, смакуя подробности местных кровавых событий, говорила и об этом?.. Китаева? Не то... Сотникова? Не то... Но фамилия врача точно была женской... Подгорная? Нет... А вот Палютина... Палютина, Палютина, Палютина... Похоже на то! Но, в любом случае, надо было начинать с бывшего кабинета Протопопова. Но только где он - этот кабинет? Табличку с фамилией покойного доктора со стенда, естественно, уже сняли.

- Простите, - обратилась я к первой же проходящей мимо женщине в белом халате, - а вы не знаете: акушерка, которая работала с доктором Протопоповым, она сегодня с утра или с обеда?

- А что вы хотели? - женщина взглянула на меня безо всякого интереса.

- Поговорить с ней. Я - не пациентка, это, скорее, по личному делу.

- В двенадцатый кабинет пройдите. Только у них сейчас народу много... Вызовите её, если у вас что-то срочное.

Однако, вызывать я никого не стала. Устроилась на скамеечке за кадкой с фикусом и добросовестно перелистывала ветхие номера журнала «Здоровье» и новенькие, сверкающие буклеты с рекламой «Марвелона» все время, пока шел прием. В кабинет заходили солидные дамы, молоденькие беременные женщины, девочки-подростки. Я же периодически выглядывала из-за своего фикуса, как суслик из засады, если только можно представить себе суслика, на кого-то охотящегося.

Наконец, последняя пациентка, тоненькая девочка в кожаных брюках, вышла поправив на плече сумку с бахромой. Следом за ней вышла докторша в белом халате с деревянной трубкой, выглядывающей из кармана. То, что это именно докторша, а не акушерка, я почему-то поняла сразу. То ли по тому, как она была одета - в темные, матово поблескивающие колготки и дорогие черные туфли на высоких каблуках, то ли просто по усталому и какому-то слегка надменному выражению лица. Дверь за ней закрылась, и я поспешно выскочила из укрытия.

- Войдите, - равнодушно ответили на мой стук. Я вошла и увидела за столом очень маленькую и очень худую женщину в медицинском халате, склонившуюся над какими-то бумагами.

- На сегодня прием закончен, - скучно сообщила она. - Вы у меня кто? По беременности, нет?

- Да, собственно, я лично к вам.

- Вот как? - её брови удивленно приподнялись. - Ну, я вас слушаю.

- Дело в том, - мой взгляд перебежал с кресла, застеленного оранжевой клеенкой, на столик с блестящими металлическими инструментами, - дело в том, что я студентка юридического факультета МГУ. У меня - выпускной курс, дипломная работа, а сама я из Михайловска...

- Очень хорошо, - акушерка, вероятно, мучительно пыталась понять, что же мне, собственно, нужно, а я так же мучительно соображала, как бы помягче перейти к интересующей меня теме.

- Вот... И, в общем, меня отправили делать диплом в родной город, сказали подключиться к

любому делу, находящемуся в данный момент в разработке прокуратуры...

Она кивнула и, с некоторым сожалением закрыв общую тетрадь с лихим мотоциклистом на обложке, подперла маленьким кулачком щеку.

- Вот я и подключилась к делу о серийных убийствах, но у меня свой план расследования... В общем, вы ведь работали с доктором Протопоповым, и на вашем участке наблюдалась та женщина, которую убили?

Момент был опасный. Акушерка вполне могла потребовать у меня какие-нибудь документы или просто отказаться отвечать, но она лишь скорбно качнула головой.

- Да, я работала с Борисом Андреевичем. И что бы теперь ни говорили, и специалист, и человек он был просто замечательный!

- А что про него теперь говорят? - отогнув край белой казенной простыни, я присела на низкую кушетку.

- Да что? Ничего хорошего... Что, дескать, неводержанный был во всех смыслах, что личную жизнь вел беспорядочную...

- В смысле, женщин любил?

- Любил, - она выдвинула ящик стола и убрала туда тетрадку и пачку каких-то бланков. - Но совсем не в том смысле, в котором вы сейчас спросили. Он к женщине бережно относился, ласково. Ни одна баба-врач к пациентке так относиться не станет! Да на него наши больные просто молились. И добрый, и внимательный, и поговорит всегда по душам... А что до личной жизни? Ну да, он был трижды женат, и со всеми тремя развелся. Так это, простите, никого кроме него самого и его жен, не касается!

- Скажите, пожалуйста, - я слегка подалась вперед, - а вот насчет того, что неводержанный был «во всех смыслах»... Он пил?

- Нет, - акушерка сказала, словно отрезала, и даже рубанула воздух ребром ладони. - На работе - никогда! На праздник, конечно, рюмочку-другую себе позволял, но чтобы пьяным пациенток осматривать или, того хуже, операции делать - такого Борис Андреевич себе никогда не позволял!

- А враги у него были?

- И тоже - нет. Я милиции уже говорила, что нет. Понимаете, девушка, он был интеллигентным человеком, таким, который слова грубого не скажет, всегда поможет, всегда поддержит... Я вспоминаю, какие он знаки внимания женщинам оказывал. Всегда и прическу похвалит, и платье новое, и если у кого проблемы - сразу почувствует и пожалеет.

- А не может быть такого, что он слишком углубился в чьи-то проблемы и из-за этого?.. Из-за этого его и убили?

- Ох, нет, наверное, - она снова помотала головой, и я заметила, что шея у неё сухая и жилистая, как у черепашки. - Борис Андреевич был человеком редкостного такта и психологом от Бога. Он очень четко понимал, когда следует лезть в душу, а когда не следует, когда надо расспросить человека, а когда просто напоить горячим чаем... Вот у меня однажды вышел конфликт с дочерью. Серьезный. Я даже проплакала все утро. Пришла на работу, просидела, наверное, час или два - никак в себе придти не могу. Потом прибегает моя Галина, давай извиняться. Ну, помирились, конечно. Я её потом спрашиваю: «С чего ты вдруг усовестилась-то?» А он мне: «Твой Борис Андреевич позвонил, сказал, что ты переживаешь очень сильно, и уговорил меня придти и извиниться».

Я молчала, ожидая продолжения. Акушерка смотрела в заиндевелое окно и задумчиво постукивала по столу кончиком шариковой ручки.

- ... Вот... На следующий день я у него интересуюсь, как это он про нашу ссору с дочерью понял? А он отвечает: «Просто вы неадекватно на молодых пациенток реагировали. Как молодая девушка зайдет, вы аж вся зажимаетесь и слезы на глаза»... Какой замечательный был человек! А вот уж два месяца, как его нет.

- Скажите, а Тамару Найденову - ту которую убили, вы помните?

- Помню, - она поставила ручку в пластмассовую оранжевую подставку и поправила чуть съехавшее оргстекло. - У неё целый букет заболеваний был, так что лечилась она долго. Загиб матки, эрозия, аднексит... Гинекологический массаж ей делали, инъекции. Она каждые три месяца проверяться приходила. Ухоженная женщина была, за здоровьем следила.

- А Бориса Андреевича с ней никакие особые отношения не связывали?

- Ну вот и вы, девушка, туда же! Нет, не связывали! Он ко всем больным относился одинаково

ровно. Конечно, её он, наверное, знал лучше, чем какую-нибудь там няню из детсада, которая раз в полгода печатать в санкнижку приходит проставить. Но, тем не менее, я ничего подобного не замечала. Борис Андреевич такого бы себе просто никогда не позволил!

- Извините, а вот ещё такой вопрос, - я снова покосилась на гинекологическое кресло, - аборт она в последнее время не делала? Или, может быть, были какие-нибудь подозрения на беременность?

- Нет. Говорю же вам, она в последний раз была на приеме чуть ли не летом. Да и потом муж у неё несколько лет как умер, а она, по-моему, вела себя после его смерти очень достойно... Нет, ни абортов, ни внематочных ничего! Это я вам говорю абсолютно точно: милиция её карточку в связи со смертью Бориса Андреевича поднимала.

- Карточку, конечно же, забрали?

- Почему? В архиве, наверное, хранится... А что такое? Может быть, я вам так скажу?

- Адрес бы мне её узнать, - сердце мое бешено заколотилось о ребра. Ее, и если можно, Кати Силантьевой... Той, второй, девушки. Она, по-моему, наблюдалась у Палютиной?

Акушерка встала, отодвинула стул, скрипнувший визгливо и недовольно, неспешно подошла к стеллажу:

- Найденова, Найденова, Найденова... Она у нас жила на Крылова, дом, по-моему, девятнадцатый, а вот квартира... - она отодвинула в сторону несколько карточек, достала толстую черную тетрадь в переплете из тисненого кожаменителя. - Да, все верно: дом девятнадцать, квартира тридцать шесть. Только, говорят, родственники её квартиру продавать собирались, так что вы вряд ли там кого сейчас найдете. Попробуйте, конечно... Ну, а насчет Силантьевой в регистратуре узнайте. Может быть, они её карточку ещё и с полки не сняли. Кто знает, вдруг милиции опять что понадобится?..

Тоненькая карточка Кати Силантьевой, и правда, обнаружилась в регистратуре. Полная блондинка-регистраторша просунула её в окошечко, особо не вглядываясь в мое лицо и уж, тем более, не спрашивая никакого удостоверения. Возможно, она была здесь новенькой и просто не успела запомнить, как звали девушку, утопленную в вонючем хлебозаводском ручье.

Адрес я тут же переписала в свою записную книжку и под ярким типографским плакатом, объясняющим как правильно купать новорожденного, принялась изучать историю нечастых Катиных визитов в консультацию. Профилактический осмотр, осмотр, ещё осмотр. Жалоб нет. Здорова, здорова, здорова... Цервицит... Ого! Мои бедные мозги напряглись, и память со скрипом выдала, что «цервицит» - это, вроде бы, какое-то женское воспалительное заболевание, с которым даже кладут в больницу. Что и говорить, мои познания в области медицины оставляли желать лучшего.

- Извините, пожалуйста, - я подошла к регистраторше, увлекшейся разгадыванием кроссворда, - вы не подскажете мне, что такое «цервицит»?

Она с недоумением взглянула сначала на меня, потом на раскрытую карточку, которую я положила на стойку и придерживала на нужной странице двумя пальцами.

- К доктору идите, он все объяснит, - голос у блондинки оказался приятным и сочным - хоть романсы пой, и, похоже, она, действительно, понятия не имела о том, что Кати Силантьевой уже нет в живых.

- Но, может быть, хотя бы в общих чертах?..

- Аборт делали? - она зыркнула на меня, как на своего личного врага.

- А что бывает такое осложнение после аборта?

- Конечно, бывает, девушка! Аборт - это вам не шуточки. Особенно, когда в частных лавочках, а не в государственных медучреждениях.

- Спасибо, - пробормотала я, отлепляясь от стойки и нащупывая в кармане жетончик из гардероба. - Большое спасибо. Вы мне очень помогли...

Выйдя с территории роддома, я села на первую же дворовую лавочку и закурила. Леха, наверняка, не одобрил бы моего поведения: ему не нравилось, когда женщины курят на улице. Но сейчас мне было не до Лехи, и не до того, как я выгляжу... В карточке у Кати Силантьевой размашистым, неразборчивым почерком было написано: «Ds?: Цервицит» И это могло означать что угодно: от банальной инфекции, до осложнения после аборта. Белокурая регистраторша, сама того, не ведая, навела меня на очень интересную мысль: а ведь, в самом деле, Кате не обязательно было избавляться от ребенка в городской женской консультации! Слухи пойдут, разговоры... Зато сколько

объявлений в любой рекламной газетке: «Аборты на любых сроках», «Аборт без боли и осложнений»! Да-а... Без боли и осложнений... Гордина Де Гроот... Катя Силантьева... Ее возможная беременность...

Докурив сигарету до самого фильтра и выкинув окурки в полую бетонную ножку лавочки, я встала и отряхнула снег с полушубка. По идее, сейчас следовало бегом бежать на улицу Кошевого, где жила Катя, и расспрашивать родственников, подружек - кого угодно. Но слишком заманчиво синела на соседней пятиэтажке табличка «ул. Крылова 27», и слишком лень было возвращаться сюда ещё раз. Поэтому я немного подумала и отправилась искать дом под номером девятнадцать...

Это был хороший дом. От него так и веяло солидностью, респектабельностью и достатком. Когда-то Тамара Найденова жила в розовой кирпичной девятиэтажке с почти московскими башенками, упирающимися в серое январское небо, и огромными лоджиями, застекленными согласно мысли архитектора. Консьержки внизу, правда, не оказалось, но холл и без того производил сильное впечатление. Аккуратно покрашенные батареи, целые стекла, одинаковые белые плафоны под потолком. Детские коляски под лестницей, которые никто не крадет, не ломает и не растаскивает на запчасти. От темных ступенек лестницы слегка пахло хлоркой. Видимо, уборщица очень серьезно относилась к своим обязанностям. Понятно, что на двери подъезда висел домофон. Внутрь я попала вместе с каким-то жильцом, прогуливавшим на детской площадке серого курчавого пуделя.

В тридцать шестой квартире открыли сразу, не спрашивая «кто там» и не ковыряясь долго в замке. Дверь распахнул высокий худой шатен лет тридцати пяти с маленькими темными глазами. На нем были серые драповые брюки и просторный джемпер с у-образным вырезом. Под джемпером виднелась черная шелковая рубаша.

- Вы по поводу квартиры? - спросил он, по-прежнему придерживая одной рукой дверь, а другой упираясь в косяк. И я поняла, что акушерка из консультации говорила правду. Из прихожей тянуло запусением и почему-то старой пылью, а за спиной шатена виднелись голые стены с отставшими кое-где обоями и торчащий из потолка шнур от люстры.

- Нет, мне дали этот адрес в прокуратуре, - второй раз за день я изложила свою сказочку про дипломницу юрфака. Мужчина, однако, отреагировал совсем не доброжелательно и, похоже, не вспыхнул желанием отвечать на мои вопросы.

- Все это хорошо, конечно, - он опустил ту руку, которой упирался в косяк, но пройти мне не предложил, - но я не понимаю, почему я обязан помогать в защите диплома вам - совершенно незнакомому человеку?.. Понимаете, ни я, ни моя погибшая сестра - мы не подопытные кролики, и я вовсе не хочу, чтобы из истории Тамары делали учебное пособие.

В принципе, он был прав. История со студенткой юрфака никуда не годилась. Какие-то дипломы, институты, защиты, когда у людей такое горе... Я почувствовала себя ужасно неловко (и ещё более неловко от того, что он не кричал, не повышал голос, а просто внимательно смотрел на меня своими цепкими темными глазами), но отматывать назад было уже поздно.

- Только один вопрос: простите, вы не знаете, Тамара встречалась с кем-нибудь после смерти мужа?

- Нет, не встречалась. Об этом я уже говорил милиции, и муссирование этой темы нахожу бестактным.

- А её покойный муж?..

- Его не застрелили и не зарезали. Про это милиция тоже спрашивала. Он умер от сердечной недостаточности три года назад. Смерть официально освидетельствована, и Тамара совершенно законно унаследовала его дело. Она его не убивала, если это вас интересует... И, вообще, вы бы, девушка, для начала просмотрели материалы дела! Там все очень подробно запротоколировано...

- Извините, - пробормотала я и, придерживая рукой берет, побежала вниз по лестнице. Настроение у меня было - гаже некуда, и что-то похожее на смутную, неясную тревогу глухо ворочалось в сердце...

Перед тем как войти в подъезд, где жила Катя Силантьева, я выкурила ещё две сигареты. Во рту сделалось горько и противно, в голове - туманно. Алиска говорила, что мать Кати очень плакала на похоронах, а вот сейчас явлюсь я, вся из себя умная и сообразительная, и начну, самолюбия ради, беречь едва зарубцевавшиеся раны. Милиция знает про Ван Гога, они, наверняка, уже расспросили несчастную женщину обо всем на свете - в том числе и о поклонниках Кати, и о том,

увлекалась ли она живописью, и, возможно, даже об её корявых детсадовских рисуночках... В милиции знают про Ван Гога, знают про то, почему на груди мертвой Галины Александровны оказался красный виноград, а рядом с телом гинеколога Протопопова рассыпанные подсолнечные семечки. Они знают про «Ночное кафе» и холодные бильярдные шары, но не знают про Гордину Де Гроот. И еще, возможно, не знают, как объяснить кисточку - маленькую филенчатую кисточку, лежавшую рядом с шарами... Кисточка, упорно не вписывающаяся в общую систему... Гордина Де Гроот... Катя Силантьева, пришедшая в консультацию с жалобами на высокую температуру и боли в животе, и девушка, сидящая на картине спиной девушка, беременная от Ван Гога... Слишком все смутно, слишком иллюзорно. Но откуда же тогда это чувство тревоги, изнутри скребущее по ребрам холодным острым когтем?..

Дверь я толкнула сильно и быстро, чтобы больше не задумываться. Так же быстро взбежала на четвертый этаж и нажала кнопку звонка. Кнопка западала, звонок задребезжал не сразу. А после того, как он пару раз тренькнул и заглох, словно подавился, внутри квартиры слышались шаркающие шаги.

Открыла женщина - нестарая, лет пятидесяти, но при этом совершенно седая. Веки у неё были красные и припухшие, а ресницы светлые и короткие.

- Вы к кому? - спросила она, отведя ото лба невидимую прядь.

- Наверное, к вам, - я почувствовала, как слова застревают в горле. - Вы ведь мама Кати, да?

Хозяйка кивнула, не отрывая от моего лица беспокойного взгляда. Казалось, она ждала, что я сейчас, немедленно сообщу ей, что Катя жива, что произошла нелепая, чудовищная ошибка. Но тут из дальней комнаты выглянула ещё одна женщина - сорокалетняя, черноволосая, полная, с сиреневой помадой на губах и толстыми некрасивыми коленками, выглядывающими из разреза трикотажного, в «горошек» халата.

- Надежда Дмитриевна, что такое? - поинтересовалась она, глядя на меня подозрительно и недружелюбно, как контролер на слишком долго роющегося по карманам пассажира.

- Ничего, - та моргнула, словно очнувшись. - Тут насчет Кати пришли.

Черноволосая, поджав губы, решительно вышла в коридор, и стало ясно, что здесь, как раз, следует опасаться проверки документов. К счастью, я уже не собиралась врать.

- Извините меня, пожалуйста, но у меня есть некоторые соображения по поводу смерти вашей дочери. Я не из милиции и не из прокуратуры, но, возможно, могу помочь найти убийцу, - коленки мои отчего-то противно ослабели.

- А если не из милиции, так чего же пришли? - совершенно резонно поинтересовалась брюнетка, остановившаяся за спиной Катиной матери. - Чего вам надо, девушка? Никаких частных детективов мы не нанимали.

- Подожди, Лиза, - хозяйка снова отвела от лица невидимую прядь. И от этого жеста - такого механического, такого бесплотного - мне сделалось жутко. - Подожди... Вы заходите...

Я прошла и увидела флаконы с перламутровым лаком на тумбочке в прихожей, круглую щетку с красной надписью «Ревлон» и маленький полиэтиленовый пакетик с накладными ногтями. Справа располагались ванная и туалет. На двери ванной висела пластмассовая картинка - маленькая смешная девочка, моющаяся под душем...

- Вы были знакомы с Катей? Работали с ней? - теперь мать снова глядела мне в глаза тревожно и ищуще. - Как вас зовут?

- Меня зовут Женя, и Катю я, к сожалению, не знала. Просто чуть ли не на моих глазах убили женщину в профилактории... Ну, вы знаете, наверное, про пятое убийство?..

- О, Господи! - недовольно простонала черноволосая Лиза, скрестив руки на груди и закатив глаза под потолок.

- ... В общем, если бы вы могли сказать, с кем Катя встречалась и... не делала ли она аборт...

Договорить я не успела. Хозяйка вдруг быстро-быстро замотала головой, будто пыталась стряхнуть с волос какое-то противное насекомое.

- Нет-нет-нет! - её руки взметнулись к лицу и собрали покрасневшую кожу возле глаз в мелкие частые морщинки. - Катя была не такая девушка. Она никогда не делала абортов. Она была чистая... Встречалась с мальчиками, конечно, на дискотеки ходила, в гости. Но если в гости, то там всегда была компания. И чтобы что-то такое себе позволить?.. Нет, она бы мне обязательно сказала. Катя мне обо всем рассказывала... А мальчики? Одноклассник был в неё влюблен. У его родителей дача, так он

всегда нам ягоды привозил, морковку, горох...

- Она с ним долго дружила?

- Долго?.. Да нет, и не дружила вовсе. Он совсем мальчик был, а ей серьезные, взрослые мужчины нравились. Вот как в кино этот актер, который в «Зимней вишне» дипломата играл... Я думаю, Катя бы хорошо замуж вышла, она умненькая девочка была.

- Взрослые мужчины?.. А у неё был кто-нибудь из взрослых мужчин?

- Нет, не было, конечно. Это она так мечтала: вот за такого бы, говорит, сразу замуж пошла, даже ломаться бы не стала.

- А с кем она встречалась в последнее время? Ну... перед тем как её убили?

- Господи, да ни с кем! - хозяйка всплеснула заметно дрожащими руками. - После работы сразу домой приходила. Ну, подружки там, конечно...

- Простите, пожалуйста, - я быстро ослабила шарф - в квартире было ужасно жарко, - а вы не могли бы мне сказать адреса её ближайших подруг?

Она задумалась, сморщившись болезненно и жалко:

- Лена... Лена Суровцева в нашем доме, в первом подъезде, квартиру не помню... Еще Таня Кириллова, они со школы дружили...

- Да что ты, Надь, распинаешься? - вдруг перебила Лиза. Она теперь сидела на тумбочке, упираясь в пол вытянутой ногой и слегка покачиваясь вперед назад. Тумбочка тоненько поскрипывала, два близко стоящий флакончика с лаками позвякивали друг о друга. - Чего ты, как на допросе?.. Девушка вон сказала, что у неё есть соображения по поводу смерти Кати, так пусть сначала сама расскажет, а потом уж спрашивает!

И снова этот взгляд - тоскливый, тревожный, как у больной собаки!

- Да, в общем, конкретно сказать мне вам пока нечего, - я замялась. - Тем более, тайна следствия. Но очень возможно, что убийство Кати как-то связано с мужчиной. С мужчиной, который её любил, которого она просто привлекала, как женщина... Ну и, возможно, с которым у неё были близкие отношения.

Тумбочка опять скрипнула. Лиза оперлась широкой спиной о зеркало и внимательно разглядывала туалетную воду в дешевом флаконе в форме свернувшейся змеи.

- Нет, - глаза Катиной матери вдруг погасли, а лицо сделалось совсем старым и больным, - вы, наверное, ошибаетесь... Мою дочку и всех этих людей убил сумасшедший. Нормальный человек такого сделать не мог... Мне даже говорили, кто.

- Что значит, говорили? - я чуть не поперхнулась словами.

- Да нет... Не то чтобы говорили. Просто ещё на Катиних похоронах... Рассказывали, что из больницы сбежала одна умирающая старуха, и никто её не мог найти. А она стала прятаться по подвалам в больничном городке, и несколько раз её видели... У нее, вроде, и родные есть, а она совсем-совсем ненормальная. Страшная такая, оборванная... Вот и женщину последнюю убили в больничном городке...

- То есть, вы думаете, что сумасшедшая женщина может иметь какое-то отношение к смерти Кати?

- Не я одна так думаю. В городе про эту старуху уже говорят.

Она замолчала, и в её застывших, уставленных в одну точку глазах, теперь отражалось кухонное окно, как когда-то в виноградинах на груди Галины Александровны - солнце. Наверняка, она думала о сумасшедшей ведьме из подвала, хватающей за белую шею её родную, любимую доченьку. Мне в историю с безумной старухой не очень-то верилось, однако, все равно стало не по себе.

- Спасибо вам. Я пойду, наверное?

Она кивнула, снова махнув слабой рукой перед лицом. Я вышла на лестничную площадку и вдруг услышала за спиной звук вновь открывающейся двери. Черноволосая Лиза делала мне какие-то странные знаки глазами и указывала на соседнюю квартиру.

- Я тут живу, - прошептала она, чтобы развеять мои сомнения. - Пойдемте быстрее, мне вам кое-что надо сказать...

Прихожая у Лизы оказалась тесной и какой-то неудобной. Обувь стояла в специальном шкафу - плоском, металлическом и годящемся, скорее, для офиса. На стене висела громоздкая вешалка с фигурными крючками и чеканка с томной, длинноволосой красавицей, попирающей ногой ягуара. Лиза щелкнула выключателем, дежурно посмотрелась в зеркало, нелепо поблескивающее в тяжелой

раме с подсвечниками, и, жарко дыша мне в лицо, сообщила:

- Вы Надежду не больно слушайте! Я бы вам, конечно, никогда не сказала, если б дело других людей не касалось... Ну, тех, которых ещё убили... В общем, шалава Катька, царствие ей небесное, была ещё та. И мужиков у неё имелось - выше крыши. И, думаете, Надежда не знает? Знает, прекрасно знает! Катька-то пока жива была, они так собачились, так орали друг на друга - стены дрожали. Я вот телевизора в собственной квартире не слышала. Уж как только Надежда её не крыла: и овчаркой, и сучкой, и потаскухой. А теперь, конечно, - доченька - чистенький цветочек! Я её, как мать, конечно, понимаю, но так-то уж тоже нельзя. Еще старуху какую-то приплетает! Да чтобы Катьку потопить - это, знаете ли, силищу надо было иметь. Она девка здоровая, ядреная!

- Извините, можно конкретный вопрос? - борясь с гадливостью, попросила я. - С кем конкретно Катя встречалась, вы знаете?

- О-о-о! С кем только она не встречалась, лучше спросите. Ну, дипломатов, понятное дело, у неё не было, а солдатик из гарнизона нашего был. Азербайджанец какой-то. И Володька вон Сметанин из соседнего дома, и ещё полно всякой шушеры... Вы вот про аборты спрашивали, так точно вам скажу - ковырялась она... Я ещё тогда Надежде говорила: «На Катьку свою посмотри! Что это она не ест ничего у тебя, и титьки из халата поперли?» Отмахивается: ничего, говорит, нет, не выдумывай! А вечером как давай опять за стеной орать. Потом два дня Катьку видно не было. Наверное, в Москву в абортарий ездила: здесь-то стыдно, люди пальцами тыкать начнут.

- Вы можете предположить, кто был отцом ребенка?

- Ага, - она коротко и как-то зло хохотнула. - Она сама, наверное, не могла предположить, а я откуда же?

На этот раз ни говорить «спасибо», ни прощаться, ни извиняться за беспокойство я не стала. Меня едва не тошнило от тяжелого, кислого запаха Лизиных духов, смешанных с потом, от грязи, которая словно вылилась на меня из огромного коммунального корыта общего пользования, от воспоминаний о винограде и мыслей о мертвой девушке, захлебнувшейся зловонной, мерзлой водой... Визит к Катиным подружкам, само собой, откладывался на потом. Да я и не была уверена, что буду дальше заниматься этим делом...

- Что, очередь большая в консультации? - спросил Леха с порога.

- Из консультации я ушла два часа назад, - честно призналась я, расшнуровывая ботинки.

- И где шаталась?

- Была дома у женщины, которую убили. Разговаривала с матерью Кати Силантьевой... Подожди, Леш, не ори! Наверное, все это, и правда, в последний раз. Не могу. Гадко. Страшно... Все друг про друга сплетни собирают. Старуха ещё какая-то сумасшедшая у вас по Михайловску лазает. Ты слышал, что она в подвалах больничного городка окопалась? В общем, у вас не город, а гигантский психдиспансер какой-то. Просто шикарное место для зимнего отдыха!

Он вдруг посерьезнел и потер переносицу с таким остервенением, что на коже выступило белое пятно, вмиг сделавшееся красным.

- Ты только при матери это не вздумай повторить, и, вообще, лучше забудь.

- Что именно? - я недоуменно отвела от бровей вспотевшую челку.

- Про старушку из больничного городка... Это все сплетни. Гадкие, низкие сплетни. Они на девяносто девять процентов не соответствуют действительности, и пустили их какие-то базарные торговки...

- Да в чем дело-то?

- Ни в чем, - Леха поморщился. - Просто мама Марины, тетя Оля... та, которая умерла... Она лежала в онкологии, и потом пропала. Взяла вещи, ушла своими ногами и не вернулась. Ее не нашли. Вот оттуда и сплетни... Но у неё был рак в такой стадии, что жить ей оставалось от силы пару недель. Все врачи говорят. Так что про старуху, которая прячется в подвале - это все бредни.

- Прости, пожалуйста, я не знала, - в горле моем встал противный, мешающий дышать комок. - Я даже не думала, что это может быть связано с Мариной и... Просто гадко все, грязно! Прости...

Он ничего не сказал, одной рукой прижал к своему плечу мою голову и потерся подбородком о макушку, словно желая удостовериться, что я здесь, я - его, и я никуда не денусь в ближайшие сто лет...

**Глава десятая,
в которой я узнаю о репродукциях на стене, и история получает
новый поворот.**

В бабушкиной комнате пахло сухим печеньем и церковными свечками. Несколько свечек, заботливо обмотанных куском белого полотна, лежало на деревянном столе. Рядом стояли маленькие иконки в металлическом окладе и пара древних рождественских открыток с пухлощежими ангелочками. Сквозь плотно задернутые шторы в комнату пробивался желтый свет уличных фонарей. Бабушка вязала. Близоруко щуря слезящиеся глаза, поочередно склоняя голову то к одному плечу, то к другому и как-то неловко поддевая темными пальцами короткие спицы. Получался то ли носок, то ли гольф непонятного размера серый с широкими красными полосками. Я сильно подозревала, что вяжет бабуля не для того, чтобы что-нибудь в результате связать, а просто, чтобы разминать ревматические руки. Седые её волосы были заплетены в две девичьих косички, и те, перекрещиваясь, крепились за ушами старинными черными «невидимками».

Я сидела на кровати, заправленной оранжевым покрывалом - той самой, на которой провела свою первую ночь в Михайловске, и читала «Поющих в терновнике». Книжку Леха разыскал у мамы в шкафу, отряхнул от пыли и сурово пообещал мне, что проведет экзамен по прочитанному. Сам он в данный момент помогал Елене Тимофеевне наводить порядок на антресолях. Я не лезла, без особых усилий убедив себя в том, что сыну необходимо пообщаться с матерью наедине, без присутствия потенциальной невестки.

Из коридора то и дело доносился стук падающих книг и картонных коробок, тянуло нафталином и дихлофосом. Бабушка продолжала умиротворенно вязать. Спицы поблескивали в её руках, носок зрительно не удлинялся. Красавец-священник из книжки медленно, но верно проникался чистой любовью к крошечной рыжеволосой девочке. Маленькой и глазастенькой, с «тициановским» цветом волос.

Хоть убей, я не могла сейчас припомнить никакой картины Тициана, кроме «Данаи». Зато вангоговские всплывали в памяти пачками. «Натюрморт с синими перчатками»... «Пейзаж в Овере после дождя»... И, конечно же, кошмарные, с каждым часом кажущиеся мне все более жуткими «Едоки картофеля»... Девушка сидящая спиной... Гордина Де Гроот... Катя Силантьева... Марина... При чем тут Марина?.. Старуха, прячущаяся по больничным подвалам... Умершая мама Марины с таким домашним, добрым именем «тетя Оля»... Нет, не умершая - пропавшая! В том-то и дело, что пропавшая. Исчезнувшая в никуда. Но слухи же не берутся из ниоткуда? Нет дыма без огня... Леха сказал, что врачи говорили про две недели. Две недели жизни отводилось неведомой мне тете Оле... Последнее убийство произошло буквально несколько дней назад. Могла ли она выжить? Ведь бывают же случаи, когда вылечивают безнадежно больные? Просто болезнь вдруг дает обратный ход... Черт, неужели я начинаю всерьез задумываться об этой ерунде? А как же Катя Силантьева и её возможная беременность? Как же Гордина де Гроот?..

- Баба Таня, - я отложила книжку в сторону и на всякий случай запомнила страницу (вдруг Митрошкину, и правда, взбредет в голову устраивать экзамен? Он же нудный, он не отстанет!), - а что там такое произошло с тетей Олей, мамой Марины? Мне Леша как-то обмолвился, что она ушла из больницы и пропала?

- Ох-ох-ох! - бабушка мелко закивала головой, не отрываясь от вязания. - Всю жизнь Олюшка была несчастная, и помереть по-человечески не смогла. Не сжалился Господь, не прибрал её к себе по-людски, по-христиански.

- А как так получилось-то?

- Ой, и не знаю. Мне же ничего не рассказывают. Лена проговорила раз, что видели Олюшку, вроде, в городе, слухи про неё какие-то ходят... Горюшко горькое!

- У неё ведь рак был?

- Да. Рак кишечника. Только узнали поздно. Она уже совсем плохая была. А Олюшка-то сама знала, только дочери не говорила - расстраивать не хотела раньше времени.

- То есть как? - я озадачено потерла пальцами висок. - Рак это ведь, по-моему, боли страшные, и

худеет человек заметно? Марина - она же сама медик?

Бабуля пожала плечами. Ее седые косицы коснулись синей вязаной кофты, и на контрасте с ярким, сочного цвета мохером стало ещё заметнее, какие у неё тонкие, прозрачные волосы.

- А что - Марина? У Марины своих забот полон рот. Дочка вон в первом классе. С матерью она никогда шибко не ладила. Да и, к тому же, Олюшка всегда очень худая была.

Худая... Худая, оборванная старуха, изредка выходящая из больничных подвалов... Старуха, у которой, вроде бы, есть какие-то родственники, но к ним она почему-то не идет?.. «С матерью она никогда шибко не ладила»...

- Но все равно, наверное, можно было догадаться? Тем более, у вас город такой маленький. Раз тетя Оля обращалась здесь к врачу, почему Марине-то ничего не передали?

- Да она и не обращалась здесь сначала. В Москву на платную консультацию съездила, там уж все и узнала. Но ходила, бодрилась, пока в силах была... Мы поминоков-то по Оле, понятно, не справляли, просто приезжали к Марине утешить, помочь. Так она рассказывала: мать до последней минуты ничего не говорила! В душ сама сходила, вещи собрала, чуть ли уже не обувалась у порога...

Она уже обувалась у порога, застегивая «молнии» на растоптанных войлочных сапогах, когда Марина, наконец, вышла из детской. Как всегда после очередной ссоры с матерью на душе было паршиво и холодно. В умении изгадить настроение и довести до истерики «добрейшая» и «милейшая» (для посторонних людей, разумеется!) «тетя Оля» не знала себе равных! Хотелось запереться в комнате, лечь на кровать, отвернуться к стене и просто лежать, рассеяно водя пальцами по пестрому старенькому ковру и на ощупь угадывая на рисунке розу или вылинявший зеленый листок. Или слушать музыку, включенную на полную громкость - так чтобы разрывались барабанные перепонки. Или биться лбом о полированную дверцу светлого шифоньера, успевая замечать стремительно приближающееся собственное отражение. Что угодно, но только не говорить сейчас с ней, не смотреть в её такие спокойные и такие равнодушные серые глаза! Но вот-вот из школы должна была вернуться Иришка. Опять подумает, что бабушку обидели (А как же! Мама злая, кто еще?!), расплачется, начнет заикаться...

Марина вышла из детской и остановилась ровно посреди коридора, заранее наметив себе выщербинку в бежевом скучном линолеуме, возле которой следует притормозить. Когда она вот так, математически, планировала разговор с матерью (где остановиться, до скольких просчитать, прежде чем ответить на первую её колкость), становилось хоть немного, но полегче. (Как там было у Леви? «Когда вас отчитывает начальник, подумайте о том, что у него несвежие носки»?)

- Мама, - начала она, стараясь чтобы голос звучал ровно, - куда ты собралась? В магазин я схожу сама, для прогулок - не лучшая погода. На улице скользко, у тебя плохо с вестибулярным аппаратом. Если тебе сложно находиться со мной в одном помещении, давай уйду я? Тем более, что у меня, на самом деле, есть неотложные дела. Вот только встречу Иришку, покормлю... Да и потом, мне уже скоро на дежурство.

- Для Иришки есть йогурт в холодильнике - не забудь! - напомнила мать, с кряхтением распрямляясь.

- Не забуду, - она почувствовала, что угасшее было раздражение вновь начинает подниматься внутри неё темной, мутной волной. - Ты, конечно, считаешь меня абсолютно никчемушной, но я, как ни странно, знаю, что ребенку нужно нормально питаться, что без молочных продуктов она не может...

- Да! Кефир, кстати, несвежий. Плохой завезли, он весь комками. Так что Иришке не давай, его теперь только на олады.

- То есть, ты даешь мне указания на несколько дней вперед? Могу я все-таки узнать, куда ты идешь? На вокзал? К добрым соседкам, которые защитят от злой дочери? В монастырь? Куда?

Мать ничего не ответила. Только присела на низенькую скамеечку (ее Марина подставляла себе под ногу ещё когда кормила Иришку грудью) и расстегнула верхнюю пуговицу пальто.

- ... Молчишь? На жалость давишь? Хочешь, чтобы я опять почувствовала себя виноватой?.. Да ты пойми, мама, что я устала всю жизнь чувствовать себя виноватой?! Я ничего такого страшного и преступного в этой жизни не сделала, и твои концерты мне надоели! То ты в ночные сторожихи собираешься, то уборщицей в магазин. И ведь каждый раз абсолютно точно знаешь, что тебя остановят!.. Ну, чем я перед тобой провинилась? Чем, скажи? Что тебе конкретно сегодня не понравилось? То, что я смотрела фотографии Андрея? Так это, слава Богу, мой муж!.. Был мой муж. И

я имею полное права смотреть его фотографии. И не тебе указывать...

- Марина, давай не будем сейчас говорить об Андрее? - мать взглянула на неё как-то жалобно. - Жив ли он, умер ли...

Она почувствовала, как жарко перехватывает дыхание, как тупая боль вступает в затылок, как в сердце поворачивается острая, холодная льдинка. Тоска и страх. Липкий, как пот температурающего пациента, страх...

- Только не надо комедий, мам, ладно? Не надо прикидываться доброй-доброй тещей! И ты, и я все отлично понимаем. Ты ведь не веришь в то, что Андрей мертв. Ты всегда была твердо уверена в том, что Андрей подонок и сволочь, что он просто сбежал и бросил нас с Иришкой... Да что толку повторять? Я три года изо дня в день только это и слышу: я - кретинка и идиотка, потому что с ним связалась, а он - подлец просто по определению! Правильно, мам? Я ничего не перепутала? Теперь, чтобы твоя душенька была довольна, мне ещё и фотографии нужно выбросить?

- Почему? Это фотографии твоего мужа.

- Вот! «Фотографии твоего мужа»!.. Мам, да ты же за всю жизнь его трех раз Андреем не назвала! Ты, вообще, думала когда-нибудь о том, что у него есть имя? - Марина не понимала, что с ней творится. Дикая ярость раздирала изнутри все её существо. Хотелось заорать, завизжать, швырнуть в мать чем угодно - да хоть этой дебильной пластмассовой вазочкой, висящей в подставке на стене. Как Андрей смеялся когда-то над этой «композицией»! Металлический столбик с двумя кольцами, раскрашенный под «березку», и из него торчит даже не глиняный горшок с какой-нибудь традесканцией, а пластмассовая вазочка с тремя тряпочными красными маками! Это даже не кич, это просто дурь!.. И вот Андрея нет, а вазочка есть. И маки есть. Слегка пообтрепавшиеся и у черенков искусственных листьев засиженные тараканами. - Ты же возненавидела его через минуту после того, как увидела! Не понимаю только почему? Чем он тебе так не угодил?

- У нас сегодня вечер воспоминаний, посвященный Андрею Викторовичу? - тускло осведомилась мать. Если бы не её глаза! Если бы не холодный, такой знакомый блеск её глаз Марина, наверное, даже поверила бы в то, что мать хочет уйти от разговора. Но, на самом деле, «добрейшая тетя Оля» просто очередной раз хотела ткнуть её лицом в грязь, а Марине надоело отмалчиваться.

- Скажи, прежде чем идти на твой вокзал, базар, или куда ты там собралась, чем тебе Андрей так с самого первого раза не понравился?

- Он осматривал квартиру. Он не смотрел на тебя. Он смотрел на холодильник, на метраж комнат, на телевизор... Он даже спросил у меня, чьего производства телевизор, потому что подойти посмотреть было неудобно, тумба из-под швейной машинки мешала.

- О, Господи, мама! Да он просто пытался найти тему для разговора! Он элементарно хотел тебе понравиться, произвести на тебя хорошее впечатление. Ну, о чем он мог с тобой поговорить? О кино? О книгах? Где гарантия, что ты до сих пор что-то читаешь и, тем более, смотришь серьезные фильмы? А телевизором и сериалами, в частности, девяносто процентов женщин в твоём возрасте увлекаются. Любая другая тут же начала бы жаловаться, что вторая программа плохо ловится, или что на ОРТ постоянно по экрану идет «снег»... Ну, вот дурак он - не подумал, что ты его в корысти заподозришь! Или, прости, я - дура, а он - паразит!

- А в стенной шкаф он зачем заглядывал? Чтобы побеседовать со мной о правилах хранения хозяйственного мыла и стирального порошка?

- Нет! Чтобы украсть этот твой порошок! И продать из-под полы на базаре!.. Как ты одного не можешь понять: не нужна была ему наша Михайловская квартира! Во всяком случае, лакомым кусочком для него не являлась! Он был красивый, умный, талантливый. Амбициозный, в конце концов! Я ещё понимаю, если бы он приглядывался к «высотке» на Котельнической, но не к нашей ведь убогой халупе, правда?

- А почему ты кричишь? Ты просто спросила, я просто ответила? - пальцы матери потянулись ко второй пуговице и расстегнули её рывком, словно хотели вырвать «с мясом».

- Да! - Марина скрестила руки на груди. На черном шелке блузки залегли красивые, отливающие тусклым серебром складки. - Спасибо тебе большое, что ты ответила. Что ты соизволила ответить!.. Так вот, мам, с сегодняшнего дня я запрещаю тебе плохо говорить об Андрее! Ты слышишь? Думать можешь себе что хочешь, но вслух говорить не смей. Особенно при Иришке... Оставь его уже в покое! Пусть хотя бы на том свете он от твоих критических замечаний отдохнет... И, знаешь, мам, что мне иногда кажется? Даже если бы он был жив, то не вернулся бы просто из боязни, что снова придется

выслушивать твои ежедневные колкости и намеки.

Что-то в её худом, вытянутом лице с запавшими щеками неуловимо изменилось. Словно бы все черты вдруг поплыли. Затрепетав, отяжелели веки, некрасиво отвисла нижняя губа.

- Он не вернулся бы совсем не поэтому, - мать покачала головой. - Просто ты ещё не понимаешь, что это такое - три года, и что теперь вас разделяет.

«Как холодеют губы! И кончики пальцев. И перед глазами суетливые предобморочные мурашки. И пол уплывает из-под ног. Сейчас бы упасть на диван. Или на скамеечку. Или просто сесть на пол, прислонившись затылком к стене». Марина сильно сжала кончиками пальцев виски и сделала несколько массирующих круговых движений:

- И что же нас разделяет?

- То, что ты три года растила дочь без него, и он просто не смог бы тебе объяснить, где все это время шлялся и чем занимался. Да и потом, у него, наверняка, были... есть женщины. Или даже одна женщина.

«О, Господи! Женщина!.. А она ведь нарочно делает больше? Про эту гипотетическую «одну женщину» вполне можно было бы и не говорить... Почему же все-таки она так убеждена в том, что Андрей жив? Что же целых три года кормит эту веру? Неужели только всепожирающая ненависть и святая уверенность в том, что он - подонок и прирожденный предатель?»

- Хорошо. Пусть. В любом случае, его уже нет. И ты больше не смеешь его трогать.

По лестнице в подъезде затопали быстрые детские ножки. Марина нервно передернула плечами. Может, уже Иришка возвращается из школы. Радостная, со своими цветными тетрадками в «Микки-Маусах» и «бурундучках-спасателях», с захватывающими новостями из «взрослой» школьной жизни своего 1 «Б». А тут на скамеечке сидит сиротливая, несчастная бабушка в полурасстегнутом пальто. И сидит-то как! Неловко подвернув ноги под скамейку, вся скукожившись, якобы, бессильно уронив руки - чтобы пожалостнее выглядеть. Боже, как Марина ненавидела эту её привычку прикидываться бедняжкой! И тут, словно в подтверждение её слов, мать еле слышно произнесла:

- Ладно, Мариночка, давай обо всем забудем? Плохим ли, хорошим ли, но Андрей был твоим мужем. Он - отец Иришки. Прости меня, если что не так...

Не сосчитать сколько раз за время их жизни с Андреем и за те три года, что были после, она прикидывалась вот такой безобидной «дохлой овечкой». Прикидывалась только для того, чтобы на примирительное: «Да, мам, давай, в самом деле, все забудем?», ответить резким и безжалостным: «Конечно, забудем. Что мне ещё остается, как ни забыть? Иначе ведь против меня настроят внучку! Но ты ещё попомнишь мои слова! Помомнишь! Еще даст он тебе прикурить, ещё наплачешься!»

Вот и наплакалась...

- Послушай, мам, - Марина все-таки присела на корточки и, согнув пальцы, посмотрела на свои ногти - коротко остриженные, но все равно красивые, - я устала от всего этого. И ты устала. Я прекрасно знаю, что этот разговор ни к чему не приведет, и ты это знаешь. Я понимаю, что ты никуда сейчас не пойдешь, и ты это понимаешь. Так что давай раздевайся, снимай сапоги, разбирай свою сумку. Иришка ведь не должна страдать из-за наших с тобой распрей, правда? Если хочешь, иди поспи: я сама её накормлю...

- Марина, - мать произнесла её имя так, словно бросила пробный камушек в глубокий колодец. Произнесла и послушала, как оно звучит. - Марина, дочка... Подожди, не морщись... Я должна тебе сказать: мы сегодня, на самом деле, зря затеяли этот разговор про Андрея. Пусть земля ему будет пухом, если он, на самом деле, в земле... Но я не об этом. Просто мне, правда, надо уходить. Мне надо в больницу. Меня кладут в стационар... У меня рак, Марина. Я не хотела раньше времени тебе говорить...

- Раньше какого времени? - глупо спросила она, а потом вдруг завизжала. - Ты специально сделала так? Ты опять специально сделала так, чтобы я оказалась сволочью? Чтобы я здесь стояла, вспоминала про этот телевизор, про ваши с ним ссоры, а у тебя, оказывается... А ты, оказывается...

Слезы хлынули у неё из глаз как-то сразу и неожиданно. Она сначала вскочила, запустив руки в волосы, кинулась обратно в комнату. На пороге словно споткнулась, подбежала к матери. Увидела, что «молния» на одном войлочном сапоге не застегнута до конца. Подумала, что надо прямо сейчас опуститься на колени и застегнуть. Ужаснулась: «Зачем застегнуть? Получается, что я тороплю её, что ли? Туда тороплю?!» Но она все-таки упала на пол, наклонилась вперед так неловко, что стукнулась

бедром об острый угол скамеечки, обняла худые колени и простонала: «Мамочка»...

Потом Марина не могла понять, почему безоговорочно поверила сразу. Вот так сразу в то, что все - правда, что мать ничего не преувеличивает, что это - действительно, рак, и что уже поздно, смертельно поздно. Они вместе дождались Иришку, непринужденно болтая, накормили её персиковым йогуртом и супом. Зайка радовалась, что дома все такие добрые и веселые, рассказывала о том, что на второе полугодие её, наверное, выберут санитаром. Самое странное, что мама, похоже, на самом деле, улыбалась без особых усилий, а у Марины стыли губы.

Иришка осталась смотреть мультики, а они оделись, взяли мамин пакет и направление и пошли в стационар. Поехали. Не на автобусе, а на такси. Там к приходу Ольги Матвеевны были готовы, её ждали. И палата оказалась вполне приличной: на двух человек. Хотя, Марина знала, в онкологии лежат и по трое, и по четверо.

Она спросила, нужны ли лекарства, шприцы, перевязочный материал или, может быть, шовный? Ей ответили, что, во-первых, «все работаем в одной системе, что уж вы такого уникального достать сможете?», а, во-вторых, и не нужно уже ничего. Она почувствовала, что сейчас захлебнется липким, жарким потом, родившимся где-то внутри нее. Внутри, а не под мышками, и не на лбу, как обычно.

Мама улыбалась и знакомилась с соседками. «Кто с чем лежит», конечно, не спрашивала. В отделениях такого рода это не принято. По крайней мере, в первые часы знакомства. Марина вдруг заметила, какая она худенькая. И руки! Боже мой, какие руки! Жилка в локтевом сгибе бьется так, что чуть не прорывает кожу. И ещё эта белая ночная сорочка, без рукавов, с аккуратным белым кантом по пройме...

- Мама! - снова выдохнула она и не знала, что сказать дальше. А та вдруг привлекла её к себе и похвасталась соседке - той, что лежала у самой двери: «Смотрите, у меня доча какая! Вы ещё внучки не видели! Правда, папа вот у малышки подкачал!»

Но Марина тут же простила ей все: все, что услышала сейчас, и все, что ещё предстояло услышать в оставшиеся дни. В оставшиеся дни... Ей казалось, что она осталась на перроне, а мама уезжает на поезде. Куда идет поезд неизвестно, и непонятно, что теперь делать. Кричать? Бежать за поездом? Ломать ногти и сдирать кожу о холодную сталь обшивки вагонов?

Дома она плакала. И на следующий день повезла Иришку в кукольный театр, чтобы не оставалось времени на разговоры о том, где бабушка, и когда она вернется. Но ещё до театра, утром, Марина сходила к главному врачу и услышала тот же ответ:

«Надежды нет. Никакой. Не понятно, почему она не пришла раньше. Хотя...»

Это «хотя» было самым страшным. Оно означало, что «поздно» наступило не вчера, не позавчера и даже не месяц назад, и что красная точка на шкале надежды стоит не возле «нуля», а где-то на оси отрицательных чисел.

Мама скоро перестала есть. Совсем. А она все равно каждый день упрямо носила ей куриный бульон, яблоки «Голден», манную кашу в термосе и протертую до консистенции детского пюре телятину. Но однажды Марина пришла, а мамы не было. Нигде. Ни в палате, ни в туалете, ни в коридоре. Сначала она подумала, что её увели на какие-нибудь анализы или процедуры, однако, соседка сказала, что Ольга Матвеевна надела кофту и рейтузы. Пальто осталось в гардеробе вместе с войлочными сапогами, но мама не вернулась ни через полчаса, ни через час. Она уже совсем плохо ходила, и у неё были сильные боли.

Ее искали. Сначала одна Марина. Потом персонал. Потом даже милиция. Не нашли. И психотерапевт, высокая черноволосая женщина в короткой стрижке, нехотя сообщила: «Да, могли произойти изменения в психике. Больные подвержены... Это возможно. Изменения могут быть необратимыми». «Что уж ей оставалось?» - утешил лечащий врач. - «Несколько дней, от силы». Консилиум сошелся на двух неделях, но даже через две недели не обнаружили тела. Мама словно уехала на поезде по железной дороге, рельсы которой вели в никуда...

И дома стало совсем пусто...

- Да... Без Олюшки у них дома стало совсем пусто, - бабуля поднесла недовязанный носок близко к глазам, с минуту всматривалась в переплетение петель и отложила его на стол. - И после того, как Андрей-то исчез, нерадостно было, а тут и вовсе... Просто как наказание Божье над семьей какое-то! Его не нашли, и мать не нашли...

Она, кряхтя, встала и, шаркая ногами по полу, пересела ко мне на кровать. Я убрала книгу на колени. Даже от бабушкиных волос почему-то пахло сухим пресным печеньем.

- ...Уж молись - не молись, а какая твоя планида, так и будет! И Ольга всю жизнь без мужа прожила, и Елена - вон, и с Маринкой то же самое приключилось... Но ты не бойся: это по женской линии только у нас проклятье такое, а с Алешей-то все нормально... Да... Вот такая у нас беда! Ольга-то по молодости веселая была, хохотушка! Да и Маринка, пока замуж не вышла... Вроде, и ничего муж был, а мать его за что-то невзлюбила! Хоть и образованный он, и доктор...

Еще не тревога, а только серая тень тревоги легко прошелестела в воздухе... Доктор... Что-то слишком много во всей этой истории докторов!

- ... И книжки разные читал, и не пил, и репродукции рисовал...

- Что рисовал? - переспросила я, прищуривая глаза.

- Репродукции... Правильно говорю, нет? Ну, художник-то он, конечно, был не ахти какой: намалюет, нашлепает как попало, я слепа и то вижу, что неаккуратно нарисовано - но любил, наверное, это дело. Раньше в их комнате кругом на стенах цветочки его висели, да ещё кровать какая-то, что ли, накаляканная? Я как-то спросила: «Андреевы, что ли картины?» А Маринка рассмеялась, говорит: «Его, его. Только не картинки, бабуль, а репродукции!» Ну, я, конечно, старая, слов таких мудреных не знаю. Вот... А как мать заболела, она и репродукции эти все со стен снимала. Голые обои остались.

«Боже!» - как-то уныло подумала я. - «Не может этого быть. Не может этого быть просто потому, что этого быть не может». А вслух с нарочитым равнодушием спросила:

- Что за цветочки-то, баб Тань? Какие хоть цветы он рисовал?

- Да эти же... - она вдруг оживилась. - Эти... Как их?.. Вот старая, память дырявая... Астры... Тьфу!.. Одуванчики... Да вот же!

Старый, сморщенный палец ещё только тянулся к рисунку на оранжевом покрывале, бабушка ещё не успела ничего сказать, но я уже знала, что сейчас услышу.

- Подсолнухи? - прошелестели мои губы. - Обычные желтые подсолнухи?

- Во! - обрадовалась бабуля. - Подсолнухи и есть! Ну, как раз, эти, что у тебя на постели вышиты...

Митрошкин заглянул в комнату минут десять спустя.

- Ну и как? - спросил он, многозначительно покосившись на «Поющих в терновнике». - Изучила? Сейчас руки помою и экзамен тебе устрою. Ага?

- Ага, - скучно согласилась я. - Только мне тоже ужасно хочется задать тебе несколько вопросов. Не по тексту данного произведения. И в отдельной комнате.

Леха заметно обрадовался, так как мое желание задавать вопросы наедине истолковал совершенно превратно. Но очень скоро ему пришлось разочароваться.

- В общем, так, - проговорила я, прикрывая за собою дверь и опираясь о неё спиной, словно боясь, что Митрошкин бросится вон из комнаты. - Мне интересно, когда ты в последний раз был в гостях у твоей троюродной сестры Марины, и как часто там бывает баба Таня?

- Что к чему? - Леха озадаченно пожал плечами и выпятил нижнюю губу. - Вопросы у тебя какие-то странные и подозрительные. И, должен признаться, они мне не очень нравятся... Но я все равно отвечу. В гостях у моей троюродной сестры Марины я в последний раз был, наверное, лет десять назад - она тогда ещё замуж не выскочила. А бабуля?.. Бабуля, наверное, когда тетя Оля умерла?

- А до этого?

- А «до этого» ты, может быть, объяснишь мне, что все это значит?

- То это значит, Лешенька, что баба Таня сейчас рассказала мне одну очень интересную вещь. Оказывается, когда Марина ещё жила с мужем, на стене в их комнате висели некие репродукции с веселенькими цветочками подсолнухами. А потом Марина их почему-то сняла. Якобы, сразу после того, как исчезла тетя Оля.

- Ну и?..

- Ну и! Какой ты тупой иногда бываешь, честное слово! Или просто удачно прикидываешься... Мне важно знать, как часто баба Таня выходит из квартиры, и была ли она дома у Марины в ноябре. Точнее, в промежутке между началом ноября, когда произошло первое убийство, и началом декабря, когда тетя Оля пропала!

Митрошкин отошел от двери, рухнул на диван, свесил руки с колен и опустил голову. Когда он вновь посмотрел на меня, лицо его было донельзя раздосадованным и усталым.

- Же-ня, - по слогам проговорил он, словно пытался достучаться до угасающего разума какого-нибудь гидроцефала. - Женя, ты хоть понимаешь, что несешь? Ты пытаешься предъявить моей сестре

Марине обвинение в серийных убийствах? Так?

- Нет, не так. Не надо утрировать, - я села рядом с ним. - Просто все это кажется, по меньшей мере, странным. Репродукции на стене в Марининой комнате...

- Так! Вопрос первый: с чего ты взяла, что это Ван Гог? Ты сама эти репродукции видела? Может это какой-нибудь Иннокентий Шалопутин «Натюрморт с подсолнухами и кильками в томате»?

- Репродукции, Леша! Репродукции!.. Баба Таня спросила у Марины, не Андреевы ли это картинки, а та рассмеялась и ответила, что его, но не картинки, а репродукции... Ты предполагаешь, что Иннокентий Шалопутин настолько известен, что массово печатаются альбомы с его произведениями или настенные календари? И Андрей именно вот по этому великому творцу фанател? Или «репродукции Андрея» в том смысле, что репродукции с его бессмертных полотен?

- Слушай, ты что - большой знаток живописи? - окрысился вдруг Митрошкин. - Три книжки про Ван Гога прочитала, думаешь, уже крутой специалист? Какие ты картины-то знаешь, кроме «Трех богатырей» и «Ивана Грозного, убивающего своего сына»?

- Нет такой картины «Иван Грозный убивает своего сына», - угрюмо блеснула студенческими познаниями я. - Есть картина «Иван Грозный и сын его Иван».

- Какая разница?! Почему ты так уверена, что не может быть других знаменитых натюрмортов с подсолнухами? Почему...

- Потому что баба Таня очень точно охарактеризовала «живописную манеру Андрея»: неаккуратно нарисовано, намалюет, нашлепает как попало...

- И, по-твоему, один Ван Гог писал в такой манере?

- Нет, не один! Но вместе с подсолнухами там висела ещё какая-то «кровать как попало нарисованная». «Спальня в доме художника». Помнишь такую картину? Нет?.. И, вообще, в этой истории как-то клинически много совпадений. По городу ходит слух, что в больничных подвалах прячется сумасшедшая женщина. В декабре из онкологии пропадает смертельно больная тетя Оля, и её так и не находят. Марина, работающая в кардиологическом отделении, которое, кстати, в терапевтическом корпусе, соединяющемся с профилакторием. Бывший муж Марины - врач. Напомнить тебе, что муж тоже исчез из поля зрения?.. Репродукции Ван Гога на стене в их комнате, которые Марина снимает сразу, как только начинаются убийства... От кого она пытается отвести подозрения? От себя? От матери? От бывшего мужа?

- О! А говоришь, никого не обвиняешь? Да у тебя опять целый букет серийных убийц, на зависть милиции!

- Леша, я, действительно, никого не обвиняю, - я обхватила себя за плечи и начала мерно раскачиваться взад-вперед, - но что-то мне во всем этом не нравится... Знаешь, как вот паззлы собираешь, когда малейшие оттенки цветов надо подбирать? Собираешь-собираешь, вроде, все получается, а потом - раз, и нет! Потому что что-то не то не с тем соединил. Все элементы есть, надо только разобраться, что за чем... Ну, согласишься, я права?

- Муж Марины умер. Три года назад, - Леша развернул свою ладонь к свету и взглянул на неё почти с отвращением. - Так что хотя бы Андрея можешь оставить в покое.

- И муж Тамары Найденовой умер. Той женщины, которую убили ещё в ноябре, - эхом отозвалась я. - Умер от сердечной недостаточности. Или дома, или в отделении кардиологии, где работает Марина.

- Отлично, Жень! Вот тебе и система! Маринка убила сначала своего мужа, потом мужа Тамары Найденовой, потом этого доктора, который тоже был чьим-то мужем!.. Она мужененавистница просто! Не та, которая мужчин ненавидит, а та, которая законных супругов крошит!

- А первый доктор тоже, кстати, был кардиологом. И, возможно, Марина его знает... Я же говорю тебе, что все элементы есть. Нужно только их в правильном порядке собрать.

- Тебе статистику привести, сколько народу ежедневно мрет от сердечно-сосудистых заболеваний, и сколько, соответственно, врачей кардиологического профиля для этого требуется?

- Для чего «для этого»? Для того, чтобы мерли?

- Отстань, не придирайся к словам!

- А я и не придираюсь, - я потерлась головой о его плечо. - Ну, не злись, Леш! И не обвиняю никого. Я же говорю тебе: надо просто уловить логику... Вот ты своим родственникам доверяешь?

- А ты своим? - злобно передразнил он.

- Я доверяю. И прекрасно понимаю, что ужасно обиделась бы, если бы кто-нибудь попытался

обвинить в преступлении мою тетю, или брата, или сестру. А ещё я попыталась бы доказать, что они тут ни при чем. Доказать, а потом плюнуть в морду тому, кто в этом сомневается... Вот ты веришь, что тетя Оля никого не убивала?

- Жень, ты просто её не знала, - Митрошкин отстранился и улегся на диван, сцепив руки на затылке и глядя в потолок.

- Согласна: не знала. И согласна, что она, наверняка, была прекрасной женщиной. А теперь следи за ходом моей мысли: слухи по городу идут уже сейчас, скоро о «старухе из подвала» заговорят все вокруг. Естественно, этим заинтересуется милиция. Потом кто-нибудь вспомнит, что в доме у тети Оли висели репродукции Ван Гога. Улавливаешь?... Даже если системы никакой нет, и все это просто нелепое совпадение, её, думаешь, оправдают? У тебя не возникает нормального человеческого желания разобраться в этом самому? Тебе не интересно, в конце концов, куда она делась?

- Слово «интересно», Жень, не совсем подходит к данной ситуации, - он отвернулся и теперь сосредоточено смотрел на темно-коричневую, неполированную стенку шкафа. - Если ты, конечно, понимаешь, о чем я?

- Понимаю. Прости... Но ты тоже попытайся понять!

- А я, по-твоему, дурак?... Просто тетя Оля... Ну, я не знаю... Она таким человеком всегда была - мягким, добрым. Только вот с Маринкиным мужем у неё не заладилось. Наверное, ревновала сильно, что единственную доченьку какому-то чужому мужику отдала. Она ведь её, считай, для себя родила, тряслась над ней всю жизнь.

- А Маринин муж, он что из себя представлял?

- Да, не знаю. Я с ним виделся-то всего пару раз. Вроде, нормальный был мужик. Тоже веселый, умный. И к Маринке хорошо относился, и тещу не норовил с балкона сбросить. Анекдоты какие-то рассказывал.

- И что с ним случилось? - я тоже легла рядом и осторожно погладила его по щеке. - Из бабулиного рассказа я что-то ничего толком не поняла.

- Вполне нормально. В этой истории до сих пор никто из родни ничего не понимает. Я-то так, с маминых слов, знаю... В общем, однажды вечером он ушел из дома и не вернулся. То ли с Маринкой поругался, то ли что еще. А на следующий день на мосту нашли его шапку, ботинки зимние и записку: мол, в моей смерти прошу никого не винить, прости меня, Марина. Все!.. В речке прорубь была, его с водолазами искали, но так и не нашли.

- Слушай, но насколько я поняла, у вас речка - отнюдь не Миссисипи?

- Да не Миссисипи. Но есть задаться целью - утонуть можно.

- Так и тело найти можно!

- Так если ни под какую корягу не утащит!

- Ясно, - я сдула с носа тонкую прядь волос и уставилась на люстру с тремя округлыми розовыми плафонами. От ламп по потолку расходились неровные концентрические круги.

- Что тебе ясно? - Леха приподнялся на локте. - Что у нас вся семейка - «того»? Не маньяки, так шизики?

- Перестань. Я вовсе не думаю ничего такого про твоих родственников... Просто предложила тебе разобраться, но если ты не хочешь...

- Максимум, что я могу - это напроситься в гости к Маринке.

- Леш, ты только пойми: я не заставляю тебя ничего предпринимать. Это, прежде всего, твое дело. Я тут - «сбоку припеку».

- Ладно, - он рывком сел и так же резко вскочил на ноги, - пойду позвоню. В самом деле, надо вам познакомиться. Вы же ровесницы. Глядишь, ещё подружками станете...

Он предупредил меня обо всем: о том, чтобы я без спросу не лазала по книжным шкафам и не пыталась самостоятельно искать репродукции, о том, чтобы не слишком часто напоминала о смерти тети Оли и, тем более, о гибели Андрея. Но почему-то не предупредил о том, что мне предстоит увидеть, поэтому в первую минуту знакомства я глупо и неловко раззявила рот.

Марина, действительно, была моей ровесницей, но выглядела совсем не так, как я представляла. Мне рисовалась милая «пышечка», типичная добренькая медсестричка с непрезентабельной внешностью и ласковыми руками. А у неё оказался рост не меньше метра семидесяти пяти, и фигура манекенщицы, отфилированная прямая челка, и бронзовые волосы до

плеч. Безукоризненного рисунка губы, прямой, с тонкими ноздрями нос. И огромный, безобразный ожог, тянущийся от кончика правой брови до самого рта. Сморщенная, покрытая извилистыми рубцами кожа заставляла угол правого глаза оттягиваться книзу, как у собаки из какого-то чешского или польского мультфильма.

- Ну, проходите, гости дорогие! - радушно проговорила она, сделав вид, что не заметила моей отвисшей челюсти. - Я вас, вообще-то, уже полчаса жду. Пиццу два раза разогревала.

- Каемся-каемся! - Леха незаметно пихнул меня между лопаток и заставил переступить через порог. - Как живешь? Где дочка?

- Дочка в школе. Ты уже забыл что ли, что такое первая смена? Теперь только в половине второго придет.

На Марине была голубая джинсовая рубашка и черные лосины. В этой одежде она казалась худенькой и легкой, как балерина. «Вряд ли у неё получилось бы задушить женщину подушкой. Хотя... Кто знает?» - как-то мимоходом подумала я и тут же, от злости на саму себя, чуть не прикусила язык. Однако, кусайся - не кусайся, а из головы никак не шла «девушка, сидящая спиной». Изящная небольшая головка, гибкая шея... Да, но если принять за аксиому, что пятеро из «Едоков картофеля» - это пятеро убитых, то при чем тут Марина? При чем точеная легкость её черт?..

На кухонном столе стоял большой керамический чайник со сплюснутыми боками и рельефным изображением какой-то длинноногой утки... Утки на картине в профилактории. Утки здесь... Господи, Женя, да ты сама, похоже, становишься маньяком?!

Видимо, на моем лице явственно отразились тоска и уныние, потому что Марина сочувственно поинтересовалась:

- Вы, Женя, наверное, чувствуете себя все ещё не очень хорошо? Как ваш гастрит? Не получше?

- Получше. Спасибо, - я присела на круглый плетеный табурет. - И спасибо вам за то, что помогли с профилакторием.

- Да, не за что. Сколько вы там пролежали? Дня три от силы?

- Она бы до конца долежала, если бы не это убийство, - Леха заметил, что Марина, привстав на цыпочки, тянется за круглым блюдом, стоящим на кухонном шкафчике, и помог ей его достать. - Да, ужас, конечно, что творится...

Она коротко кивнула, но разговора об убийствах не поддержала.

«Конечно, знает, какие сплетни ходят о её матери», - промелькнуло у меня в голове. - «Или все-таки есть другая причина?»

- Пицца, - Марина поставила на стол тарелку с румяной лепешкой, посыпанной помидорами, сыром и колбасой. - Печенье, конфеты... Вот ещё лимоны, перетертые с сахаром. И, я думаю, выпьем немножечко, по рюмашечке?

- А, да-да, конечно! - заторопился Митрошкин, метнулся в коридор и через секунду вернулся с пузатой бутылкой «Токайского». Сестра едва заметно улыбнулась. Поставила рядышком клюквенную настойку.

«Интересно, где же репродукции?» - со свойственной мне гнусностью подумала я и ощутила себя существом пакостным, гаденьким и не способным на нормальные человеческие чувства. Впрочем, Леха, похоже, тоже чувствовал себя неловко. Он прекрасно знал, зачем мы пришли, предчувствовал начало неприятного разговора и поэтому густо краснел через каждые пять минут. Хозяйка смотрела на него удивленно, пыталась задавать какие-то вопросы, но он отвечал невпопад. Как, кстати, и я. В общем, мы являли собой прекрасную парочку косноязычных олигофренов. Марина, по идее, должна была подумать, что это общение со мной сказалось на неё троюродном братце столь пагубным образом.

- А как ваши неприятности с милицией? - в конце концов, спросила она. - Вы ещё просили про Анатолия Львовича узнать...

И тут Митрошкин решился.

- Марина, - он прокашлялся, покраснел окончательно и ожесточенно потер переносицу, - дело в том, что... Женя услышала про тетю Олю... Ну, то что в последнее время начали болтать. И ещё баба Таня сказала, что у вас репродукции висели... Может быть, это, конечно, вовсе и не Ван Гог?... Да и, к тому же - тайна следствия... В общем, это сложно объяснить, особенно, если это - действительно, не Ван Гог...

Разобраться в той белиберде, которую молот смущенный Леха, мог разве что гений

лингвистики. Но Марина и не пыталась разбираться. Она смотрела на меня своими внимательными серыми глазами, и в них не отражалась ничего - ни страха, ни возмущения.

- Что вас конкретно тревожит, Женя? - голос её был спокойным и ровным, и только обожженная кожа, казалось, ещё больше сморщилась. - Спросите, я отвечу.

- Может быть, вам все-таки перейти на «ты»? - совсем уж некстати влез Митрошкин. Мы повернулись к нему одновременно. «Иди ты со своим рационализаторским предложением!» - подумала я. Вероятно, то же пожелание он прочел в глазах сестры, потому что стушевался, принялся ковыряться в своем куске пиццы, потом вскочил, вытащил из кармана пачку сигарет и, открыв форточку, закурил.

- Так что вас волнует, Женя? - повторила Марина, зачем-то разворачивая чайник носиком к холодильнику.

- Понимаете, Марина, - я хотела откинуться на спинку, но, к счастью, вовремя вспомнила, что сижу на табурете, - до меня дошли грязные слухи о вашей маме. Я не так давно сама попадала в похожую историю: меня могли заподозрить черт-те знает в чем. Если бы мне не повезло, если бы я не смогла вовремя разобраться в том, что происходит, то не знаю, что бы со мной сейчас было... Я хочу попытаться вам помочь.

- Как? - так же спокойно спросила она. - Вы можете заставить людей замолчать? Накинете платок на каждый роток, или найдете маму?

- Нет, но если вы согласитесь кое-что рассказать...

- Так спрашивайте! Вы же ничего не спрашиваете.

- Марина, ваш муж увлекался живописью, правда?

- Он разбирался в живописи, - она склонила голову к плечу, как художник, собирающийся сделать точный мазок. - Разбирался, и не более. Когда мы жили в Москве, он любил ходить в музеи, на выставки, но я совсем не уверена, что это не было просто данью моде... Потом родилась Иришка, на все эти культпоходы не стало хватать времени... Нет, я не могу сказать, что он был чем-то, кроме своей работы, серьезно увлечен.

- А репродукции на стене в вашей комнате? Те, которые вы потом сняли? Баба Таня говорит, что это вроде бы, был Ван Гог?

- Баба Таня? - Марина рассмеялась (мне показалось, слегка принужденно). - Да баба Таня слова такого «Ван Гог» в жизни не слышала? Или, наоборот, услышала где-нибудь по телевизору и теперь повторяет.

Я помотала головой и быстро покосилась на Леху. Он, по-прежнему, курил в форточку и стряхивал пепел на маленькое блюдце из фольги.

- Нет, баба Таня никаких художников не называла. Она просто описала, что это были подсолнухи и кровать, что нарисовано «неаккуратно», и ещё сказала, что это «репродукции».

- Да, репродукции. Все верно. Из настенного календаря за бог его знает, какой год... Но Ван Гог?.. Нет, по-моему, ничего вангоговского там не было, хотя я не большой знаток его творчества... Какая-то ваза с цветами, ещё ваза. По-моему, с георгинами... Жаль, что я все это уже выкинула: не думала, что понадобится.

Марина явно лгала. Я чувствовала это, злилась, но ничего не могла возразить.

- То есть, ваш муж повесил на стену картинки, вырезанные из старого календаря. Просто старые картинки?.. Баба Таня говорила, что это его репродукции.

- Да. Их повесил он, - Марина прищурилась. - Каким бы странным это вам не показалось. Он хотел угодить маме. Она сильно критиковала его вкус. И тогда Андрей взял с её позволения календарь из макулатуры и вырезал несколько приемлемых натюрмортов... А почему, кстати, разговор все время вертится вокруг этих несчастных репродукций?

«Раньше! Раньше об этом надо было спросить!» - подумала я. - «Мы ведь, действительно, говорим о них уже минут десять!»

- Значит, я ошиблась. Извините... А Андрей... У него всегда были такие сложные отношения с вашей мамой?

Митрошкин с шумом выпустил из надутых щек воздух, громко стукнул форточкой и вернулся к столу.

- Может быть, о чем-нибудь другом поговорим? - его пальцы нетерпеливо побарабанили по столешнице.

- Братец, успокойся, - Марина накрыла его руку своей кистью, - все нормально. Мы просто разговариваем. Женя хочет помочь... Да, Жень, отношения всегда были достаточно сложные. Мама даже перед смертью не смогла мне простить, что я вышла за Андрея замуж. Вот как-то так не сложилось. До сих пор не понимаю - почему. Они оба были людьми контактными, готовыми, если нужно, уступить. Конечно, мама ревновала, Андрей обижался... Помню, мы как-то раз собрались пригласить гостей - был мой день рождения - и Андрей приготовил мне подарок - бархатное черное платье с декольтированной спиной. Так с мамой, когда она это платье увидела, чуть сердечный приступ не случился...

...С ней чуть не случился сердечный приступ. Или, по крайней мере, истерика. «Добрейшая тетя Оля» всегда отличалась просто богатырской нервной системой, однако, на этот раз руки и подбородок у неё тряслись, рот беззвучно открывался. Было только одно «но»: все это казалось несколько наигранным и, соответственно, дешевым.

- И ты это наденешь?! - с ужасом спросила она, взвешивая платье в руках с такой брезгливостью, словно это была половая тряпка. - Ты наденешь это на свой день рождения?

- Да, - Марина размазала крем на скулах и повернулась. - Конечно, надену. А что, мам, тебе не нравится? По-моему, очень хорошее платье. К тому же, подарок Андрея.

- То что это - подарок Андрея, меня, как раз, не удивляет. И ещё напоминает историю с Мишей Скачковым. Помнишь мальчика, с которым ты дружила в десятом классе?

Начало было «многообещающим». Марина вздохнула и уселась на диван, привалившись к спинке. Вытянутые ноги она положила на сиденье стула и пошевелила пальцами, разглядывая покрытые розовой эмалью ногти.

- Ты меня слышишь? - мать чуть повысила голос. - Помнишь это ваше «трагическое» расставание с Мишаней? Когда он уже собирался тебя бросить, но как воспитанный мальчик из хорошей семьи, не мог не поздравить с восьмым марта? И вместо цветов принес какую-то дрянную тушь из первого попавшегося коммерческого киоска? Символический подарок, так сказать!

- Помню, мам. И что?

- Да ничего! Просто вот это, - она ещё раз взвесила в руке платье и швырнула его дочери на колени, - из той же серии. Ты разве не видишь, что твой обожаемый Андрей купил на рынке первое, что попало, только чтобы отделаться? Просто шел мимо - наверняка, в последний день - и купил. А ты тут же готова забросить свою блузочку с брючками и вырядиться как последнее чучело, лишь бы муженьку угодить... Не оценит он этого. Пойми, не о-це-нит!

Марина встряхнула злосчастное платье и сложила так, как складывают мужские рубашки в подарочных коробках.

- Мам, давай не будем? - голос её начал едва заметно дрожать. - Давай не будем хотя бы в мой день рождения? Андрей хотел сделать мне приятное, я ему благодарна...

- Да, ради Бога, будь благодарна! - мать присела рядом. - Ради Бога! Но не обязательно же это на себя надевать? Придумай какую-нибудь причину: мол, колготок подходящих нет или просто настроение не то, чтобы в короткое рядиться... Ну, скажи мне, положи руку на сердце: тебе самой эта тряпка нравится?

Платье Марине не нравилось. Оно было слишком коротким, слишком декольтированным, да ещё с ужасными, откровенными «чашечками», словно выпоротыми из доисторического купальника. Она даже смутилась, когда Андрей широким жестом метнул его на кровать. Смутилась и не смогла этого скрыть, но он успокоил: «Это на толстых, коротконогих тетках оно не смотрится, а на тебе так будет смотреться, что все рты пораскрывают!»

- Нет, мама, платье мне не нравится, - Марина подняла голову и посмотрела матери в глаза. - Но я не вижу ничего плохого в том, чтобы выказать свою признательность любимому человеку. Поэтому я не надену ни блузку, ни брючки...

- Господи! Да что у тебя за страсть унижаться? Чего ты перед ним так стелешься?

- При чем тут «стелюсь»? Мне кажется, это - нормальные человеческие отношения.

- Твои отношения с Андреем никогда не были нормальными.

- И Андрей тут тоже ни при чем... Помнишь, когда я училась во втором классе, ты мне на Новый год конструктор подарила? Это ведь был совсем не тот конструктор, который я хотела, но ты развязывала мешок «от Деда Мороза» с таким торжественным и многозначительным видом, что я просто не смогла тебе ничего сказать...

- Зато теперь сказала, - мать слегка отстранилась и отвернулась к окну. - А ему про платье никогда ведь не скажешь?.. Эх, Марина-Марина, ничего ты ещё в жизни не понимаешь. Сама уже мама, а мозгов не нажила! Нельзя так с мужиками, а особенно, с такими, как твой муж. Знаешь, что платье дерьмовое, а надеваешь, видишь, что он к тебе относится наплевательски, а все прощаешь...

Разговор становился нудным и бессмысленным. Марина встала, закрыла форточку и с преувеличенным тщанием начала протирать льняной салфеткой вилки и ложки из мельхиорового набора. До прихода гостей оставалось ещё больше трех часов.

- Ну, как знаешь, - почти равнодушно бросила мать. И в этот момент дверь в комнату открылась. На пороге стоял Андрей. Еще слегка румяный от мороза, но лишь слегка. Словно он уже успел побыть в теплой квартире минут пять или десять. И глаза... У него были абсолютно темные, какие-то проваленные глаза.

- Масло и сардины в кухне на окне, - проговорил он, подходя к шифоньеру и отворяя створку. - Зелени нигде не было.

Марина стремительно обернулась к матери, наткнулась на её почти испуганный, но все-таки довольный взгляд.

- Ты нарочно, - слова сами собой срывались с её губ. - Мама, ну зачем ты так? Ты же сидела лицом к двери, ты же сквозь стекло видела, что он уже вернулся. Ты специально начала про это платье, чтобы он слышал, да?

- Марина, ну стоит ли делать из этого трагедию? - почти весело крикнул от шифоньера Андрей. На дверце повисла его домашняя рубашка и серые брюки. - Велика беда? Ну, куплю тебе другое платьишко - хорошее. Теперь вместе с тобой выбирать пойду. Ты же знаешь, у меня всегда со вкусом относительно женской одежды проблемы были... Да, вообще, мало кто из мужчин в этом разбирается. Правда, Ольга Григорьевна?

Та не ответила. Она смотрела только на дочь и машинально теребила чуть надорвавшийся кантик на кармане халата.

- Вот значит как? Значит, мать - зверь? - выдала она, в конце концов. - Зверь и сволочь? Ну, что ж, нравится вам так считать - считайте!

Через пару минут хлопнула дверь её комнаты и больше, до самого позднего вечера, Ольга Григорьевна оттуда не выходила. Часа через три начали подтягиваться гости, зашуршали целлофановые пакеты из-под цветов, запахло разномастными мужскими одеколонами и женскими духами. Марина была в голубой блузке и брючках, но дверь в мамину комнату все равно оставалась закрытой. Сели за стол, разложили по тарелкам салаты, выпили за здоровье именинницы. Однако, имениннице уже было не до дня рождения. Она затылком чувствовала то, что чуть позже почувствовали все остальные. «А что-то Ольги Григорьевны с нами сегодня нет? Ей нездоровится?» - спросил кто-то, звякнув вилок о край тарелки. И Марина яснее ясного представила, как мама сидит сейчас на жесткой табуретке у окна, подпирая подбородок рукой. В комнате есть тахта и старое мягкое кресло, но она всегда в таких случаях сидит на табуретке и тихонько плачет о том, что жизнь сложилась именно так, о том, что она, «тетя Оля», по сути дела, никому не нужна, а её единственная дочь, наплевав на нее, сейчас веселится с чужими людьми и ненавистным Андреем. А ещё мама, наверное, вспоминает «три дня в Москве» - три дня двадцатилетней давности. Тогда они вдвоем, мама и маленькая Марина, поехали на Первомайские праздники в Москву. Поселились в гостинице, обедали в ресторане Останкинской башни, ходили в зоосад. Катались на всех подряд каруселях в парке Горького. Мама покупала все мороженки и пироженки, в какие только Марина тыкала пальцем, смеялась и целовала дочку в теплую макушку...

В общем, в конце концов, все гости заметили, какое у «виновницы торжества» отрешенное, неживое лицо. Естественно, почувствовали себя неловко, спешно засобирались. Андрей вышел проводить друзей и заодно покурить на лестнице. Марина заглянула в соседнюю комнату. Иришка уже спала. Мама сидела на табуретке у окна.

- Мам, - проговорила Марина тихо и горько, - мам, ну прости меня, а?

Та ничего не ответила, и только брошка, приколотая к декольте так и не надетого платья, блеснула в лунном свете коротко и холодно.

Потом Марина рыдала в ванной, а Андрей её успокаивал.

- Я виноват, - говорил он, проводя чуть подрагивающей ладонью по её влажным волосам, - только я... Мне, на самом деле, нужно было сразу как-то обнаружить свое присутствие, а то

получается, что я стоял под дверью и подслушивал.

- Мне нравится это платье, - всхлипывала она. - Правда, нравится. Просто к нему нужно привыкнуть!

- Да оставь ты в покое это платье!.. Все хорошо.

- А мама?.. Ну, зачем она все это устроила? Почему она тебя так ненавидит? Ты на неё обижаешься, да?

- Да нет же! - Андрей улыбался. - Почему я должен обижаться? Я все прекрасно понимаю. Растишь-растишь дочку, потом приходит какой-то чужой мужик и её уводит. Еще неизвестно, хватит ли у нас с тобой здравого смысла объективно относиться к будущему Иришкиному мужу?.. Так что, ты тоже на маму не злись. Она - женщина немолодая, причем истероидного типа, и реакции её - реакции человека с неустойчивой психикой и больной нервной системой. Ольгу Григорьевну беречь надо, а не на выяснение отношений провоцировать. Или, по крайней мере, не обращать на её выходки внимания...

- Он говорил, что попросту не стоит обращать на мамины выходки внимания, - Марина усмехнулась, поводила ложкой в вазочке с лимонным вареньем и снова отложила ложку на край блюда. - В некоторых вопросах, как ни странно, он был гораздо мудрее её - прожившей на свете уже столько лет.

- А вот то, что Андрей говорил по поводу неустойчивой психики Ольги Григорьевны... Он это как врач утверждал или просто свое отношение таким образом высказывал? - мне ужасно хотелось курить, но вот так, вдруг начать смолить в доме потенциальной родственницы казалось неудобным.

- Как врач?.. Да нет, скорее, как наблюдательный человек. И потом, «неустойчивая психика» - это ещё не диагноз... Вы ведь, если я правильно поняла, хотите понять, могла ли мама, на самом деле, сойти с ума?

Митрошкин тяжело вздохнул, качнулся на табуретке и с чрезвычайной угрюмостью принялся изучать пуговицу на манжете собственной рубашки. Марина легко поднялась, зябко поведя плечами:

- Женя, если вы курите, может быть выйдем с вами на балкон и там продолжим нашу беседу? Братец тут посидит... У меня «Вог». Вы будете?

Я, конечно, согласилась и, накинув в прихожей полушубок, потрусила вслед за хозяйкой по коридору. На балконе Марина откинула волосы с лица, оперлась спиной о перила и спросила:

- А ваша мама как к Алешке относится?

- Никак. Она просто не знает о его существовании.

- Даже так? Интересно... Впрочем, может быть, и лучше до поры до времени ничего не знать. Я вот дура была, как только с Андреем познакомилась, сразу матери позвонила и давай расписывать: ах, он такой хороший, ах, он такой красивый! Андрюшка на два курса старше меня учился. Только он доучился, а я, как забеременела - бросила. Вот и осталась с незаконченным высшим. Мама, конечно же, сказала, что и тут Андрей виноват... А у вас с Лешей как? Серьезно? Расписываться-то собираетесь?

Она намерено переводила разговор на уютные, семейно-бытовые темы. Мне, естественно, полагалось умиляться, таять и, повизгивая от счастья, делиться милыми подробностями нашего с Митрошкиным романа.

- Марина, - я выпустила из сложенных губ струйку дыма, - почему вы не позволяете вам помочь? С вашей мамой случилось несчастье, её могут обвинить неизвестно в чем. Леша так, например, просто уверен, что Ольга Григорьевна ко всей этой кошмарной истории не имеет ни малейшего отношения... Вы поймите, я - отнюдь не Шерлок Холмс, просто так получилось, что мне пришлось оправдываться перед милицией, потом ко мне почти случайно попали некоторые факты, да это, в общем, и не факты вовсе... Но я могу, по крайней мере, попробовать помочь.

- Пожалуйста! Если у вас, действительно, что-нибудь получится, я буду только рада. Пока, мне кажется, я отвечаю на все ваши вопросы?

- Но на стене у вас все-таки висел не Ван Гог?

- По-моему, нет, - она улыбнулась. - А почему вас так волнует именно этот художник?

- Почему?.. Да нет, не важно... Наверное, это просто совпадение... Марина, простите, а ваш муж... Его так и не нашли, да?

- И не могли найти, - бронзовая прядь снова упала Марине на лоб. - Зима, мороз, речка у нас ужасная - все дно в ямах. Я думаю, что он умер минут через десять после того, как оказался в воде...

Хотите спросить, почему он это сделал? Спрашивайте, не стесняйтесь!.. Просто Андрей был несчастным человеком. По большому счету - несчастным. С его талантом, с его амбициями заискнуть здесь, в Михайловске! Работать в бедном, убогом стационаре, не иметь ни малейшей возможности себя проявить. Да ещё и отношения с мамой. Он всегда говорил: «Ничего, Мариш, не может быть смешнее униженного, затюканного зятя»... Только вы не подумайте, пожалуйста, что я в его смерти маму обвиняю.

Последнюю фразу она добавила, словно, спохватившись. И снова мне почудились какая-то неискренность и фальшь.

- Мне, кстати, говорили, что ваша мама была не уверена в его смерти?..

- Это её личное дело. Андрей умер. Как ни жутко это признавать и, тем более, кого-то в этом убеждать.

Я почувствовала себя неловко, спешно затушила сигарету о железные перильца и выкинула окурочек в пустую банку из-под майонеза:

- Вы извините, если этот разговор вам неприятен. Просто...

- Да, ничего, - она снова передернула плечами. На самом деле, становилось холодновато. Мягкий снег крупными хлопьями валил из серых туч. - В самом деле, ничего... Я уже привыкла. Маму вот только жалко очень. Где она? Ее и не похоронили по-человечески даже... Хотите, я вам её фотографию покажу?

Дальше все получилось, как я и ожидала. В комнате Марина достала из шкафа альбом, достаточно быстро нашла нужную страницу и продемонстрировала мне цветной снимок худенькой женщины со слегка скошенным подбородком и светлыми настороженными глазами, а потом добавила, словно между прочим:

- А это - Андрей...

Он, действительно, был довольно привлекательным мужчиной. Не красивым, нет! Именно привлекательным. Темные волосы, чуть широковатые скулы, немного восточного разреза глаза. И улыбка. Улыбка сильного, умного и уверенного в себе человека.

- Марина, простите ради Бога, а вы уверены, что он сам?..

Я не договорила, но она и так поняла. И тут же энергично замотала головой, словно пытаюсь в чем-то убедить саму себя:

- Я поняла, о чем вы подумали. Нет-нет-нет... У Андрея не было врагов. Тем более, таких, которые могли бы его убить... И, вообще, зря это все. Ужасно, что с мамой случилось несчастье как раз тогда, когда шли эти кошмарные убийства. Ужасно, что на одну нашу семью свалилось целых два несчастья. Но не надо здесь искать никакой логики. Точнее, логика есть, но это не то, о чем вы думаете... Андрей утопился отчасти потому, что дома была невыносимая обстановка. Мама за то время, что мы прожили вместе, окончательно истрепала себе нервы: со мной испортила отношения, с внучкой. Понятно же, что психика не выдержала...

- Да, конечно... И можно мне самый-самый последний вопрос? Вы ведь работаете в кардиологии, так? А вы были знакомы с Большаковым? Ну, с тем доктором, которого убили самым первым?

Что-то в её лице неуловимо изменилось. Линия губ стала тонкой и жесткой, глаза, вроде бы, сузились. Но удивило меня даже не это. Во время всего нашего разговора Марина слегка покачивала правой ногой, обутой в пестрый китайский тапок. И вдруг нога замерла, и задник тапочка уперся в пол!

- Естественно, я знала Константина Ивановича. Я же все-таки работала с ним в одном отделении. Но это-то какое имеет отношение к смерти мамы?

Продолжать задавать вопросы и дальше было бестактно. А ещё бессмысленно. Скользнув взглядом по пустой стене, на которой, вероятно, и висели репродукции, я встала с кресла:

- Простите, пожалуйста, ещё раз. Больше я не стану вас беспокоить.

- Вы меня совершенно не обеспокоили, - она отлично владела лицом. - Тем более, вы ведь пытаетесь спасти доброе имя моей матери. Жаль, что наше знакомство состоялось в такое время. Но, я думаю, у нас с вами ещё будет возможность поговорить в более радостной обстановке и на более радостные темы?

Так, мило беседуя, мы и вернулись на кухню.

- О чем говорили? - спросил мрачный Митрошкин, успевший несмотря на всю мрачность съесть

кусоч своей пиццы и половину моего.

- О том, - Марина лукаво улыбнулась, - что Женина мама еще, оказывается, не знает о твоём существовании. Что-то ты тормозишь, пора бы уже с будущей тещей и познакомиться.

- Успею, - поднимаясь со стула, он прихватил ещё ломтик колбасы. - Теща - не волк, в лес не убежит... Скажи честно, мы тебя не сильно напрягли? Тебе же, наверное еще, Иришке обед готовить нужно?

- Ну и что тут такого? На дежурство мне, слава Богу, только завтра во вторую смену. Сейчас вас провожу, посуду вымою и все спокойно приготовлю.

Последнюю реплику мы расценили как сигнал к отходу. Спешно, но при этом многословно простились, несмотря на все сопротивление, всучили Марине позабытую коробку конфет и ретировались. А уже на улице угрюмый Митрошкин спросил:

- Ну, и как? Все выяснила? Кого сажать будем?

- Сажать никого не будем. Но то что этот паззл из той же картинки абсолютно точно. Во-первых, она достаточно спокойно реагировала и на вопросы о матери, и на вопросы о муже, а когда я спросила про Большакова, вдруг напряглась так, что аж губы побелели. Во-вторых, странно, что человек, в студенческие годы любивший ходить по музеям, вдруг вешает на стену какие-то картинки из старого календаря. Пусть даже он пытался угодить теще, или пусть это, наоборот, был протест: мол, самый кич повешу, лишь бы душенька Ольги Григорьевны довольна была, но все равно не складывается!

- Что опять у тебя не складывается? - тяжело вздохнул Леха.

- Да ничего! Он что, по музеям всю свою студенческую юность в одиночестве мотался? Ни разу невесту с собой не взял? Ни разу не показал ей: вот Матисс, вот Сезанн, а вот Ван Гог? Или она просто такая скучная личность, которая ничем не интересуется? Висят на стенке в её же собственной комнате какие-то картинки и пусть себе висят - какая разница, что там намалевано?.. Я понимаю, если бы она определенно сказала: «Да никакой не Ван Гог! С какого бодуна вам это все приснилось?», но она ведь осторожничает: «По-моему, не Ван Гог. Я точно не знаю». Она боится категорически отрицать. Боится, что это будет выглядеть подозрительным.

- Ясно. Тонкости психологии пошли. Зигмунд Фрейд ты наш!

- ...И ожог на её лице. Она показывала мне альбом. На фотографии, где она вместе с Андреем, никакого ожога нет.

- А вот теперь давай и это тоже свяжи с Ван Гогом! Что там у него? Злое желтое солнце? Солнце, дарящее смерть? Или как было в монографии? Ван Гога следует понимать через огонь? Огонь убивающий? Огонь разрушающий? Огонь - ожог!.. Классно все складывается, да? Просто как какие-нибудь паззлы со сто одним далматинцем! Высший класс! Да, Жень?

- А чего ты, собственно, бесишься? - я поднялась с дорожки на заснеженный бетонный бордюр и пошла по нему, балансируя руками. - Я просто говорю то, что есть. В городе убили пятерых человек. В том числе, молоденькую незамужнюю девочку. Молва уже приписала убийства твоей несчастной пропавшей тете. Твоя троюродная сестра что-то знает и чего-то определенно боится. Ты предпочитаешь закрыть глаза и позволить ей трястись дальше. При этом клянешься мне, что свято веришь в её невиновность. Я злая, я, якобы, не верю, а ты добрый и веришь, но почему-то боишься раскопать что-нибудь не то. «Не будите спящую собаку», так? И тебе плевать на то, что она может просто знать убийцу, просто бояться, что станет следующей, шестой жертвой? Может, Ольгу Григорьевну тоже убил маньяк? Разве не может такого быть, а? Да, миллион вариантов, но ты из них почему-то упорно выбираешь только один: Маринка и твоя тетя - кровавые преступницы! Выбираешь и сидишь, как та обезьяна, которая ничего не видит, ничего не слышит и ничего никому не скажет.

- Балда, - он коротко сплюнул. - Балда стопроцентная. И иногда не понимаешь таких очевидных вещей, что мне даже становится страшно.

Финал нашего разговора был вполне закономерным. Митрошкин обычно начинал отрываться общими высокопарными фразами, когда чувствовал шаткость своих доводов или не знал, как действовать дальше.

Глава одиннадцатая, в которой я узнаю о странной фразе, прозвучавшей три года назад.

На Леху теперь особенно рассчитывать не приходилось. Моим агентом номер один, сама об этом не подозревая, стала баба Таня. После обеда я вновь прокралась в её комнату и со смиренным выражением лица начала сматывать клубок, скатившийся со стола и размотавшийся едва ли не наполовину. Бабуля, тем временем, сидела на стульчике и перебирала старые письма, вытаскивая из некоторых черно-белые фотографии.

- Баба Таня, - я оперативно домотала клубок почти до самого носка и положила его на кровать рядом с собой, - а вы не знаете, откуда у Марины этот ожог на лице?

- Ожог? - она вздрогнула от неожиданности и удивленно вскинула седенькие редкие брови. - Да, вроде, на работе с ней что-то такое случилось? Несчастный случай был. Давно уже, года три назад.

«Года три назад», - само собой отметилось у меня в голове. - «Три года назад погиб Андрей. Марина волновалась, когда утверждала, что у него не было врагов... Три года... Возможные репродукции Ван Гога у них на стене... Андрей пропадает. Три года спустя начинаются убийства с ваноговской тематикой».

- На работе, говорите? Надо же, странно как... Но неужели никакую пластическую операцию сделать было нельзя? Тем более, Марина сама с медициной связана.

- Ой, да ей не до операций! - баба Таня махнула сухонькой рукой, уронив при этом на пол несколько конвертов. - Когда Андрей-то умер, она совсем с лица спала. Теперь вот мать еще... Да и для кого красоту наводить? Маринка кроме своего Андрюшеньки и мужчин-то вокруг не видит. Так до сих пор и любит его. А сама - хороша. Правда?

Я кивнула, нисколько не покривив душой, и снова приступила к изучению «Поющих в терновнике». Но текст решительно не желал укладываться в голову. Мне думалось о том, что до нашего возвращения в Москву осталась от силы пара дней, о «Едоках картофеля», похожих на мрачных заговорщиков, и ещё о том, что Марина явно подготовилась к нашей встрече, тщательно продумав ответы на некоторые вопросы.

- Баба Таня, а вот скажите, - я закинула ногу на ногу и сцепила руки на колене, - на тех репродукциях точно были подсолнухи или какие-то другие цветы?

Бабуля задумалась, потянулась за очками, словно собиралась что-то рассматривать, но так и не донесла их до лица - остановила руку, сжимая коричневую пластмассовую дужку двумя пальцами.

- Да, подсолнухи! Что ж я, подсолнухов не знаю? У меня всю жизнь огород был, и подсолнечники я непременно высаживала. Потом семечек нажарю полную сковородку, как оставлю в сених, так из соседних домов пацаны налетят и все разворуют... Подсолнухи-подсолнухи! - Она вдруг мелко хихикнула. - И, главное дело, в вазе! Андрей знатный художник был, видать: нашел тоже хризантемы! Кто ж подсолнечники в вазу-то ставит?

- Бабуль, а кровать? На другой картине точно кровать была нарисована?

- А кто её знает? Тахта, кровать... Вроде каморки какой-то и у стены - лежак. Но он не с натуры рисовал, нет: на ихнюю комнату совсем не похоже... Ты в зале-то у них была?

- Где? - рассеяно переспросила я.

- В зале! Где кресла полосатая стоит... Девчушка у них, Иришка, раз красками баловалась и всю обивку подчистую испортила. Пришлось перетягивать. Олюшка, помню, смеялась: «Художница растет!» Она ведь не злая была Олюшка, веселая...

Бабуля снова задумалась, положила очки поверх стопки конвертов и скрестила худенькие ножки в щиколотках. Я тихонько встала и вышла из комнаты.

- Ну что? - зловеще поинтересовался Леха, неожиданно выскочивший из ванной и прижавший меня к стене. - Теперь бабу Таню терроризируешь? Какие ещё сногшибательные версии закопошились в твоей умной голове?

- Во-первых, не понимаю иронии, которую ты вложил в определение «умной», - с достоинством отозвалась я. - Во-вторых, в моей голове копошатся, как правило, не версии, а мысли. И, в-третьих, не надо устраивать мне допросов: я размышляю чисто для себя и никаких действий предпринимать не собираюсь.

- Да ладно тебе, - проговорил он уже почти миролюбиво, - давай лучше спокойно все обсудим.

Мне жутко делается, как подумаю, чего ты опять наколбасить можешь. Ну как? Согласна открыть карты?

- А чего ради? Ради того, чтобы ты потешил свое тщеславие и разнес все мои соображения в пух и прах? Это мои личные мысли, пусть они останутся при мне. Мы скоро уедем в Москву, обо всем об этом постепенно забудем...

Леха недовольно мотнул круглой головой: такой вариант его, похоже, не устраивал:

- Жень, подожди, я так понял: ты Маринку виноватой не считаешь?

Интерес к моему мнению мне польстил: я важно кивнула.

- Но тебе кажется, что ей что-то угрожает?

- Это ты по поводу нашего утреннего разговора, что ли?.. Успокойся, я просто так ляпнула. Не думаю, чтоб за ней гонялся ваш Михайловский маньяк. Персонажей на первой картине было пять? Пять человек и убиты. С чего бы вдруг взяться шестому?.. Если тебе так интересно, мне кажется, что она просто что-то знает. Может быть, покрывает кого-нибудь.

- Ольгу Григорьевну?

- Слушай, Леха, отстань! Я ничего не думаю! У меня и так от всего этого голова пухнет. Одно я знаю точно: если б она была маньяком, то или вовсе не стала бы снимать эти репродукции со стены, либо сняла бы их заблаговременно!

На лестничной площадке хлопнула дверь. Похоже, Елена Тимофеевна возвращалась от соседки. Митрошкин наскоро вытер шею полотенцем, тряхнул мокрой головой, как собака, вылезшая из воды, и, ухватив меня под локоть, поволок в комнату.

- Слушай, но ты ведь только вчера говорила, что надо попытаться спасти доброе имя Маринкиной матери! - зашипел он мне прямо в ухо, как только дверь за нами закрылась.

- А ты и вчера и сегодня рьяно убеждал меня, что не нужно никуда лезть!

- И ты, конечно, так и послушалась?

- Да! Представь себе! А что мне - больше всех надо? Марина молчит, значит, честь собственной матери её не особенно волнует, а я буду дергаться, да?

Леха взглянул на меня осуждающе, хотел что-то сказать, но потом махнул рукой, отошел к столу и включил магнитофон. Из колонок зловеще и ритмично зашептало «Yellow».

- Ты решил со мной намеками общаться? - я тоже прошла через комнату и повернула регулятор громкости к отметке «минимум».

- При чем тут намеки?

- Ну как? «Yellow» - желтый. Желтый - цвет Ван Гога. Цвет безумия, если тебе угодно.

- Отстань от меня со своим Ван Гогом! И, вообще, отстань... С тобой невозможно общаться по-человечески! Что у тебя за комплекс такой?! Знаешь, обычно страшные девки пускаются во все тяжкие, чтобы самим себе доказать, что они жуткие красавицы, и их все вокруг хотят. Вот и ты все тщишься себе доказать, что ты - умная!

- Во! А говорил, «без намеков»! - я села на диван и двумя руками расправила край клетчатого пледа.

- Я не то имел в виду, так что зря обижаешься... А, ну и черт с тобой, обижайся! Думаешь, меня Маринка не волнует? Думаешь, я не заметил, что с ней что-то не то творится? Дурак такой вместе с тобой пришел, чтобы пиццу пожрать и глазами похлопать!.. Ты, кстати, почему-то не обратила внимания на то, что она подозрительно веселая для женщины, которая только что потеряла мать. Такая веселая и непринужденная, что аж скулы сводит! Как будто роль наизусть вызубрила и вывалилась на сцену со стеклянными глазами: об одном думает - лишь бы текст не забыть... И про репродукции так все гладко сошло, будто у неё про них каждый день спрашивают, а она каждый день отвечает. Не растерялась, не спросила: «При чем тут Ван Гог? Вы, вообще, о чем ребята?»

- Все правильно. Но от этого не легче.

- Почему «не легче»?

- Потому что информации, вроде бы, много, а стержня нет. Что мы имеем? Мы точно знаем, что маньяк убил пятерых человек, руководствуясь вангоговскими мотивами. Точно знаем, что три года назад при загадочных обстоятельствах исчез Маринин муж. Знаем, что совсем недавно из больницы пропала её мать, а теперь по городу ходят слухи, что она сошла с ума и прячется по подвалам... С уверенностью процентов в шестьдесят можно утверждать, что у Марины дома висели репродукции вангоговских подсолнухов и его же «Спальни в доме Винсента».

- Ну, ладно, это все понятно. Дальше что? - перебил Леха, присаживаясь рядом.

- Не мешай. Когда я рассуждаю вслух, я сама лучше понимаю... Что еще? Целая куча врачей, замешанных во всей этой истории: врач-кардиолог, врач-гинеколог, какой-то врач - знакомый Галины Александровны. Андрей врач... Как, кстати, была его фамилия?

- Говоров.

- Вот. Андрей Говоров. И его супруга - Марина Говорова, которая тоже работает медсестрой в кардиологии... И как все это вместе склеить абсолютно непонятно.

- По методу твоих любимых паззлов! - язвительно посоветовал Митрошкин, как бы между прочим сжимая мою коленку. - Что к чему подходит, то с тем и соединяй!

- Ага! И получится так же, как когда я перед Новым годом сто одного далматинца собирала. Вроде подберешь уже детальки к двум, трем, четырем собакам, а вместе они никак соединяться не желают. И потом выяснится, что к ушам одного далматинца случайно подошла задница другого, к глазам второго лапы третьего и так далее... Вот поэтому я и говорю, что стержня не хватает.

- Ваша аллегория с собаками понятна, а вот про стержень - все равно как-то не очень.

- Куски не склеиваются! - я высвободила свою коленку и закинула ногу на ногу. - Или они просто, на самом деле, друг с другом не связаны... Вот смотри: что нам дает, например, тема Ван Гога? Картины, репродукции, убийства по картинам, тема безумия... Что сюда укладывается? Городские сплетни про сошедшую с ума Ольгу Григорьевну, репродукции, висевшие у Говоровых в спальне, её ненависть к зятю, убийства... Что «не попадает»? С чего бы Ольге Григорьевне увлечься ваноговской тематикой? Это ведь Андрей был по молодости любителем шататься по музеям, а не она? Во-вторых, таинственное исчезновение самого Андрея, в-третьих, ожог на лице Марины, в-четвертых - то, как она напряглась при упоминании имени Большакова.

- Про ожог повторите ещё раз! - Леха по-школьному поднял руку. - Вы, товарищ, сегодня на эту тему уже заикались, но аудитория так и не поняла, что вас не устраивает.

- То, откуда он взялся. Семейная версия, как говорит баба Таня, несчастный случай на работе. Но Марина ведь не пожарный, не газосварщик и не химик, который работает со щелочами и кислотами? Она - обычная медсестра, работающая в обыкновенной больнице... А ещё меня не устраивает то, что ожог появился как раз тогда, когда исчез Андрей. Тут можно собрать ещё одного «далматинца» и тоже без всякой уверенности в том, что все «части тела» будут его собственные... Я тебе, конечно, могу рассказать, но при условии, что ты не будешь смеяться?

- Ладно. Не буду, - он кивнул.

- ... Тогда слушай. Если предположить, что ожог не термический, а химический - проще говоря, ей в лицо плеснули кислотой - то что тогда получается?

- Что?

- То, что это - бабский метод разборок. Бабы, когда мужиков делят, друг другу в лицо кислотой плещут. И в это же время пропадает Андрей. Можно предположить, что у Марины случился, например, служебный роман с доктором Большаковым, а его супруга взяла и лицо сопернице попортила. Чтоб не повадно было. Андрей обо всем узнал и понял, что простить Марину не сможет, поэтому инсценировал самоубийство и сбежал.

- А не проще развестись было?

- Согласна. Проще... И на этот случай есть другой вариант: Андрей с Мариной вместе влезли в какую-то нехорошую историю - возможно, в подпольный бизнес, касающийся картин, возможно, во что-то еще. Каким-то образом они стали опасны для тех, кто этим бизнесом заправлял, и их решили убрать с дороги. Но чтобы убрать с дороги сильного, решительного мужчину, его нужно убить, а женщине, чтобы заставить её замолчать, достаточно частично подпортить внешность.

- Хорошо. Она уже потеряла мужа, ей уже испортили лицо. Она становится человеком, которому нечего терять. Она делается в десять раз более опасной.

Я покачала головой:

- Ты забыл про ребенка. Марину могли не просто изуродовать, а ещё пригрозить, что так же поступят с девочкой. Любая мать после этого будет сидеть тихо, как мышка, прижавши хвост. Только вот ни Ольга Григорьевна, ни Ван Гог в эту историю не вписываются. Я ещё понимаю, если бы у них на стене подлинники «Подсолнухи» висели - те, что в миллионы долларов оценены... Теперь ясно, что я имела в виду, когда говорила про стержень?

Магнитофон сухо щелкнул и замолчал. Кассета закончилась. Митрошкин поднялся с дивана и,

пошарив на полке, поставил что-то ностальгически-блатное.

- И где ты собираешься искать этот самый стержень? - спросил он, покрутив ручку громкости туда-сюда, и, видимо, решив, что рев, от которого чуть не трескаются колонки - это в самый раз.

- Не знаю, - я вздохнула. - Можно, конечно, попробовать побольше разузнать про её лицо, а если не получится... Ну, тогда - все! Тогда я сдаюсь. Пусть во всем этом разбираются искусствоведы, психиатры и милиция. А мы поедem в Москву, да?..

На следующий день в одиннадцать часов утра я соскочила со ступенек автобуса, остановившегося перед воротами больничного городка. Митрошкина со мной не было. Угрюмый Леха остался дома, вняв таки моим доводам и уверениям, что он будет только мешаться под ногами и испортит всю игру. В полосатом пластиковом пакете, который я держала под мышкой, лежала коробка конфет и свадебный выпуск «Бурды», а на моей физиономии стыла глупая, безмятежная улыбка. Роль счастливой невесты пока давалась мне со скрипом.

Между заснеженными деревьями прогуливалась Алиса. Я ещё издалека узнала её светло-кофейную дубленку и белую, крупной вязки шапочку. Бывшая соседка же на мою крашенную «лису» не обращала внимания до тех пор, пока я не подала голос:

- Эй! Здраваться будем?

- О! - она изумилась. - Какими судьбами? Мы уж не чаяли тебя когда-нибудь ещё увидеть.

- Как живете то?

- Нормально. Что нам сделается? Виктории Павловне контрастный душ отменили, ещё одна тетка тут, из новеньких, спиритизмом увлекается. Мы ночью дух Есенина вызывали, хотели Галину Александровну вызвать, но побоялись...

- Значит, говорят ещё про убийство? - я поправила перчатку и стряхнула снег с рукава полушубка.

- Конечно, говорят. Но уже как-то так, без особого ужаса... А хочешь прикол? Лесников-то ведь так и не съехал, так и живет в профилактории! Прикинь, гад, да? Хоть ссы в глаза - все божья роса! Я ведь его прямо спрашивала: «И тебе не стыдно после всего здесь жить?» «Нет, - говорит, не стыдно. Я за путевку свои кровные деньги заплатил!»

- Слушай, а ты как? Елизавета Васильевна тебя не съела? Ты ведь одна тут «подозреваемая» оставалась?

- Да что ты! - Алиска расхохоталась, откинув голову назад, и глаза её сделались узкими, как у лисички из мультфильма. - Она такая смирная стала! В профилакторий с инспекторскими проверками больше не ходит, Шайдюка не терроризирует... Узнать бы, кто ей про меня настучал?

- Н-да... - вспомнив историю с удочерением Анечки, я почувствовала некоторую неловкость. - Значит, у вас с Анатолием Львовичем все хорошо?.. А я, слышь, Алис, вот что у тебя хотела спросить: помнишь, ты мне про убитую девушку рассказывала? Ну, про ту, которую возле хлебозавода утопили? Ты ещё говорила, что она проститутка была ужасная... Ничего случайно не знаешь про её мужиков? Кто за ней ухаживал? С кем она жила? От кого могла залететь?

- Так она ещё и беременная была, что ли?

- Нет. То есть... В общем, это все из области предположений... Ну, так знаешь или нет?

- Н-нет, - она помотала головой. - Ничего такого не знаю. Наверное, кто-нибудь из своих, из грузчиков с хлебозавода? С кем ещё эти девки общаются? Или из соседей кто-нибудь?

- Значит, никаких конкретных сплетен по городу не ходило... А вот еще: ты что-нибудь про старушку, которая из больницы сбежала и теперь по подвалам прячется, слышала?

- А вот это слышала, - Алиса уверенно кивнула. - На днях Виктория Павловна рассказывала, а ей какая-то подружка новость на хвосте принесла. Но мне так кажется, это фигня полная! Свалить убийства не на кого, вот и придумывают разных бабок-ежек... Ты подумай: если бы она была на самом деле, неужели бы её милиция не выловила? Виктория Павловна говорит, чуть ли не спецназ подвалы прочесывать отправляли.

Сплетня постепенно обростала живописными подробностями, как старая ракушка водорослями. Спецназ, ОМОН, собаки, треск автоматов Калашникова и страшный неуловимый монстр с седыми волосами. Бедная, бедная Ольга Григорьевна... Что же с ней произошло на самом деле?

- Понятно, - носком ботинка я прочертила на снегу маленький, неровный полукруг. - Значит, сведения у нас примерно одинаковые... Ну, ладно, ты извини меня, я побегу.

- А куда ты? - она удивленно вскинула брови.

- К одной родственнице моего Леши. Она здесь, в кардиологии, медсестрой работает. Сейчас как

раз её смена...

В принципе, Алиске можно было и не врать, но я перестраховывалась. Марина заступала на дежурство только в четырнадцать тридцать. Однако, мне хотелось поговорить с кем-нибудь из медперсонала именно в её отсутствие.

Кардиология ничем внешне не отличалась от любого терапевтического отделения любой городской больницы. Светлые стены, выкрашенные голубой масляной краской, стойкий запах лекарств, маленький холл с телевизором и продавленными креслами, грохот посуды и шум воды, доносящийся с пищеблока. Двери палат - высокие, белые, двустворчатые, открывающиеся медленно, с тихим, осторожным скрипом. Сердечники, как правило, не любят носиться по коридорам со скоростью мустангов. Здешние пациенты - мужчины в неопрятных, мятых пижамах и немолодые женщины в домашних платьях, тоже передвигались неспешными, осмотрительными шажками, мерно шоркая подошвами тапочек по облезлому линолеуму. К специфическому аромату лекарств примешивался запах столового плова и компота из сухофруктов.

Я быстро поправила челку, вспомнила, что вид у меня должен был достаточно глупый (Митрошкин, кстати, утверждал, что ничего играть не придется), и решительно бросилась навстречу первой же даме в белом медицинском халате. У дамы были светлые, завитые мелкими кудряшками волосы, полные щеки с расширенными кровеносными сосудами, ресницы, подкрашенные синей тушью, и синие кожаные босоножки, надетые на шерстяные колготки.

- Добрый день! А как мне Марину Говорову найти? - рот мой стремительно расползся до ушей.

- Нету её еще, - равнодушно сообщила женщина. - С обеда будет.

- А обед во сколько?

- К двум тридцати Марина придет. А что вы хотели?

- Да мне с ней поговорить. Я - родственница её будущая, за её брата Лешу замуж выхожу. Не слышали? Она вам не рассказывала?.. Марина мне с платьем обещала помочь, сказала, чтобы я зашла... Ой, а можно, я её здесь подожду? Мне домой сейчас уже ни к селу, ни к городу ехать, а времени до обеда вроде немного осталось.

- Ждите, - эмоций в голосе моей собеседницы не прибавилось ни на йоту. - Вон у нас в сестринской можете посидеть. Только это же целых три часа ждать. Марина редко когда раньше появляется.

- Ничего-ничего! - зажав пакет под мышкой, а я торопливо махнула обеими руками, как заяц лапками. - Вы не волнуйтесь, мне скучно не будет. У меня и журнал есть. А ещё мы с вами чай поьем. С конфетами!

Неопределенно пожав плечами, медсестра толкнула дверь с табличкой «Процедурная», я же бодро направилась в конец коридора - туда, где должна была находиться сестринская. К тому моменту, когда моя новая знакомая вернулась, на подоконнике уже закипал чайник, а на столе лежала раскрытая коробка бабаевского ассорти с круглыми шоколадными конфетками, выглядывающими из блестящих ячеек. Моей наивной бесцеремонности медсестра не удивилась, открыла маленький холодильник, достала оттуда нарезанную ломтиками и завернутую в полиэтиленовый пакет колбасу и поинтересовалась:

- Это что же у Марины за брат такой? Леша! Никогда не слышала.

Начало ободряло.

- Леша? Вы, правда, не знаете? - я округлила глаза с таким ужасом, словно не знать Лешу, было все равно, что не знать Александра Сергеевича Пушкина. - Да вы что? Это её троюродный брат, артист из Москвы! Играет в настоящем театре. Он такой умный, такой интеллигентный, такой замечательный!

Митрошкину, наверняка, польстил бы сей страстный монолог. Медсестра же взглянула на меня как на умалишенную или приехавшую из такой глубинки, по сравнению с которой Михайловск - Рио-де-Жанейро.

- Надо же, как вы жениха своего любите!

- Ой, да! Разве его можно не любить? Я такая счастливая, такая счастливая! Вот хотела, чтобы мне Марина с платьем посоветовала, а её нет... Может быть, вы что подскажете? Вас как зовут, кстати?

- Ксения Петровна, - она сняла чайник с подставки, плеснула кипятка в свой стакан, подумала, достала с полки ещё один и поставила на стол передо мной. - Только, девушка, я ведь не специалист

по фасонам, и вкус у меня уже, наверное, старомодный.

- Вы просто не знаете, какая я сама старомодная! Мне все Лешины родственники говорят, что я из семнадцатого века сбежала. А платья... Тут ведь только выбрать надо. Я сама как-то не решаюсь.

Свадебная «Бурда» легла на стол рядом с конфетами, я послунявила палец и быстро промахнула несколько страниц:

- Вот это вам нравится, с кринолином? Или вот это, с открытыми плечами?

- Не знаю... Я сама выходила замуж в шляпе с большими полями и в простом длинном платье со вставками из гипюра.

- Да? Я бы тоже шляпу хотела, но боюсь, Леше не понравится. И, вообще, я его родственников боюсь. Не знаю толком никого, глупой страшно показаться. Вот Марина, вроде бы, ничего, но тоже немного странная... Вы конфеты-то кушайте! Они очень свежие, а у тех, которые в серединке, начинка клубничная.

Мне понравилось, что Ксения Петровна все-таки взяла конфету, но ещё больше понравилось то, как она повела бровями - чуть раздумчиво, неспешно, словно размышляя, стоит или не стоит говорить?

- Марина - хорошая женщина, - произнесла она, в конце концов. - Судьба, правда, у неё нелегкая. Но вы, наверное, знаете? А так она ничего, вполне приличный человек. Мне лично нравится.

- Мне тоже, - я плеснула сама себе кипятку и заварки из банки и громко хлюпнула чаем. - Только вот ожог на лице у неё очень страшный! Такая красавица, и так её эта щека портит!.. Свекровка будущая говорила, что её, вроде, на работе чем-то обварили?

- Ну, да! Скажете тоже: «на работе»! Она ведь не повариха и не пожарница.

«Вот и я о том же», - промелькнуло у меня в голове.

- ...Не знаю... Мне все-таки кажется, что это она сама себе лицо попортила, когда муж её бросил.

- Сама? Как так можно?!

- А, может, и не сама, - Ксения Петровна спохватилась. - Я вот тут с вами сижу, что попало болтаю, а потом Марина придет и скажет: «Что же это ты, дорогая, сплетничаешь?»

В её голосе прозвенела едва уловимая нотка обиды, и я мгновенно поняла, что за это надо цепляться. Цепляться зубами и ногтями, потому что это - единственная возможность что-то выяснить. Вероятнее всего, прецедент уже был: что-то кому-то Ксения Петровна сказала. Наверняка, последовали взаимные обиды, выяснения отношений...

- Вы что же - думаете, я кому-нибудь рассказывать побегу? Да кому мне здесь рассказывать? Я ни с кем, кроме Леша, и не общаюсь. Марина - она хорошая, конечно, но почему-то всех сторонится. И такая она... Высокомерная, что ли? Да и муж её тоже. Мне фотографии показывали. Станный он какой-то был. Я даже и не знала, что он её бросил.

- Нет, зря вы так, - вторую конфетку Ксения Петровна взяла уже без всяких церемоний и в рот отправила с удовольствием. - Андрей Николаевич был очень приличным мужчиной и хорошим доктором. К себе требовательно относился, к другим. Конечно, здесь у нас, в Михайловске, развернуться ему было негде, но в столице он, наверняка бы, карьеру сделал... Хотя?.. Говорят, что и в Москве так же, как везде: кто к работе добросовестнее всех относится, тот меньше всех привилегий и имеет, кто пашет, на том и возят... Но, вообще, Марине с ним повезло. Повезло.

- И все-таки не представляю, как это так: саму себя обжечь? Да тут хоть какая любовь будь!

- А что, не дай бог, что случись, вы бы из-за своего жениха лицо себе жечь не стали? - она усмехнулась.

- Ну, если бы, например, ему кожу пересаживать надо было, я бы дала, конечно. Но ведь это же не с лица? Это, простите, с попы!

- Почему? Можно с бедра или со спины... Да и не в этом дело. Уж такая у них любовь была! Кажется, надышаться друг на друга не могли. А потом все. В какие-нибудь несколько дней - все!

Кусок конфеты прилип к моему небу, так странно и холодно прозвучало это «все».

- В каком смысле «все»? Мне говорили, что у Андрея депрессия была, и он потом утопился.

- Депрессия, да... А от чего депрессия, вам не объясняли? Ну, правильно. Я бы тоже будущей невестке не стала такого говорить.

С каждой минутой становилось все интереснее и интереснее.

- Ксения Петровна, расскажите, пожалуйста! А то мне даже страшно... Я никому ничего не скажу,

честное слово! А уж Марине - тем более!

- Ну, не знаю... - она замялась. - Я, вообще-то, могу только предполагать. Но мне кажется, что Маринка сильно сглупила и изменила однажды Андрею Михайловичу, а он об этом узнал!

Глаза у моей новой знакомой сделались темными и испуганными, словно она сама испугалась собственных мыслей, высказанных вслух. А я вдруг подумала о версии с романом Марины и доктора Большакова, которая в свете только что услышанного уже не казалась такой глупой.

- Изменила? Кто бы мог подумать? Мне свекровка рассказывала, что она переживала сильно, когда муж утонул?

- Переживала. А что ей оставалось? Сделанного не исправишь, бывшего не воротишь. Вот с горя, наверное, и умылась кислотой.

- Кислотой?

- Конечно. Ожог химический... Она, Маринка-то, облилась, а потом одумалась и прибежала на станцию «Скорой помощи». Обработали, залечили, а что уже? Новое лицо не приставишь. Сама себе жизнь испортила.

- А вы знаете, с кем она мужу изменила? - я вовремя сообразила подменить вертящийся в голове обидный вопрос «а откуда вы знаете» более лояльным.

- Этого не знаю. Но только доверять ей Андрей Михайлович перестал. Я помню, с чего началось-то все - в смысле, когда я первый раз заметила... Дежурила я тогда в приемном покое, а Марина в отделении. Ночью больного привезли, я карту заполнила, его наверх забрали, а минут через тридцать приходит Андрей Михайлович, Марину ищет: мы тогда с ней частенько вместе чай пили. «Наверху она», - говорю, - «Больного привезли. Не тяжелого, но минут тридцать провозится». Он улыбнулся: пойду, говорит, её найду. Двадцать минут нет, сорок нет. А потом Андрей Михайлович на лифте спускается, аж белый весь от злости, и давай меня спрашивать: сколько пульс у больного был, да сколько давление, да принимал ли он лекарства. Кто его наверх сопровождал, да кто дал команду в обычную палату везти, а не в реанимацию... Вроде бы, ему какое дело? Он же в терапии работал, к кардиологии никакого отношения не имел. Я ему рассказала все, он только головой помотал, попросил никому про наш разговор не сообщать, и вышел. Следом Маринка прилетает: «где Андрей», да «что Андрей»? Ну, чувствую, неладно дело. Потом выясняется, что у больного этого остановка сердца произошла, и он умер.

Мое собственное сердце, словно в противовес сказанному, вдруг заколотилось часто и суматошно. То ли тревога, то ли странное, тоскливое предчувствие сжало горло.

- Вот. - Продолжала меж тем Ксения Петровна: - Я сначала думаю: что между Мариной и Андреем Михайловичем-то случилось? Ну, умер больной. Бывает... Может, думаю, он какую профессиональную ошибку у неё заметил, из-за чего человек скончался? Так что медсестра решает? Ничего! Она только, разве что, замешкаться может или ампулы перепутать? А потом догадалась!.. Вы вот мне, девушка, не поверите, но Андрей Михайлович - такой здравомыслящий, такой спокойный мужчина - а заподозрил, что Марина с Константином Ивановичем любовь крутила, а пациента на произвол судьбы оставила!.. Но без причины да без повода такого ведь тоже не заподозришь, правда?

- А почему вы решили... Почему вы решили, что он подумал, ну... про «любовь»? - все вопросы о «Констанине Ивановиче» я оставила на потом. Мне и так было совершенно ясно, что это - тот самый, зарезанный в парке Большаков.

- А я это не сразу, кстати, поняла. Потом уже, когда Маринка оправдываться начала. Все ходила, ходила, как в воду опущенная, и вдруг спрашивает у меня: «Ксень Петровна, а вот эта женщина, у которой в мою смену муж умер... Это не она, часом, любовница нашего Большакова?» Ну, то что у Большакова любовница есть, все отделение знало. Жить-то он с женой жил, с этой расписаться не мог, потому что им жилплощадь не позволяла. Развестись можно, а куда потом сунуться? У него с женой однокомнатная, и у любовницы тоже, говорят, чуть ли не собачья конура... Я ей отвечаю: «Да ты что? Нет, конечно! Эта - жена бизнесмена. Вдова уже теперь. Серьезная женщина. Ребенка ждет». Маринка мне: «Точно?» Ну, а что тут скажешь? «Точно», - говорю. - «Наша Ленка из урологии её на следующий день после смерти мужа в консультации видела. У доктора ещё спросила: «Чего это она? Вроде муж только что скончался?», а он ей объясняет: «Перенервничала. За ребенка волнуется. И правильно делает. Муж умер, так хоть сын на память останется»... Говорю, а сама думаю: с чего это ты, голубушка, так интересуешься? Дома, пока капусту тушила, все размышляла, а потом догадалась:

видать, за пациентом, правда, недоглядели, так Маринка теперь перед мужем оправдаться хочет, что доктор, дескать, не с ней в это время чем попало занимался, а с женой этого бизнесмена! Видать, Андрей Михайлович поднялся на этаж: никого на месте нет, а в палате человек умирает без медицинской помощи.

- Подождите-подождите! - в голове у меня все чудовищным образом перепуталось, несмотря на то, что я, наконец, начала хоть что-то понимать в этой истории и, кажется, даже нащупывать искомый «стержень». - А с чего бы Андрею Михайловичу ревновать Марину к какому-то доктору, если он ничего компрометирующего своими глазами не видел? Ну, да, допустим, нет никого, допустим даже, больного без помощи оставили. Но ведь это ещё не значит, что медсестра с врачом в это время где-то обжимаются?

- Вот замуж выйдете - поймете! - Ксения Петровна покачала головой и взяла из коробки ещё одну конфету. - Как пару раз, не дай Бог, конечно, придет домой ваш Леша в помаде, да с женскими волосами на пиджаке, так все его рубашки обнюхивать начнете. Обычным мужским одеколоном будет пахнуть, а вам «Шанель № 5» померещится... В этом деле стоит один раз супруга на вранье поймать, и все - пиши пропало!

- Но у Марины, в самом деле, было что-то с этим... Константином Ивановичем?

- Да, нет, конечно! - она отмахнулась. - Я же вам говорю: у него постоянная любовница была, он таки потом развелся и женился на ней. Квартирку небольшую в районе Комсомольского проспекта купили.

- Значит, все зря? И ни за что, ни про что Андрей Михайлович утопился?

- Ни за что, ни про что даже прыщ не вскакивает. Видать, довела Марина его своим поведением, видать, правда, изменяла. А что? Баба красивая была, мужики оборачивались... Ну, а этот случай последней каплей стал.

Она замолчала, развернула колбасу, задумчиво надкусила один ломтик. Щеки её, ещё больше раскрасневшиеся во время рассказа, постепенно стали приобретать нормальный, темно-розовый цвет. Пора было задавать самый главный вопрос, так и рвущийся у меня с языка:

- Ксения Павловна, а это не тот бизнесмен тогда умер, которого так торжественно хоронили? Мне Леша рассказывал, что он сильно богатый был и, в общем, молодой. Жену его ещё недавно убили. Найденова Тамара её звали.

- Тот, тот! - медсестра закивала головой. - Правда, совсем ещё молодой человек был. Ну, видать, кому что на роду написано! Его жена в больницу-то и привезла. Тоже молодая женщина была. Красивая. Привезла его, позвонила в приемный покой, под руку так заботливо поддерживает. А он ничего, нормально выглядел. Аритмия, конечно, была, боли в груди, но всего-то сорок лет! Кто же мог подумать, что так все обернется? Я пока карту заполняла, он ещё улыбался, шутил. Не болел, говорит, никогда раньше, ничего хронического - ни ревматизма, ни тонзиллита. Просто месяца три как начало барахлить сердце. Вот и добарахлилось.

- Да. Я про него слышала, - я незаметно закрыла свою свадебную «Бурду» и убрала её обратно в пакет. - А, правда, за ним недосмотрели, или это тоже Андрею Михайловичу померещилось?

- А кто его знает? О таких вещах, вообще-то, опасно рассуждать. Родственникам всегда кажется, что врачи виноваты, но кардиология - это же такая специфическая вещь... Никто! Никто не хочет верить в то, что его родные и близкие смертны, но от этого никуда не денешься... А Марина очень близко к сердцу все приняла. Очень! Я помню, она потом все за нашим фельдшером бегала и уточняла, через сколько минут после остановки сердца дефибриллятор ещё можно включать, а через сколько - уже бесполезно, какой эффект гидрокортизон дает, а какой строфантин? Не знаю уж, почему так получилось, что Найденов этот умер, но если из-за каждого пациента так страдать, в медицину идти нельзя.. Я, конечно, понимаю, что она больше из-за Андрея Михайловича, мужа своего, чем из-за какого-то чужого человека, но все равно...

Столовским пловом запахло ощутимее, в коридоре завизжала колесиками медицинская тележка. Отделение готовилось к обеду.

- Ксения Петровна, так что получается, - я подперла кулаком щеку и вздохнула, - раз Марина так переживала, значит, все-таки виноватой себя чувствовала? Я бы на её месте просто стукнула кулаком по столу и закричала: «Чего ты себе навоображал? Не было у меня ничего ни с каким Константином Ивановичем и быть не могло!» А она то каких-то любовниц себе для алиби выискивала, то про дефибрилляторы расспрашивала. Что к чему?

- Вот-вот! Я тоже самое Ленке нашей говорила, - Ксения Петровна поднялась и переставила чайник обратно на окно. - Так Марина на меня же и окрысилась: не твое, говорит, дело, что ты вечно сплетничаешь?

Я мысленно отметила, что оказалась права насчет прецедента, который «имел место».

- ...А что я сплетничаю? Я бы даже, если и узнала об ошибке, ни за что никакой комиссии б не сказала! Что, медики - не люди? Ошибиться не могут?.. Да и не было никакой халатности, скорее всего. Андрей Михайлович-то тоже все меня выпрашивал, словно что-то такое страшное услышать надеялся. А что я ему могла сказать? Да, аритмия, да, жалобы на боли в груди, да, слабость, да, отеки! Он и не лечился никогда толком, так, только «Корвалол» да мочегонные пил. Ну, не было повода для того, чтобы больного в интенсивную терапию запихивать! Они вон тут пол отделения с аритмией и отеками ползают... Если богатый, да ещё и жена на личной иномарке привезла, так что теперь - сразу консилиум созывать?

- Странно только, что он попросил вас никому ничего не рассказывать...

- А что тут странного? - она остановилась у зеркала и поправила на груди халат. - Вообще-то, это не принято - к чужим больным со своим диагнозом лезть. Тем более, ещё амурная история была замешана... Нет, лично я Андрея Михайловича очень хорошо понимаю. Да, и Марина сейчас, наверное, все понимает и локти себе кусает. Что говорить, все мы задним умом крепки... А, вообще, Марина - женщина хорошая. Вы только ей о нашем с вами разговоре не рассказывайте, не надо. Со свадьбой, я думаю, она вам все поможет, все подскажет. Помню, она со своей регистрации, с московской, фотографии в отделение приносила. Хорошие фотографии. Яркие.

Разговор, похоже, неуклонно приближался к концу. Время чаепития истекало. Ксении Петровне пора было на пост, а мне домой.

- Спасибо большое, что чаек со мной попили, - я поднялась. - Только знаете что? Я тоже, наверное, пойду, а вы Марине, что я приходила, не говорите, ладно? А то начнет спрашивать, что так долго сидела, да о чем болтала? Некрасиво получится. Как будто у неё за спиной что-то выпытывала.

- Хорошо. Как хотите. Мне-то, собственно, никакой разницы нет.

- Я бы вас на свадьбу пригласила, но не знаю, будем ли мы, вообще, собирать гостей.

- Да, понятно-понятно, - она согласно закивала, взялась за ручку двери, на секунду задумалась и добавила: - Один вам совет: желтые цветы в свадебный букет не вставляйте. Желтое - к разлуке! У Марины на свадебных фотографиях то ли орхидеи, то ли хризантемы в руках. Красиво, конечно, а вон как обернулось! Нет, приметы зря не выдумывают! Так что, чтобы она там ни говорила, откажитесь, закапризничайте, но желтых цветов не берите.

Неприятный, скользкий холодок пробежал по моей спине от затылка до самых пяток... Ван Гог... «Ван Гога следует понимать через желтое»... Солнце... Солнце над красными виноградниками... Красный виноград... Смерть... Подсолнухи... Желтое...

«Ничего странного», - попыталась я убедить сама себя. - «Наоборот, все очень логично! Как раз сейчас все складывается до безобразия правильно. Андрей увлекался Ван Гогом. Ничего удивительного, что у его невесты был букет в ваноговском стиле. Наоборот, это только играет на общую идею!»

- А знаете что? - Ксения Петровна совсем уж прощально улыбнулась. - Мне так кажется, что у Андрея Михайловича с Мариной даже пароль какой-то был любовный, с желтыми цветами связанный. Я ведь ещё почему подумала, что он жену ревнует страшно? Больной этот, который умер, перед тем как в лифт зайти, фразу одну сказал, так, когда я её Андрею Михайловичу повторила, он аж весь затрясся. Как намек какой понял, наверное?

- Фраза была про цветы?

- Почти. Он так рукой за голову схватился и медленно говорит: «Все желтое!» А потом лифт закрылся и все.

«И все!» - тоскливо подумала я. - «Все желтое!».. Вот так просто: «Все желтое!» И снова Ван Гог. И Найденов. Прекрасная компания!.. Я опять ни черта не понимаю, снова все рушится, как карточный домик, и снова нет никакого стержня! Даже никакого намека на стержень!.. Мистика! Чертовщина! Ван Гог! О, Господи! Я, кажется, тоже скоро сойду с ума!»

Глава двенадцатая, в которой я беседую с Анатолием Львовичем Шайдюком и снова встречаюсь с Мариной.

- Все желтое, все желтое, все желтое... - как попугай повторяла я, спускаясь по лестнице на первый этаж. - Все желтое... Какой кошмар!

Шептала я, понятное дело, себе под нос, но все равно на меня оборачивались уборщицы с ведрами, больные, тяжело опирающиеся о перила, и девочки из среднего медперсонала, сверкающие острыми коленками, то и дело показывающимися в разрезах халатиков. Мне, впрочем, было все равно.

Все желтое, все желтое... Как там у Хмелевской? «Все красное»? Ну у Хмелевской, как раз, понятно: Аллерод, все эти бесконечные недоделанные убийства. А тут что? «Аллейеллоу»? Желтая пустыня с желтыми верблюдами, озаренная желтым солнцем? Кажется, я начинаю активно ненавидеть полуденное светило и любые проявления желтого цвета. Просто-таки мучительно желание прийти домой и разорвать в клочья мою лимонно-желтую футболку с черной загогулиной на правой стороне груди... Странно. Агрессию, вроде бы, возбуждает красный? А желтый - что? Безумие? «Желтый дом», «желтый билет»... Кажется, лет десять назад была такая статья о Ван Гого, где исследовалось его творчество накануне смерти. Все это рассматривалось через призму его душевного недуга, и какой-то психиатр объяснял, что болезненное пристрастие к желтому - как раз и есть возможный признак психического заболевания.

Может быть, Найденов был не совсем нормальным психически? Ведь что-то мне не понравилось в рассказе Ксении Петровны, что-то насторожило. Что? Что? Что?.. Нет, поздно! Мысль промелькнула и исчезла. Только хвост показала, как электричка, за которой бежишь сломя голову и все равно опаздываешь.

Торопливо всунув руки в рукава полушубка и криво надев берет, я вышла из корпуса. Ненавистное солнце тут же ударило в глаза так, что на снегу заплескали сумасшедшие радужные круги. Круги медленно переползли с сугробов на заснеженные сосновые лапы. Я подняла лицо к небу. Белесый нимб вокруг сияющего золотого круга. Вылинявшее небо. Пар, поднимающийся от моего рта...

Гордина де Гроот... Почему мне все время вспоминается Гордина де Гроот? Катя Силантьева? Нет, несчастная Катя тут ни при чем. Оказывается, Тамара Найденова все-таки была беременна. Но почему акушерка, помнившая её так хорошо, об этом ничего не знала? «Они с мужем очень любили друг друга»... «Она беспокоилась о ребенке. Если муж умер, то пусть хотя бы сын памятью о нем останется»... Откуда это ощущение фальши? Не фальши даже нестыковки. Именно такое чувство возникает, когда приставишь к голове одного далматинца уши другого. Не то. Не та. Не правда. «Не верю!» - сказал бы Константин Сергеевич Станиславский... При чем здесь Станиславский? При чем здесь «не верю»? Точно, от всего этого начинаются завихрения в мозгу.

Алиса свой утренний моцион уже закончила. По тропинке между деревьями теперь прогуливалась немолодая полная женщина в серой шубе из искусственного меха. В руках она держала пруттик, которым время от времени небрежно ударяла по ветвям соседних кустов. С веток сыпались снежинки и, прощально сверкнув в воздухе, опускались на утопанную дорожку.

Я привычно обогнула желтый одноэтажный домик (Желтый! Опять желтый! Все желтое!) и вышла к калитке. За забором на перевернутом деревянном ящике сидела бабушка и торговала семечками - обычными и семечками дынными, рассыпанными в два больших серых мешка.

- Семечки хорошие, крупные, жареные! - голос у неё оказался скрипучим и надтреснутым. - Купи, дочка, не дорого!

- А что, торговля-то здесь идет? - осведомилась я, с некоторым изумлением покосившись на лес, темнеющий за оградой.

- Отчего же не идти? Идет! Семечки хорошие. Больные выбегают, покупают, родственники навещать идут, тоже берут... Каких тебе?

- Обычных давайте, - желание плевать во все стороны кожурками меня вовсе не томило, однако, отказаться было, вроде как, неудобно. Пришлось вытащить из кармана мелочь и заодно

освободить место для «даров природы», опять же, ваноговского уклона.

- Пожалуйста, на здоровье! - Улыбалась старушка, щедро наполняя кулек, свернутый из газетки. - Кушайте, ещё приходите!

- А скажите, пожалуйста, - неожиданно даже для себя самой спросила я, - вы ведь здесь целыми днями стоите?

- Да. Когда не болею, конечно. А какое уж в нашем возрасте здоровье? То давление, то сердце, то кости ломит. Вот, хоть заработать немножко. На хлебушек да на молочко.

Бабушка явно оправдывалась, но обвинять её вовсе не входило в мои планы.

- А женщину пожилую, про которую в городе говорят, ни разу не видели?

- Это сумасшедшую-то? Нет, не видала. Хотя, говорят, она часто выходит. Милиция её искать приезжала, но тогда и меня и соседку, которая цветами торгует, погнали сразу же... Нет, не видала. Врать не буду.

- Значит, не видели... Ну, что ж. Спасибо вам за семечки!

Придерживая оттопырившийся карман одной рукой, я завернула за угол и села на покосившуюся деревянную скамейку. Захотелось курить, но тут же вспомнился Митрошкинский комплимент: «Когда ты начинаешь смолить на улице, да еще, закинув ногу на ногу, то делаешься похожей на даму легкого поведения!» А, интересно, если сейчас начну лузгать семечки, стану я похожей на Дуньку из Нижних Мыр? Вообще-то, на уроках актерского мастерства, да и потом, в театре, всегда отмечали мою органичность и легкость, с которой я вхожу в образ, если, конечно его понимаю. И портрет Станиславского висел у нас прямо над дверью. Почему опять Станиславский? Вот с чего я о нем подумала?..

Семечки, и в самом деле, оказались неплохими. Я нащелкала штук пятнадцать, шелуху спрятала в карман, а золотистые ядрышки по-беличьи сложила на ладонь. Ксения Петровна... Марина... Андрей... Найденов, скончавшийся от сердечной недостаточности... Что-то мне во всем этом сильно не нравилось, но я пока не могла понять - что именно.

А что мы имеем на данный момент? Богатый по Михайловским меркам бизнесмен Найденов, давно и счастливо женатый, начинает чувствовать недомогание. Месяца три или четыре его тревожат боли в области сердца. В один отнюдь не прекрасный вечер ему становится худо, жена отправляется вместе с ним в больницу, и там он умирает. Все логично, все нормально. И в жизни очень часто все происходит именно так. Болезнь возникает вдруг, кажется, что на пустом месте, высасывает из человека жизненные соки, и тогда за болезнью приходит смерть... Нет, здесь, вроде бы, ничего не настораживает.

Далее. В больнице Найденова осматривают и отправляют в кардиологию. Ага! Пункт первый! Его кладут в больницу без направления врача и без нужной бумажки от скорой помощи. Но, может быть, Большаков сам определил, что его состояние требует госпитализации, хотя оно и не настолько тяжело, чтобы класть больного в палату интенсивной терапии и срочно вызывать бригаду.

Еще дальше. И чем дальше, тем «страньше». В приемный покой заглядывает Андрей Говоров, понимает, что Марины там нет, и поднимается за ней в кардиологию. Что он там увидел - это из области предположений и догадок. Однако, спустился он буквально через полчаса и сразу начал расспрашивать Ксению Петровну о симптоматике больного, о лекарствах, которые тот принимал. Подозрительно бледнеет после фразы «Все желтое», но об этом пока лучше не думать, иначе вывих головного мозга обеспечен.

Что же увидел Андрей? Ксения Петровна предположила, что возле постели Найденова никого не было. Пациенту внезапно стало хуже. Помощь подоспела слишком поздно. Найденов умер... Андрей Говоров заметил врачебную ошибку или халатность. При чем здесь ревность? Он должен был увидеть что-то еще... Почему Марина пыталась придумать для себя такое нелепое оправдание: дескать, у Большакова роман вовсе не с ней, а с женой покойного? Почему? Не сходится, не склеивается, не получается...

Ядрышки у меня закончились. Я выудила из кулечка ещё несколько семечек, торопливо их расщелкнула и сплюнула шелуху в ладонь. Одно зернышко оказалось подгоревшим - просто рассыпающийся уголек. Во рту сделалось горько.

Марина интересовалась тем, через сколько минут после остановки сердца ещё не поздно включать дефибриллятор? Что-то еще? Названия каких-то лекарств?.. Впрочем, не важно. Не это самое важное... Умер человек. Богатый человек. Смерть наступила случайно, но, благодаря этой

случайности, Тамара Найденова стала весьма состоятельной свободной женщиной. Она очень хотела сохранить ребенка в память о муже, но все-таки не сохранила! В конце концов, сделала аборт? Акушерка ничего подобного не помнила, но ведь Найденова вполне могла так же, как Катя Силантьева, «ковырнуться» в Москве?.. Гордина де Гроот... Черт, опять мысли убегают куда-то не туда!.. Она побежала в консультацию на следующий же день. Странная для любящей женщины поспешность. Да и для нелюбящей тоже странная. И потом, доктор сказал этой безвестной «Лене из урологии», что пациентка очень тревожится за состояние ребенка... Тепло, тепло, но ещё не горячо.

Почему Марина так напряглась при упоминании имени Большакова? Она дежурила в ту злосчастную ночь. Она была свидетельницей случившегося... Что же все-таки случилось? Куда все ушли? Почему вовремя не включили дефибриллятор? Ведь кажется, это такой прибор, который с помощью разрядов тока запускает остановившееся сердце?.. Почему ушли все? Все? Вот именно, «все». Марина хотела оправдаться перед Андреем, успокоив его тем, что не она, а Тамара - любовница Большакова. (По крайней мере, так получается по версии Ксении Петровны). Значит, Тамара тоже была там, в кардиологии. И у покойного Константина Ивановича имелась своя, абсолютно непричастная к этому делу «зазноба». Что делала Тамара в гулких, ночных коридорах стационара? Понятно, если бы её супругу было совсем плохо, и он в любой момент мог умереть, но ведь его даже не положили в палату реанимации?! Зачем она поднялась наверх? Почему не родила этого ребенка, словно обрадовавшись возможности остаться свободной, богатой и не отягощенной потомством?.. Что произошло? Что заставило Андрея Говорова просить Ксению Петровну никому не рассказывать об их разговоре? Он злился на Марину? Или... Или он тревожился за нее? Возможно, она сама сделала что-то не так, а, возможно, просто стала свидетельницей того, как «не так» сделали другие. Она стала свидетельницей случайного медицинского убийства, которое, похоже, оказалось как нельзя кстати для Тамары Найденовой. Случайное медицинское убийство. За это, вроде бы, даже не судят? Есть какая-то особая статья в законодательстве, касающаяся врачебных ошибок. Это даже не «неумышленное убийство». Нет! Что-то другое...

И вдруг мне стало сначала жарко, потом холодно. Холодно, несмотря на то, что под полушубком на мне был теплый джемпер, водолазка и хлопчатобумажная майка на кружевных бретельках. В затылке тупо заныло. Наверное, от переутомления мозгов. Семечки вмиг утратили вкус. В мою пустую голову просто так, от нечего делать, заглянула одна весьма простая и очень логичная мысль. Я вдруг подумала: «Вместе или отдельно пишется слово «неумышленное», и, ещё ни о чем не тревожась, мысленно откинула частицу «не»...

О, Господи! У меня не было знакомых врачей. Абсолютно не было! У любого уважающего себя гражданина непременно есть такой знакомый, которому можно изгадить праздник, в разгар свадьбы или дня рождения пристав с вопросом: «Скажите, а как можно быстро остановить понос?» или «Вы не знаете, отчего у меня под носом вылез этот прыщ?» А я не дружила с врачами. Я дружила с актерами, журналистами, «гениальными» поэтами, мечтала общаться с простыми, нормальными и невыпендренными «технарями», но отчего-то так и не удосужилась завести себе хотя бы парочку приятелей-эскулапов.

Дефибрилляторы, какие-то мудреные названия лекарств... Во всем этом не разберешься не только без бутылки, но и без консультации специалиста с высшим медицинским образованием. Вон Марина! Кажется, начинала учиться в мединституте. Пусть не закончила, но ведь училась же! Причем проучилась несколько лет. А сама разобраться не смогла, приставала к знакомым. Кстати, почему она не спросила у Андрея? Или свои вопросы она задавала уже после того, как он пропал?.. Она не разобралась в том, что произошло, а он понял! Он поднялся наверх за женой, случайно увидел то, что не предназначалось для посторонних глаз, и понял! Потому что он врач, а она медсестра! Врач понял бы. Врач обязан был понять! И они поняли, что он понял!

Теперь уже было не до церемоний, не до боязни быть осмеянной или выгнанной взащей и даже не до взаимных обид. Шустренько подхватившись, я рванула обратно за угол, вихрем пронеслась мимо изумленной бабушки с семечками и ринулась к профилакторию. Крыльцо оказалось скользким, я чуть не рухнула носом прямо на холодный мрамор. Но даже не стала замедлять темп, лишь на бегу поскребла подошвой об угол ступеньки и толкнула стеклянные двери, за которыми маячил охранник. Меня опять пропустили «к Кубасовой», записали фамилию и имя и так, будто я чего-то ещё в этом профилактории не знала, указали на лестницу, ведущую на второй этаж. Слава Богу, кабинет Шайдюка тоже находился на втором этаже. Дверь я открыла, даже забыв постучать.

Впрочем, Анатолий Львович несколько не удивился. Посмотрел на меня, чуть склонив голову к плечу (причем в глазах его не отразилось абсолютно никаких эмоций), и спросил:

- Опять кого-то ловите, Евгения Игоревна, или так, подлечиться?

- Анатолий Львович, - я быстро подошла к столу и опустилась на стул, - нас с вами связывают не совсем приятные обстоятельства, у вас, конечно, есть повод на меня обижаться...

- Господь с вами! Нас ничего не связывает! - он в притворном ужасе махнул обеими руками, откинувшись на спинку кресла. - Я устал объяснять это своей жене, а теперь ещё и вам.

- Я не в этом смысле. Просто мне очень нужна ваша помощь. Точнее, консультация.

- А что такое? Опять гастрит?

- Нет... Скажите, пожалуйста, можно ли убить человека, вовремя не введя некоторые лекарства или не включив дефибриллятор?

- А вы планируете? - осведомился он совершенно серьезно. - Однако, какие разносторонние у вас, Евгения Игоревна, интересы! Ну, что я вам могу сказать? Конечно, можно!.. Или вас, так сказать, технические подробности интересуют?

- Да. Дело в том, что мне нужно понять досконально...

- Конспектировать будете, или мне в нормальном темпе говорить?

- Анатолий Львович, - взмолилась я, - давайте серьезно! Ну, пожалуйста! Я пока, вот так сразу, не могу объяснить вам, в чем дело...

- Ну, конечно! - Шайдюк широко развел руками, а мне подумалось, что Митрошкин за это мое «я пока не могу объяснить в чем дело» меня когда-нибудь пристукнет.

- ... Анатолий Львович, в самом деле! Это не касается ни вас, ни вашей семьи, это, вообще, только подозрения. Но серьезные подозрения.

- То, что это не касается моей семьи, уже как-то успокаивает.

- Анатолий Львович, миленький!..

Он наклонился вперед, поставив оба локтя на стол, и несколько раз сморгнул, изучая то ли кончик моего носа, то ли верхнюю губу. Потом крутанулся вправо на своем вращающемся кресле: его ноги, закинутые одна на другую, возникли сбоку от стола. Из под брючин показались серые, в мелкую рельефную полоску, носки.

- Вот «миленького» я от вас не ожидал. Честно... Похоже, у вас, в самом деле, что-то случилось, раз вы начали бросаться такими эпитетами. Кстати, гастрит больше не беспокоит?

- Спасибо, все нормально... Но, в самом деле, я могу задать вам вопрос?

- Попробуйте.

Я прикрыла нижнюю половину лица ладонями, шумно выдохнула и на секунду смежила веки. То, что мне предстояло сказать сейчас, казалось таким логичным, таким правдоподобным и, главное, простым и возможным, что от этого делалось жутко. А ещё мне было совершенно ясно, что Шайдюк все поймет. Сейчас, через пять минут, через десять, но поймет. И что он тогда сделает? Покрутит пальцем у виска? Отправит меня пинком из кабинета, как особу, собирающие всякие гнусности про врача из его больницы? Он, наверняка, знал Большакова. Может быть, даже был с ним близко знаком. Если только не договаривать историю до конца?..

- Анатолий Львович, - его имя я повторила с нажимом и вдумчиво, как заклинание, - я расскажу вам, что произошло в общих чертах. Может быть, не по порядку, но вы разберетесь. Только, пожалуйста, не перебивайте, а то я запутаюсь... В общем, представьте, что есть некий врач, который работает в стационаре. Причем, сразу скажу, чтоб потом не забыть, потому что это доказательство того, что я могу оказаться права...

Шайдюк мучительно прищурился и ещё больше подался вперед, видимо, уже на столь ранней стадии рассказа с трудом улавливая смысл слов.

- ...Это я веду к тому, что у него была любовница, на которой он не мог жениться из-за того, что не было жилья. Он с семьей в однокомнатной, она - тоже небогатая, а потом они вдруг откуда-то взяли деньги и купили квартиру на вашем Комсомольском проспекте.

- На моем Комсомольском проспекте?

- Нет. На вашем, в смысле, Михайловском. К вам эта история с любовницей, вообще, не имеет никакого отношения, - сказала и медленно побагровела. Анатолий Львович же оценивающе щелкнул языком и милостиво кивнул:

- Продолжайте-продолжайте!

- Вот... Допустим, однажды ночью привозят пациента. Так получается, что дежурит этот врач. Он нечаянно или намеренно совершает какую-то медицинскую ошибку, которую замечает другой врач. Больной умирает. Остается богатая вдова. Потом тот врач, который заметил ошибку, пропадает. Возможно, самоубийство, но возможно и...

На лицо Шайдюка набежала едва заметная тень. Похоже, он понял, что речь идет об Андрее Говорове. Я вся сжалась, ожидая, что он сейчас закричит и выкинет меня вон. Но он только закусил нижнюю губу, обхватил подбородок рукой и взглянул на меня исподлобья.

- ...В общем, я ничего толком не знаю и, самое обидное, разобраться не могу, потому что медицинских знаний никаких. Вы мне скажите, пожалуйста, чисто теоретически, что такое можно сделать с больным, чтобы врач понял, а медсестра не поняла? Я путано объясняю, да?

- Какого характера было заболевание? - спросил Шайдюк неожиданно серьезно.

- Сердце. У человека было больное сердце.

- Это все, что вы знаете?

- Нет... Я разговаривала с медсестрой, которая в ту ночь сидела в приемном покое. Она мне, в общих, чертах рассказала. Но вы же понимаете, что я не запомнила? Это если разбираться во всех этих «аритмиях-тахикардиях», то хорошо запоминается, а я же - ноль полный!

- И все-таки?..

- Это был мужчина. Еще довольно молодой. Сорок лет. Раньше он ничем не болел... Вот! Вспомнила! У него не было никаких хронических заболеваний: ни ревматизма, ни тонзиллита! А потом вдруг начало болеть сердце. Боли и аритмия, так кажется... Еще слабость. Но ничем серьезным он не лечился, только «Корвалолом», и ещё мочегонные пил. Когда его привезли, он был ещё в нормальном состоянии, даже пытался шутить. Его положили в обычную палату - не в реанимацию, и вскоре он умер. Сердце остановилось... При этом случайно присутствовал ещё один врач. И медсестра. Она потом начала расспрашивать у знакомых, через какое время ещё имеет смысл включать дефибриллятор, а через какое - уже нет. Еще про лекарства, про их действие. Но названий я, конечно, не запомнила...

- И вы подозреваете, что пациента убили? - вопрос был задан так прямо, так в лоб, что я даже вздрогнула. Почувствовала, каким сухим, противным и шершавым становится язык. Но, главное, каким слабым и вялым! Всего-то и сказать: «Да, я думаю, что его убили», а вот не получается.

- Н-не знаю... Это, конечно, очень похоже на самый заурядный случай из практики любого врача... Может быть, халатность, может быть, ошибка... Но вдруг?.. Подвернулся удобный случай, им решили воспользоваться...

- Вы рассказали мне все, что знали?

- Ну... Этот второй врач, который потом пропал, спустился к сестре из приемного покоя и начал расспрашивать все про пациента. Она говорила, что он спрашивал с таким видом, словно рассчитывал услышать что-нибудь ужасное. А там ничего ужасного не было... Сейчас вспомню!.. Да! Аритмия, боли, отеки и слабость. Болел около трех месяцев.

- Теперь все?

- Есть ещё один момент, но он, наверное, не имеет отношения к делу... Если только у пациента было психическое заболевание? Ведь говорят же, что при некоторых психических отклонениях появляется болезненная тяга к желтому цвету?

Анатолий Львович ничего не сказал, только, замерев на секунду, кивнул головой, словно согласился с моими предположениями. Крутнулся на кресле в обратную сторону, саданулся коленкой о стол, поморщился:

- Давайте-давайте! Чего вы замолчали?

Я вдруг почувствовала, что замерзаю. Катастрофически замерзаю, сидя в теплом кабинете, с лисьим полушубком на плечах. Замерзаю от странного нехорошего предчувствия. Почему он вдруг так оживился? Почему не сказал, что желтый цвет тут, действительно, ни при чем, что это - ерунда полнейшая?.. И ведь Галина Александровна все-таки говорила про знакомого, который занимает в профилактории важный пост!.. Господи, при чем тут Галина Александровна? Она-то, вообще, не вписывается в общую картину... Хотя... О Боже, об этом потом! Я подумаю об этом потом. А сейчас о желтом. Опять о желтом. О том, что я нисколько не удивлюсь, если Анатолий Львович сейчас распахнет шкаф и, прибитые к дверце, на меня глянут ваноговские «Едоки картофеля». Или «Подсолнухи»... Еще эти чертовы семечки в кармане, как предчувствие, как нелепое, но

символическое совпадение...

- Анатолий Львович, - проговорила я, от ужаса давясь слюной, но изо всех сил стараясь выглядеть спокойной, - тот пациент, перед тем, как зайти в лифт, сказал одну фразу: «Все желтое». И это почему-то поразило того врача, который пропал.

Дверца шкафа не распахнулась. «Едоки картофеля» не обнаружались ни за шторой, ни в ящике стола, ни на тыльной стороне зеркала. А Шайдюк не принялся кидаться в меня кроваво-красным виноградом.

- Он был грамотный врач, - спокойно сказал он. - Я понял, о ком вы говорите: он был грамотный врач. И очень возможно, что вы правы... Зрительные галлюцинации, при которых все окружающие предметы кажутся желтыми или зелеными - симптом длительной гликозидной интоксикации... Ваша медсестра, наверняка, спрашивала про строфантин?

«Строфантин», «гидрокортизон». Названия препаратов вдруг с такой ясностью всплыли в памяти, что мне даже сделалось страшно.

- Да. Строфантин, - я кивнула.

- Я так и думал, - Анатолий Львович вздохнул и провел по волосам пятерней вместо расчески. - Понимаете, Женя, есть такие очень интересные лекарства - сердечные гликозиды. Они лечат разные болячки, в том числе, аритмии. Но фокус в том, что при длительной передозировке они сами эти аритмии и вызывают. Изменения на ЭКГ, функциональные расстройства сердечной деятельности, тахикардия, брадикардия, даже мерцание предсердий и трепетание желудочков... Впрочем, вам такие подробности знать совсем не нужно... Н-да... Особенно, если на фоне мочегонных, которые вымывают калий из организма! Потому как дефицит калия понижает толерантность, - заметив, что теперь я мучительно сощурилась, он махнул рукой: - Короче, так: вашему больному в течение длительного времени могли каким-то образом вводить препараты наперстянки. Вообще-то, они, в основном вводятся внутривенно, но есть и таблетки: «Целанид», «Медилазид», «Дигоксин»... Он, естественно, в конце концов, почувствовал себя плохо, начал лечиться «Корвалолом». Поэтому, когда приехал в больницу, совершенно честно сказал, что сердце заболело не с бухты-барахты, а беспокоит вот уже несколько месяцев... Конечно, надо было очень точно рассчитать дозировку, но...

- Но это вполне могло быть убийством, причем убийством, запланированным заранее? - не дав ему договорить, спросила я.

- Да, - сказал он, глядя мне прямо в глаза. И в его глазах - светлых, по-лягушачьи смаргивающих, сверкнул ответный вопрос.

- Почти все участники этой истории уже мертвы, - прошелестели мои губы. - Во всяком случае, те, которые могли быть в чем-то виноваты...

Пока я шла до остановки, а потом ехала на автобусе, подпрыгивая вместе с задним колесом на каждой кочке, все или почти все сложилось у меня в голове. Во всяком случае, относительно тех моментов, которые касались Тамары Найденовой.

Да, она привозит мужа в больницу на своей машине, потому что «Скорая помощь» её совершенно не устраивает. Да и не забрала бы его «Скорая», пока состояние было не таким тяжелым. Он - состоятельный бизнесмен, который может себе позволить вызвать среди ночи какого-нибудь доктора наук из Москвы, но любимой жене удастся убедить его в том, что лучше поехать в спокойный, надежный стационар, где все сделают не ради денег, а ради здоровья пациента. Естественно! Ей надо попасть в больницу именно в ту ночь, когда дежурит Большаков.

Тамара, конечно, поднимается вместе с Большаковым наверх. Для чего? Для того ли, чтобы отвлечь медсестру или для того, чтобы не подпустить никого к постели мужа в критический момент. Одно она знает точно: «любимого супруга» через какой-нибудь час убьют. Инъекция? Неподключение к кардиостимулятору?.. Она знает, что совсем скоро станет владелицей крупного долларового счета, квартиры и процветающей торговой фирмы. Свою долю получит и Константин Иванович Большаков, который разведется с женой и переедет в, наконец-то, приобретенное «гнездышко» с дражайшей любовницей...

Отравление гликозидами... Длительная дигитализация... Все желтое... Ван Гог... Какое чудовищное, какое страшное совпадение! Интересно, уловил ли этот почти фарсовый момент Андрей Говоров? Да, наверняка, уловил...

От долгих размышлений и переживаний я окончательно ослабела, поэтому в квартиру ввалилась, как куль. Уронила на пол пакет с журналом и сама чуть не рухнула в объятия Митрошкина.

- Ну что? Есть результат? - спросил он, шаря по моему лицу тревожным взглядом.

- Да, - пролепетала я. - Я уже почти все знаю...

Потом мы сидели в комнате на подоконнике. Курили, высовываясь в форточку чуть не по пояс, чтобы дым, не дай Бог, не достиг чуткого носа Елены Тимофеевны.

- Понимаешь, - горячилась я, - мне почти все ясно. Во всяком случае, в том, что касается начала этой истории, но я не понимаю одного. Точнее, чувствую фальшь... Еще когда в первый раз об этом подумала, мне Станиславский отчего-то вспомнился.

- «Не верю!» - предположил Леха. - Ну, естественно! Поэт - Пушкин, фрукт - яблоко, домашняя птица - курица, а Станиславский - «Не верю!»

- Зря смеешься, кстати! Все понятно, а это - нет... Ну, допустим, она знала, что рано или поздно убьет мужа, зачем тогда беременела? Или почему раньше аборт не сделала? Зачем она претя в консультацию на следующий же день после смерти супруга?

- Странные у тебя ассоциации: Станиславский - аборт!

- Подожди, не перебивай! - я выкинула в окошко недокуренную сигарету, прыгнула с подоконника. Скрестив руки на груди, прошла до дивана и обратно. - Станиславский... «Не верю!»... О чем же я тогда подумала? С чего, правда, эта ассоциация вылезла... Система Станиславского... Школа переживания... Нет, не то!

- Ладно тебе! Лучше давай подумаем, что нам со всем этим делать?

- Отстань! Она идет в консультацию, её там видят... О, Господи! тоскливый, протяжный стон вырвался из моего горла. - Понятно. Теперь все понятно. Но как раз теперь это и не имеет смысла... Это было важно тогда, когда мы ещё не знали об отравлении... Я же представила себя на её месте. Представила, как играла бы эту роль, и попыталась оправдать для себя её поступки. Если я, допустим, нежно люблю мужа, и он вдруг умирает, то с моей беременностью должно произойти что-то совсем уж критическое, чтобы я побежала в больницу! Не до того! Ты, понимаешь, не до того!.. А если я не любила мужа и счастлива от того, что он умер, то, тем более, не поскачу в консультацию сразу. Хотя бы ради того, чтобы не вызвать подозрений. Это же так логично, так просто!

- Похоже, ты будешь очень предусмотрительной, здравомыслящей женой, - вставил Митрошкин.

- Слушай, я тебя по-человечески прошу: отстань! Соображай дальше! Акушерка говорила, что Найденова никогда не была беременна. Ни-ког-да! Если бы она наблюдалась по беременности, хотя бы один раз пришла на прием с такой проблемой, это непременно отразилось бы в карточке. Во всяком случае, акушерка бы знала. А Тамара приходит в консультацию, и её доктор объясняет недоумевающей медсестре, что пациентка тревожится по поводу беременности. А кто её доктор? Борис Андреевич Протопопов! Третья жертва серийного убийцы!.. Тамара идет в консультацию, потому что это - самый легальный и не вызывающий подозрений способ встретиться! Пациентка просто приходит к своему доктору. Кто бы стал потом сверять числа? Это просто счастье - для нас, разумеется, не для неё - что в той же гинекологии тогда оказалась медсестра из терапевтического корпуса!.. Акушерка говорила, что он психолог «от Бога»! Очень, очень, очень хороший психолог. Он - мозг всего этого. Ты, понимаешь, Леха? Протопопов понял, чего хочет от жизни его пациентка Тамара Найденова, и в завуалированной форме ей это предложил. Он нашел Большакова, который мог осуществить задуманное, который нуждался в деньгах на покупку квартиры и который, вероятно, не отличался слишком высокими моральными принципами. Он их свел! Он все это организовал! Он, наверняка, тоже получил очень большие деньги!

Я закончила, помотала головой и устало опустилась на пол, скрестив ноги по-турецки. От такой длинной импровизированной, но, главное, эффектной речи у меня даже закружилась голова. Однако, Митрошкин почему-то не спешил восторгаться. Он посмотрел на меня как-то странно и тихо спросил:

- Ну?..

- Что «ну»?

- Ну, дальше что? Чего ты такого потрясающего поняла, что аж на пол обрушилась.

- Как это? А про Протопопова!

- То есть что? - он подозрительно прищурился. - Ты хочешь сказать, что до тебя только сейчас дошло? Когда ты уже тысячу лет знала про все эти гликозиды-наперстянки, про то, что Найденова лечилась у Протопопова? Когда миллион лет знала, что он убит третьим по счету и посыпан подсолнечными семечками?.. Ты хочешь сказать, что только вот сейчас поняла, что он имеет к этому

делу, «некоторое» отношение?!

- А что? Ты думаешь, это было так просто? - обиженно заканючила я, уже с ужасом понимая, что Леха в чем-то прав. - А понять, что он классный психолог, и поэтому у них с Найденовой могли быть доверительные отношения? А сообразить, что он - мозг операции?

- А то что вы - женщины, гинекологам больше чем мужьям рассказываете, это что - открытие года?

- Это - штамп, - отозвалась я угрюмо. - Глупый, банальный штамп. Может быть, где-нибудь у буржуев, конечно, и так, а у нас... В общем, ладно! Ты, надеюсь, простишь меня, если я не стану живописать тебе подробности нормального приема в женской консультации?

Митрошкин меня охотно простил, да ещё при этом снисходительно потрепал по затылку, успокоив:

- Ничего, маленький! Ты переутомился просто. А, вообще, нормально соображаешь, даже, можно сказать, хорошо для женщины.

Но я-то знала, что минута моего торжества близка. Поэтому уже спокойно дождалась момента, когда он озадаченно потер переносицу:

- Ну, ладно... С Большаковым, Найденовой и Протопоповым, допустим, все ясно. А девушка эта тут при чем? А ваша Галина Александровна?

- А Галина Александровна тут при том, - проверещала я победно, - что в тот вечер, когда мы заходили к ней за штопором, она сказала одну очень интересную вещь. Точнее, тогда мне эта вещь казалась совсем не такой интересной, как сейчас... Она сказала, что у неё умер двоюродный племянник. Совершенно неожиданно. Просто начало болеть сердце, поболело месяца три, а потом его привезли в больницу, и он там скончался. Скоропостижно. Причем очень здоровый был человек. И, главное, молодой!

Леха, естественно, не мог не испортить кайфа, деловито спросив:

- А девушка?

- А про девушку не знаю... Но, наверняка, она тоже имеет какое-то отношение к тому убийству трехлетней давности. Найденова заказала убийство, Протопопов продумал общую идею. Большаков воплотил её в жизнь. Галина Александровна стала, вероятно, второй наследницей капиталов. А Катя? Не знаю, при чем тут Катя. Но надеюсь, Марина внесет в этот вопрос ясность?

- И что будем делать дальше? Олегу звонить?

От удивления мои глаза чуть не полезли на лоб:

- Я тебя правильно поняла?

- Правильно. Но не верно... Рассказывать я ничего и никому не собираюсь, да и тебе не позволю. А вот адрес родственников Найденовой надо попробовать у него узнать.

- Зачем еще?

- Затем, чтобы проверить твою версию с Галиной Александровной, и уже потом идти в гости к Марине...

Все время, пока Митрошкин разговаривал по телефону, я так усиленно изображала презрительное фырканье, что у меня даже заболели губы. Проверять очевидные факты сейчас, когда все представлялось таким простым и ясным, казалось мне глупостью невероятной. Однако, переубедить Леху, когда он сам этого не хочет - дело практически безнадежное. Пришлось смириться.

- Олег, слушай, это в последний раз, правда! - клялся Митрошкин. - Но мне очень нужен этот адрес. Брат там у неё или кто?

- Тебе? Не ездь мне по ушам? - рокотал в трубке рейнджер. - Барышня твоя опять самодеятельность разводит? Приковал бы ты её к батарее, что ли? Или за ногу к кровати привязал? Большая от этого польза обществу будет, честно тебе говорю!

- Олег, серьезно. Это нужно мне... Да и потом, Женька... Она уже разговаривала с этим братом, сказала, что делает диплом на юридическом и подключилась к расследованию.

- И рот ей заклеить клеєм «Момент»... Ну что за девка?! Кошмар какой-то!.. Нет, это я не в обиду тебе. Она на мордашку нормальная, и так, вроде, все при ней...

Я фыркала чуть-чуть потише, чтобы лучше слышать комплименты.

- ...Но убить её проще, чем содержать без угрозы для окружающих! - продолжал, между тем, Селиверстов. - Чего ж тогда ей от меня надо, если она уже с братом разговаривала и адрес,

следовательно, знает?

- Да, не знает она адреса, в том-то и дело! Она его на Таминой квартире поймала, он жилплощадь продавать собирался. Продал уже, наверное... Да, даже если и не продал, что теперь - стоять его караулить возле подъезда?

- Во! Классная идея! Пусть твоя Евгения постоит и покараулит, может, немножко энергия у неё поутряется?

Митрошкин снова убеждал, что адрес нам край как нужен, что это - почти личное дело, что ничего ужасного мы не сотворим, и что нами не проводятся никакие альтернативные расследования. Взывал к дружеским чувствам «рейнджера», гнусно «переводил стрелки» в мою сторону, объясняя, что я «бедного Лешеньку» изведу и просто нужно сделать так, чтобы я, наконец, отстала. Последние доводы оказались убедительными. Видимо, представив себе всю глубину моей нудности и приставучести, Селиверстов, наконец, тяжело вздохнул и сказал:

- Ладно. Исключительно в память о нашей школьной дружбе... Но поклянись, что ты пойдешь туда вместе с ней. Пусть постоишь, как дурак, но зато проконтролируешь, чтобы барышня никого не арестовала, не обвинила в убийстве и не подвела подо все это психологическое основание с избранными выдержками из прошлого...

И мы поехали. Заранее позвонив Марине на пост и предупредив, что завтра днем заскочим по делу.

- Неправильно, - бурчал по дороге Митрошкин. - Надо было спокойно все обдумать, принять какое-то решение, а потом уже ехать к ней... Ну, что мы Маринке скажем?

- По крайней мере, успокоим, - я машинально похлопывала снятыми перчатками по раскрытой ладони. - Не знаю, Леша, что мы скажем, но, по крайней мере, это лучше, чем держать её в напряжении. Мы с тобой завтра или послезавтра уедем, а она будет гадать, что мы здесь на расследовали и куда с этими сведениями сунемся.

- Ну, хорошо! А если твоя Галина Александровна тут ни при чем? Такой возможности ты не допускаешь?.. Тогда что? Придем, руками разведем и рот раскроем: дескать, ничегошеньки мы не понимаем, и, вообще, запутались?

- Ага! Галина Александровна ни при чем? А кто тогда «при чем»? Адмирал Иван Федорович Крузенштерн?

«Простоквашинская» цитата на Леху должного впечатления не произвела. Он все равно оставался суровым и угрюмым все то время, пока мы добирались до дома, в котором жил родной брат Тамары Найденовой. А перед тем, как позвонить в дверь, помрачнел ещё больше.

- Может постучать? По крайней мере, не так нахально.

- Не забывай, что я - почти что представитель власти, - мой голос был спокоен и тих. - Так что не дергайся. Селиверстов тебе ясно сказал, что твое дело - «стоять, как дурак».

Я нажала на кнопку, в прихожей тоненько запереливалась Бетховенская «К Элизе». За дверью зашелестели шаги, потом женский голос спросил:

- Кто там?

- Нам бы поговорить с Виктором Алексеевичем. Мы из прокуратуры, по поводу убийства его сестры.

По очереди щелкнули замки - два или даже три - дверь открылась. На пороге стояла невысокая шатенка с круглыми, темно-кариыми глазами, а из комнаты уже выходил тот человек, которого я видела в квартире Тамары. Нельзя сказать, чтобы он особенно обрадовался нашему визиту: на меня и вовсе взглянул с плохо скрываемым раздражением, а Лехе хоть вяло, но все же пожал руку.

- Что вы хотели? - спросил Виктор, скрестив руки на груди и почему-то смотря себе под ноги. Под первым его подбородком образовался второй, несмотря на то, что брат Найденовой, не отличался полнотой.

- Мы хотели уточнить один вопрос, - начала я, потому что Митрошкин вошел-таки в роль и, в самом деле, стоял, «как дурак». - Галина Александровна Баранова, она ведь приходилась двоюродной или троюродной теткой мужу Тамары?

- Какой ещё теткой? Какая Галина Александровна? Никакой Галины Александровны не знаю.

- Вспомните, пожалуйста. Двоюродная тетка - это не такое близкое родство!

- Да я же вам говорю, никакой тетки у него не было. И мать, и отец умерли уже. Мать - детдомовская, отец... Нет, вы что-то определенно путаете!

- Галина Александровна Баранова из Москвы, - проговорила я с нажимом, боясь поверить в то, что Леха прав и это - лишь нелепое, странное совпадение.

- Вот видите, из Москвы! А Павел сам из Свердловска был. Екатеринбург по-нынешнему.

- Галина Александровна! Та женщина, которую задушили в профилактории!

- Ах, вон вы к чему? - Виктор даже покачал головой. - Так приходили уже, спрашивали! Все в протоколе записано. Не родственница она нам и даже не знакомая. Я её на фотографии только в первый раз и увидел. В мертвом состоянии... Сколько можно про одно и то же узнавать? У вас что там, в прокуратуре, никакой централизованной системы нет?

- Извините, - наконец, открыл рот Митрошкин, - но нам необходимо было проверить.

За сим мы и откланялись. А уже у подъезда, вдоволь настоявшийся с идиотским видом Леха, легонько встряхнул меня, взяв за плечи, и медленно, чуть ли не по слогам повторил:

- Слушай, что тебе говорят, и запоминай! Нельзя быть ни в чем уверенной просто так, на основании одних догадок. Вот это, - он указал пальцами на окна четвертого этажа, - тебе конкретный и красочный пример... К сожалению, в жизни случаются и ещё более странные совпадения. Поэтому я совсем не уверен в том, что Марина не посмотрит на нас, как на конченных идиотов и не предложит сходить провериться в ближайший психодиспансер!..

Но она не стала смотреть на нас, как на идиотов. Она просто отступила назад, пропуская нас в квартиру, и сломала в пальцах сигарету. Длинную, коричневую сигарету с золотистыми буквами возле фильтра.

- Марина, - спросила я, не зная с чего начать и, как всегда, начиная с самого неподходящего, - Андрей жив, да?

- Нет, - ответила она слишком твердо и слишком резко. - Нет. Он умер.

И я поняла, что мы правы.

- Проходите, - Марина пожала плечами. - Не знаю, что за странные фантазии вас посещают, но, вообще, это уже начинает меня раздражать...

- Тебе не нужно ничего опасаться, - Леха попытался обнять её за плечи. - Да, мы знаем, но мы никому ничего не скажем. Он, наверное, имел на это право. Он из-за тебя, да? Из-за тебя и из-за Иришки?

И тогда она разрыдалась и закричала:

- Нет, нет, нет! Он умер! Не смейте в это лезть! Вы все равно ничего не докажете! Никто ничего не докажет!

Марина беспрерывно плакала минут десять, усевшись прямо на голый пол, опустив лицо в колени и обхватив голову руками. Митрошкин неловко суетился вокруг, метался с ненужным никому стаканом воды и ещё более ненужными словами утешения. А я почему-то стояла, как истукан, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, и только смотрела на бронзовые Маринины пряди, подпрыгивающие на вздрагивающих плечах, и на её пальцы, судорожно и нелепо вцепляющиеся в затылок. Счастье, что Иришка была в школе!

Она прекратила рыдать совершенно неожиданно. Резко распрямилась, встала и молча пошла на кухню, сжимая в руках стакан, принесенный Лехой. В раковину плеснулась вода. Хлопнула форточка.

- Идите сюда, - спокойно позвала Марина. - Идите сюда, раз уж пришли... Родственнички.

Когда мы зашли на кухню, она сидела на подоконнике и курила, стряхивая пепел в ладонь. Курила как-то странно, жадно, щурясь от дыма и каждый раз бросаясь на сигарету, как голодный младенец на соску. Так обычно курят в кино партизаны или уголовники. Дым тянулся в окно, сизым туманом клубился перед её лицом.

- Значит так, - она в очередной раз щелкнула указательным пальцем по тонкому коричневому столбику, - даже если вы что-то и знаете, вы, на самом деле, никому ничего не скажете. Я вам этого сделать просто не позволю... И доказательств никаких нет. Для всех он мертв. Для всех!.. Я, кстати, сразу поняла, что надо ждать беды, когда Ксения мне сказала, что ты приходила, - теперь уже Марина смотрела только на меня.

- Сказала все-таки?

- Ну, а ты как думаешь? Еще спросила, где такую необразованную невесту для моего брата нашли? Странная, говорит, ты, вроде как ненормальная немножко... Н-да... Странная... И чего вы теперь хотите?

- Ничего, Марин! - Леха неуверенно подался вперед, но остановился. - Просто ты будь спокойна

насчет того, что мы никому ничего не скажем... И еще... Та женщина из профилактория, и девушка, которую возле хлебозавода задушили - они тоже имели отношение к смерти Найденова?

Она побледнела. Совсем чуть-чуть, но все-таки побледнела. Если бы не красно-розовая, сморщенная кожа на месте ожога, эта внезапная бледность и вовсе не была бы заметна. Мне вдруг захотелось убежать, пока Марина не успела сказать ни слова, и ничего-ничего больше об этом деле не знать.

Но она сказала, прикрыв глаза и взмахнув длинными темными ресницами. Вернее, спросила:

- Что ж вы так, красные следопыты? Все развели, а это - нет! Я думала, вы мне скажете, при чем тут девушка и женщина из профилактория? Потому что Большаков, Найденова и Протопопов - это Андрей, и он имел на это право. Но ни Силантьеву, ни Баранову он не убивал. Они к этому делу не имеют никакого отношения. До того, как они умерли, я о них ничего не слышала.

- Но Ван Гог... - неуверенно начала я.

- Да, Ван Гог, - жестко оборвала Марина. - У бабы Тани удивительно хорошо с памятью. Правда, «Подсолнухи» висели в са-аом дальнем углу, а видела она, скорее всего «Цветы в синей вазе» и «Спальню в доме Винсента». Ну, уж так получилось... Да, это Ван Гог. И кто-то очень ловко пристроился вслед за Андреем, тоже поняв, что это - Ван Гог и уловив систему.

- О, Господи! - сорвалось с моих губ.

- Значит, он все-таки подавал тебе знаки? - пробормотал Леха. - А я ещё чувствовал: что-то во всем этом не то. Зачем оставлять такие явные и такие странные следы?.. Оказывается, он давал тебе понять, что жив, и что убийцы получают то, что заслужили?

- Да, - она глубоко затаилась и, продолжая держать ладонь с пеплом «лодочкой», села на табуретку. - Только я тоже поняла не сразу. Когда узнала, что Большакова зарезали, подумала: «Есть же справедливость на свете!» На картошку даже внимания как-то не обратила... Потом Тамара. Бинт. Трубка... Я почему-то как чувствовала, что следующими будут «Подсолнухи». Знала, и все тут!

Я тоже села на свободный табурет и осторожно спросила:

- А почему все-таки Ван Гог? Потому что Андрей его очень любил?

- Любил. И я любила. На лекции по искусству ходила. У нас в институте их профессор Санталов отлично читал... Но, честно говоря, это уже все потом... Мы ведь с Андреем в Пушкинском музее познакомились. Странно, да? Учились в одном ВУЗе, а познакомились в музее. Он, правда, потом говорил, что давно меня заметил, ещё в коридорах институтских внимание обращал. Но так, чтобы первый раз друг с другом заговорить - это в музее. На первом этаже. Я ходила с умным видом, каких-то испанцев или итальянцев семнадцатого века разглядывала, а Андрей подошел сзади и спрашивает: «Девушка, неужели вам это нравится? Какой-то Франс Снейдер! «Мясная лавка», «Рыбная лавка»... Фу! Живодерня пополам с гастрономией! Пойдемте наверх, я вам кое-что получше покажу». И за руку меня взял. Сразу. У меня сердце так и замерло. Я каждый бугорок на его ладони чувствовала. Иду по лестнице, а сердце колотится... Пришли прямо к Ван Гогу. Андрей на «Пейзаж в Овере после дождя» показывает и спрашивает: «Вам плакать не хочется? Не от того, что плохо, а от того, что хорошо?».. Ой, как мне хотелось плакать! Не от Ван Гога, конечно... Ну, в общем, вот так все и получилось... А что там Ксения наболтала? Наверное, что я преступную халатность допустила и кого-то убила?

- Нет, - я помотала головой. - Она подумала, что Андрей вас приревновал, поэтому пошел в отделение проверять. А вы потом про любовницу Большакова узнавали, чтобы перед мужем оправдаться. Якобы, чтобы доказать ему, что Константин Иванович с Тамарой развлекался, а не с вами, когда больного одного в палате оставили и пропали все неизвестно куда.

- Дура Ксения, - она спокойно перевернула ладонь и высыпала пепел прямо на пол, чуть разведя колени, чтобы серая пыль не осела на джинсы. - Никто никого не оставлял. Совсем не так все произошло. И уж, естественно, никто никого не ревновал... Какие у нас тогда прекрасные отношения были! Да, Господи, они все время были прекрасными. Все время! Мать, помню, бесилась... А в отделение он ко мне пошел, чтобы цветок отдать... Да-да! Орхидею купил в коробочке и спрятал. Приятное хотел сделать. Когда Найденова мужа своего привезла, я как раз с лекарствами назавтра разбираться закончила и хотела уже к Ксении спуститься...

Она уже хотела спуститься к в приемный покой, когда на столе затренькал телефон внутренней связи.

- Марин, попроси Константина Ивановича вниз спуститься, - со своей особенной, ленивой

растяжкой проговорила Ксения. - Больной приехал своим ходом. Жена привезла. Аритмия, стенокардия. Вроде, ничего страшного, но пусть уж лучше Большаков посмотрит, а то супруга сильно нервничает, - и добавила быстрым шепотом, явно прикрывая трубку ладонью. - Крутые какие-то, на иномарке на здоровой! Не дай Бог что - проблем потом не оберемся!

Марина машинально задвинула стул под стол, так чтобы спинка вплотную примыкала к столешнице и ножки стояли ровно-ровно, поправила шапочку и легко побежала по коридору. Аритмия, стенокардия, ничего страшного. Особенно торопиться незачем... Звук её шагов почти не было слышно. Легкие летние тапочки со светлой подошвой, не оставляющей на линолеуме противных черных полос. Под тапочками поддеты толстые шерстяные носки с отворотами. Андрей называл эти носки «скандинавскими» и говорил, что, когда Марина надевает их вместе с массивными тупоносыми ботинками, то делается похожей на аистенку, к ногам которого привязали два утюга... Он должен зайти. Через полчаса. Может, через час?.. Аритмия, стенокардия. Как все это не вовремя!

Большаков сидел на диване в ординаторской и читал книгу, обернутую газетой.

- Константин Иванович, - Марина остановилась на пороге, придерживая одной рукой дверь. - В приемном покое больной. Вы не спуститесь посмотреть?

- Да. А что там такое? - книгу он захлопнул с явным сожалением.

- Стенокардия, аритмия. Но он не по «Скорой», жена привезла. Ксения говорит на дорогой машине, в общем, крутые.

- Ох, уж эти мне крутые!.. Ладно, Мариночка, спасибо. Сейчас спущусь.

Она подумала о том, что того мужика, который сейчас в приемном покое, явно положат, потому что не зря же жена везла его через ночь и противную метель к притулившемуся у самого леса больничному городку? Хотела бы, чтобы муж остался дома, вызвала бы «Скорую». Даже если там никакой аритмии и близко нет, а, вообще, сплошная межреберная невралгия, начнет настаивать, требовать, станет грозить, что нажалуется главному врачу и в комитет по здравоохранению... Короче, надо приготовить постель. В пятой палате, наверное? Или, если он такой крутой, как показалось Ксении, то во второй, двухместной. Что там назначит Большаков? Папаверин, скорее всего? Может быть, анальгин с пипольфеном?.. Если Андрей придет в ближайшие пятнадцать минут, то ему придется подождать...

Утробно загудел лифт. Марина удивленно подумала, что как-то слишком быстро, и поспешила в конец коридора, где стояла накрытая оранжевой клеенкой каталка, и идиотское гинекологическое кресло, которое некому забрать.

Двери разъехались. Она увидела Большакова, высокую блондинку со слегка запавшими щеками и темными, вразлет бровями, а рядом с ней мужчину лет сорока, крупного, но не толстого, с намечающимися проплешинами. Выглядел мужчина - так себе. Синюшный носогубный треугольник, лихорадочно поблескивающие глаза, часто вздымающаяся грудь.

«Нет. Конечно же, не невралгия!» - подумала Марина с тоской. - «И, может быть даже, не просто папаверин, и не просто анальгин... Черт, как обидно!»

- Мариночка, вторую готовь! - быстро попросил Константин Иванович. - Там ведь у нас, кажется, никого? И, давай-ка строфантин, сто пятьдесят миллиграмм.

Она быстро повернулась и снова побежала по коридору, теперь уже в обратную сторону, успев заметить, какой у мужчины тревожный и испуганный взгляд... Боится. Как маленький. Наверняка, начал по-настоящему трястись, когда услышал «страшные» слова: «готовь вторую», «строфантин»... Впрочем, жена, кажется, тоже сильно переживает, но держится. Красивая. И, конечно, не бедная. На такой костюм, как у нее, надо с зарплаты откладывать не меньше пятилетки.

Когда Марина со стопкой постельного белья в одной руке и лотком со шприцем в другой вошла во вторую палату, больной уже сидел на кровати у стены, трудно и часто дыша. Жена стояла рядом, рассеяно поглаживая его руку. Взгляд её, пустой и странный, был устремлен в окно.

«Кстати, что она здесь делает?» - подумала Марина. - «Интересно, что она, вообще, здесь делает? Зачем она нужна?»

Однако, Большаков не оставил времени на пустые размышления, быстро скомандовал:

- Давай строфантин, обезболить пока не будем...

- Я сделала дома но-шпу, чтобы снять спазм, - вставила жена.

- Отлично. Я полагаю, ничего страшного, но недельку полежать, обследоваться будет совсем

невредно.

«Что она здесь делает?» - снова промелькнуло в голове у Марины. Она поставила лоток на тумбочку. Мужчина сам закатал рукав серого джемпера выше локтя. Вены у него оказались хорошие, игла вошла легко и точно. Свежий след от инъекции но-шпы виднелся чуть выше.

Больной лежал на боку и смотрел в потолок, а ей вдруг отчего-то стало тревожно. Может быть, от того, что Андрея так долго не было?

Постельное белье пахло хлоркой. Едва уловимо, но все же пахло. Она равнодушно отметила про себя, что пациента, наверняка, привыкшего к черному прохладному шелку и махровым простыням, это будет раздражать. Взяла подушку, откинула одеяло:

- Перекладывайтесь, пожалуйста.

И снова мужчине помогла жена, бережно поддерживая его под локоть. С одной стороны она, с другой - Константин Иванович. Больной разделся до трусов, задыхаясь, смущаясь и от этого дыша ещё труднее.

- Ну, вот и чудненько, - Большаков потер ладони, а затем почему-то вытер руки о халат. - Полежите, отдохните. Если будут какие-нибудь проблемы, нажмете на вот эту красненькую кнопку. Вызовете Марину или меня.

«Кнопку», «чудненько»... Почему он так говорит? Он никогда раньше так не присюсюкивал... И жена. Зачем здесь, спрашивается, была жена, если сейчас она с ним оставаться не собирается? «Нажмете красненькую кнопку»... А вид-то у больного нехороший! И отечность вон какая, несмотря на то, что в карте, заполненной Ксенией: «принимал мочегонные препараты»... Может быть, Константин Иванович понимает, что здесь дело гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд, вот и волнуется? Все-таки пациент «крутой», и, правда, могут быть проблемы. Но отчего тогда не интенсивная терапия?..

Впрочем, к кардиомонитору больного все-таки подключили, по экрану осциллографа побежала нехорошая кривая. Однако, звукового сигнала тревоги не было.

«Ну, и ладно, - подумала она. - Чего я, собственно, дергаюсь? Большаков знает, что делает. Да, в конце концов, случись что - не мне же отвечать?»

И все же на сердце было смутно и тревожно. Из палаты они вышли втроем. Жена аккуратно притворила дверь.

- Да, Мариночка, - Константин Иванович поскреб ногтями запястье так, что выступили красные полосы, - что-то у меня в голове вертится, что вам муж по внутреннему звонил? Сегодня или в прошлую смену? Убей Бог, не помню!.. Вы бы забежали к нему, пока работы особенно нет.

Марина дернулась было, наткнулась на странный, застывший взгляд блондинки, остановилась, спросила:

- Я точно не нужна?

- Нет, бегите. Вы же ненадолго?

Блондинка повернулась и медленно пошла мимо закрытых дверей пищеблока к окну в конце коридора.

«Бог с ними, пусть разбираются сами... Чего, интересно, она на меня так смотрит?.. Ладно, все нормально... Что же понадобилось Андрею. Почему он не зашел?»

Марина завернула в сестринскую снять шерстяные носки. Отчего-то стало жарко, топить начали, как в бане. Скинула тапочки, свернула свои «скандинавские» гольфы в округлый комок и тут обнаружила на пятке «стрелку». Широкую, кошмарную «стрелку», стремительно ползущую под колено.

«Наверное, эта белокурая мадам смотрела не на меня, а на мои ноги! Точнее, на мои драные колготки. Кошмар! Как россомаха! А она в костюмчике от Версаче... Сейчас бы побежала к Андрею, блеснула драными лапами на всю терапию».

Она быстро стянула колготки, скомкала, швырнула в пластмассовое мусорное ведро, стоящее под столом. Новенькие телесного цвета «Леванте» в чуть надорванном пакетике лежали в выдвижном ящике. Запасные колготки хранились в сестринской всегда, «на всякий случай». Очень здорово пускали «стрелки» ножки штатива для капельницы, да ещё и из сеток некоторых кроватей торчали какие-то ржавые винты... Марина окончательно разорвала пакет, торопливо размотала колготки, выкинула картонный прямоугольник с рекламой на одной стороне. Переоделась, одернула юбку, взглянула на часы.

«Наверное, у Андрея в отделении тоже проблемы, раз не забежал, а позвонил», - подумала она, выходя в коридор. И тут увидела его. Андрюшка стоял у дверей второй палаты. Стоял и тупо смотрел прямо перед собой. Лицо у него было бледное и, словно, замерзшее.

- Андрей! - окликнула она. Он обернулся. В то же мгновение замигала лампочка на посту, заверещал сигнал тревоги. Из палаты перепуганной птицей метнулась жена пациента, наткнулась на Андрея, отшатнулась. Он тоже отступил на два шага назад. Марина, споткнувшись о длинную, жестяную заплатку на линолеуме, бросилась вперед.

- Там... Там... Помощь требуется, - пролепетала блондинка, но как-то неуверенно, словно сама до конца не веря в то, что произошло. - Сердце остановилось.

Андрей, очнувшись, отстранил её и быстро зашел в палату. Послышался нервный голос Большакова:

- Строфантин... Сейчас... Еще массаж попробуем... Нет, дефибриллятор!

Потом она искала на безвольной, мертвой руке вены, помогала переваливать недвижимого пациента на каталку, бежала вместе со всеми по коридору к палате интенсивной терапии. Обезжиривала синюшную кожу и подсоединяла электроды, смотрела, как ток выгибает неживое, отмучившееся тело. Раз. Еще раз. И еще...

Все было бессмысленно. В три часа сорок две минуты Виталий Вячеславович Найденов скончался. Константин Иванович Большаков подписал заключение о смерти. Электрокардиограмма выдала мерцание предсердий. Полная блокада. Остановка сердца. Не помог ни массаж, ни электростимуляция...

Блондинка не плакала. Она стояла у окна, тяжело опираясь о подоконник, и глаза у неё были пустые и мертвые.

Андрей куда-то исчез. Марина поискала его немного и отправилась в тамбур курить. Руки дрожали, на душе было пакостно. Отчего-то вспомнилась мама. Она часто говорила: «Вот умру, а ты со своей любовью безумной и не заметишь. Попомни меня, так и будет!» Мама... Пожилая, не очень здоровая женщина. Это неизбежно. Это когда-то произойдет... А вот Андрей! Что, если что-нибудь случится с Андреем? Сегодняшний Найденов тоже казался совсем обычным сорокалетним мужчиной. Не тучным, не чрезмерно истощенным. Имел деньги, имел свое дело. Красивую жену... Стенокардия, аритмия, остановка сердца. И все... Что, если и Андрей вот так же?

На лестнице слышались шаги. Она перегнулась через перила. По ступенькам медленно поднимался Говоров, придерживая руку у левой стороны груди.

«О, Господи!» - успела подумать Марина и, наверное, даже тихонько ахнула. Он поднял голову и вытащил из-за пазухи смятую красненькую коробочку. Коробочка с одной стороны была затянута целлофаном. В ней лежала нежная орхидея.

- Вот. Тебе купил. Хотел перед работой отдать. Забыл.

Андрей продолжал подниматься. Она сильнее перегнулась через перила, вытянула руку, погладила его по голове.

- Твой Большаков и эта баба... Они угробили мужика, - сказал он просто и страшно. - Они его убили. И с монитором в палате что-то сделали. Звукового сигнала нет... Сколько ты вколола ему строфантина?

Марина ответила. Он кивнул.

- ...Я пришел тебя искать, а дверь в палате открыта. И они стоят. А на мониторе - прямая линия. И никто ничего не делает... Он массировать кинулся, только когда время прошло, когда совсем поздно стало. И баба эта меня увидела... Никакой дефибриллятор помочь уже не мог. Твой Большаков высчитал время.

- То есть как? - она судорожно скомкала халат у горла, глядя на мелкие капли пота, выступившие у Андрея на лбу. - Тебе, наверное, показалось? Зачем?

- Я знаю - зачем? Видать, богатый мужик был. И хорошо подумал, прежде чем жениться... Проверяли его на дигитализацию? Пульс хотя бы после нагрузки просчитали? Я уже о пробах не говорю, нет! И строфантин!.. А у него аритмия ни с того, ни с сего в течение трех месяцев. И цветовые галлюцинации. Он все в желтом видит, ты понимаешь?

Марина ничего не понимала, потому что давным-давно все забыла. Забыла все, что конспектировала на лекциях в институте, и то, что пыталась учить сама, когда ещё надеялась вернуться из академотпуска.

- И что теперь? - спросила она тихо.

- Ничего. Никто ничего не докажет без судмедэкспертизы. А повода для неё нет. Сердечная недостаточность, в амбулаторной карте, наверняка, зафиксированы обращения к терапевту из поликлиники. Все в норме! Все просто о, кей!.. Человек болел несколько месяцев, он не умер ни с того, ни с сего... А меня, скорее всего, убьют.

- Но ведь можно написать заявление в милицию. Если ты уверен, конечно... Кто тебе что тогда делает?

В висках у неё уже часто и больно билось: «Андрей! Андрей! Андрей!»

- Нет, Марина... Если бы это был сантехник из ближайшей пятиэтажки, тогда - да. Но это - Виталий Вячеславович Найденов. Это - большие деньги. И мы не можем знать, кто их захотел поиметь... Мы ничего не можем, так что лучше обо всем забыть... Цветок этот... Куда его девать?.. Возьмешь?

Орхидею Марина взяла. Опустила в карман халата. Найденова перевезли в морг. Андрей у себя на этаже благополучно отдежурил смену и утром вместе с женой отправился домой. Она не могла не думать обо всем об этом. Синеющие губы Найденова... Страх в его глазах... Аритмия... Строфантин... Все нормально... Кажется, никакого криминала... Зачем этой красивой бабе в «версачевском» костюме понадобилось его убивать? Может быть, у неё был любовник?.. Любовник... Любовь, любовь, любовник... Любовник-любовница... У Большакова есть любовница. Об этом все знают, но никто её не видел... Почему эта баба привезла мужа именно в дежурство Константина Ивановича?..

Дома Марине отчего-то стало ещё тревожнее. Ее просто затошнило от страха. Рот наполнился кислой, вязкой слюной.

- Андрей, - неуверенно проговорила она, присаживаясь на край дивана, - зачем ты мне сегодня звонил?.. Ты же потом пришел сам? Зачем ты просил, чтобы я убежала?

- Я не звонил, - он, почти не удивившись, помотал головой. - Я же сразу сказал тебе, что сам найду.

- А Константин Иванович... Вообще-то, он точно не помнил - в это дежурство или в прошлое... Но он сказал, что ты, вроде бы, звонил, и ещё сказал, что я прямо сейчас могу сбегать, раз работы нет... Получается, он меня специально отправил?

- Меня убьют, Маринка, - тихо повторил Андрей. - Меня непременно убьют. Я слишком многое видел. И они знают, что я понял...

Сказал и замолчал, глядя прямо перед собой. Он смотрел на стену. А со стены на него смотрели желтые «Подсолнухи»...

Марина сразу поняла: нужно что-то делать. Просто так сидеть и ждать «у моря погоды» нельзя. Пересмотрела все бумаги, касавшиеся Найденова. Про цветочные галлюцинации там ничего не было. Но поздно подключенный дефибриллятор... Но кардиомонитор, который, по идее, должен фиксировать время остановки сердца... Но дозировка строфантина, в конце концов... И ещё эта инъекция, которую жена сделала ещё дома. Скорее всего, это была отнюдь не безобидная но-шпа... Андрей говорил, что превышение разовой дозировки строфантина может вызвать застой эритроцитов и микрокровоизлияния в сердце, а длительное отравление гликозидами - дистрофию мышечных волокон сердца и органические расстройства сердечной деятельности...

Он знал все, и он понял все. Однако, теперь разговаривать с ним было бессмысленно. Андрей словно ушел в себя. Часами сидел перед телевизором, отрешенно глядя на экран и явно, не замечая того, что на этом самом экране происходит. А в толстом красочном альбоме по Ван Гогу страничка загнулась как раз на «Воронах над хлебным полем». Марина не любила эту картину. Она заставляла вспоминать о смерти. Не о рядовом медицинском прекращении жизненных функций, когда перестает дышать какая-нибудь старушка, или привозят отечного толстого старика с инфарктом миокарда. О своей собственной смерти. И о том, что человек может уйти очень рано.

Она достала фельдшерицу со «Скорой» вопросами о препаратах и принципах реанимации, неуклюже маскируя это под чуть ли не студенческий интерес. Ксения смотрела косо, Ленка и Вероника из урологии сплетничали, а зацепиться хоть за что-нибудь не удавалось. Большаков резко ушел на больничный. Найденова похоронили с помпой, в черном лакированном гробу с бронзовыми ручками.

Ничего не происходило. Но Марина каждой клеточкой чувствовала опасность и страшно боялась - не за себя, за Андрея.

А потом он пропал. Просто ушел из дома и не вернулся. Рано утром Иришка зашла в комнату и спросила:

- Мама, а к какой-то тете папа пошел?
- Почему «к тете»? - Марина всполошилась. - С чего ты взяла?
- Бабуля сказала, что папа пошел к тете, но все равно вернется, потому что ему надо где-то столоваться и жить.

Она уронила и записную книжку, в которой надеялась отыскать номер телефона Фролова - приятеля Андрея, и сумку. Из сумки вывалилась косметичка. По полу раскатились тюбики губной помады и косметические карандаши. На шум вышла мать. Остановилась в дверях, посмотрела с вызовом.

- Мама, как ты можешь? Как тебе не стыдно? - Марина почувствовала, что в горле странно хрипит, и голос пропадает. - Зачем ты такое говоришь ребенку? Тем более, это - неправда.

- Он предаст тебя если не сегодня, то завтра, - парировала та. - Он мелкий, подлый, никчемный человек. До поры до времени можно играть и в любовь, и в благородство, но натура все равно вылезет. Попомни мои слова: я, может, уже помру, а ты наплачешься! Ох, наплачешься!

А потом на мосту нашли записку, шапку и ботинки. В одном ботинке, оказывается, была порвана стелька. На Марину это произвело едва ли не большее впечатление, чем текст, нацарапанный явно его рукой. Порванная стелька, которую давно надо было заменить, и которую она проглядела... Он писал, что просит его простить. Писал торопливо и размашисто. Она знала, что он мог написать, что угодно, лишь бы защититься от дальнейших преследований её. Его могли заставить это написать...

Ей стало плохо там же, на мостике. Впервые в жизни резко перехватило дыхание, закатились глаза, смертельно похолодели руки. Нашатырь под нос, валокордин под язык - и все в порядке. Следовательно смотрел на неё с жалостью: «Какое ещё убийство? С чего вы взяли, что вашего мужа убили?» Марина знала, что нужны доказательства. Мотив. Или факт передачи денег.

Любовь, любовник, любовница... Тамара Найденова могла быть той самой таинственной любовницей Большакова, но Ксения разбила Маринины предположения в пух и прах. Оказывается, та, «настоящая», любовница бедная, как церковная мышь, и жить им негде, и квартиры у них нет. Тамара же - богатая, несчастная и, главное, добродетельная вдова. Вон и в консультацию побежала на следующий же день после смерти мужа - ребеночка хотела уберечь...

Именно тогда в Марине проснулся охотничий инстинкт. Она гнала зверя, гнала для того, чтобы убить и отомстить за Андрея. Тамара, Тамара, Тамара... За ней надо было следить с самого начала. Что это за баба такая, которая не выдержав и суток после того, как сердце мужа остановилось, бежит заниматься собственным здоровьем?! Не бьется головой о стенку, не рвет на себе волосы, не плачет, в кровь истискивая костяшки пальцев, а совершенно спокойно идет себе в женскую консультацию?!

Она чувствовала такую фальшь, от которой сводило скулы. Поэтому и забежала в регистратуру консультации, поэтому и запросила карточку Тамары Найденовой, якобы, для сверки каких-то там анализов. Сведений о беременности в карточке не оказалось. Более того, там значилось, что в последний раз к врачу безутешная вдова обращалась три недели назад. Марина не поняла, что все это значит. Только разозлилась ещё больше. И всю дорогу до дома думала, думала, думала...

Ее остановили на заснеженной аллее возле подъезда. Поодаль стояла машина, возле которой курил мужчина. Может быть, Большаков, а может быть, и нет? Но за руку её взяла даже не Тамара, а тот, другой. Она, оказывается, помнила его лицо. Он уже много лет принимал в соседнем кабинете в консультации. А голос у него оказался мягкий и успокаивающий. Таким, наверное, хорошо начитывать магнитофонные кассеты для релаксации.

- Вы зря так поступили, - сказал он. - С вами могло абсолютно ничего не случиться. Абсолютно ничего. Как, впрочем, и с вашим мужем... Разве вы были знакомы с Виталием Вячеславовичем? Разве вы знали его, как человека? Разве вы были уверены, что он - не преступник, не моральный урод, не чудовище? Что он не совершил ничего такого, за что не достоин был продолжать свое земное существование?... Впрочем, все это лирика.

Белокурая Тамара, одетая в какую-то странную, «дутую» спортивную куртку, по-мужски сплюнула на землю.

- Вы убили Андрея? - спросила Марина, задыхаясь от ужаса и чувствуя, что голос снова куда-то пропадает.

- Не об этом сейчас речь. Речь о вас, и о вашей дочери. И о том, что дочь - единственное, что у

вас осталось. Если вы закричите, у вас не останется ничего.

Она инстинктивно обернулась. До дома оставалось всего-то каких-нибудь двести метров. Желтели освещенные окна. Ей даже казалось, что она различает крохотный Иришкин силуэт: коленочки на подоконнике, лапки, скользящие по стеклу...

- Вы ведь не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось? И не хотите, чтобы ваше существование стало совсем уж беспросветным?.. Вы никуда не уедете из города. Вы, естественно, и носа не сунете в прокуратуру. Вы скажете, что ваш муж долгое время пребывал в депрессии и отличался крайне непредсказуемым темпераментом... И еще: о девочке. В случае чего, она может умереть, а может и нет. С ней может случиться то же самое, что и с вами. Подумайте!

Марина не успела заметить, когда Тамара расстегнула куртку, но плоская небольшая бутылка из темного стекла пламенным закатным солнцем блеснула в свете фонарей. Ванговым солнцем. Желтым, красным, безжалостным и обжигающим.

Правда, сначала была не боль - запах. Разъедающий ноздри и заставляющий мозг каменеть от ужаса. Боль не пришла и потом, когда вязкая, густая жидкость уже стекала по лицу. С Мариной было так однажды. Она мыла полы и задела ногой шнур закипающего чайника. Весь кипяток вылился ей на бедро, но она не успела даже испугаться. Просто стояла, задрав и скомкав мокрую юбку, и смотрела, как кожа краснеет и приобретает страшный синюшный оттенок...

Марина поняла только, что до кожи дотрагиваться нельзя. И моргать нельзя, потому что кислота, съедающая верхнее веко, немедленно стечет в глаз. Она мучительно растопырила пальцы, держа руки перед лицом, но не прикасаясь к щекам. И побежала. Не домой - к шоссе. Остановила машину, ориентируясь, скорее на звук, попросила довезти до станции «Скорой помощи». Потом ей сказали, что она должна была потерять сознание от болевого шока, и что надо быть круглой душой и ужасной эгоисткой, чтобы не подумать о старой матери и маленьком ребенке, что надо жить, несмотря на то, что умер муж. А Марина повторяла, еле разлепляя губы:

- Да... Да... Да... Но я должна была это сделать. Я сама. Правда, сама... Так было нужно...

Мать не поверила. Ни на секунду не поверила. Сначала плакала, потом кричала:

- Скажи мне, кто? Я все равно знаю, что это из-за него. Из-за твоего драгоценного Андрюшеньки. А, может быть, это он сам?.. Как-то мне не очень верится, что такой подлец мог лишиться себя жизни.

- Его нет! - орала в ответ Марина. - Пойми ты, что его уже нет! И твоя ненависть бессмысленна. Оставь его хоть после смерти в покое. Нет его, мама!

- Я должна знать, что произошло! Я должна знать - кто! Чего ты боишься? Кого ты защищаешь? И однажды она сказала:

- Они убьют Иришку. Или сделают с ней то же, что и со мной.

Мать выслушала все. С начала и до конца. И даже мудреные объяснения про «строфантины» и «дефибрилляторы», хотя в медицине не понимала абсолютно ничего. Потом задернула хэбэшную тюль на кухонном окне, словно надеялась от кого-то спрятаться, и задумчиво проговорила:

- Я всегда знала, что он - подлец, но не думала, что настолько. И ты, дура, веришь в то, что он умер? Да он просто сбежал. Струсил и сбежал. И оставил тебя с Иришкой расхлебывать всю эту кашу... Вот гад, а?! Ну, какой гад!!!

Марина ждала от неё чего угодно, но только не этого. Так просто: «Андрей жив, он просто испугался и тебя бросил!» Спорить и вопить было бессмысленно. Она остановилась уже в коридоре, возле двери в ванную, и почти равнодушно попросила:

- Иришке ничего в этом духе не говори. Оставь свою ненависть при себе. Я тоже не хочу ничего слышать...

Больше в смене с Большаковым Марина не дежурила. За три года не обменялась с ним и парой слов. Никогда не встречала красивую блондинку Тамару Найденову с бровями вразлет и впалыми щеками. Не ходила в консультацию: от всех женских болячек лечилась сама. В зеркало старалась не смотреть. В детском саду воспитатели говорили об Иришке: «Эта та девочка, у которой мать с изуродованным лицом».

А почти через три года, в ноябре, Большакова убили. Зарезали в сумрачном парке, как свинью. Как Марина обрадовалась! Она, наверное, не радовалась так даже тогда, когда Андрей сделал ей официальное предложение. Она плакала от счастья и остервенело терлась лбом о спинку кровати, пока на коже не вспух широкий розовый рубец. Теперь она до конца понимала «Пейзаж в Овере после дождя», и что такое плакать «от того, что хорошо». От того, что все смыто слезами ли, водой

ли, от того что вдали едет нормальный паровоз, а по дороге нормальная лошадь тащит телегу. От того что Константин Иванович лежит в морге, а до этого лежал в осенней грязи. От того, что в его оскаленный в предсмертной судороге рот какой-то извращенец запихал вареную картофелину.

О «Едоках картофеля» Марина подумала позже. Когда погибла Тамара. Когда её убили в подъезде, а рядом с телом оставили бинт и трубку.

«Автопортрет с перевязанным ухом!» - в каком-то суеверном ужасе поняла она и перевела взгляд на стену. На стене висели «Подсолнухи», «Цветы в синей вазе», «Спальня в доме Винсента» и «Осенний пейзаж с четырьмя деревьями»...

Тогда же она поняла, что Андрей жив, и стала с болезненным нетерпением и сосредоточенностью бегуна, стоящего на старте, ждать смерти Протопопова. И дождалась. Андрей убил его возле гаража, брезгливо и небрежно осыпав черными подсолнечными семечками.

Но ещё раньше Марина сняла со стены репродукции. Сразу после того, как распознала Ван Гога, обрадовалась тому, что Говоров жив и безумно за него перепугалась. Сняла и «Подсолнухи», и «Спальню», и «Цветы», спрятала в толстую картонную папку, а папку закинула на самый верх стенового шкафа. Надо было, конечно, выкинуть, но рука не поднялась.

Мать, заметив, что репродукции исчезли, с деланным равнодушием поинтересовалась:

- Решила, что хватит по Говорову убиваться? Вот и правильно.

- Мама, - просто сказала Марина. Только одно слово «мама» - и все. Но этого хватило. «Добрейшая тетя Оля» с достоинством удалилась на кухню.

Теперь Марина знала, что Андрей жив, она выискивала его силуэт в толпе, каждый вечер бросалась к почтовому ящику в надежде обнаружить хоть какую-нибудь записку. Но не было ничего. Только трупы троих убийц, троих её мучителей, и их могилы, убранные обычными, совсем не вангоговскими цветами. Она ждала. Теперь она каждую секунду ждала. И только мать до самого конца продолжала ненавидеть экс-зятя каждой частичкой своей больной от ревности души. Она не просто ненавидела - зеленела при одном упоминании его имени. И, ничего не понимая в Ван Гоге, а, соответственно, не имея ни малейшего шанса разобраться в знаках, которые «серийный убийца» оставлял рядом с трупами, свято верила в то, что Говоров жив. Жив негодяй и подлец, мелкий, трусливый мерзавец, бросивший жену с дочерью на произвол судьбы и напрочь забывший об их существовании...

Особенно тяжело стало перед самой её смертью. Ольга Григорьевна тогда как раз вернулась из Москвы, вероятно, узнав на консультации страшный диагноз. То ли её съедала тоска по стремительно тающей жизни, то ли боль, рвущая тело изнутри, но она стала повторять «негодяй», «подлец», «сволочь» по десять раз на дню...

- По десять раз на дню! - Марина покачала головой и бессильно уронила руки между колен. - Каждый божий день: «Он - подонок!», «Он забыл про вас и думать», «Если бы я могла, придушила бы его собственными руками»... А я все знала и не могла ей ничего сказать. Ни-че-го-шень-ки! Она бы непременно пошла в милицию. Сразу же. Без пальто и без сапог. В одних тапочках побежала бы... Я, наверное, так никогда и не пойму, за что же она его так ненавидела? Ревность, подозрительность - все понятно, но чтобы вот так?!

Леха тихо прокашлялся, открыл кран с холодной водой, быстро набрал половину стакана и залпом выпил.

- ...Во-от... А потом мама исчезла. Пропала прямо из больницы. И вдруг - убийство этой девочки. Потом - женщина в профилактории... Я сначала не могла понять, что происходит. Просто с ума сходила. Подумала даже, что я ошиблась насчет Андрея, что его, на самом деле, нет, и все это - просто чудовищное совпадение. А потом прикинула: этих троих убрали в ноябре. Одного за другим. Быстро и без церемоний. А девочка была уже в декабре. После паузы, понимаете? Дальше я подумала, что не одна я такая умная, что кто-то ещё мог догадаться про Ван Гога. Может быть, какой-нибудь ненормальный...

- Мозг психически больного возбуждает идея убийства, - пробормотал Митрошкин себе под нос цитату то ли из триллера, то ли из популярного учебника по психиатрии. Я поняла, что ещё пять минут и придется просить у хозяйки «Анальгин» - голова раскалывалась от боли.

- Может быть, и так, - Марина кивнула. - Я не знаю, кто это продолжил: маньяк или совершенно нормальный человек, преследующий какие-то свои цели. Но одно точно: он уловил систему, а Андрей теперь боится показаться мне на глаза. Теперь он не сможет оправдаться, теперь у него нет

внутренней уверенности в том, что он прав... Он не трогал этих женщин, поверьте мне!

Что тут ещё можно было сказать? Простились мы неуклюже и скомкано. Я даже не завязала толком ботинок, выскочила на лестничную площадку с болтающимся шнурком. Леха забыл на кухне сигареты, но, естественно, не стал возвращаться. Ключ в замке повернулся сразу же, а, когда мы вышли из подъезда, и шторы на всех окнах были плотно задернуты. И тут Митрошкин сказал интересную вещь:

- Ты знаешь, а мы ведь её не только успокоили, мы дали ей чуть-чуть побыть счастливой?

- О чем ты говоришь? - я присела на корточки и принялась как следует затягивать шнурок.

- Маринка никому не могла сказать, что Андрей жив, что он её любит, что он за неё отомстил, а нам сказала. Сказала вслух. И теперь мы тоже уверены в том, что он - отнюдь не подонок и не сволочь.

- Страшно это все...

- Да... Особенно, если учесть, что кто-то пристроился к убийствам. Выходит, ты в самом начале была почти права, когда разрабатывала эту свою бредовую версию с Шайдюком... Три убийства совершает один человек. Он мстит за изуродованное лицо жены и воздает убийцам по заслугам. Следующих двоих убивает другой. Причем улавливает систему настолько точно, что останавливается на пятом трупе. Пятеро заявлено в «Едоках картофеля» ровно пять человек убито. Три женщины, два мужчины. Все!

- Сплюнь три раза через левое плечо!

- А что толку теперь плевать?.. Повезло ему, конечно, что Андрею надо было рассчитаться с двумя мужиками и одной бабой. Ведь могли запросто и три мужика первыми жертвами оказаться. Что тогда делать?

- Другую картину подбирать, - я снова присела: теперь уже развязался второй шнурок. - Это нам, а не ему повезло, что мы сразу на «Едоков картофеля» наткнулись. А ведь у Ван Гога ещё есть и «Крестьянка, чистящая картофель», и еще, наверное, куча всего с картофельной тематикой... «Крестьянку» я недавно вспомнила, только тебе говорить не хотела. Я по ней к роли готовилась. По ней и по «Крестьянке, возвращающейся домой»...

- О! Вспомнил, что не нравится! - Леха поднял вверх указательный палец, присел рядом со мной и, наконец, привел в порядок оба мои несчастные ботинка. - Почему этот урод, который девушку и Галину Александровну убил, сначала оставил символику «Ночного кафе», а потом уже «Красного виноградника»? Смотри, как логично было бы: с пятерых начали - пятерыми закончили, кафе - символ смерти, эти пятеро по стеночкам и бармен посредине. Все, круг замкнулся! Но он почему-то сначала оставляет бильярдные шары, а потом уже виноград?.. Может, конечно, он совсем шизик?

- Может, - согласилась я. Ни думать, ни говорить не хотелось.

Мы пришли домой, разделись в прихожей, переобулись в тапочки.

- Обедать идите! - позвала Елена Тимофеевна с кухни. В голосе её явственно звенели слезы.

- Мам, ты чего? - всполошился Митрошкин. - Из-за того что мы завтра уезжаем, что ли? Ну, мы же не в Африку и не на Северный полюс! Собирайся сама, бабулю в багаж сдавай, да приезжайте в Москву... Ну, мам, ну, в самом деле!

Он своей смешной, вразвалочку, походкой поспешил на кухню. Я пошла за ним.

Лехина мама сидела за столом. У стены на белой клеенчатой скатерти стояла тарелка с хлебом, накрытая полиэтиленовым пакетом, а прямо перед Лехиной мамой лежал раскрытый свадебный номер «Бурды». Бутафорский номер, с которым я ходила «на дело». Раскрыт он был как раз на той странице, где переливалось пеной кружев шикарное платье с кринолином.

- Я, конечно, знала, что ты когда-нибудь женишься. Да и пора тебе. Давно уже пора, - Елена Тимофеевна всхлипнула. - Но... В общем, у самого... у самих будут дети, тогда поймете...

Глава тринадцатая, в которой мы возвращаемся в Москву и пытаемся расставить все точки над «і» в этой истории.

- Хармина! Ириада! - тоскливо и безнадежно повторила я, вжимаясь позвоночником в деревянные перекладки спинки стула. - Куда же все подевались?

- В жопу, - любезно подсказали из зала. - Или, в лучшем, случае в булочную за «Подмосковными» батонами пошли!.. Такое ощущение, что ты лифчик с трусами не можешь в собственном шифоньере разыскать!

Он порывисто вскочил, выпрыгнул в проход между креслами, и я отчетливо поняла, как кошмарно его ненавижу. Так ненавижу, что готова пристукнуть! Валере (Валерию Сергеевичу) Слюсареву недавно стукнуло тридцать три года, он ставил третий спектакль в своей жизни, был бесспорным любимцем нашего «главного» - Мжельского, и поэтому ему разрешалось делать все, что угодно. Вообще, если бы Валере не угораздило «увидеть» во мне Клеопатру, я бы, наверное, до сих пор относилась к нему по-человечески.

- Женя, это - «Игра теней», ты понимаешь? Ты, вообще, способна ещё что-нибудь соображать? - он подошел вплотную к сцене и пощелкал пальцами вверх-вниз, вправо-влево. - А ты - царица. Царица, а не дохлая крыса!

После полутора часов сидения в свете прожектора, да ещё и на жестком стуле, я совсем не была уверена в истинности последнего утверждения, однако из осторожности покорно кивнула.

- Ну и что же ты тогда мне здесь творишь? Ты мне за всю репетицию пять слов внятно произнести не можешь? Или, хотя бы, близко к тексту?

- Шесть, - мрачно уронила я.

- Что «шесть»?

- Шесть слов: Хармина, Ириада, куда, все, подевались. И ещё частица «же».

- Нету там «же»! Ни «жо», ни «же» нету! Не написали!.. Ты не опускай глаза, не опускай! По три слова за репетицию произносить будешь, если больше запомнить не в состоянии, но Клеопатру я из тебя вытрясу!

Последнее обещание прозвучало зловеще. Я распрямила плечи, подняла голову и сощурилась на желтый фонарь. Слюсарев стоял чуть поодаль, там, где граница света заканчивалась, и легкая театральная пыль кружилась уже в чуть золотящемся полумраке.

- Ну, что? - он повел тощей шеей, как больной остеохондрозом, и вздохнул. - О чем думаем? Элизабет Тейлор себя представляем? Не надо... Я уже объяснял тебе, что эта Клеопатра - не та Клеопатра, что это - не о Клеопатре, вообще.

- Не идиотка - поняла, - злобно пробурчала я себе под нос, но Валера услышал:

- Ну, и что ты поняла, позволь тебя спросить? О чем эта сцена? Кого ты ищешь? Почему? Ты же, вроде, в этом вашем Новосибирске на читках пьесы присутствовала?

- Это - об одиночестве. О том, что она одна в бесконечной темноте. О том, что ей страшно. О том, что она чувствует чье-то присутствие, но не знает, чья тень выйдет сейчас в круг света...

- Уй-уй-уй! - он схватился за голову. - Так. Забудь все, о чем мы с тобой только что говорили. Ищи трусы и лифчик. Только тогда уж не у себя на полке, а в общественной бане. Все ушли, уже ночь, а ты в предбаннике одна с шайками и вениками. И одежды нет. И сторож придти может. Или кто-нибудь еще. Кто - ты не знаешь, но догадываешься... Все! Дома попробуешь. На сегодня свободна. Марш со сцены!

За кулисы я продефилировала с явным удовольствием, накинула поверх водолазки тонкую белую кофту и поднялась в буфет, где меня дожидался Митрошкин. Слюсарев на репетициях демонстративно зверствовал, лишних гнал и из зала, и из-за кулис поганой метлой. А так как в «Игре теней» были заняты всего три человека, и Леха в число сиих «счастливиц» не попал, ему постоянно приходилось отираться то в гримерках, то в буфете, то в вестибюле.

На этот раз Митрошкин кушал. Курочку с картофельным пюре и подозрительного вида салатиком. А запивал, конечно же, пивом.

- Приятного аппетита, - скорбно сказала я, усаживаясь напротив.

- Спасибо, - бодро отозвался он. - Тебе что взять?

- Ничего. Есть не хочу, пить не хочу. Ничего не хочу.
- Что так? Опять Слюсарев замучил?
- Да ну его! Заколебал! Лучше я всю оставшуюся жизнь буду лисичку играть. Сил моих больше нет!

- Жалуйся! - благосклонно разрешил Митрошкин.
- А что жаловаться? Я просто не понимаю его «новаторского» подхода. Я ему - про одиночество, он мне - про трусы и лифчики!

- Интересные у вас разговоры! - Леха покачал головой. - Пора в состав проситься, а то там тебя контролировать некому.

- И кого же ты, интересно, намерен сыграть? - я взяла его стакан и отхлебнула немного пива. - Антония? Тогда меня не то что с роли снимут - из театра вышвырнут за профнепригодность. Я весь спектакль от смеха помирать буду, как только подумаю о том, что ты - босой и в львиной шкуре через плечо.

- Так Слюсарев же, вроде, в стиле «Таганки» собирается делать? Черные водолазки, черные брюки?

- Ничего. У меня воображение богатое.
- Ну, тогда, значит, Цезаря, - согласился он просто, и не особенно ломаясь.
- Тоже ничего. Что я там дальше по твоему поводу говорю? «Старый козел»? «Лысый мертвяк»? «Беззубая щука»?

- «Я и не знал, что ты меня так любишь», - совершенно серьезно процитировал Митрошкин. Гадский Леха откуда-то знал текст.

Вообще, наши отношения по возвращению из Михайловска складывались как-то странно. Точнее, они не выбивались из привычной колеи, но я-то ожидала совсем другого! После того случая, когда Елена Тимофеевна нашла свадебную «Бурду» и всплакнула о наших будущих детях, я изготавилась отражать жениховский натиск Митрошкина. Мне почему-то казалось, что теперь он непременно закончит: «Жень, ну раз уже и мама так думает, может, правда, поженимся? Ну, давай, а?» Однако гнусный Леха молчал. Я уже утомилась принимать вид слегка усталый и независимый и репетировать про себя: «Поженимся? А зачем? Подумай, ведь нам и так неплохо. Я лично дорожу своей свободой», и так далее, и тому подобное. Митрошкин даже не заикался о нашей предполагаемой женитьбе! И, в конце концов, в мою голову закралась печальная мысль. Вся его стыдливая церемонность в Михайловске была направлена на достижение одной-единственной примитивной цели: не допустить во время «каникул» моего переселения на отдельную кровать.

Осознав это, я слегка озлилась. Но, впрочем, лишь слегка. К моменту нашего возвращения, в театре вот уже два дня, как шли репетиции. Мы оба схлопотали по выговору и, терзаемые стыдом, включились в работу. Меня «выдвинули» в Клеопатры, дав повод местным острякам и, главное, «острицам» поупражняться в остроумии на тему того, как будет смотреться в программке строчка: «Клеопатра - Е. Мартынова». Тогда, единственный раз, Леха вяло предложил: «Ну, если ты, конечно, сильно попросишь, я мог бы на тебе жениться и предоставить во временное пользование свою фамилию». На что я прямо спросила: «А ты думаешь, с твоей фамилией эта самая строчка будет смотреться лучше?» На этом наши разговоры о законном браке и иссякли...

- Точно есть не будешь? - Митрошкин кивнул почему-то на свою тарелку с недогрызенной курицей и, получив отрицательный ответ, поднялся со стула. Ну, тогда давай одеваться и пойдем. Я все свои дела сделал: зарплату не получил, роль из «Цианистого» не забрал, потому что там закрыто... Ты все с Слюсаревым? Закончила?.. Все. Надевай свою лисью шкурку, и поехали.

Я быстро слетала за полушубком, и минут через десять мы вышли из театра. Для января на улице было очень тепло. Снег кое-где стоял до асфальта, с карниза свешивались длинные, острые сосульки.

- О чем думаешь? - спросил Леха, беря меня под локоть. - О том, чего сегодня на ужин есть будем?

- Ты что, уже проголодаться успел? Кошмар какой-то!.. О Клеопатре думаю. О том, чего Валере надо? Что я не правильно говорю? Разве там не страх? Разве не одиночество? Почему оправдать для себя, что я сижу в бане без трусов и с ужасом жду сторожа - это класс и авангард, а то, что я чувствую чье-то присутствие и не знаю, чья тень сейчас упадет из темноты в круг света - это «уй-уй-уй»?

- Слушай, тебе сколько лет? Ты вчера театральное училище закончила, что ли? Или, вообще, только поступать готовишься?..

Он начал объяснять что-то с иронией и пафосом, однако, мои мысли уже заработали совершенно в другом направлении. К чести Митрошкина надо заметить, что он это тут же просек. Совсем как Слюсарев пощелкал перед моим лицом пальцами, за что я чуть не закатала ему между глаз, и строго напомнил:

- Жень, хватит! Мы же договорились.

- Просто представила, и жутко стало, - упавшим голосом проговорила я. «Неизвестно, чья тень сейчас упадет из темноты в круг света»...

- Вот только не надо! Жутко ей, видите ли, стало!.. Да, если бы ты, на самом деле, испугалась, то сидела бы в своих Люберцах, выезжала только на работу и в магазин, и думать про все это забыла. Что было бы очень мудро.

- А ты, скажешь, не думаешь? Вот не думаешь ни капельки? Ни о том, кто это мог быть? Ни о том, почему он подделался под ваноговскую тематику, убил двоих и затаился? Ни о том, куда все-таки делась Маринина мама? И ни о том...

- ...И ни о том, почему она начала особо рьяно поливать грязью зятя после своей поездки в Москву? - подхватил Митрошкин. - Ты знаешь, думаю. Как это ни странно. Но при этом четко понимаю, что ничего больше мы сделать не можем. Москва - чудовищно огромный город! Это тебе не Михайловск, где спросишь у любого прохожего на улице: «Знаете ли вы Ивана Ивановича Иванова?», и в ответ получишь полную биографическую справку, а так же интимные и компрометирующие подробности. Вот так-то!

Москва, действительно, отнюдь не напоминала Михайловск. По тротуару плыл плотный поток усталых людей, справа, за стеклянными витринами дорогого кафе счастливицы, получающие зарплату вовремя и в СКВ, кушали салатики и воздушные пирожные, впереди, над подземным переходом, светилась алая буква метро.

- ...И Маринку нужно уже оставить в покое. Пусть себе живет и думает о своем Андрее. В конце концов, он появится.

- Он появится «в конце концов», - я поудобнее подцепилась под Лехин локоть, - а мы её оставим в покое «сейчас». Ты уверен, что её все, а не только мы оставим в покое? Откуда-то же взялся этот человек? Почему-то он совершил эти два убийства так, что никто не заподозрил имитации?

При слове «имитация» Митрошкин поморщился.

- ...Да! И можешь не кривиться! Может быть, он принадлежит к кругу их знакомых? Может быть, он знал Андрея, знал об его увлечении? Может, понял, что первые три убийства рано или поздно свалят на Говорова, а, значит, и все остальные? Может, поэтому он и убил этих двух женщин без всякой опаски?.. Ты, например, уверен, что мы знаем обо всех, кто имел к той истории с медицинским убийством какое-то отношение?

- Так. Стоп, - он резко остановился, взял меня за плечи и развернул к себе. - Показательные выступления. Задача на сообразительность. Вот тебе пример из жизни. В одном криминальном районе на дверях подъездов среди прочих появляются объявления следующего содержания: «Уважаемые жильцы! В наше беспокойное время никто не может чувствовать себя в полной безопасности. Особенно вы. Потому что в вашем подъезде живет преступный авторитет. Предлагаем стальные двери с любой системой замков. Доставка. Установка. Быстро. Качественно. Недорого». И телефон... Твои версии: кто и с какой целью мог развесить подобные объявления?

- А смысл этой задачи? - уточнила я. - Продемонстрировать мне, что я - глупая?

- Нет, узнать ход твоих мыслей.

- Н-ну... Может быть, это - акция милиции? Люди будут звонить, заказывать двери и жаловаться, что да, в самом деле, живет у нас вот в такой-то квартире преступный авторитет, делает то-то и то-то... Половину жулья в районе так и повыловят.

- Гениально. Дальше.

- ...Может быть, это сами преступные авторитеты проводят проверку населения на вшивость: кто, мол, будет звонить и стучать.

- Еще версии есть?

- Еще? - Я задумалась. - Слушай, а если так? Допустим, это конкурирующие фирмы? Одни собирались устанавливать в этом районе стальные двери, а другие со своими объявлениями влезли. И вот первые переписывают телефон вторых и размножают те объявления, какие ты мне сказал. Бандитов сейчас много. В каком-нибудь подъезде обязательно хоть один да попадется. И какова его

реакция, когда он видит такую писульку? Позвонить по указанному телефону и пообещать всю контору вместе с дверями закатать в цемент! Вторая фирма пугается, срочно свои телефоны снимает, а первая благополучно охватывает сервисом район.

Митрошкин потрясенно покачал головой и, сняв перчатки, похлопал в ладоши, потом снова взял мою руку и засунул её к себе в карман:

- Все! Можно идти дальше. Я поражен, убит и растоптан.

- Подожди, ещё может быть один вариант...

- Не надо больше вариантов, Женя! Умоляю!.. Я, конечно, рассчитывал на показательные выступления, но такого не ожидал! Вот тебе и пример логичности твоего мышления: вроде, все правильно, но наворотила, наворотила!.. А, на самом деле, ребята такие объявления повесили, чтобы просто народ побольше напугать. Сейчас же никто даже соседей по лестничной клетке не знает. Расчет на то, что граждане задумаются, струсят, предположат, что бандюки тусоваться в подъезде начнут, и закажут двери, даже если пока этого делать и не планировали. Все! «А ларчик просто открывался»!

- И что ты мне этим хотел доказать? - я подстроилась под ритм его шагов.

- Да, то, что никакой связи между вторым убийцей и Андреем может не быть!

- Может не быть, а может и быть?

Митрошкин заскрипел зубами:

- Смотри пункт «а»: Москва - огромный город, совсем не Михайловск, который ты полностью охватила своими следовательскими щупальцами! Даже, если Андрей здесь, даже если бы мы захотели его найти, то не смогли бы этого сделать! Если даже Ольге Григорьевне повезло, если она встретила с ним случайно где-нибудь в метро, то второй раз такой фокус не повторится. Это - один шанс на миллион! Согласна?

- Согласна. Если шляться по метро и ждать, когда он вдруг появится из вагона очередного поезда. Или, например, надеяться, что Андрей рано или поздно заглянет в отдел бытовой техники магазина «Будапешт».

- Ну-ну, развивай мысль! - Леха старался казаться угрюмым, однако, в его глазах предательски светился знакомый азарт. Скорее всего он уже знал, что я сейчас скажу.

- ...А я и развиваю. Он - врач, он - хороший врач. Причем, с большими амбициями. Все говорят, что в Москве он бы сделал карьеру на «раз-два»... Как ты думаешь, если он жив, он пошел в дворники?

- А почему бы и нет? Да, хоть в кладбищенские сторожа! Не забывай, что то, что с ним случилось - а мы, кстати, не знаем, что с ним случилось, произошло именно в связи с медициной. Его самого чуть не убили, жену изуродовали, ребенка грозились убить. Да тут все на фиг бросишь и в слесари-сантехники пойдешь!

- И все-таки мне не верится, что он пошел в сантехники... А заканчивал он Сеченовскую медицинскую академию. И существуют одноклассники, которые, наверняка, расползлись по всей Москве. И Москва - конечно, большой город, но все-таки не континент. Так что о нем вполне мог кто-то что-то слышать...

- Ох, тогда я тебе скажу: он просто гениально спрятался! - Митрошкин усмехнулся.

- А зачем в его случае «гениально»? Кто бы его стал искать? Он для всех погиб.

- Ладно, допустим. И что дальше?

- А дальше, - мы подошли к подземному переходу, и я сбила с подошв ботинок наледь, чтобы не растянуться на скользких ступеньках метро. Дальше я думаю: будешь ли ты меня бить, если когда-нибудь, просто случайно, мы зарулим в архив отдела кадров Сеченовской академии и попросим поднять данные о курсе выпуска... надо будет точно посчитать какого года?.. Леш, ведь это шанс, а?..

Он не только не стал меня бить, но даже собственноручно купил большую коробку конфет и ананас для «тетеньки» их архива, к которой нам предстояло пристать со своей необычной просьбой. Коробка оказалась красивая, с коняжками и девицами в душегрейках, а «тетенька» - чрезвычайно любезная.

- Знаю я эту группу, - она ушла куда-то за стеллажи и ворковала уже оттуда. - И Говорова вашего помню. Точнее, его личное дело. Не так давно и про него, и про группу уже спрашивали.

- Кто? - я так и подалась вперед.

- Женщина. Ей кого-то из родственников разыскать надо было. То ли внуку, то ли племянницу?

В общем, я толком не поняла.

- А что за женщина? Пожилая такая, невысокая, худенькая?

Насторожившаяся хозяйка архива тут же вынырнула из-за полок с бесконечными картонными папками:

- В чем дело, ребята? Вы, может, мне объясните?.. Вообще-то, я не обязана выдавать такие справки частным лицам. Более того: не должна!

Митрошкин больно ущипнул меня за руку, сдерживая мой наметившийся словесный порыв.

- Просто это тетя Оля, наверное, моя была. Мы с ней одного и того же человека ищем. Только тетя Оля сама из Подмоскovie, а мы - из Питера.

Я с удовольствием отметила, что соврал он по минимуму, а, значит, практически избежал возможности попасться.

- Так и спросили бы тогда адрес у тети Оли! Она уж, наверное, разыскала эту племянницу.

- Понимаете, нам теперь, чтобы тетю Олю найти, - Леха обворожительно улыбнулся (как ни странно, при желании он умел быть очаровательным), - штук десять таких архивов перевернуть нужно. Она ведь не родная тетя - двоюродная сестра маминого сводного брата. Так что через институт проще... Если мы вас не очень беспокоим, конечно?

«Тетя» печально посмотрела на ананас и пожала плечами:

- Да нет? Почему же? Какое беспокойство?

В результате мы получили штук двадцать адресов, из них четырнадцать с телефонами. Широчайшее поле для деятельности. Огорчало другое. Одни бывшие однокурсники Андрея Говорова по указанным адресам уже не проживали, другие не слышали о нем ничего чуть ли не с момента окончания института.

- Ну и что? - подбадривала я Леху, обреченно накручивающего телефонный диск. - Тетя Оля его искала? Искала! Судя по тому, в каком настроении она вернулась домой, она его нашла? Нашла.

- У неё был и другой повод для плохого настроения.

- Да, я понимаю... Но все равно! Она стала ненавидеть Андрея ещё больше, значит, убедилась в том, что он жив.

Телефоне на одиннадцатом нам неожиданно повезло.

- Андрей? - тихим, почти детским голосом переспросила женщина, обозначенная в нашем списке как «Батурина Оксана Леонидовна». - А, простите, кто им интересуется?

- Видите ли, - начал Митрошкин. - Я - троюродный брат его жены...

- Какой жены?

- Он был женат, разве вы не помните? Женился ещё в институте. Ее звали Марина, и она училась на два курса младше.

- Ах, вы - брат Марины!.. Нет, Марину я хорошо помню. Я не в этом смысле спросила. Андрей ведь женат второй раз.

Я стояла, тесно прижавшись к Митрошкину, и поэтому прекрасно слышала весь разговор. Мои глаза изумленно округлились, Лехины же просто поползли на лоб:

- Как «женат второй раз»?

- Обыкновенно. Как все люди женятся... А вы не знали разве? Ну да, в общем, могли не знать... Нет, он женат на дочери какого-то большого человека, работает... А что вы, собственно, хотели?

- Найти его хотел. Нужен он мне по делу... Но вы точно знаете, что он женат? Видели его жену?

На том конце провода послышался тихий, прозрачный смех:

- Простите, это что - допрос? Мне не нравится, когда разговор ведется в таком тоне... Нет, в паспорт я к нему не заглядывала и с женой не знакома. Но знаю, что жена у него есть, и, по-моему, даже ребенок.

- А где он сейчас работает? - Лехин голос стал совсем глухим. - Вы телефона его, случайно, не знаете?

Телефона женщина не знала. Но назвала адрес обыкновенной московской больницы и добавила после паузы:

- Вы, я так понимаю, можете быть не в курсе... У Андрея теперь другая фамилия. Сергиенко. Там были какие-то проблемы с родственниками жены, что-то связанное с ребенком... Впрочем, неважно.

- Спасибо, - медленно проговорил Митрошкин и положил трубку, а потом, подняв на меня изумленные глаза, спросил:

- Ты хоть что-нибудь понимаешь?

- Естес-ственно! - я к этому времени уже пришла в себя, поэтому моя способность соображать частично восстановилась. - И не надо делать похоронную физиономию!.. Можно было загружаться по поводу Марининой судьбы до того, как эта женщина сказала, что у Андрея теперь другая фамилия. Он ведь был Говоров, а не Таракашечкин какой-нибудь и не Хрюшкин. Разве не странно, что его фамилия так категорически не устроила родственников второй жены?

- Странно. И что из этого? Есть куча вариантов. Она же сказала, что Андрей женат на дочери какой-то «шишки», что проблемы возникли, вроде бы, из-за ребенка... Может, её родители не хотели, чтобы внук носил фамилию «Говоров»?

- Ну, и на здоровье! Записали бы ребенка на фамилию матери. Зачем Андрею-то документы менять?

- А, может быть, опасались, что он сначала согласится, а потом права отцовские качать начнет?

- Леш, - я села на тумбочку, поставила локти на колени и подперла обеими кулаками щеки, - ты же сам не веришь в то, что говоришь. Это же так очевидно! То есть, для нас очевидно, потому что мы многое знаем... Эта Оксана не видела его жены, и никто, наверняка, не видел. Она видела просто Андрюшку Говорова, который почему-то сменил фамилию. А почему, как не в связи с каким-нибудь сложным новым браком? Самое логичное и простое объяснение... Он ведь не разводился с Мариной? Как он мог жениться во второй раз? Только по поддельным документам. А не проще предположить просто факт наличия поддельных документов? Тогда все становится на свои места.

- Да, - проговорил он. Не вполне, впрочем, уверено. - Надо ехать в эту больницу и выяснять все до конца...

На следующий день, сразу после утренней репетиции, не пообедав и не выпив даже по чашечке кофе, мы рванули в метро и поехали на север Москвы. Гундосый голос в телефонной трубке лениво сообщил, что доктор Сергиенко, вроде бы, на работе, смена, вроде бы, его, и вообще - сплошные «вроде бы».

- Что мы ему скажем? Что мы ему скажем? - ныла я, вдруг впадшая в состояние близкое к истерике, в то время как Митрошкин оставался монументально спокойным. - Он же просто не станет с нами разговаривать. Вот так запросто подойти к человеку и обвинить его в трех убийствах? Да ещё при этом пожать руку: дескать, вы - молодец, мы вас вполне понимаем и даже где-то одобряем? И, вообще, все получается как-то слишком просто. Слишком просто! Не может этого быть!

Леха выслушивал все это с видом достаточно флегматичным, но, в конце концов, взорвался:

- Слушай, что тебе не нравится? Сначала ты целыми днями доставала меня со своей дурацкой тенью, выступающей из темноты, потом верещала, что Андрей может знать убийцу, а теперь тебя вдруг взволновало, что же мы ему скажем? Вовремя опомнилась, нечего сказать! Просто очень к месту тебя деликатность заела. Других слов у меня нет... И простота ей, видите ли, не нравится! Просто - аж удавиться! А тебе чего бы хотелось? Чтоб мы сейчас приехали, и выяснилось, что Сергиенко - это просто однофамилец? Что никакой Андрей в этой больнице никогда не работал? Что Оксана Леонидовна Батурина - это фантом? Чтобы мы позвонили ей второй раз, а в трубке раздался зловеющий хохот и пояснение: «С вами разговаривает автоответчик»? Этого бы тебе хотелось, да?

Редкие, но внезапные приступы Митрошкинского красноречия меня всегда пугали, поэтому я благоразумно заткнулась и до того момента, когда мы ступили на двор больничного городка, хранила скорбное молчание. А больничный городок оказался очень заурядным и ужасно похожим на аналогичное заведение в Михайловске. Те же унылые серо-бурые корпуса, те же тусклые окна. Те же утопанные до опасного блеска асфальтовые дорожки, и те же санитары в телогрейках, надетых поверх белых халатов. Так же каркали вороны, срываясь с деревьев, так же дымила труба над домиком пищеблока.

- Ну, вот и пришли, - констатировал Леха, останавливаясь для того, чтобы выкурить сигарету. - С тобой свяжешься... А-а! - Он махнул рукой. - Все равно я должен был бы с ним поговорить. Хотя бы ради Маринки. Только вот он меня и не помнит, наверное?

- Главное, чтобы ты его узнал. Все-таки три года прошло. Да и потом, он вполне мог не только фамилию поменять, но и усы с бородой отрастить. Или прическу сменить? Или ещё что-нибудь?..

- «Что-нибудь еще» - это что? Пластическую операцию? Или смену пола? Или и то, и другое? Был высоким темноволосым мужиком, стал крохотной белокурой карлицей?

- Тебе охота острить? - с нервным интересом осведомилась я, чувствуя, что колени начинают

слабеть от волнения.

- Нет, - признался он и, резко дернув меня за руку, скомандовал:

- Пойдем.

А дальше все было до смешного просто: мы вошли в терапевтический корпус, сунулись со своим вопросом сначала к нянечке из гардероба, потом к проходящей по первому этажу медсестре. Нам объяснили, что, вообще-то, в больничном городке карантин в связи с эпидемией гриппа, но если у нас личное дело доктору, то тогда, конечно... Отправили куда-то в боковой коридорчик с указаниями «потом направо, а потом налево». Потом мы семь верст тащились по лестнице и ещё столько же по какому-то чудовищному лабиринту, заставленному сломанными кроватями и стульями. И, в конце концов, очутились перед двустворчатой застекленной дверью с предупреждающей табличкой: «Внимание! Карантин!» Толкнули её и чуть ли не нос к носу столкнулись с мужчиной в белом халате, зеленоватых медицинских брюках, такой же шапочке и приспущенном респираторе, болтающемся на шее. У него, в самом деле, была аккуратная черная борода и ровные черные усы. Нельзя сказать, чтобы они меняли его внешность до неузнаваемости, но если бы я встретила доктора Сергиенко где-нибудь на улице, не рассчитывая на то, что могу его встретить, то, наверняка, не вздрогнула бы и не обернулась.

- Молодые люди, позвольте спросить: вы куда? - начал он было. Потом взгляделся в Лехино лицо и удивленно склонил голову к плечу.

- Здравствуй, Андрей, - сказал Митрошкин, протягивая руку. - Ты ничего не перепутал. Я, действительно, троюродный брат Марины. Все правильно...

Потом мы втроем сидели в маленьком посредственном кафе напротив больничного городка, крутили перед собой чашки с остывающим кофе и не знали с чего начать. Я молчала, потому что, вообще, чувствовала себя лишней, Леха смущался и нервно покусывал то верхнюю, то нижнюю губу, Андрей Говоров (он же Андрей Сергиенко) постукивал подушечками сильных пальцев по краю стола. У меня из головы почему-то никак не шла глупая мысль о том, что он мог бы стать не только врачом и ценителем живописи, но ещё и хорошим пианистом.

- Ну... - проговорил Андрей, в конце концов. - Как там Марина? Как девочка?

- Хорошо, - Митрошкин зачем-то достал из кармана носовой платок и тут же засунул его обратно.

- То есть, нормально. Иришка в школу ходит. Марина работает... А ты... Ты не хочешь ничего им передать?

- Вы за этим меня нашли? Чтобы узнать, не хочу ли я чего-нибудь передать?

- Нет, - Леха начал едва заметно краснеть. - Ты мне вот что скажи: ты женился во второй раз?

- А какое это имеет значение?

- Так «да» или «нет»?

- Послушайте, ребята, это не смешно. Мы с вами - достаточно взрослые люди, чтобы позволить себе говорить без экивоков... Вас Марина прислала?

- Марина не знает, где вы и что с вами, - ответила я, подумав, что, в самом деле, уже пора переходить от намеков к прямому, конкретному разговору. - Она знает только то, что вы живы, и любит вас до сих пор. Сейчас, наверное, ещё больше... Вы вполне можете передать для неё какое-нибудь письмо. Никто об этом не узнает. Мы в курсе дела - больше никто.

- Значит, вы в курсе? - в его взгляде промелькнула какая-то печальная, горькая усмешка. - И больше никто? Что ж, отрадно... Я даже знаю, что вы сейчас спросите или скажете.

Повисла пауза. Митрошкин под столом тронул коленом мою ногу. Я вдруг ощутила что-то похожее на тревогу и ещё мучительное, необъяснимое желание уйти отсюда прямо сейчас, пока ещё ничего, в общем, не сказано, и точки над «і» не расставлены. Потом Леха предположит, что это были предчувствие, женская интуиция и моя обычная трусость вместе взятые. Но это будет потом... А пока за соседними столиками обедали и перебивались пивком граждане мелкобуржуазной и студенческой наружности, барменша за стойкой покачивала головой в такт незатейливой песне, льющейся из магнитофона, а мы трое смотрели куда угодно, только не в глаза друг другу.

- Я знаю, о чем вы сейчас спросите, - повторил Говоров, но уже без усмешки и как-то деревянно.

- Имел ли я право убивать этих людей? Стоит ли обожженное лицо Марины четырех человеческих жизней?..

При слове «четырёх» я напряглась и вскинула тревожный, недоумевающий взгляд на Леху.

- ...Решал ли я для себя вопрос про «тварь дрожащую» и что, в конце концов, надумал? Кто мне

дал право, в конце концов?

- Тише! - глухо попросил Митрошкин. - Мы не собираемся ни о чем таком тебя спрашивать. Это - твое дело, ты так решил - ты сделал... Я, например, не возьмусь тебя судить. И никто никогда не узнает. По крайней мере, от нас... Мы не об этом хотели тебя спросить...

- Почему же не об этом? - почти обиделся Андрей. Он снова усмехался. Только теперь в прищуре его темных глаз, в улыбке, больше похожей на оскал, проступало что-то шутовское. - Спросите для начала об этом, и я вам отвечу: я не у-би-вал э-тих лю-дей! Ни одного из этих людей! Понятно? И даже если за мной придет милиция, а не вы, они очень быстро убедятся в том, что у меня есть алиби.

- О, Господи! - только и вымолвила я, проводя ладонью по лицу. Леха же подался вперед и чуть не опрокинул локтем свою чашку с кофе:

- Подожди! Что ты говоришь? Тогда при чем тут алиби?

- При том, что я тоже смотрю «Криминал», при том, что я - не идиот. Я знаю про этих убитых людей и знаю, что не одна Марина, в конце концов, догадается и подумает на меня!.. Да, я - мелкая, трусливая сволочь, я запасся алиби. Честно говоря, я просто чуть с ума не сошел от радости, когда понял, что у меня есть алиби на тот день, когда убили Большакова, и потом, когда кончили Найденову. Алиби, которое может подтвердить с десяток человек!.. Хотите проверить?

- В Михайловске убили не четверых, а пятерых человек, - я отвела ладонь от лица и двумя пальцами отодвинула от себя чашку. - Еще одну женщину - совсем недавно, в ночь с шестого на седьмое января.

- Да? - все ещё в запале ерничанья, с каким-то вызовом спросил Андрей, потом опустил голову и едва слышно выдохнул: - Боже...

Мы помолчали. Только теперь молчание было тяжелым и пугающим, как туча с шаровыми молниями, зависшая непосредственно над головой. Митрошкин что-то мучительно соображал, я даже и не пыталась привести свои мозги в хоть сколько-нибудь рабочее состояние. Говоров же явно, с болезненным напряжением ждал дальнейших вопросов.

- И ты, конечно, понятия не имеешь, кто это мог сделать? - спросил, наконец, Леха, глянув на него исподлобья.

- Почему же? Я знаю, кто это сделал. Знаю даже зачем и почему. Только не знаю, когда это закончится... И вы догадаетесь, если подумаете. Ты, Леша, по крайней мере, должен понять. Это же очень просто. Можно сказать, элементарно! Вспомни о Марине: она ведь, наверняка, просто счастлива тем, что это делаю я? А до этого и не жила вовсе - так, существовала еле-еле. Зато теперь счастлива и горда? Правильно? Потому что есть мужчина, который любит её до безумия, который мстит за нее, и которому она дороже всего на свете. Не какое-то мелкое говно, которое то ли потонуло, то ли всплыло и сбежало, а мужчина, благородный рыцарь! Зорро! Робин Гуд!.. Она ведь теперь счастливая женщина? Я не прав?

- Марина?! - пробуя имя на язык, в каком-то суеверном ужасе проговорила я, но ещё прежде чем до конца поняла, что несу неимоверную чушь, что все, на самом деле, гораздо проще и логичнее, Говоров устало произнес:

- Ольга Григорьевна Луцик. «Добрейшая тетя Оля»...

И все... И мы не попадали со стульев, не замерли с вытаращенными глазами и раскрытыми ртами. Наверное, потому что это, и правда, было очень просто и логично. И объясняло все с начала и до конца. Почти все.

- Вы, наверное, когда ехали сюда, хотели пожать руку благородному Айвенго? - Андрей, словно скинув с плеч тяжкий груз, потянулся к остывшему кофе и сделал несколько мелких, быстрых глотков. - А вышло вон как! Только знаете, ребята, когда речь идет о подрасстрельной статье, не больно-то рыцаря из себя поизображаешь. Молчите?.. Ну, и не надо ничего говорить. И осуждать меня тоже не надо. Ни к чему. Я для себя все решил. Пусть я сволочь, но я живу так, как сам себе приказал. И меня все устраивает... Марину, конечно, жаль. И Иришку. Но им без меня лучше. Тем более без такого - меня. У Марины другой «Андрей» есть - тот, который убивает её мучителей направо и налево! Всем так лучше.

- Значит, Ольга Григорьевна специально сделала все так, чтобы подумали на вас? - я расстегнула два верхних крючка на полушубке. - Чтобы Марина подумала на вас?

- Вот именно, «чтобы Марина»... Не думаю, что бы «тетя Оля» хотела подвести меня под «вышку». Она, вообще, странная тетка, я в ней сильно ошибался... Конечно, рано или поздно выйдут

на меня, начнут проверять, убедятся, что есть алиби. Мать почти наверняка скажет Марине, что я - не просто сволочь и подонок, но ещё и убийца, что я просто выкрутился. Она её убедит. Ольга Григорьевна всегда умела убеждать... Надо же! Чего только не сделаешь ради счастья любимой дочери?! Даже над ненавистным зятем ореол святости собственноручно подрисуешь!

- Ольга Григорьевна умерла, - глухо проговорил Митрошкин. - Надо надеяться, что она умерла. Она ушла из больницы, из онкологии, и пропала. Ей оставалось жить несколько недель, а потом погибла эта девушка - Катя, и женщина в профилактории. Последнюю женщину задушили в профилактории...

- Вон оно значит как? - Говоров, казалось, нисколько не удивился. - Онкология... Ну что ж, это многое объясняет. Значит, она, наверняка, знала, что умрет, когда все это делала. Знала, что ей хватит оставшейся жизни ровно на то, чтобы убить этих людей и постараться сделать счастливой Марину... А я, кстати, понял, что она серьезно больна. Сразу же, как только увидел её возле корпуса. Белки глаз, цвет лица, худоба ненормальная. И ещё взгляд...

...Он сразу же понял, что она серьезно больна. Белки глаз, цвет лица, худоба ненормальная. И ещё взгляд. Она смотрела на проходящих мимо людей с тоскливой завистью и странным, затаенным страхом. Вот мужчина с женщиной выходят из роддома с кулечком, обмотанным голубой лентой, в руках. Вот старушка прогуливается под руку с молодой женщиной - наверное, дочерью. Вот молодая медсестра перебегает из корпуса в корпус прямо в халате и тапочках... Ольга Григорьевна пока ещё его не видела, и он вполне мог зайти обратно, выйти через вторую дверь, через приемный покой, в конце концов. Но Андрей почему-то стоял на месте, как приклеенный, и по-идиотски улыбался, не в силах согнать с лица эту нелепую ухмылку. В голове у него вертелся бородатый анекдот про зятя, который со словами: «Я - добрый! Я тебя отпускаю», отпустил любимую тещу вниз головой с седьмого этажа.

В конце концов, она обернулась. Она должна была обернуться. Смерила его своим обычным, презрительным взглядом и обыденно сообщила:

- А я всегда знала, что ты не утонул. Любящая жена вот поверила в то, что тебя нет, а я знала, что ты живой. И не ошиблась... Мне однокурсник твой твои координаты дал.

«Соловьев!» - подумал он с бессильной злобой. - «Или Болдырев... Черт, да теперь уже, наверное, половина выпуска знает. Надо было ожидать, что меня, в конце концов, найдут. Хорошо хоть она, а не Марина».

- Пойдем, поговорим, что ли? - предложила «тетя Оля», переложив старую некрасивую кожаную сумку из правой руки в левую. - Найдешь для меня полчаса? Больше мне не надо.

- Вы хотите, чтобы я вас к себе домой пригласил?

- А у тебя и дом теперь в Москве есть?.. Видишь, все получилось, как ты хотел: Москва, квартира, карьера. Жена, наверное, есть? Какая-нибудь генеральская дочка?

Жены у Андрея не было. Как, впрочем, и квартиры. Была комната в общежитии типа «малосемейки» и женщина с двухкомнатной на Соколе. Женщине нравилось, когда он подходит к ней на кухне и опускает её лицом на стол. А ещё когда в окне дома напротив в этот момент появляются соседи. Всего этого теще он, понятное дело, говорить не стал.

- Какая вам разница? Если бы мы были с Мариной в официальном разводе, вы бы стали лезть в мою жизнь со своими расспросами?.. Впрочем, вы бы, наверное, стали. Давайте! Я вас слушаю!

Ему уже почти удалось успокоиться. Что, собственно, произошло? Да, ничего! Ну, выследила теща, ну, расскажет бывшей жене, и что дальше? Марина - интеллигентный человек, она поймет. Ей многое можно объяснить, ничего не объясняя - просто посмотреть в глаза. А те люди?.. Они тоже поймут, даже если что-то и узнают. Они поймут, что прошло три года, и раз он сидел все эти три года, как суслик в норе, значит, уже не опасен.

Интересно, это только у «тети Оли» такая достойная восхищения интуиция, или они тоже обо всем догадались ещё три года назад? Наверное, да... Это только Маринка поверила - святая душа. (При такой внешности, такое чистое детское сердечко!)... Когда Андрей шел к тому мостику в новых ботинках из нубука и черной вязаной шапке, держа в руках пакет со старой «ондатрой» и старыми ботинками, он представлял, как все это увидит она... Толстый слой снега. Серый лед, у проруби кажущийся голубоватым. Острые края, сколки. Руки, изрезанные в кровь. Это ведь инстинкт. Нормальный инстинкт самосохранения. Прыгнуть в реку добровольно, чтобы потом с захлебывающимся, судорожным стоном вынырнуть из воды, ломая пальцы, сдирая кожу и кроша

вокруг себя лед, как огромный старый сухарь... У Маринки пронзительное воображение. Она представит и прилипшие к его лбу волосы, и закатывающиеся глаза, и искривленный судорогой рот. Только бы, чего доброго, не подумала, что его убили (Зря, идиот, столько на эту тему говорил!). Подымет шум, поставит на уши милицию. Найдут, вернут. И что дальше?..

Он присел на корточки, положил на мост шапку, рядом поставил ботинки. Носком правого придавал записку. Для верности закрепил её края комочками мокрого снега. Поднялся, отряхнул брюки и быстро пошел прочь, почти физически чувствуя, как тает, испаряется страх...

- Прямо здесь будем говорить? - «тетя Оля» попыталась взглянуть на него насмешливо. Такая нелепая в своих растоптанных сапогах, полосатом вязанном берете, да ещё и с морковной помадой на губах!

- Если хотите, я могу пригласить вас в ординаторскую. Там сейчас, наверное, свободно. Вас устроит?

- Устроит, - она спокойно кивнула.

Они зашли в корпус, поднялись в ординаторскую. Андрей взглянул на чайник, на недоеденный вафельный торт, лежащий в коробке на подоконнике. Начать сейчас угощать её тортом? Сложно придумать что-нибудь более нелепое! Обойдется и так.

- Ну, я вас слушаю.

Теща уселась на кушетку, сдвинув вместе ноги и поставив себе на колени сумку, словно благородная пенсионерка в поезде. Даже спину выпрямила, как выпускница Смольного.

- Как ты живешь, Андрей?

- Спасибо, ничего. Здоров, - он почувствовал, что сейчас расхохочется, нервно, зло, прямо ей в лицо. - Можно узнать, чем обязан? И в чем, собственно, цель вашего визита?

- Ты знаешь, что Марине облили кислотой лицо?

Андрей вздрогнул. Он не знал.

- Как? Когда?

- Ты лучше спроси, кто?.. Хотя, ты, наверное, уже догадался...

Да, он догадался и снова почувствовал животный страх. Нельзя! Нельзя возвращаться! Бедная, глупая Маринка!.. Но что за люди! Тупые, безжалостные, как животные. И тоже боятся. Отчаянно боятся! Поэтому их и надо опасаться, как землетрясения, как смерча, как ползущего с гор грязевого селя. Страшное, лишенное всякой логики и нормальной мотивации поведение... Они уже не способны соображать, они могут только бояться и огрызаться, как загнанные в угол крысы. Бессмысленно, глупо, дико...

- ...А когда? - теща устала сидеть прямо и согнулась, чуть ли не навалившись на свою уродливую сумку грудью. - Так уж давно. Три года назад. Сразу же после того, как ты утонул.

- Но почему... Почему вы говорите мне об этом сейчас?

- А если б я сказала тебе об этом три года назад, что-то изменилось бы?

Андрей снова покосился на чайник и с запоздалым сожалением подумал о том, что чай надо было все-таки согреть. По крайней мере, с чашкой в руках «тетя Оля» не казалась бы такой неживой, ненастоящей и напроць лишенной чувств. Впрочем, она, наверняка, не прикоснулась бы к этой чашке. А, тем более, к тарту...

- И как она теперь? Марина...

- Нормально. Живет, работает. Растит дочку. По-прежнему тебя любит. Но это у неё как болезнь.

- Она верит в то, что я умер?

- Верит. Она всегда думала о тебе лучше, чем ты того заслуживал.

- Что ж. Пусть так... Вы, кстати, зря на меня смотрите зверем, Ольга Григорьевна. В итоге, я сделал так, как вы хотели. Я всегда вас не устраивал, по всем пунктам. Теперь меня нет, она может снова выйти замуж. За достойного, на этот раз, человека. Родит себе ещё одну Иришку. Будет счастлива.

- Но она не выйдет больше замуж, - «тетя Оля» произнесла это странным, немного удивленным и насмешливым голосом. Так учитель объясняет беспросветному тупице, что дважды два - не три, не пять, а все-таки четыре. - Уж это-то ты должен был понять! Мне казалось, что ты знал свою жену. Если не любил, то, хотя бы, знал... Марина никогда не выйдет замуж и будет всю оставшуюся жизнь молиться на твою фотографию.

Андрей хрустнул суставами пальцев и опустил на стул возле окна. Небо окончательно

затягивало тучами, и он подумал, что в квартире на Соколе будет сегодня очень темно. Там огромные окна, но в комнатах, даже в ясную погоду, отчего-то стоит влажный полумрак.

В ординаторскую, не постучавшись, заглянули. Незнакомая женщина в ангорской кофте и трикотажной юбке, и накинутом на плечи белом халате. Скорее всего, родственница кого-то из больных.

- Простите, а я не могла бы...

- Не могли бы! - резко оборвал он. - Не видите, здесь пациентка!

Сказал и снова подумал о том, что «тетя Оля», скорее всего, долго не протянет. Впрочем, особой радости эта мысль ему не доставила. Он не слишком сильно обрадовался бы этому, даже если б теща вздумала отдать богу душу в то время, когда они жили в Михайловске. Андрей никогда не питал к ней активной ненависти. Она была слишком мелкой и нудной. Как назойливый, но не способный причинить существенного вреда комар.

- Значит, так! - теща дождалась, пока дверь закроется, и ещё крепче вцепилась в ручки своей бесценной сумки. - Я знаю, что у тебя теперь другая фамилия, другая жизнь, но я хочу спросить: намерен ли ты вернуться?

- Вы истосковались без меня?

- Не во мне дело, - она категорически не желала поддерживать иронический тон. Перла как танк, грубо и прямо, не сводя с него своего тяжелого, ненавидящего взгляда. - Дело в Марине, и в вашей дочери. Я просто спрашиваю: ты собираешься к ним возвращаться?

Андрей откинулся на спинку стула, опустил подбородок на грудь, снова хрустнул пальцами и уставился на подставку для карандашей.

- А какой смысл? - спросил он после паузы, с отчаянием понимая, что ничего-то эта женщина не поймет - ни фразы, ни слова! - Все! У всех своя жизнь. Своя карма, если хотите... Мой грех - он уже на мне, и мне его искупать до конца своих дней. А Марина - она великомученица. У неё - память о погибшем супруге, дочь, ради которой стоит жить, воспоминания... Допустим, я приезжаю. И что тогда? Марина узнает, что её дражайший Андрей три года назад просто сбежал, а не утонул. Может, конечно, и простит - черт её знает, а может, возненавидит? Начнет искать любви - не для того, чтобы, в самом деле, её найти, а для того, чтобы и мне, и самой себе что-то доказать. С ней, возможно, будут спать... Я не знаю, насколько серьезно у неё с лицом... Но никто на ней не женится. Постепенно она возненавидит не только меня, но и себя, ребенка, вас. Сейчас она скорбная, чистая вдова, а будет несчастная истеричная шлюха. Вы этого хотите?

Сердце вдруг тоскливо заныло: «А Маринка бы поняла. Все-все поняла! Как у такой матери могла родиться такая дочь?.. Прижалась бы к плечу, провела тоненьким, чуть дрожащим пальчиком по лбу, между бровей и по переносице, и проговорила бы: «Зачем ты так? Бедный мой! Тебе ведь так плохо. Ты вынужден говорить эти злые, жестокие слова, чтобы мать просто обиделась и ушла? Чтобы не пришлось объяснять ей, что все не так просто, что ты просто сам не сможешь простить себе своего греха, что ты уже не можешь вернуться? Бедный мой, хороший мой»...

- Не вернешься, значит? - теща, крикнув, поднялась с кушетки. - Это твое окончательное слово?

- Да, - решительно сказал Андрей, глядя в её серые, мутноватые глаза. - Говорить тут больше не о чем: я не вернусь... Или?.. - Странная мысль вдруг закралась ему в голову. - Или вы просто хотели удостовериться? Успокоиться?.. Ведь так, да? Ну, тогда я могу даже дать вам слово. Слово мужчины.

Прозвучало с нелепым, дешевым пафосом, он страшно пожалел о том, что это произнес. «Тетя Оля» же усмехнулась и молча пошла к двери.

- И все-таки, почему вы пришли именно сейчас? Спустя три года?.. Почему вы не разыскали меня раньше, если все это время знали, что я жив?

- Да так... Какая тебе разница?

Дверь открылась, Андрей проводил взглядом сутулую спину в старом осеннем пальто и уронил голову на стол, задыхающийся, обессиленный, не способный ни о чем думать...

... - Вот так, - Говоров потянулся за чашкой, оперся локтем о стол, тут же осторожно поднял руку и стряхнул с рукава своей светло-коричневой дубленки невидимые крошки. - Я - отнюдь не герой, но и Ольга Григорьевна тоже не святая... Выходит так, что она все решила не только за меня, но и за собственную дочь: Марина будет вечно верна памяти героя, который за неё отомстил и по неведомым причинам так и не смог вернуться. Просто подмосковный Одиссей!.. А ведь, если бы не эта чудовищная затея с вангоговскими убийствами, Марина могла бы выйти замуж! Откуда

«добрейшая тетя Оля» все знала за нее? Почему она всегда все за всех знала? А теперь Маринка обязана ждать, теперь она связана по рукам и ногам всем тем, что случилось. Но я-то в любом случае уже не приеду в Михайловск!

- Ольга Григорьевна перед смертью хотела подготовить Марину, - я пропустила мимо ушей его последние слова. - Она специально говорила ей, что между вами - три года, жизнь, люди, что все это не так просто. Марина боялась, что она обо всем догадается, и доказывала матери, что вы мертвы. А Ольга Григорьевна нарочно на вас нападала, чтобы дочь даже подумать не могла о том, что мать решит обелить вас в её глазах... Кто бы, в самом деле, мог подумать? Невозможно, странно...

- Да, - он кивнул. - Только не надо делать из моей тещи Жанну д'Арк. Не забывайте о том, что после этих троих погибла ещё ни в чем не повинная Катя Силантьева. И эта женщина из профилактория... Тот же почерк? Тоже Ван Гог? Да?

- Красный виноград на груди, - Митрошкин взял двумя пальцами керамическую солонку и крутанул её, как волчок. - И виноградина во рту. А задушили подушкой... Мы подумали, что это - намек на «Красные виноградники».

- Скорее всего, так оно и есть... Ах, Ольга Григорьевна, Ольга Григорьевна!

- Так вы что же, думаете, что их всех убила она? - снова встряла я.

- Вполне возможно. Она и всегда-то была не особенно здоровым в психическом плане человеком. Во всяком случае, предрасположенность к шизофрении наблюдалась явно. А тут ещё рак... С её мозгом могло произойти все, что угодно... Хотя, впрочем, «тетя Оля» могла и что-то ещё раскопать? Вдруг эта девушка... То есть, эти женщины тоже имели какое-то отношение к тому давнему убийству? Я ведь ничего не выяснял, мне просто хотелось об этом забыть.

- Вряд ли они имели к этому отношение, - проговорил Леха. - Вряд ли... Но если даже и так...

- Послушайте, ребята! - вдруг взмолился Андрей. - Я, в самом деле, ничего не знаю. Я услышал об убийствах по телевизору. Если бы не Ван Гог, если бы не этот пароль для Марины, я в жизни бы не догадался о том, что это - работа Ольги Григорьевны... Да, даже когда и догадался, то ещё неделю придти в себя не мог. Это же кошмар какой-то!.. А что касается того, она или не она убила этих двух женщин? Искать её надо было лучше! Весь город по сантиметру обшаривать! Я не знаю, куда милиция Михайловская смотрит? Ольга Григорьевна - больной человек, она не может отвечать за свои поступки. Она уже, скорее всего, даже не понимает того, что делает!

- Она уже мертва, - солонка вывернулась из пальцев Митрошкина и, крутанувшись, упала на бок. Соль высыпалась на скатерть. - Вероятнее всего, мертва. Врачи говорили, что ей оставалось жить не больше двух недель.

Барменша взглянула в нашу сторону с явным неодобрением. Мы сидели здесь уже целый час, заказали всего по чашечке кофе, а теперь ещё и наводили бардак на столе. Я вытянула из пластмассового стаканчика салфетку и пальцем согнала на неё рассыпавшуюся соль.

- Скажите, Андрей, - вопрос уже давно готов был сорваться у меня с языка, - а Ольга Григорьевна она что - тоже интересовалась Ван Гогом? Когда Марина пыталась оправдаться насчет этих репродукций, висевших у вас на стене, она намекала, что у матери плохой вкус, и вы, чтобы ей угодить, якобы, приклеили к обоям картинки из старого календаря... Откуда она знала? Как она смогла все это организовать?

- Насчет чего знала? Насчет того, что я когда-то влюбил Маринку в Ван Гога?.. Да, Маринка же ей, наверное, и рассказывала? Это как раз несложно... А насчет всего остального? Насчет картин? Наверняка, пошла в библиотеку, заказала соответствующую литературу. На самом деле, все просто. Ван Гог, о нем же столько написано... Если я не ошибаюсь, то вся беда в том, что начала «тетя Оля» с «Едоков картофеля». Что говорить? Картина известная, намекнуть на неё легко. Первое убийство она совершала ещё в относительно здравом рассудке, второе, третье... А потом - больница. Шок, стресс, что-то замкнуло в мозгу. Пять человек на картине и пять, как оказывается, убийств. Два мужчины, три женщины... Возможно, она возомнила себя карающей божьей десницей, ангелом мстителем, который наказывает человечество за грехи...

- У последней женщины, которую задушили в профилактории, родственник тоже умер от сердечной недостаточности, - не совсем уверенно проговорила я. - Это был не тот случай, но... Может быть, это каким-то образом повлияло на то, что именно её избрали в качестве жертвы? Я, правда, пока не представляю, каким именно образом...

- Возможно. Очень возможно... В таком случае, на месте милиции я бы поинтересовался тем,

были ли смерти от сердечно-сосудистых заболеваний в семье этой девушки - Кати Силантьевой. Н-да... Милиция... Какой кошмар. Остается молиться о том, чтобы наши доблестные органы так никогда это дело до конца и не распутали. Бедная Маринка! Сначала я, потом мать... Чудовищно... И эти «Едоки картофеля»! В свете гибели последней женщины все выглядит по-другому. «Ночное кафе»...

- Кстати, о «Ночном кафе»... Вы знаете, я так до конца и не поняла, почему она оставила рядом с бильярдными шарами кисть? Картошка - понятно «Едоки картофеля», бинт и трубка - «Автопортрет с перевязанным ухом», семечки - «Подсолнухи», виноград - «Красные виноградники в Арле». А вот кисть? Я бы поняла еще, если бы шары и кий, или шары и бутылка... Мне сначала даже казалось, что, может быть, это какая-то другая картина? Та, которой я не знаю? Но и вы говорите тоже...

- Кисть? - Говоров усмехнулся. - Кисть - это намек на Гогена. Помните бармена возле бильярдного стола? Вглядитесь повнимательнее в его черты. Винсент рисовал Гогена: тот как раз примерно в это время приезжал к нему в Арль. Период их дружбы и сотрудничества... Художник - кисть. Дверь в ярко освещенный коридор, дверь в никуда. Художник рядом с бильярдным столом, и кий, кстати, указывающий именно на эту дверь...

Он сказал это так просто и страшно, что у меня по спине побежали мурашки. Куда там моим «Харминам» с «Ириадами», и тени неизвестного, падающей в круг света! «Ночное кафе». Пять темных, неясных фигур вдоль стен. Бармен в белом посередине. И, действительно, эта дверь. Распахнутая, страшная дверь. А рядом на стене - часы...

Видимо что-то такое отразилось на моем лице, потому что Андрей, уже не опасаясь испачкаться в крошках, поставил оба локтя на стол, сцепил пальцы в замок и тихо проговорил:

- Ван Гог - это, вообще, мистика. Страшная вещь... Вы не знаете, как он писал в своих дневниках? «Я ощущаю огонь в себе, который не могу потушить и который я вынужден поддерживать, хотя и не знаю, к какой цели он приведет меня»...

- Знаем, - мрачно отозвался Митрошкин. - Тоже книжки читали.

- Да? А я вот как раз читал немного. Нет, когда-то в студенчестве... Черт! Кто бы мог подумать, что все так обернется? Так страшно, жутко... Мне ведь ещё и Матисс нравился, но не так сильно. Н-да... Ван Гог.

Он сидел и смотрел прямо перед собой, как, наверное, и в тот день, когда его разыскала Ольга Григорьевна. Руки у него были красивые и сильные, с длинными пальцами и выступающими синими прожилками. Хорошая коричневая дубленка, светлое кашне. А мне почему-то вспомнился мальчик, который ухаживал за мной ещё в училище. Он тоже хорошо выглядел и хорошо одевался. С особым мужским шиком, без глупого пижонства. Но его отчего-то не уважали, и я, тогда ещё семнадцатилетняя дура, безошибочно чувствовала, что случись что - напади, например, на нас хулиганы в темном переулке - он непременно убежит, и не защитит меня этими вот по-мужски красивыми руками, и не разобьют часы на его широком, крепком запястье, не подпортят киношную физиономию с прямым носом и жестким прищуром глаз. Он просто убежит и все...

- Так, значит, ты все-таки не женился второй раз? - спросил Леха, хотя спрашивать что-либо уже было бессмысленно.

- Нет, - Говоров мотнул головой.

- Но передать Маринке все равно ничего не хочешь?

- А зачем?

- Затем, что она была твоей женой. Затем, что она ждет.

Он вздохнул и пригладил волосы ото лба к затылку. Мне почему-то показалось, что Андрей снова видит перед собой покойную тещу. Во всяком случае, заговорил он так, будто обращался к ней - упрямой, ненавидящей и не желающей ничего понимать:

- Рано или поздно все откроется. Если бы с Ольгой Григорьевной не случилось этого несчастья, если бы она не сошла с ума, если бы не было этих двух последних трупов, тогда сказочка про героя могла бы и прокатить. Но рано или поздно все откроется!

- Маринка уверена, что вслед за тобой убивать начал какой-то маньяк.

- И все равно, в конце концов, все всплывет. А рядом с ней уже не будет матери, которая сможет, брызжа слюной, убедить в том, что я просто выкрутился... От кого вы хотите передать ей привет? От подлеца, который не смог не то что убить этих мерзавцев, но даже и утопиться? Ей и так остается верить в мое геройство от силы месяца два, три... Впрочем, если считаете нужным, можете ей все рассказать. Марина имеет право знать правду обо мне и о своей матери.

- Мы не будем ничего рассказывать, - уронил Митрошкин. - Можешь успокоиться. Если тебе, конечно, это не все равно... Пока! Живи спокойно, товарищ Сергиенко. А нам пора. Вечерняя репетиция, знаете ли.

Он схватил меня за руку, не дав даже поправить берет, и поволок к выходу. У порога я обернулась. Говоров по-прежнему сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на свои вытянутые руки и на красивые пальцы, сцепленные в замок. Глаза у него были пустые и темные. Подбородок едва заметно подрагивал. Он казался жалким и ничтожным, но ему не было «все равно»...

***Глава четырнадцатая,
в которой мне приходится снова обратиться к Олегу Селиверстову,
и все, вроде бы, встает на свои места.***

На репетиции я, понятное дело, отработала просто отвратительно. Слюсарев, мечась из угла в угол, обещал меня убить, казнить, четвертовать, и уверял, что от безжизненного тела скорее можно добиться желаемого результата, чем от меня. За один вечер я узнала о том, что страдаю размягчением мозгов, хроническим столбняком, склерозом, а так же даже и близко не представляю, что такое - быть актрисой.

По дороге в Люберцы Митрошкин успокаивал меня, как мог, хотя и сам пребывал в отвратительном настроении:

- Не обращай на него внимания. Методы у него такие. Просто разогреть тебя пытается и, кроме того, он хам... Если хочешь, я могу с ним поговорить, но, вообще-то, это будет выглядеть глупо. Можно, конечно, у него на улице закурить попросить, а потом морду набить.

- Перестань, - я устало морщилась. - Тоже мне, персону - Валерий Слюсарев - чтобы ещё о нем думать! Табаков! Любимов! Товстоногов, блин!.. Не в нем дело. У меня Говоров из головы не идет. Теоретически я его могу понять, а практически чувствую, что он - ну, редкостное дерьмо! Что твоя Марина в нем нашла?

- Да, хрен с ним, с Говоровым, - Леха сощурился, чуть отвел голову в сторону и заправил выбившуюся прядь мне за ухо. - Вот тетя Оля - это да... Кто бы мог подумать! Даже перед смертью! Она ведь чувствовала, что дочь её возненавидеть может, а все поливала грязью этого мудака. Чтобы Маринка только не подумала, чтобы ей, не дай бог, даже в голову не закралось!.. Зато теперь тетя Оля злая, несправедливая и чокнутая, а этот козел - весь в белом и на белом коне! Народный мститель, мать его!

- Ты предлагаешь ей рассказать?

- Ничего я не предлагаю. Что, в самом деле, изменится? Мать она все равно любит, что бы там ни было. А так и Андрея возненавидит, и себя до самой смерти не простит... Он - простое говно, понимаешь? А Ольга Григорьевна... Ведь все-таки она убила Галину Александровну. И девчонку совсем молоденькую. Так что ангельские крылышки к ней все равно не приклеишь... Теперь, действительно, надо обо всем этом забыть. Маринке ничего не грозит, таинственного маньяка в природе не существует, «Едоками картофеля» началось, «Ночным кафе» закончилось.

- «Красными виноградниками», - поправила я и тут же почувствовала необъяснимый приступ тревоги. Тупо засвербило в затылке, перехватило дыхание.

- Что с тобой? Бледная, как смерть! - Митрошкин даже перепугался.

- Ничего. Все нормально... Просто... Да нет, ерунда!

- Точно, нормально?

- Да.

- А то может на такси доедем?

- Это с твоей-то неполученной зарплатой? - я попыталась усмехнуться, получилось паршиво. Жаркая, удушливая и, главное, непонятная тревога не проходила. - Нет, ты знаешь: маршрутка меня вполне устроит.

- А на рынок заскочим, насчет пожрать?

Естественно, я согласилась. Еще ни разу на моей памяти, ни при каких самых ужасных обстоятельствах у Лехи не пропадал аппетит.

Половина киосков уже была закрыта, во многих тускло горели лампочки: продавцы собирали с витрин товар. Но нам удалось-таки запастись сыром, сосисками, китайской лапшой, хлебом и майонезом. К метро возвращались мимо овощных рядов, где редкие бабульки ещё торговали квашенной капустой, черной редькой и солеными огурцами.

- Жалко, молдаван уже нет. Яблок бы хоть купили, - печально заметил Митрошкин. - А то - лапша, лапша... Может, сока взять?

- Хозяйственный ты наш, - автоматически сыренизировала я и тут же снова чуть не задохнулась от нахлынувшей жаркой волны... Овощные ряды... Бабульки с капустой... Троллейбус, высаживающий последних пассажиров... Яблоки... Сок... Нет, что-то не то! Вроде, все так обыденно, так мирно, а сердце отчего-то колотится, как горошина в стакане, и готово, кажется, выскочить из груди... Как жарко в этом полушубке... Как тревожно, как странно... Или не странно, а страшно? Но почему?.. Чье-то незримое присутствие. Тень, падающая из темноты в круг света. Хармина. Ириада... Ведь теперь кажется все ясно? Ольга Григорьевна. Ван Гог. Карающая десница. Умирующее тело, больной, воспаленный мозг...

Я чуть не завывала с досады и даже прикусила кончик языка - мысль опять, промелькнув, исчезла, и едва ли не щелкнула меня хвостом по носу. А мне осталось только чувствовать себя так, как когда-то во втором классе после полугодового диктанта, присланного из ГорОНО. Тогда весь класс дружно сдал работы, и когда учительница с нашими «отпечатанными» листочками вышла, мне вдруг стало жутко. Жутко от того, что я почувствовала: в моем диктанте есть ошибка! Это было больше, чем тревога и смятение - просто какой-то панический ужас. Я что-то написала не так, над чем-то задумалась и все равно написала не так. Пытаясь успокоиться я подошла к доске и принялась тереть её пыльной тряпкой. Потом подняла голову и увидела... Листочек с правилом, прикрепленный магнитиком к доске. Черные типографские буквы. И красные буквы, подчеркнутые волнистыми линиями. Сочетание «оло», «оро». На эти правила слов в диктанте почти не было, зато было кое-что другое... «Молока корова одолжи!» И дальше ещё несколько строк из детского стихотворения. «Оло» и «оро» выделены, а слово «одолжи» набрано обычным шрифтом... И тут я, холодея, поняла, что слово «лыжи» в своей работе написала через «ы» - «лыжы»! Правило все это время, все сорок пять минут урока, висело передо мной, однако, у меня не хватило сообразительности обратить внимание на главное...

- Опять о Говорове задумалась? - Леха подхватил пакет с продуктами снизу и теперь нес его под мышкой. - Брось. Не стоит он того.

- Не о Говорове... Ты только не смейся, но мне опять кажется, что что-то не так. Я пока не могу объяснить. Еще минуточку подумаю... Что-то мы с тобой упустили, или что-то истолковали не так... Как заноза в голове сидит!

- Жень, это уже клиника! Неприятный разговор сегодня был, я согласен. Но тебя уже куда-то не туда несет. Что тебе на этот раз не нравится? Что у тебя теперь «не складывается»? Кого подозревать будем? Маринку? Или эту Ксению Петровну? Или опять Шайдюка поедем трясти?

- Алиса... - одними губами выговорила я, чувствуя, как под мышками и на лбу выступает холодный пот. Холодный и отрезвляющий, как ледяной душ. Ну, конечно! Шайдюк, Алиса, вино...

- Что, опять по-новой?! - ужаснулся Митрошкин. - Опять к тому, с чего начали? Бутылка с этикеткой? Символы и знаки? Алиса что ли маньяк?

- Да нет, ты ничего не понимаешь! Я сама пока не очень понимаю... Только вот рынок, овощи, «Хванчкара»... Поехали скорее домой, а?

- А дома что?

- А дома - телефон. И ты позвонишь своему Олежке Селиверстову, мне у него кое о чем надо спросить.

- Нет! Только не это! Я ему клялся, что все - последний раз... Чего тебе от него надо? Спроси меня, я тебе сам скажу.

Я упрямо помотала головой.

- ...Женька, ты хоть понимаешь, куда он тебя пошлет?.. Нет, тебя не пошлет, он мужик воспитанный - меня пошлет. Адрес он нам уже дал. С версией про Галину Александровну мы уже пролетели. Чего еще?

- Слушай, разговаривать буду я, ты-то чего волнуешься?
- Да мне перед другом неудобно! Что ты роешь? При чем тут «Хванчкара», рынок и овощи? Только-только с Ван Гогом разобрались, с «Ночным кафе» этим долбанным.

- И с Ван Гогом ничего ещё не понятно. То есть, с Ольгой Григорьевной... Лешенька, поверь мне в последний раз! Поверь мне, пожалуйста, миленький!

Митрошкин больше спорить не стал. Однако, всю дорогу в маршрутке сидел мрачный, как сфинкс, со мной не разговаривал и даже не пытался подкрасть из пакета никакую провизию. Дома первым делом снял ботинки, набрал телефонный номер и только потом стал расстегивать куртку.

- Да! - послышалось через некоторое время на том конце провода. - Да. Я вас слушаю.

- Олег, - выражение лица у Лехи было, как у героя, идущего на расстрел, - ты можешь меня убить, но у меня к тебе ещё один вопрос. Озвучит его для тебя Женя.

- Олег, - я торопливо выхватила трубку, пока «рейнджер» не успел начать ругаться, - скажи мне, пожалуйста, когда у вас в Михайловске русская мафия гоняла кавказцев? Мне подруга из профилактория говорила, что это было не очень давно, и что все армянские-азербайджанские товары на этот период с рынка исчезали.

Селиверстов хмыкнул, выдержал паузу и ехидно осведомился:

- На уровень борьбы с организованной преступностью выходим? Мои поздравления! Скоро, наверное, в Интерпол подадитесь?

- Олег, пожалуйста!

- А, если не секрет, зачем тебе эта информация?

- В общепознавательных целях, - прогудел в трубку Митрошкин, перегнувшись через мое плечо.

- Олег, ты можешь не вспоминать точные даты. Просто скажи: это было примерно в тот же период, когда убили Катю Силантьеву?

- А что, «чеченский след» ищем?

Я не ответила, препираться с Селиверстовым было бессмысленно. Не дождавшись ответа, он глухо кашлянул и как бы с неохотой проговорил:

- Вообще, примерно в это время, да... Но меня больше всего интересует странный ход ваших, Евгения Игоревна, мыслей. Может, когда заедете с Лехой, поговорим?

- В отделении? - скорбно осведомилась я.

- Зачем в отделении? Можно у меня дома... Пока ты, вроде, до явного состава преступления не допрыгалась... Лехе трубочку дай!

Я отдала трубку и прошлепала на кухню. Зажгла газ, поставила воду под сосиски, зубами и ногтями принялась раздирать пакетики с китайской лапшей. Лихорадочное возбуждение, колотившее меня последние полчаса, постепенно спадало, уступая место тупой головной боли. Как я сейчас понимала Страшилу из «Изумрудного города», у которого от мысленного напряжения из головы лезли иголки и булавки! Теперь получалось все. Я была почти уверена, что получится. Однако, история от этого казалась только ещё более странной и запутанной.

Митрошкин появился на кухне через пару минут, сел на табуретку, расстегнул молнию на толстовке, поставил оба локтя на стол и обхватил руками голову:

- Ну, а теперь давай колись, при чем здесь Алиса, при чем кавказская мафия, и при чем Катя Силантьева?

- Алиса при том, - я вывалила лапшу в кастрюлю, залила водой и тоже поставила на плиту, - что это она рассказала мне про то, что на время «битвы» с рынков пропали все кавказские товары. Катя Силантьева при том, что её убили в это время. Слушай дальше! Кто зимой торгует виноградом? Или кавказцы или молдаване! У вас в Михайловске, как я поняла, вообще, один центральный городской базар, где можно виноград купить. Кавказцев бьют, и молдаванам, наверняка, тоже достается. На рынке нет ни сыра, ни орехов, ни мандаринов, ни груш. Винограда тоже нет. Ты понимаешь? Нету красного винограда!

- И ты хочешь сказать?..

- Да! Я хочу сказать, что виноград должны были оставить рядом с телом Кати, но по нелепой случайности его в это время просто невозможно было купить!.. Теперь смотри какая картинка у нас получается: «Едоки картофеля» - «Автопортрет с трубкой» - «Подсолнухи» - «Красные виноградники» - «Ночное кафе». Замкнутый круг: с пятерых начали - пятерыми закончили. Плюс на последней картине художник, как нечто Высшее, Наблюдатель, Творец, Полубог. Классно, да? База, основа, идея

для человека, возмнившего себя карающей божьей десницей, для человека сошедшего с ума. Но! Тут появляется одно существенное «но». Ты представляешь себе одержимого, сумасшедшего, который, в связи с тем, что виноград исчез с торговых точек, прагматично подменяет один символ другим и рушит всю свою идеологическую башню? Пусть даже может быть такой момент, пусть он был: логика психически больных людей необъяснима. Но почему он тогда не заменяет «Красные виноградники» какой-нибудь другой ваноговской картиной, а «Ночное кафе» не оставляет для финала?

- И почему? - Леха все-таки не выдержал и взял с тарелки подсохшую печенюшку.

- А ты подумай! Подумай, что это за картины, и тогда у тебя само собой родится второе «но»... Вспомни, как я тебе из библиотеки звонила, как спрашивала о том, говорит ли тебе о чем-нибудь название «Красные виноградники в Арле»? Что ты мне ответил, вспомни.

- Что это одна из немногих картин Ван Гога, проданных при его жизни. Их и всего-то было, по моему, то ли две, то ли три...

- Тепло-тепло, Лешенька! Думай!.. Ты правильно думаешь, только ты у нас сильно умный, поэтому знаешь, что Ван Гог продал все-таки не одну картину, а я, например, до некоторого времени свято была уверена, что «Красные виноградники» - единственное, что ему удалось продать! Предисловия ко всяким «Жаждам жизни» читаешь и находишь там про одно полотно... Вспомни-вспомни! Поэт - Пушкин, фрукт - яблоко, художник, продавший единственную картину - Ван Гог!

Теперь уже Митрошкин тяжело и всерьез задумался, начал скрести переносицу, и часто смаргивать глазами.

- Известные все картины, - выдал он, в конце концов. - Чуть ли не попсово известные, да? Как в музыке «Полонез» Огиньского и «Лунная соната»? Ну, правильно: «Подсолнухи», отрезанные уши, единственная проданная картина... «Ночное кафе» и «Едоки картофеля», правда, как-то не так...

- Так-так! - я энергично закивала головой. - Если ты до этого ничего не знал про Ван Гога, то залезешь в любую книжицу и с первых же страниц узнаешь, что программные произведения - это, как раз «Едоки», «Кафе», ну, и ещё там несколько... Таких всенародно известных картин у Ван Гога больше-то и нет! Надо было подменять «Виноградники» либо чем-то таким же, как ты сказал, «попсовым», либо менять его с «Ночным кафе». Либо уж ждать или ехать за виноградом в соседний населенный пункт. И это наводит на мысль, что у убийцы не было времени.

- А на какое «но» это тебя наводит? У меня, вроде, ничего пока не родилось.

- Совсем тупой, совсем плохой! - лапша полезла из кастрюли вместе с пеной, я торопливо сняла крышку и уменьшила огонь. - Теперь вспомни сегодняшнюю беседу с Говоровым по поводу «Ночного кафе». Дверь в никуда, шары, кий, Гоген... Ты где-нибудь про это читал? Я приволокла из библиотеки кучу книг, в том числе толстенную монографию, но хоть где-нибудь эта информация промелькнула?! Размышляем дальше: не особенно разбирающаяся в живописи Ольга Григорьевна начинает читать литературу по Ван Гог, выбирает «Едоков», «Подсолнухи», «Виноградники», «Кафе», как и положено дилетанту, а рядом с трупом Кати Силантьевой вдруг оставляет кисть! Откуда она узнала про Гогена?! Женщина, наверняка, взявшая в библиотеке все того же Перрюшо и Юига! Откуда, я тебя спрашиваю?! Тебе не кажется, что кто-то просто пытается имитировать почерк дилетанта? Кто-то хорошо разбирающийся в творчестве Ван Гога. Но информация о Гогене для этого человека - сама собой разумеющаяся: он понятия не имеет, что об этом не писали ни Юиг, ни Перрюшо!

- И зачем этому неизвестному человеку имитировать почерк дилетанта? И почему это, если он такой крутой специалист, то не читал не Юига, ни Перрюшо?

- Не знаю, - призналась я честно. - Но зато на завтра у меня есть план наших дел. После утренней репетиции мы поедem в Пушкинский музей, в котором я, кстати, ни разу не была, и будем любоваться полотнами художника, который попортил мне столько крови и столько нервных клеток. А потом я пристану к какому-нибудь искусствоведу (при этих словах Леха тяжело вздохнул)...и попрошу просветить меня на тему того, в каком источнике, и у какого автора можно найти информацию про Гогена в «Ночном кафе». Далее: я узнаю, в каких библиотеках может быть эта книга, посмотрю есть ли в формуляре роспись Ольги Григорьевны...

- С дуба рухнула? - осведомился Митрошкин. - Это же сколько всего тебе придется перекопать?!

- Я почему-то думаю, что не особенно много. И потом... У тебя есть другие варианты?

- Нет, - согласился он, пожав плечами. Однако, не упустил возможности язвительно добавить: - И твоим триумфом станет роспись убийцы, найденная в заветном формуляре, потому что он тоже

увлекся Ван Гогом непосредственно перед тем, как пойти «на дело»!..

Ночью мне снился круг света, со всех сторон окруженный тьмой. Я слышала тихие шаги и непонятный шелест, звала и Хармину, и Ириадю, и маму, и Митрошкина, а чья-то тень все приближалась и приближалась, и уже выступала за край освещенного круга. И, казалось, ещё мгновение, и мне удастся увидеть чужое страшное лицо...

На следующий день в два часа дня мы уже были в Пушкинском музее. Бабушка в кассе продала нам два взрослых билета, и вместе с толпой жизнерадостных пятиклассников мы спустились в гардероб. Внизу продавались расписные матрешки, фарфоровые фигурки и украшения из янтаря. А так же книги и альбомы по искусству. Пока я причесывалась у зеркала, Леха разглядывал альбом Моне.

- Иди-ка сюда! - позвал он тихонько. Я подошла и с некоторым удивлением обнаружила, что воспитанный Митрошкин тычет своим корявым указательным пальцем во что-то, стоящее на заднем плане. Это оказались три небольших коробочки, закрытые крышечками. На одной была нарисована «Танцовщица» Дега, на другой - «Девочка на шаре» Пикассо, а на третьей один из автопортретов Ван Гога.

- Что это такое? - спросила я.

- А ты угадай! Или если читать умеешь, прочитай - сбоку написано... Да, микропаззлы это, микропаззлы! К вопросу о твоих ужасных далматинцах, которых ты вечно в пример приводишь... Можешь за сравнительно небольшую сумму приобрести себе Ван Гога и смотреть хоть с утра до ночи, что там «складывается», а что «не складывается».

Женщина в киоске оживилась, сказала, что есть ещё Гоген, Сезанн и, вроде бы, Матисс, что если нам интересно, она может дать посмотреть, но мы вежливо отказались и, проигнорировав древнее искусство и искусство семнадцатого века, поднялись сразу на второй этаж.

- Повышать культурный уровень потом будешь, - приговаривал Митрошкин, поддерживая меня под локоть и одновременно подпихивая в спину. - Сначала спросишь, что ты там хотела, и уже все для себя выяснишь. А то мне эти твои внезапные озарения с побледнениями и заиканиями хуже горькой редьки надоели!

Надо заметить, что он знал, куда идти, и мы сразу пришли к Ван Гогу, вместо того, чтобы метаться по музею в поисках двадцать первого зала. Пришли и обомлели. Точнее, обомлела я. В моей памяти отпечаталось, что в Москве, вроде бы, висит «Прогулка заключенных» и что-то там еще, но что здесь и «Портрет доктора Рея» - тот, что несколько лет валялся на чердаке, и те самые «Красные виноградники в Арле» мне даже в голову не приходило! И, конечно же, «Пейзаж в Овере после дождя». Здесь был «Пейзаж в Овере после дождя»... «Скажи, тебе не хочется плакать? Не от того что плохо, а от того что хорошо?»... Как же так получилось? Андрей. Марина... Такая любовь!.. Ольга Григорьевна... Говоров-Сергиенко...

- Простите, пожалуйста, - Леха пристал к сухонькой немолодой женщине, наблюдающей за порядком в этом зале, - с кем бы мы могли переговорить по поводу Ван Гога?

- А что вы хотели?

- Да, узнать насчет некоторых его работ, насчет того, что по этому поводу писали... В общем, нам к искусствоведу, наверное?

- Вы вон к той даме в сером костюме обратитесь, - женщина кивнула и указала рукой вперед: дама в мягких кожаных туфлях на невысоких каблучках как раз огибала толпу развеселых детишек. - Она вам все объяснит.

Митрошкин немедленно кинулся вперед, волоча меня за собой и по-актерски звучно выкрикивая:

- Постойте, пожалуйста! Секундочку, госпожа искусствовед! Вот эта девушка хочет кое-что вам сказать!

Дама в недоумении остановилась, обернулась, смерила нас взглядом, отнюдь не исполненным восторга:

- Что вы хотели?

- Понимаете, - я мучительно покраснела и почувствовала, что выгляжу сейчас, как полная идиотка, - нам, наверное, самим надо было обратиться в библиотеку, но информации так мало... Ван Гог...

- О Ван Гог мало информации? Девушка, помилуйте!.. Ну, ладно. Что вы хотели узнать?

- В каком источнике, у какого автора могла промелькнуть информация о том, что бармена в «Ночном кафе» Ван Гог писал с Гогена?

- Что, простите? - она прищурилась. - С кого писал? Откуда вы это, вообще, взяли?

Мне стало так стыдно, словно я спросила: «А кто нарисовал картинку «Три богатыря?», Леха же начал тихо и уныло свистеть, глядя себе под ноги.

- ... Вы студентка?

- Нет... То есть... Была студентка. Сейчас уже нет... То есть, вам эта информация не встречалась.

- В хоть сколько-нибудь серьезных источниках - нет, - дама сказала, как отрезала. - Но вы, вероятнее всего, учились в мединституте, или слушали лекции в школе искусств в... дай бог памяти, Хорошевском районе?

«Хорошевский район» меня задел как-то не очень, а вот при упоминании о мединституте вдруг сделалось нехорошо.

- Нет, я - актриса, и, вообще, не так давно живу в Москве... А почему вы про мединститут спросили?

- Да, читал там одно время лекции некий господин Санталов, считающий себя крупным знатоком западноевропейской живописи, и, в частности, Ван Гога. Вот у него было несколько завиральных теорий собственного изобретения. В том числе, по-моему, и та, что касается Гогена в «Ночном кафе»... Вы ведь имеете ввиду «Ночное кафе в Арле», так?

- Так, - пробормотала я. - Спасибо большое... Вы нам очень помогли.

- Чем помогла? Я ведь не на один вопрос, собственно, не ответила.

- Все равно, спасибо! - подхватил Митрошкин, цепляя меня под локоть и волоча к выходу. - Спасибо вам большое. Мы узнали, все что хотели.

У лестницы мы остановились. Леха взял меня за плечи и заглянул в глаза. Его собственные глаза были тревожными и темными.

- Значит, господин Санталов? - он тоже все понял.

- Да. Тот самый профессор, который читал лекции в тот период, когда в институте учились Марина и Андрей. Маринка называла его фамилию. Тем более, мединститут... А ещё Говоров рассказывал, что он не только Ван Гогом увлекался, но и Матиссом...

- ... И литературы, помимо лекций своего любимого профессора, немного читал...

- ... И вполне логично, что для него эта информация была сама собой разумеющейся?

Мы, не сговариваясь, замолчали.

- Значит, все-таки он? - первым прервал паузу Леха.

- Похоже на то. Значит, все-таки он отомстил за свою Марину. Но в тюрьму ему не хочется, и нам он не верит. Вполне естественно, что Говоров не жаждет схлопотать подрасстрельную статью... А на Ольгу Григорьевну теперь можно спирать: её уже нет в живых. И получается, что это он малюет над ней ореол святости, а не она над ним?

- Н-да... - протянул Митрошкин. Потом взял в свою руку мои холодные пальцы и, как бы между прочим, заметил: - А ведь если так, то выходит, что брат Найденовой врет! Значит, имела твоя Галина Александровна ко всему этому отношение. Значит, был муж Тамары её двоюродным племянником. И зачем этот кент ездит нам по ушам, совершенно непонятно?

Я молчала. Мне вспоминался Андрей, сидящий за столом в кафе и отрешенно смотрящий на собственные пальцы. Его руки с выступающими синими жилками. Его подрагивающий подбородок и пустой взгляд. Взгляд человека, которого мы чуть ли не в открытую называли подлецом...

Глава пятнадцатая, последняя

- Почему она приехала в Михайловск в январе? - с этим вопросом я проснулась. - Почему она приехала в Михайловск именно в январе?

- Кошмар какой! - пробурчал Митрошкин, пытаясь натянуть себе на голову одеяло. Однако, спрятаться ему не удалось.

- Нет, ты объясни мне, пожалуйста, как так получилось? Как будто специально! Понятно, Большаков, Найденова, Протопопов - они в Михайловске живут. Понятно, Катя Силантьева. Хотя тут, как раз, пока не все понятно. Не понятно, при чем она, вообще?.. Но Галина Александровна! Она - москвичка, что-то там у неё в прошлом связано с вашим распрекрасным городом...

- А ты не догадываешься, что?

- ... Не перебивай! Что-то у неё связано с вашим городом, но приезжает она туда почему-то не раньше, не позже, а именно в начале января. Как будто будущим трупам раздали программку спектакля «Кошение под серийного маньяка» и отметили, кому к какому действию надо прибыть. «Вы, пожалуйста, в ноябре. Вас любезно просят не отлучаться из города в декабре. Ну, а вы, пожалуй, к январю подъезжайте - как раз самое то будет!»

- Какая тебе разница? - грустно спросил Леха, с обреченностью подопытной мыши глядя мне в глаза. - Случайно, специально так получилось какая тебе разница?

- А тебе не кажется, что Говоров, если это, конечно, он, как-то заставил Галину Александровну туда приехать? Заманил? Загнал?

- Что значит, «если это, конечно, он»? Я убью тебя когда-нибудь!..

- Да, ничего не значит. Просто я вчера вечером лежала думала. И вспомнила вдруг, что и Марина ходила на эти же лекции к Санталову, значит, могла вести конспекты, а Ольга Григорьевна теоретически могла эти конспекты прочитать. Ну, вместо того, чтобы идти в библиотеку! А потом я прикинула: сколько лет прошло? Вряд ли, даже если конспекты существовали, Марина стала бы их хранить? Да и потом, в мединституте и основных дисциплин хватает, чтобы ещё лекции по искусству подробно записывать...

- Интересно, когда это ты вечером лежала и думала? - осведомился Митрошкин, снова зарываясь под одеяло. - Насколько мне помнится, сразу после... хм-м-м... ты благополучно задрыхла? Значит, «во время», что ли? Класс!

Он, якобы, обиженно отвернулся и предпринял попытку уснуть с горя, но я снова принялась отчаянно трясти его за плечо:

- Нет, Леша, подожди! Успеешь ещё выспаться. И не надо к словам придирааться... Объясни мне, как так могло получиться?

- Все вопросы к Говорову!

- И все-таки объясни!

- Да, мало ли как! - он тоскливо зевнул, сел в кровати, печально посмотрел на будильник и покачал головой. - Девушка, если у вас бессонница, это ещё не значит, что и окружающим должно быть плохо... Как-как? Напугал, действительно! Намекнул, что что-то такое знает. Шантажировал её, в конце концов.

- Она не выглядела ни испуганной, ни нервной.

- А ты приглядывалась? Скажи, ты приглядывалась к ней на предмет нервности? Ты же просто, как алкоголик, пришла за штопором, обнаружила, что штопора нет, начала томиться и по быстренькому смоталась.

Я неопределенно пожала плечами и потянулась за длинной трикотажной майкой, лежащей рядом с телевизором. Возразить, вроде бы, было нечего, и все равно этот вопрос не давал мне покоя. А тут ещё и Леха, окончательно проснувшийся и от этого злой, начал брюзжать под ухом:

- Какая разница? Вот, в самом деле, какая разница? Что это меняет? Или ты технологию убийств решила изучить во всех подробностях? Как лечат, чем травят, как свидетелей запугивают и чем жертву подманивают? Профиль меняешь, что ли? Или тебя следователем по делу Говорова назначили? Или собираешься представить милиции подробный любительский отчет?

- Ничего я представлять не собираюсь, просто... Просто, когда я знала, что Ольга Григорьевна покарала этих троих - тех, которые принимали непосредственное участие в убийстве Наденова, у меня было одно ко всему этому отношение. Все-таки они и лицо Марине изуродовали, и девчонку грозились убить... Тут вдруг откуда-то всплывают ещё двое, которых сама Марина сроду в глаза не видела!.. В общем, когда мне что-то непонятно, я начинаю злиться.

- Вот! С этого и надо было начинать. Точнее, всего остального можно было и не говорить. Тебе непонятно, и ты начинаешь ерзать. И не даешь никому покоя. Представляю, как тебя в школе учителя

ненавидели! Как, вообще, можно быть такой дотошной?!

- Можно, - ответила я едва ли не с гордостью и отправилась готовить завтрак. Мы перекусили все теми же сосисками и бутербродами с сыром, и к половине десятого отправились на станцию метро «Дмитровская».

- Ну, ты с ума сошла, - ныл Митрошкин, до самого конца не веривший, что я потащу его разыскивать неведомую компанию-распространителя, продавшую Галине Александровне Барановой путевку в Михайловский профилакторий. - В девять тридцать нормальные люди ещё спят. Никто в Москве ещё не работает!

- А я дремучая, я из Люберец еду, поэтому мне плевать. Сейчас выйдем, оглядимся. Как раз часикам к одиннадцати эту компанию и найдем.

- Да, мы можем её, вообще не найти! В принципе! Никогда! То же мне адрес: «в районе станции метро «Дмитровская»!

- Хочешь, Селиверстову позвоним и уточним? - предлагала я угрожающе. В ответ на что бедный Леха вздохнул и грустно сопел.

Кстати, в своих мрачных прогнозах он не особенно погрешил против истины. За каких-нибудь полчаса мы успели забрести аж в три туристических фирмы, занимающиеся турами в Европу, Африку и Эмираты. Я никогда и не подозревала, что их плотность на территории города Москвы так высока! «Эвелина», «Кенгуру», «Московский гость». Красочные буклеты, любезные дамы, подмигивающие компьютеры...

Когда я заикалась насчет путевок в областные санатории, на меня смотрели с сожалением и доступно объясняли, что хороший отдых в Подмоскovie с сауной, бильярдной, тренажерными залами и фирменной кухней, сейчас едва ли не дороже, чем простенький тур на Кипр. Но на Кипр мы не хотели. Мы хотели узнать насчет Михайловска.

В конце концов, нам повезло. Какой-то мужчина в норковой ушанке не очень уверенно показал на подъезд во дворе дома сталинской постройки:

- Вроде бы там какая-то контора есть. Сходите, посмотрите. Но чем они занимаются, я точно не знаю. Вроде и путевки, а, вроде, и пенсионный фонд?

И я почему-то сразу почувствовала: это - именно то, что нам нужно.

Самый обыкновенный подъезд с щелястыми деревянными дверями и подвалом, пахнущим плесенью, был увешен целой тучей табличек: «Совет ветеранов», «Ткани», «Ксерокс. Копирование», «Чистый родник». В «Ткани» мы, понятное дело, заглядывать не стали, как и в «Ксерокс», из-за двери которого доносилось жизнерадостное, многоголосое мужское ржание, а вот в «Чистом роднике» было чинно и тихо. За тремя письменными столами сидели три ухоженных женщины. В комнате негромко работало радио, едва слышно щелкали кнопки офисного микрокалькулятора.

- Простите, пожалуйста, - обратилась я к шатенке, которая как раз складывала числа из длиннющего столбика и заносила промежуточные результаты в таблицу, - не здесь ли случайно можно приобрести путевки в Михайловский санаторий-профилакторий?

- Здесь, - ответила она, не отрывая взгляда от листочка. - Следующий заезд с шестого февраля.

- А, вообще, много народу у вас туда путевки покупает?

- Достаточно... Но, если вы для себя, девушка, не думаю, что вам там понравится. Мы можем предложить вам варианты более молодежного отдыха. В Рузском районе, например, или неподалеку от Сергиева Посада.

- Да, мы, собственно, не по этому поводу, - я метнула на Митрошкина ищущий поддержки взгляд. - Мы насчет одной женщины, которая приобрела у вас путевку в декабре. Она погибла и...

Две другие дамы, прежде не проявлявшие к нашему разговору ни малейшего интереса, мгновенно подняли головы от своих бумаг.

- О! Опять из-за этой Барановой, наверное? - без особого оптимизма заметила та, что постарше. На ней был хороший трикотажный костюм и бусы из «тигрового глаза».

- Ага, - подхватила молодая. - Я же говорила, что на этом не кончится.

Леха прокашлялся и со свойственной ему деликатностью слегка отодвинул меня в сторону. Похоже, на этот раз перспектива стоять «как дурак» ему совершенно не улыбалась. Обозленный тем, что пришлось раньше времени вылезти из теплой постели, он решил таки продемонстрировать мне, как нужно вести расследование. Без «мыканий», неловких пауз и ежесекундных извинений.

- Мы - выпускники юридического факультета Московского университета (выдумка была свежей и

оригинальной, что ни говори!), подключены Управлением внутренних дел города Михайловска к расследованию дела об убийстве Галины Александровны Барановой. В связи с этим мы хотели бы задать вам ряд вопросов...

На этом его красноречие благополучно иссякло. Женщины смотрели выжидательно. По радио пела Елена Образцова. «Ряд» вопросов в Лехиной полусонной голове, похоже, выстраиваться не желал.

- Скажите, вы её помните? - учтиво встряла я. - В её карте было отмечено, что путевку она приобрела за наличный расчет именно в вашей компании.

- Помним, - кивнула шатенка с калькулятором. - Да ведь из милиции уже звонили. Еще в начале января. Мы им все сказали... Да, приходила. Немолодая женщина. Средней полноты. Волосы крашенные...

- Она одна приходила?

- Одна. Пришла почти в конце рабочего дня. Рассчиталась наличными. Показала выписку из амбулаторной карты.

- Приятная женщина. Вежливая, - молодая поднялась со стула, обогнула стол и присела на краешек. - Анекдот ещё какой-то нам рассказала.

- То есть она была в хорошем настроении, или вам показалось, что она старалась выглядеть веселой? - теперь я обращалась уже конкретно к молодой. Та пожала плечами:

- М-м-м... Не знаю... Такие подробности как-то не очень запоминаются...

- А почему вы, вообще, её запомнили? - подключился к разговору, наконец, начавший соображать Митрошкин. - Вроде бы, обычная женщина. Пришла, купила путевку...

- Так она спорить начала, - девушка оперлась о край столешницы руками и слегка наклонилась вперед. - Путевку-то ей я выписывала, ну, и как положено говорю: то да се, дескать, вы не пожалеете, там роскошный бальнеологический зал, комната ароматерапии, по желанию - беседы с психотерапевтом и кодирование на энергетическом уровне от курения и алкоголизма... Ну, нам положено всю эту рекламную фигню болтать. Она сначала рассмеялась, спросила: «А что, так похоже, что мне от алкоголизма кодироваться пора?», а потом и говорит: «Я, вообще, во всю эту ерунду с психотерапевтами и аурами не верю. Если есть у человека голова, то он и пить не станет, и в проблемах своих без психиатров разберется, а если нет, тут уж никакой Кашпировский не поможет. А всех этих экстрасенсов и колдунов с амулетами придумали, чтобы деньги у народа вытаскивать». Я ей тогда отвечаю, что вы, мол, совершенно зря так считаете: у меня мама лечилась по методу Ирины Васильевой, и амулетами пользовалась, и заряженной на добро водичкой и, представьте себе, вылечилась. Она извиняться начала, что не то имела в виду, что никого не хотела обидеть, когда говорила, что это сплошное выкачивание денег: дескать, мы конкретно тут ни при чем. Потом конфет мне из сумки на стол насыпала в качестве моральной компенсации и анекдот рассказала про дистрофика, который в крутой санаторий поехал.

Теперь ощущение, что что-то не так уже не было смутным. Даже Митрошкин, знавший Галину Александровну Баранову исключительно по моим рассказам, насторожился и встал в «охотничью стойку».

- Подождите-подождите! То есть, это точно была она, и она сказала, что во всю эту фигню не верит?

- Да, она, она! - молодая заметно удивилась. - Вы что, мне не доверяете, что ли? Она ещё когда ушла, Лена вон спросила: «И зачем такие по санаториям ездят, да ещё «люксовские» номера откупают, если всю жизнь на аспирин и носки с горчицей молятся?» А я говорю: «Так ты на фамилию её посмотри! Ба-ра-но-ва!».. Анекдот, кстати, тоже не смешной был.

Мы с Лехой переглянулись.

- Какая у неё там спираль была? «Энергетическая»? - тихо спросил он.

- Ага, - ответила я. - И она не только сама ей пользовалась, но ещё и Виктории Павловне хотела лекцию прочитать. Какое-то подозрительно быстрое обращение в иную веру?

- Простите, вы не могли бы описать подробнее, как она выглядела, - Леха уселся на стол рядом с девушкой. Две другие женщины тоже встали со своих мест и подтянулись поближе к нам. Дело, похоже, приобретало интересный оборот. В воздухе начинало пахнуть настоящим, не книжным детективом. Шатенка торопливо сделала радио потише. - Лицо, одежда, глаза, волосы...

- Да, какое лицо? Самое обыкновенное лицо? С морщинками, но приятное. Волосы крашенные,

пальто, шапка. Шапка ещё такая, тюрбаном связанная, с люрексом. Ну, знаете, какие обычно старые женщины носят?

Митрошкин, естественно, не знал, зато знала я. И кое-какая версия уже начинала выстраиваться у меня в голове...

- Обычная, очень обычная женщина!

- А что такое? - неожиданно подала голос молчавшая до этой минуты блондинка с изящными золотыми сережками в ушах - та самая Лена, которая рассуждала на тему носков с горчицей и аспирина. - Вы подозреваете, что сюда приходила не она? Не та, которую убили? Я же говорила...

- Да, брось ты, Лена, перестань! - шатенка досадливо махнула рукой. - Люди дело делать пришли. А не байки твои слушать.

- Я говорю то, что есть на самом деле. И можете сколько угодно мне не верить, но я её видела уже после звонка из милиции! Она была в другой одежде, но я её все равно узнала. Тем более, шапка такого же фасона только мохеровая и розовая.

- Подождите-подождите! - я быстро помотала головой. - Вы говорите, что видели женщину, которая приходила к вам за путевкой, уже после того, как позвонили из милиции и сообщили о её смерти.

- Да. Я видела её в середине января, - Лена слегка покраснелась и, казалось, обиделась. - Даже точно число могу назвать. Девятнадцатое. Потому что у моей дочери девятнадцатого день рождения, и я ушла с работы пораньше. Шла к метро и у киоска с колбасами её, как раз, и встретила.

- Она не испугалась, когда вас увидела? Не вздрогнула?

- Да, она, по-моему, меня даже не узнала... Точно, не узнала. Скользнула взглядом и все.

- К вопросу о медсестре Галате из роддома, - вполголоса заметила я Митрошкину. - О доброй тете медсестре...

- Надеюсь, ты не хочешь сказать, что сюда за путевкой приходила Галата? - спросил он с притворным ужасом.

- Нет. Но я хочу напомнить тебе о неимоверном количестве женщин, красящих волосы хной, на душу населения. А так же о том, что описывая пожилых людей, мало кто запоминает такие «незначительные» подробности, как форма носа или разрез глаз.

Впрочем, дальше можно было не объяснять. Леха, конечно же, все понял. Вспомнил, как я чуть не обвинила в убийстве чету Шайдюков, основываясь на том, что пожилая шантажистка красила волосы хной, и решив, что это - Галина Александровна. Вспомнил наш эксперимент в парке больницы городка, когда я просила его описать внешность сначала девушки, а потом старушки. Мне понадобилось принарядно «сесть в лужу», чтобы разобраться в данной ситуации. Говоров же, похоже, все просчитал заранее и именно на этом построил комбинацию.

- Хочешь сказать, что не одни мы такие умные? - Митрошкин машинально щелкнул браслетом часов. - А что? Очень даже может быть...

Женщины за нашим обменом репликами следили с глубоким уважением. А блондинка Лена так и вовсе стояла, затаив дыхание.

- Но это, правда, была Баранова, - вставила она, словно боясь, что про неё забудут. - В шубе. С дамской сумочкой и с пакетом. Пакет здоровый, с пластмассовыми ручками.

- Простите, а во сколько, вы говорите, её встретили? - он прищурился.

- Часов около шести. У нас-то работа в семь кончается, а я на час раньше убежала.

- И за путевкой она приходила тоже в самом конце рабочего дня?

- Да, - ответили все трое едва ли не хором.

- Жень, тебе ничего случайно не приходит в голову? - спросил Леха, похоже, не питая особых надежд по этому поводу. - А мне вот приходит... Мне почему-то кажется, что она работает где-то в этом районе. Нормальный рабочий день заканчивается в шесть. Оба раза она мелькала приблизительно в это время. И потом, не только пакет, но ещё и дамская сумочка? Станет нормальная женщина, идя за продуктами, ещё и дамскую сумку с собой тащить?

- Я всегда тащу, - уточнила я. - У меня в полушубке карманов нет, и кошелек положить некуда.

- Ну, то ты, - он досадливо махнул рукой. - Не о тебе разговор... Хотя, впрочем, о чем, вообще, разговор? Мы, кажется, выяснили, что хотели?

- А поговорить?.. Ну, если она, на самом деле, где-то в этом районе работает и каждый вечер, в шесть часов возвращается домой на метро? Почему тогда не попытаться её поймать? Всего один день:

не получится - не надо!

Леха посмотрел на меня с ужасом, но ничего не сказал...

А ровно в восемнадцать часов пятнадцать минут блондинка Лена, уверовавшая в важность своей миссии и вместе с нами покорно мерзнувшая у метро, вдруг закричала:

- Вот она! Вот она!

Я кинулась вперед, уже заметив фигуру в каракулевой шубе и малиновом вязаном тюрбане, но добровольная помощница продолжала громко уточнять:

- С сумкой через плечо! И шапка, шапка с люрексом! Да вон он - розовый тюрбан!

Люди вокруг несчастной жертвы испуганно расступались, она пыталась дернуться то в одну, то в другую сторону и при этом глядела на Лену со страхом и непониманием. Митрошкин первым понял, в какое дурацкое положение попала бедная женщина, и сквозь густую толпу погреб вперед, объясняя налево и направо:

- Женщина потеряла золотое кольцо. Ей хотят его вернуть. Нечего здесь стоять и смотреть.

Однако, народ жаждал наблюдать за добровольным возвращением ювелирных изделий, не менее, чем за арестом преступницы, поэтому никто не расходился. Пришлось Лехе взять женщину под руку и, прокладывая дорогу локтями, оттащить на безопасное расстояние. Как раз к тому самому колбасному киоску, возле которого её в прошлый раз засекла бдительная Лена. По дороге несчастная заикалась и оправдывалась, что никакого кольца не теряла, перемежая все это вопросами:

«Куда вы меня ведете? Зачем вы меня ведете?»

- Она? - тихонько уточнила я у нашей добровольной помощницы. Та уверенно кивнула.

- Извините, что пришлось так поступить, - Митрошкин поставил женщину под тополем, а сам чуть отступил назад, - но мы из милиции. К нам поступила информация, что в декабре прошлого года вы покупали путевку для Барановой Галины Александровны. Причем этой самой Галиной Александровной и представились...

- Да... - женщина побледнела.

- Как вас зовут?

- Полина Владимировна. Дорофеева Полина Владимировна.

- Надеюсь, свидетелей приглашать не нужно? Вы все объясните сами?

Лена жарко дышала мне в затылок, видимо, сгорая от желания выступить в роли свидетельницы.

- Я объясню, - женщина чуть не расплакалась. Выкрашенная хной прядь выбилась из под шапки и упала на лоб. - Я, конечно же, все объясню. Но я не понимаю, что здесь такого? Меня попросил мужчина. Нормальный молодой мужчина. Объяснил, что хочет сделать сюрприз теще и купить ей путевку в хороший санаторий, а там выписывают только лично в руки. Он сказал, что замерз уже на улице стоять, ждать женщину подходящего возраста с располагающим лицом. Сказал, как тещу зовут, дал выписку из карточки. Мне это было совсем не трудно, и я согласилась... А что в этом такого?

- Как выглядел мужчина?

- Молодой, с черной бородкой, в коричневой дубленке. В лице ещё что-то такое немножко нерусское. Но не кавказец!

- Денег он вам, кроме того, что за путевку надо было заплатить, дал?

Она ещё ниже опустила голову:

- Да, он предложил, но я отказывалась... Там просто сдача оставалась. Я ему вернула все до копеечки, квитанцию отдала от приходного ордера. Но он так настаивал... У меня теперь будут неприятности? Вы только на работу не сообщайте, пожалуйста!

- Не будем, - честно пообещал Митрошкин, пряча руки в карманы. А я почему-то подумала о том, что у этой Полины Владимировны в молодости, вероятно, было красивое лицо. Не просто красивое - очень! А сейчас «морщинки», «крашенные волосы», «шапка-тюрбан» - и все!.. И ещё о том, что меня под старость лет по словесному портрету, вообще, не сможет найти ни один милиционер, потому что даже сейчас к моей ненаштукатуренной физиономии больше всего подходит определение - «обычная»...

К тому моменту, когда мы с Лехой, наконец, распрощались и с Леной, и с Полиной Владимировной, и спустились в метро, я уже пребывала в чрезвычайно мрачном расположении духа.

- Чего ты? - нежно пихал меня Митрошкин в бок. - Ну, чего ты?

- Ничего. Просто настроение плохое.

- Потому что утомилась мотаться туда-сюда. А что мы в результате узнали?.. Только то что умный Андрюша Говоров выловил какую-то рыжую тетушку и попросил её купить путевку на имя Галины Александровны Барановой. А зачем? В профилакторий-то Галина Александровна приехала своими ногами. Никто её пинками не толкал. Зачем тогда все эти хитромудрости?

- Леш, - я стянула берет и трянула распущенными волосами, - я сегодня на репетицию не пойду. Скажи Слюсареву, что я заболела. Гриппом.

- Ты, надеюсь, помнишь, что актер может не придти на спектакль, а равно и на репетицию только в одном случае - если он умер? - повторил прописную истину мой кавалер.

- Помню. Тогда скажи ему, что я умерла. Я не хочу эту роль. Я, вообще, уже ничего не хочу. Ну, какая из меня, к чертовой матери, Клеопатра? Не получается ничего, и внутри пусто... «Хармина», «Ириада»...

- Да, ну ты брось! Все у тебя получится. Просто голова была другим занята, а сейчас забудь про все и начинай работать. Ты умная, молодая, красивая...

Добрый Митрошкин, конечно, же не хотел издеваться, но его слова, как раз ударили по самому больному месту.

- Молодая? Красивая?.. Да у меня самая заурядная физиономия! Я ни на инженерю, ни на героиню, по-хорошему, не тяну. И лет мне, между прочим, уже двадцать восемь. А что я сыграла? А чего я добилась? А что я имею? Лазаю, как красный следопыт по каким-то подъездам, допрашиваю тетушек с авоськами и пытаюсь ловить убийц, которые, по крайней мере, одержимы какими-то страстями!

- Похоже, правда, заболела, - грустно согласился Леха. - Но, Жень, ты же понимаешь, что я не могу не пойти в театр? Это вы там со своим Слюсаревым во сколько угодно можете начинать в Малом зале репетировать, а я, если не приду, ещё десять человек подведу. И Мжельский мне пистон вставит. И так он эти два дня, которые мы с тобой прогуляли, мои реплики из зала подавал.

- А я тебя и не заставляю прогуливать. Или, пожалуйста. Просто предупреди, что меня сегодня не будет. В самом деле, голова болит, и температура, по-моему, поднимается.

- Я все равно к тебе вечером приеду, - пригрозил он.

- Приезжай. Только сейчас я хочу побыть одна.

Митрошкин, к счастью, почувствовал, что спорить бесполезно, вздохнул и в центре покорно перешел на «Тверскую», тогда как я поковыляла на «Пушкинскую». Дома, в «Кузьминках», мне захотелось выпить бутылочку пива, что я и сделала прямо на лавочке во дворе какого-то дома. Настроение все не улучшалось. Погода казалась отвратительной, жизнь паршивой, героический Говоров - коварным и совсем непростым. В голове бродили разные мысли. О том, что мне, в самом деле, уже двадцать восемь, что у всех моих новосибирских подруг к этому возрасту - либо карьера, либо муж, и дети. Что мама давно махнула на меня рукой, что она, в самом деле, ничего не знает о Лехе, а не это ли главный симптом несерьезности наших с ним отношений? О том, что мама Маринки все-таки куда-то делась, и её почему-то так и не нашли. О том, что брат Найденовой врал, глядя нам прямо в глаза...

- Где здесь ближайший переговорный пункт? - спросила я у старушки в синеньком платочке. Она, кстати, выглядела именно так, как я, наверное, буду выглядеть в старости. Бабушка близоручко прищурилась, махнула рукой в просвет между домами, объяснила, что придется сделать небольшой крюк, огибая разрытый котлован, а потом, смущаясь, поинтересовалась:

- Бутылочка пустая вам нужна? Или выбрасывать будете?

Естественно, бутылку я отдала, котлован благополучно обогнула, а на переговорном пункте набрала рабочий номер Шайдюка. На номера, которые вставляют в специальные рамочки в телефонных аппаратах, у меня, вообще, память хорошая. (Даже если мне никто и не предлагает их запоминать).

Звонку моему Анатолий Львович удивился, а вот вопросу не очень.

- Домашний адрес Барановой? - в трубке послышался визг выдвигаемого ящика. - Кажется, где-то был... А что такое?

- Кто забирал её тело?

- Никто не забрал. Родственников не нашли. Похоронили здесь, в Михайловске, за государственный счет.

Это было именно то, что я ожидала услышать.

- ... Адрес, адрес, адрес... Сейчас будет вам адрес... Вот! Кажется, нашел... Да, её санаторная

карта...

Прижимая трубку плечом, я записала название улицы, номер дома и номер квартиры.

- ... Все... Гастрит больше не беспокоит?

- Нет. Спасибо. Все хорошо.

Он попрощался, извинившись за то, что не может дольше разговаривать, и повесил трубку. А мне вспомнились сначала Елизавета Васильевна, потом Алиска, потом запонка с янтарем и позолоченной окантовкой. Наша первая стычка в присутствии официальных лиц, в частности, господина Селиверстова, и наша последняя беседа, в которой не было названо ни одной фамилии. И я мысленно поблагодарила Анатолия Львовича Шайдюка за умение не задавать лишних вопросов.

Галина Александровна Баранова жила на «Домодедовской». Когда-то жила... Серый пятиэтажный дом стоял совсем рядом со средней школой. За оградой унылые малыши ходили на лыжах по кругу. Как заключенные в вангоговской картине из Пушкинского музея. Я зашла во второй подъезд, некоторое время жала на кнопку звонка тридцать первой квартиры, не особенно, впрочем, рассчитывая на успех. Потом позвонила в тридцатую. Открыла женщина. Ненормально полная, колышущаяся всем рыхлым, белым телом. На голове её была повязана ситцевая косынка «в цветочек», под которой угадывались бигуди.

- Простите, пожалуйста, я из следственной группы по поводу Галины Александровны, - «оригинальное» объяснение уже успело натереть мозоль на языке. - Не могли бы вы ответить на несколько вопросов? У нее, действительно, не было никаких родственников? Почему никто не забрал её тело?

- Не было, - женщина тяжело вздохнула, сделав подобающее случаю трагическое лицо. В том, что она играла и играла паршиво, я не сомневалась ни секунды. - Вот так сложилась жизнь. Бедная-бедная Галина Александровна!

- Так-таки никого?

- Ни единого человечка!

- И подруг тоже не было? Михайловск, в принципе, не так далеко. Если не забрать тело, то хотя бы на похороны могли бы съездить?

- А кому ехать? Мне тяжело, да мы с ней и не дружили особенно. Кто еще? Людмила Поликарповна из первого подъезда? Или Катерина Семеновна? Так у всех дела, дети, внуки...

- Значит, из всех родных у неё был только тот племянник?

- Племянник? Племянник, да! Но вот, видите, ещё вперед её умер, а ведь молодой совсем был... Кстати, вот Антонина со второго этажа с ней ездила племянника хоронить да обмывать. Человек-то он состоятельный был, друзей много, а родственников - никого. Жена молодая - ничего не знает, ничего не умеет, а хоронить все-таки надо по-человечески. Знала бы бедная Галина Александровна, как её саму зарюют! Без гроба приличного, без венков... Так вот я что про Антонину-то вспомнила? Она, может, и поехала бы, но на даче как раз была: у них в Венгерове дом теплый. Вернулась только после старого Нового года, но уже, конечно, поздно было. И зарыли, и похоронили, и забыли...

- Она ездила вместе с Галиной Александровной хоронить племянника? Это точно?

- Точно-точно! - закивала женщина в косынке. И я отправилась к Антонине. В такое везение даже как-то не верилось. Женщина, которая лично присутствовала на похоронах Найденова! Которая сможет подтвердить, что тот, действительно, приходился двоюродным племянником Барановой. Впрочем, кому подтверждать и, главное, зачем?

И все-таки я позвонила в дверь двадцать третьей квартиры, быстренько проговорила дежурную сказочку про милицию и спросила, не откладывая в долгий ящик и не размениваясь на предисловия:

- Скажите, вы, действительно, ездили вместе с Галиной Александровной Барановой на похороны к её племяннику?

Невысокая пожилая брюнетка в льняных брюках и футболке на выпуск была явно удивлена:

- Да, ездила.

- То есть, вы были три года назад в Михайловске и помните, что Галину Александровну, действительно, принимали как родственницу покойного Виталия Вячеславовича?.. Может быть, тогда вы вспомните брата его жены?..

- Погодите, я не поняла, - она потерла ладонью лоб. - Почему Михайловск? Какой Виталий Вячеславович? Это Галя в Михайловске умерла, Галя! А к племяннику, его Юрий звали, мы ездили в Митино. Два месяца только прошло. В начале декабря его хоронили.

- То есть, как? - я опешила.
- Да, девушка, вот так... Что-то у вас в милиции напутали. Жалко Галя. Радовалась этой путевке, радовалась, а вышло вон оно как. Не думала, не гадала, что смерть свою найдет.

- А вы не знаете, с чего она вдруг решила поехать в Михайловск?

- Так достали путевку, вот она и поехала.

- Кто?

Брюнетка пожала плечами:

- Не знаю. Честно слово, не знаю! Галя, вообще, в последнее время мало что мне рассказывала. Я так думаю, появился у неё кто-то. Выглядела она ещё вполне ничего. Возраст, конечно... Ну, так что возраст? Она и приделась. Сразу после похорон шубу себе купила каракулевую, серую, берет. Заикнулась как-то, что квартиру на улучшенную планировку поменять бы хотела...

- Хорошо. Берет, шуба - это понятно. Но путевка-то тут при чем? Она же не с другом в профилакторий приехала?

- Ну и что? Может, он ей такой подарок сделал? Профилакторий-то, как теперь говорят, «крутой»? Просто так туда не попадешь. То ли бывший кремлевский, то ли ещё какой-то... Она ещё мне объясняла: ничего, дескать, толком рассказать не могу, попросили не распространяться, а то подведу человека. Мол, еду туда на птичьих правах, весь сезон сочинять придется, что какой-то «шишке» местной родственницей прихожусь, чтобы проверять не стали, какие у меня права на путевку имеются... Нет, блатной санаторий. Да, что я вам говорю? Вы и сами знаете.

Мне вдруг снова стало тревожно. Тревожно, холодно и жутко. И снова показалось, что чья-то тень - огромная, серая - стоит за моей спиной.

- Значит, друг у неё появился? - я машинально намотала на указательный палец прядь волос и нервно дернула. - И вы ни разу его не видели? Ни имени, ни фамилии не знаете?

- Нет, - она виновато вздохнула. - Потом бы Галя, наверное, не удержалась - рассказала. Но вот не успела... Я так думаю: у них недавно совсем началось. Галина-то поначалу только о Юриной смерти и думала. Все шумела, обещала до министра здравоохранения дойти, чтобы и вскрытие сделали, и причину смерти уточнили. Ну, виданное ли дело, сорок лет мужику?! Конечно, его и в поликлинике неправильно лечили, но Галина все на этого врача из больницы бочку катила. «У них же, - говорит, - и аппаратура, и медикаменты. Москва все-таки! Не Нижний Тагил. А ничего сделать не смогли. Значит, так старались». А потом как-то так сразу обо всем позабыла: уже и о Юрке не вспоминает, и никого посадить не грозит... Шуба опять же, путевка. «Гнездышко» вон обустраивать задумала... Много ли одинокой женщине надо? Да, ещё в нашем возрасте? Пару раз «люблю» услышала, и все - готова голову потерять...

- Как звали этого врача из больницы? - холодея спросила я. - Она называла вам его фамилию?

- Врача? А при чем здесь врач?.. Не-ет, девушка, это не он! Врач совсем ещё молодой был. Просто мальчик для нее. Галя все поначалу говорила: «Молодой, а ушлый. Глаза бегают».

- Как его звали? - повторила я, сглотнув вставший в горле комок. - Как его звали? - Посмотрела на засушенные желтоватые бессмертники, стоящие под зеркалом, и уже безо всяких вопросительных интонаций, на сто процентов уверенная в том, что не ошибусь, проговорила:

- Сергиенко Андрей Михайлович.

Брюнетка немного удивленно кивнула, тоже взглянула на бессмертники и быстрым, виноватым движением смахнула с полированной полочки серый налет пыли...

Электричка до Михайловска неторопливо катилась мимо дачных поселков, островерхих домиков с обледелеными крышами и заснеженных приусадебных участков. Народу в вагоне было немного и, как ни странно, даже не особенно пахло копотью и табаком. Мы с Митрошкиным сидели рядом. Он пытался дремать, откинув голову на спинку сиденья. Я смотрела в окно. Кое-где горели редкие фонари, или светились окошки. Темно-синее, почти фиолетовое небо постепенно светлело.

- Знаешь, что никак не идет у меня из головы? - не поворачиваясь, спросила я.

- Что? - отозвался он совершенно нормальным голосом, словно и не спал вовсе.

- Ваноговская «Прогулка заключенных»... Это же, вроде, вариации на мотивы гравюры Доре? И, вообще, Ван Гог много писал всяких «подражаний»: подражание Доре, подражание Дюреру...

- Упражнялся.

- Ты же понимаешь, что я не о том?

- Понимаю, - Леха выпрямился, тряхнул головой и привычным движением потер переносицу. -

Ты опять о нашем любимом господине Говорове... Скотина он, Жень, а не господин. Таких надо не расстреливать, а в горячей смоле варить.

- И все-таки, может, стоит заявить в милицию? Пусть эксгумируют труп этого Юры - племянника Галины Александровны, пусть проверят алиби Говорова на предмет убийств Кати Силантьевой и Барановой...

- А Марина? - он посмотрел даже не на меня, а сквозь меня. - Как будет жить Марина? И потом, милиция влегкую докажет, что она все поняла уже после первого убийства и не заявила. Скрытие сведений, чуть ли не соучастие. Вся жизнь сломана...

«Вся жизнь сломана», - подумала я, снова отворачиваясь к окну. «Ольга Григорьевна говорила это Марине ещё в первые годы её замужества. Чувствовала? Знала?.. А я вот, идиотка, не поняла. Еще позавчера, когда шли из Пушкинского музея, мне казалось, что мы с Митрошкиным - сволочи, абсолютно не умеющие разбираться в людях. Сволочи глупые и жестокие. Зато Говоров - незаметный герой, отомстивший за жену и решивший, что не имеет права осложнять ей жизнь... Герой... «Я чувствую огонь в себе...»... Подражатель. Имитатор... Не только сбежать из Михайловска, бросив на произвол судьбы жену и дочь, но ещё и взять метод медицинских убийств на вооружение?! Ум, холодный расчет, амбиции. Если не на благородной ниве спасения человеческих жизней, то хоть так... Молодая жена, претендующая на наследство, хочет избавиться от надоевшего мужа? Пожалуйста! Нужные симптомы в течение нескольких месяцев, и роковой укол...

Бедная Галина Александровна! Ее погубило собственное желание во всем и всегда добиваться справедливости. Сидела бы себе тихонько, не подымала шума вокруг скоропостижной смерти какого-то там двоюродного племянника - и все бы обошлось. А, может быть, не только стремление к справедливости, но ещё и жадность?.. Шантаж. Скорее всего, шантаж. Что там Антонина говорила про безвестного друга? Друг, конечно, другом, и стремление женщины нравиться вполне естественно. Но и на каракулевую шубу с беретом, и, тем более, на обмен квартиры элементарно нужны деньги. При ее-то скудной пенсии и отсутствии родственников?.. Шуба, берет, плюс к этому - бесплатная путевочка в «кремлевский» санаторий. И внезапный склероз, полное нежелание вспоминать про смерть любимого племянника! Все это при той бурной деятельности, которую она поначалу развила?!.. Не вписывается во все это фигура «безвестного романтического любовника», абсолютно не вписывается! Гораздо проще представить, что Говоров-Сергиенко осторожно посулил Галине Александровне деньги. Она довольно легко справилась с муками совести и согласилась. Но намекнула, что вместо «хрущевки» нужна квартира улучшенной планировки. Шантаж «с прицелом» на будущее, бесконечный шантаж, Говоров в качестве «дойной коровы». Если доктор заплатил хотя бы один раз, значит, по сути дела, признал свою вину...

Как странно... Вся эта история началась с версии про шантаж и закончилась тем же. Я подозревала Галину Александровну, и, в конце концов, оказалась права в своих подозрениях. Круг замкнулся. Только первая шантажистка - рыжеволосая медсестра Галата, стояла рядом с тайной рождения человека, а Баранова знала кое-что опасное о смерти...

Интересно, какие перспективы ей рисовались? Квартира? Золото? Вместо каракулевой шубы - соболья? Может быть, в самом деле, «бойфренд»? Пока, впрочем, можно было довольствоваться путевочкой в элитный санаторий, которую безвозмездно, просто чтобы замаять конфликт, предложил виноватый Андрей Михайлович. Просит не говорить о том, что это он помог с санаторной картой, просит врать про знакомую «шишку» из медперсонала? Пожалуйста! Зачем подставлять его и портить отношения? Наверняка, ещё предстоит обратиться? И не раз... Говоров знал, что практически ничем не рискует. Знал. А Галина Александровна знала, что скоро у неё будет новая, приличная квартира. Ей не повезло...

Но больше всего не повезло, конечно, Кате Силантьевой! Не повезло в том, что Говорову понадобился ещё один труп: Протопопов погиб в ноябре, а Баранова заезжала в профилакторий только четвертого января - перерыв между убийствами не мог быть слишком большим... Не повезло в том, что она работала на хлебозаводе, возле самого глухого в городе места, где спокойно можно придушить едва ли не десяток человек... Подошел интеллигентного вида мужчина, сделал пару комплиментов, предложил поговорить... Но, главное, ей не повезло с «Едоками картофеля». Два мужчины и три женщины... Один женский труп уже был, один намечался, требовался ещё один... Говоров хотел подвести под мнимое «маньячество» Ольги Григорьевны красивую теоретическую базу... Помню, как Митрошкин смолил, докуривая сигарету едва ли до половины и тут же хватаясь за

новую, и приговаривал: «Эстет хренов! Ну, эстет хренов!» Я ещё тогда спросила: «Интересно, что бы он стал делать, если бы вместо Галины Александровны пришлось избавляться от мужика?» И тут же поняла, что вопрос глупый. Говоров бы что-нибудь придумал. В конце концов, подогнал бы все под «Ночное кафе», где всего одна женщина, а лиц сидящих вдоль стен не разглядеть...

И, главное, алиби! Алиби, если не на все три, то, по крайней мере, на два из первых трех убийств... Алиби, которые у него, наверняка, на самом деле, есть, и которыми он размахивал перед нами, как боевым знаменем... Первыми тремя убийствами Ольга Григорьевна, сама того не ведая, защитила его лучше любой брони. Во-первых, очень вовремя решила мстить за дочь - что называется «вмастила». А во-вторых... Следствие выходит сначала на сумасшедшую старуху, сбежавшую из больницы, потом на Марину. Подозрения, естественно, падают на Говорова, но он легко доказывает свою невинность касаясь первых трех убийств, объясняя попутно, зачем и для кого бывшая теща оставляла ваноговские символы. Любовь, материнские чувства, желание во что бы то ни стало сделать дочь счастливой... Несколько ударов кулаком в собственную грудь: «Да, я подлец, я бросил жену и ребенка, я трусил. А вот теща благородная!» Подлец, дрянь, но не убийца... Кому придет в голову слишком дотошно проверять последние два убийства, когда все так очевидно?..

Леха глухо закашлялся, но глаза не открыл. Я осторожно потрогала его за плечо:

- Слушай, но ты все-таки уверен, что первые три трупа - это Ольга Григорьевна?

- Ну, не Говоров же?! - он резко выпрямился и привычным жестом потер переносицу. - Ты что, представляешь себе Говорова, восстанавливающего справедливость? Он там в Москве себе денежки в это время зарабатывал, мужичков денежных на кладбище отправлял. Ему не до того было... Слушай, я выйду в тамбур. Покурю.

- Я с тобой.

Митрошкин безразлично пожал плечами:

- Пошли...

Мы вышли в тамбур, встали по обе стороны дверей. Леха чиркнул зажигалкой, прикурил сигарету, протянул пачку мне. Я отрицательно помотала головой и подняла воротник: здесь жутко сквозило...

- Какое дерьмо, - проговорил он, глядя на проплывающие мимо телеграфные столбы. - Дерьмо, дерьмо, дерьмо...

- И, главное, как все вовремя. Ольга Григорьевна сбегает из больницы и все - все подозрения на нее! Говоров может ничего не опасаться. Она пропадает как раз перед смертью Кати Силантьевой...

- Жень, а ты что, веришь в такие совпадения?.. Нет, серьезно мне скажи: веришь? Ему нужно, чтобы у тещи не было алиби, и его, действительно, нет. Никто не может подтвердить, что в момент совершения убийства она лежала на больничной койке или принимала процедуры. Она сбежала - и все! Отлично!.. Завидую твоему оптимистическому взгляду на жизнь!

Я ничего не ответила. Мне вдруг представилась прорубь в замерзшей реке. Коряги под толстым слоем льда. Шапка и ботинки на мосту. И записка с отчаянным словом «прости»...

К сожалению, знакомая Виктории Павловны оказалась особой совершенно беспамятной. «От кого услышала про сумасшедшую старуху? От кого-то на работе. А от кого не помню». Таким же образом оборвались ещё две цепочки, которые я пыталась восстанавливать через мать Кати Силантьевой и, с великими предосторожностями, через сослуживиц Лехиной мамы. Всем говорил кто-то. Этому кому-то ещё кто-то. Кто-то, кто-то и кто-то... А последний «кто-то» терялся в тумане.

Самое неожиданное, что вспомнила старушка, так до сих пор и торгующая семечками у ворот больничного городка. Вернее, муж дочери её племянника, который по пятницам и субботам любил захаживать в пивнушку на Бехтеревской. По фотографии, вытасченной из Марининого альбома, он опознал «мужика в коричневой дубленке», который угощал его воблой и рассказывал «страшилки» про «чокнутую бабку». Этот самый «муж дочери племянника» ещё тогда подумал, что надо старушенции передать, чтобы бросала там торговать, или хоть чтоб свисток какой с собой брала - милицию подзывать...

В милицию же вскоре пришло анонимное письмо, набранное газетными буквами, в котором сообщалось, что труп женщины, исчезнувшей из онкологического отделения больницы, следует поискать в реке, под мостом. В принципе, я ни в чем не была уверена. Но труп нашли. И обнаружили перелом шейных позвонков и трещину в черепе, полученную в результате удара тупым предметом. Дочь очень плакала на похоронах. А по городу пошла следующая сплетня о том, что несчастная

старушка, дескать, увидела маньяка на месте преступления, за это он её и порешил...

Мы с Лехой вернулись домой сразу после похорон тети Оли. Слюсареву надоело со мной возиться, и он злорадно объявил, что Клеопатру теперь будет делать Щербакова. Я спокойно согласилась. Он отчего-то обиделся. Позлился с недельку, а потом снова выволок меня на стул, в свет фонаря, и заставил бояться теней и кричать в темноту: «Хармина! Ириада!»...

А однажды я вернулась домой в Люберцы с очередного «тройственного» сбора: я, «Цезарь» и «Антоний», и застала Митрошкина, в одиночестве хлещущего водку и стряхивающего пепел прямо на блюде.

- Это что? - спросила я.

- Петровка, 38. Сегодняшний выпуск, - сказал он. - Прямо на улице застрелен возвращающийся с дежурства врач городской больницы Сергиенко Андрей Михайлович. Разрабатываются версии случайного и заказного убийств.

- Значит, вот так? - сама себе, ни к кому не обращаясь, проговорила я, опускаясь на табуретку. Однако, Леха выпустил в потолок струйку сизого дыма и ответил:

- А чего ты ждала, после того, как мы ей все рассказали?.. Это Маринка. Ее надо знать.

- Вспомни о Кате Силантьевой, вспомни о той же Галине Александровне, об этом Юрии. Об Ольге Григорьевне, в конце концов! И ты поймешь, что мы правы.

- А я ничего и не говорю, - он тщательно, как мерзкое насекомое, раздавил окурок. - Так что можешь не оправдываться. Я ничего и не говорю, Женя...

Январь - февраль 1999 года